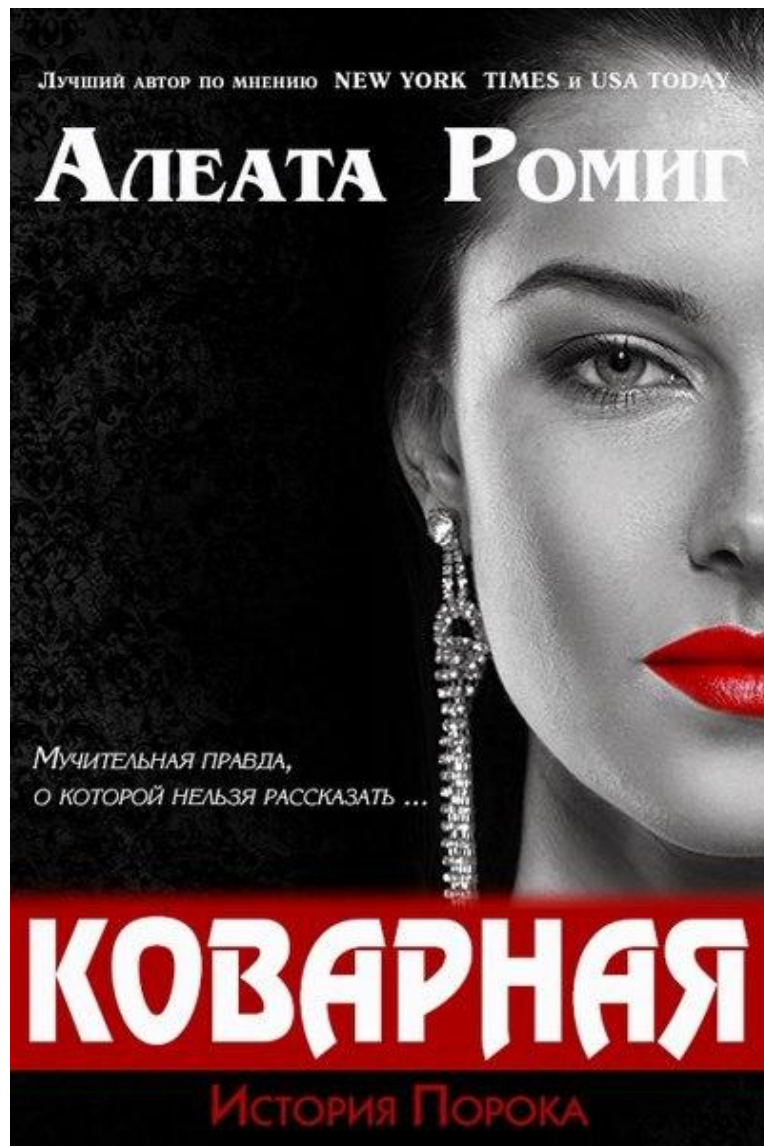


Алеата Ромиг

«Коварная» (книга 1)

Серия "История Порока"



Автор: Алеата Ромиг

Оригинальное название: Insidious

Название на русском: Коварная

Серия: История Порока

Перевод: Pretty_Kattie

Переводчик-сверщик:

helenaposad

Бета-корректор: annacemik

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Когда могущественный мужчина готов рискнуть всем ради собственного удовольствия, только одна женщина в силах победить его в этой игре: его жена. По крайней мере, она так думает... – Начнём с того, что ты будешь называть меня Стюартом. Ни к чему формальности. Стюарт Харрингтон богат, красив и является одним из самых влиятельных людей Майями. Он всегда получает желаемое. За приемлемую цену он покупает всё. Даже меня. Быть женой магната включает в себя все привилегии, быть миссис Стюарт Харрингтон включает в себя несколько особых требований. Я научилась закрывать часть себя, пока мой муж наблюдает, как я подчиняюсь его желаниям. Но чем больше он требует, тем больше обманывается, а это играет мне на руку. И я продолжаю осуществлять его фантазии, следовать его правилам, потому что на самом деле он играет в мою игру. А победа значит всё, не так ли?

«Коварная» – это уникальный роман и первая книга серии «История Порока». Из-за темного и эротического содержания книга рекомендована для взрослой аудитории.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Эротический триллер. Для лиц старше 18 лет.

Данный роман является художественным произведением и содержит сцены секса и насилия, которые могут возмутить некоторых читателей.

Читая эту книгу, вы принимаете весь риск на себя.

БЛАГОДАРНОСТИ

В первую очередь я хочу поблагодарить свою семью. Без вашей поддержки и терпения я бы никогда не смогла превратить свою страсть к сочинению и написанию историй в дело жизни. Моя любовь к каждому из вас растёт с каждым днём. Особая благодарность моей маме, которая с ранних лет поощряла меня к использованию своего воображения. На протяжении моего детства мы все слушали истории моих воображаемых друзей. Я убеждена, что не будь этого, я не смогла бы встретить новых воображаемых друзей, повзрослев.

Благодарю свою подругу и медицинскую сестру Дебру за её познания в медицине, а особенно в недокументированном использовании медикаментов. Я могу только представить лица людей, случайно услышавших наши забавные разговоры! Спасибо тебе за то, что помогла сделать «Коварную» реальной.

Спасибо моим надёжным бетам, которые оставались со мной и овладевали новыми знаниями, когда мы приступали к новым историям, осваивали новые жанры! Шерри, Вэл, Кирстен, Стефани и Энджи – ваша помощь и поддержка воплотили

«Коварную» в жизнь. Я даже словами не могу выразить свою признательность за вашу похвалу и советы!

Пеппер Винтерс, Кэтрин Перез, Тиа Луиз, Кики Чатфилд, мой чудо-редактор Лиза Аурелло и мой потрясающий агент Даниэла Иган-Миллер – я прислушивалась к каждой из вас, но делала всё по-своему! Ха-ха... Спасибо вам. В конечном результате отражены ваши профессиональные советы.

Также я хочу выразить благодарность всем замечательным читателям, блогерам и другим авторам. Я не сомневаюсь, что не будь вас, никто бы никогда не узнал имя Алеаты Ромиг. Я не нахожу слов признательности за всю вашу любовь и поддержку. Количество имён не перечесать. Мне ни за что не удастся поблагодарить каждого из вас в отдельности. Пожалуйста, знайте, что если вы читаете это, то я говорю о вас!

А теперь, надеюсь, вы получите удовольствие от моего перехода к жанру эротических триллеров. Это «Коварная».

Коварная. Алеата Ромиг

INSIDIOUS

TALES FROM THE DARK SIDE

Dark desires...

Deadly secrets...

Devious deceptions...

Aleatha Romig

КОВАРНАЯ

ИСТОРИЯ ПОРОКА

Тёмные желания...

Ужасные тайны...

Изоощрённая ложь...

АЛЕАТА РОМИГ

INSIDIOUS:

*proceeding in a gradual, subtle way,
but with harmful effects*

КОВАРНАЯ: *Едва уловимые, незаметные пагубные последствия*

Пролог

Прошрое.

Устроившись на покрытом бумажной простынёй медицинском столе, пациентка с опаской подняла больничную рубашку. Взгляд женщины метался между врачом-диагностом и мужем, пока она ждала, когда нанесут гель на её растущий животик. Тело покрылось мурашками, как только холодная густая жидкость коснулась её кожи. Произнеся про себя молитву, она закрыла глаза.

- В случаях с высоким уровнем риска мы стараемся держать всё под контролем, - сказала молодая женщина в медицинском халате. - Это всего лишь обычный осмотр. Нет причин для беспокойства. У вас были какие-либо жалобы с момента Вашего последнего посещения?

- Со случая последнего приступа паники - нет. После того, как меня выписали больше недели назад, кровотечений или спазмов больше не было, - ответила пациентка, стараясь скрыть очевидную тревогу в голосе.

Мужчина рядом с ней, сжал её руку и ободряюще улыбнулся.

- Всё будет в порядке. Пока всё идет хорошо. Мы делали так, как сказал доктор. Врач-диагност улыбнулась, прикладывая большой датчик к животу пациентки. Глядя в ожидании на монитор, мужчина произнёс:

- Ты только послушай...

Палату заполнил раскатистый звук - тук, тук, тук...

- Да, это весьма сильное сердцебиение, - успокаивающе ответила врач-диагност.

- Сердцебиение? - спросил мужчина, пребывая в явном недоумении.

Нечёткое изображение стало проясняться, когда датчик нашёл нужное место.

- Да, сэр. Смотрите, вот здесь - она указала пальцем в сторону экрана, - у вашего малыша сильное сердце.

- Малыша? - переспросила пациентка, её глаза наполнились слезами. - Что значит малыша? У меня близнецы! Там двое детей! Мы видели их.

С лица молодой девушки-диагноста сошла улыбка и она сдвинула брови.

- Хм, второй наверняка прячется. Они так делают.

Её слова растаяли в воздухе, она начала лихорадочно водить датчиком по животу.

- Где он? Где наш второй ребёнок?

С каждым вопросом голос мужчины становился всё громче.

- Сэр, скоро придёт доктор. Он объяснит...

- Я знаю, что вы имеете представление о том, что видите. Скажите нам. Скажите нам, что происходит!

Пациентка закрыла глаза рукой, продолжая плакать, по ее щекам ручьем текли слезы, капая на белую простынь. Изображение на экране, несмотря на небольшие искажения, было отчётливым. Доминирующее пространство занимал лишь один ребёнок. Когда датчик сдвинулся, появилось нечто призрачное, меньшее по размеру, которое, казалось, неподвижно парило само по себе. Между всхлипами пациентка спросила:

- Это случилось после того, как меня выписали? Как? Что с нашим вторым ребёнком?

- Доктор...

Мужчина прервал врача-диагноста.

- Скажите мне, что наш сын выжил. Скажите, что видите мальчика.

- Сэр, доктор...

- Скажите мне! - потребовал он.

Тут дверь открылась, и вошёл врач.

- Позвольте узнать, что здесь происходит?

Не в состоянии ответить, пациентка посмотрела на своего мужа. Выпрямившись, тот бросил сердитый взгляд на экран.

- Она сказала наш ребёнок здоров. Но у нас двое детей. Моя жена беременна двойней, разнояйцевыми близнецами, мальчиком и девочкой. На прошлой неделе в больнице, вы сказали, что есть небольшая разница в размерах, но это, по вашим словам, было не существенно. Теперь она, - он указал на врача-диагноста, - говорит, что ребёнок только один. Что случилось?

Взяв датчик из рук диагноста, доктор ободряюще посмотрел на пациентку.

- Как вы себя чувствуете?

Сдерживая рыдания, она ответила:

- Уставшей, но спазмы исчезли...

Глядя на экран, доктор улыбнулся.

- Это может быть тяжело. Но давайте сосредоточимся на позитивной стороне. У вас крепкая, здоровая девочка. Иногда такое случается, когда организм понимает, что не в силах поддерживать оба плода. В таких случаях, выживает сильнейший. Ваша дочь...

Мужчина не услышал дальнейшего объяснения доктора. На мгновение задержав сердитый взгляд на жене, он открыл дверь и вышел. Когда дверь ударилась о стену, все в палате замерли, тишину нарушал лишь гулкий равномерный стук сердцебиения малышки.

Глава 1

Настоящее.

Полоска синего океана вдали едва ли могла освежить застойную жару Флориды. Через лобовое стекло я наблюдала, как горячий душный воздух струился неувлимыми волнами, и сквозь эту, вызванную зноем оптическую иллюзию, проглядывал внушительный силуэт Майями. Покидая прохладу автомобиля, я жаждала хотя бы дуновения лёгкого ветерка, способного разрушить гнетущую духоту, столь не свойственную для осени. Всё было пропитано влажным воздухом: бетонные улицы и стеклянные замки, мимо которых я проходила, стуча каблуками. Сейчас я была там, где другие лишь мечтали побывать. Здесь находилось всё лучшее из лучших: дома, офисы, и, конечно же, райский шопинг, доступный лишь элите Майями. Для несведущего туриста, как и для неосведомлённого жителя города, эти здания и достопримечательности были заманчивыми доказательствами могущества богатства и влияния. Однако, на самом деле, это были лишь прекрасные фасады, за которыми терпеливо ожидали ловушки, расставленные для охоты на случайного посетителя. Уж я-то знаю. Ведь когда-то и я была таким случайным посетителем, втянутым в глубины зла. Но прошло уже много лет. Я хорошо усвоила уроки и играла свою роль. Нет, я больше не желала быть жертвой, я стала коварной.

- Благодарим Вас, миссис Харрингтон.

Голос продавщицы эхом разнесся по помещению дорогого бутика. Кивнув в ответ, я взяла свои покупки и прошествовала к выходу. В туфлях за пятьсот долларов

не было необходимости. Черт, их покупка даже не была приурочена к какому-либо событию. Будь то, например, обед или благотворительное мероприятие, где я могла бы блистать в них и дефилировать среди деловых партнёров Стюарта. Я купила их просто так, только потому, что они были на высоком тонком каблуке и платформе, они выглядели очень изящными. А ещё, они были красными. Красные, как цвет эмоции – эмоции, скрываемой до тех пор, пока ее не пробудит нечто прозаичное, реальное, отчего хлынет наружу ненависть. О, тайком я находила и другие способы разрядки, но пока хватит и пары красных туфель.

Мужчина в униформе, открывая передо мной двери, говорит:

- Пожалуйста, миссис Харрингтон. Заходите к нам ещё.
- Конечно, – отвечаю я с непроницаемым выражением на лице.
- Мэм, все мы молимся о Вашем муже.
- Спасибо.

Потупив взор и закусив губу, прежде чем перевести на него взгляд, я храбро улыбнулась и добавила:

- Боюсь, это наша единственная надежда.

Его взгляд притупляется, и он печально кивая, пропускает меня в открытые двери. И дня не проходило, чтобы кто-нибудь не выражал мне поддержку или слова ободрения из-за Стюарта, с тех пор, как он сражался в битве, где ему не победить. Я отлично натренировалась в ответах. В конце концов, мало что остаётся незамеченным. Когда-то мы уже вызвали сенсацию, поженившись. Все обсуждали нашу разницу в возрасте, теперь же мы снова во всех новостных заголовках, потому как таблоиды и журналы обсуждают моё предстоящее вдовство в столь ранние двадцать восемь лет.

Ступив на залитый солнцем тротуар, я спрятала глаза под тёмными стёклами очков и мысленно приготовилась к жару. Она как будто поднималась из глубин ада, словно сам дьявол разжигал огонь. Мои ноги закололо от перепада температур. Я снова закусила губу, чтобы сдержать неподдельную улыбку, которая грозила разбить мою маску печали. Если ад существует, то совсем скоро в нём появится новый обитатель. Ещё до того, как пучок низко забранных длинных волос, успевает прилипнуть к коже, я сажусь на заднее сидение ожидающего такси. Свою машину я оставила припаркованной в нескольких кварталах отсюда – я уже познакомилась с чудесами технологии. GPS покажет, что весь день я провела в Харбор Шопс, по крайней мере, пока я сама не пожелаю это изменить.

– Бол Харбор Ресорт, один, – сообщила я, когда водитель въехал в полуденный поток машин.

Почти всю свою жизнь я провела в южной Флориде, и Майями не особо привлекал меня своей красотой. Поэтому, не обращая на него внимания, я уткнулась в экран телефона, читая текстовые сообщения. Мне стало нечем дышать, когда я прочла смс от мужа:

«ПОСЛЕ ОБЕДА НА СКЛАД ПРИЕДЕТ ГОСТЬ. БУДЬ ТАМ В 16:30. НЕ ОПАЗДЫВАЙ».

Я закрыла глаза, спрятав эмоции за дизайнерскими солнцезащитными очками, и вздохнула. Слава богу, из-за недавнего резкого ухудшения здоровья Стюарта Харрингтона, мы какое-то время не посещали склад: это его сообщение было отправлено несколько месяцев назад. Однако я не удаляла его. Оно разжигало мой гнев и служило ежедневным напоминанием – напоминанием того, что я отказывалась забыть. Но я никогда бы не забыла. Никогда бы не смогла забыть.

Вернувшись к пришедшим ранее сообщениям, я прочла одно из них, оно было отправлено мне вчера поздно вечером:

«МНЕ НУЖНО ВСТРЕТИТЬСЯ С ТОБОЙ».

Прочитав текст ещё раз, и улыбнувшись сквозившему в нём отчаянию, которое я тоже испытывала, я удалила смс. Мне пришлось ждать сегодняшнего утра, чтобы отправить:

«СЕГОДНЯ?»

Его ответ пришёл почти сразу же:

«СЕЙЧАС».

Мы оба знали, что «СЕЙЧАС» – не вариант, но незначительные изменения в моём расписании и небольшая ложь относительно моих обязанностей могли делать «ПОЗЖЕ» возможным. Разглаживая шёлк сарафана и безнадежно пытаясь не обращать внимания на удушливый запах пота, наполнявший салон такси, я наслаждалась реальностью: «ПОЗЖЕ» уже приближалось. Если бы только машина смогла полететь, вместо того, чтобы маневрировать среди полуденного движения.

Чем ближе приближалась кончина Стюарта, тем больше я была озабочена законностью нашего брачного соглашения. У моего мужа был целый полк преданных ему людей, поэтому найти союзника, человека, который защищал бы мои интересы, было сложно, но, к счастью, не невозможно. Таким человеком стал для меня Броди Филлипс, младший партнёр в «Крейвен и Ноулз», и я делала всё возможное, чтобы продолжать получать информацию. Да и секс с ним был для меня лишь инструментом, оружием. Когда-то его применили против меня, но я научилась пользоваться им в своих интересах. Если секс помогал мне в достижении моих целей, какого чёрта я не должна была этим воспользоваться?

Несколько минут спустя такси остановилось под крытой подъездной аллеей, где была столь желанная тень. Надменно улыбаясь, я протянула водителю деньги за поездку, включая щедрые чаевые. Уверенно ступив сандалиями на высоких каблучках на плавящийся асфальт, я направилась ко входу в гостиничный комплекс. Словно солдат, бесстрашно приближающийся к своей цели. Вальяжный кивок головы, и двери открылись. На стойку портье легла хрустящая стодолларовая купюра, и я получила ключ от люкса на восемнадцатом этаже. По пути к лифту мой взгляд скользил по холлу. Осмелится ли кто-нибудь поинтересоваться, почему я здесь? Нет, таких не было. Ведь я - миссис Стюарт Харрингтон.

Меньше, чем минуту спустя, я уже поднималась на восемнадцатый этаж. У меня не было сомнений в том, почему Броди выбрал гостиничный люкс, но сегодня ничего не произойдёт. Я немного открылась ему, но лишь по одной причине, и это не из-за секса.

Нет, я не всегда отказывала ему в близости. На самом деле, в городе было полно мест, где я была более чем согласна заняться с ним сексом, но, честно говоря, в Броди было нечто такое, от чего мне становилось неуютно. Секс для меня являлся лишь механическим актом, во время которого я мысленно отключалась, оставляя лишь свое тело. И с каждой новой встречей с ним, становилось всё сложнее. Мне не хотелось считаться с действительностью, как и с внутренними сомнениями, вызванными этими осложнениями.

Выйдя из лифта и всматриваясь в длинный коридор, я удивилась охватившему меня мимолётному чувству предвкушения. Последнее время, я редко чувствовала себя возбуждённой. Тем не менее, когда я поняла, что с момента нашей последней встречи с Броди прошло чуть больше месяца, всё внутри меня непроизвольно сжалось.

Господин Броди Филлипс, кроме всего прочего, был моим источником информации. Как младший партнёр в «Крейвен и Ноулз», авторитетной адвокатской конторе, управляющей частными правовыми делами Стюарта, он имел доступ к сведениям, которые напрямую касались меня. Большинство преданных моему мужу сотрудников конторы разделяли мнение, что мне, как жене мистера Харрингтона, не

следует знать о правовых документах, касающихся моей персоны, ибо я не пойму юридических тонкостей. Слава Богу, я нашла союзника, который был с этим не согласен. Ведь, в конце концов, на этих документах значилось моё имя – Виктория Конвей Харрингтон. И, несмотря на сопротивление со стороны моего супруга, я имела право знать.

Наш союз скреплялся постепенно. Каждый мужчина был под подозрением, особенно те, что входили в окружение Стюарта. Я не собиралась позволять Броди узнать меня – не многие удостоились такой чести. Однако, со временем, между нами возникли дружеские отношения. В отличие от других мужчин, которые видели во мне лишь возможность потрахаться, Броди искренне общался со мной. Прошло несколько лет, прежде чем наша тайная дружба перешла на новый уровень. И, как только это произошло, дороги назад уже не было.

Я быстро провела картой-ключом по замку, и запирающий ее механизм щёлкнул. Рыжевато-светлые волосы Броди и его улыбающиеся глаза заставили меня мгновенно замереть в полуоткрытой двери. Он был идеальным «простым» парнем: невинный и милый. Уже сейчас по опыту я знала, что он в равной степени может быть хитрым и практичным. Иначе он не смог бы выжить в мире «Крейвен и Ноулз». В его глазах было что-то особенное. Я была заворожена с первой нашей встречи. Они не были похожи ни на какие другие. Их цвет был ни голубым и ни зелёным, ближе к аквамариновому. Но дело было не только в цвете, а в том, как он на меня смотрел, по-настоящему смотрел. Даже в набитой людьми комнате его взгляд заставлял меня чувствовать себя уязвимой и обнажённой. И от этого со мной творились странные вещи, что мне совсем не нравилось. Казалось, будто он может видеть ту мою сторону, что скрыта от всех, будто он может видеть сквозь меня. Я впитывала его взглядом – маленькие морщинки вокруг глаз, лёгкое мерцание зрачков и ниже, рельефные скулы и приветливая улыбка. Уголки моих губ непроизвольно приподнялись.

Мои глаза блуждали по нему. Броди был в костюме без галстука, накрахмаленная рубашка идеально сидела по фигуре. Тёмно-серые брюки от «Брукс Бразерс» подчёркивали длину ног и крепкое телосложение. Звук его голоса вернул меня к его необыкновенным глазам.

– Вик-ки, – произнес он, растягивая моё имя. – Я боялся, ты не приедешь.

В комнате стало жарче, стоило ему дотронуться до моего плеча и наклониться ближе. Его губы скользнули по моей щеке, дразня и обещая большее. Запах его лосьона после бритья напоминал о свежeweыстиранных простынях и был совершенно не похож на тяжёлый «мужской» запах одеколона моего мужа. Я подавила желание коснуться щеки Броди, почувствовать лёгкую щетину под своими пальцами.

Взяв меня за руку, он повёл меня вглубь просторного номера. Вся стена напротив двери была стеклянной, с видом на знакомую синеву океана. Мне много чего было ненавистно в Майями, но вид простирающейся в бесконечность воды не входил в этот список. И сейчас этот пейзаж лишил меня дыхания и возможности ответить.

– Восхитительная панорама.

– Не такая восхитительная, как ты, – сказал он, снимая мои очки и пристально глядя в мои серо-стальные глаза.

– Броди, я не могу...

Его губы перехватили мои слова, и он твёрдой грудью прижал меня к стене. Трепет от предвкушения, который я чувствовала чуть ранее, разросся до пламени, словно ветер раздул искру в охапке соломы. Я отдалась страсти, и мои руки обхватили его лицо, ощущая щетину, к которой я так хотела прикоснуться. Мои пальцы замерли, как только наши языки соединились. Мне не хотелось признаваться, что я боялась перестать сдерживаться, боялась не запомнить тлеющее внутри меня чувство. Комнату

заполнил звук нашего дыхания, биение моего сердца отдавалось у меня в ушах, и в то же мгновение все логические рассуждения заглушил голод по тому, что лишь Броди мог мне дать.

– Боже, Вики, – наконец вымолвил он, прерывая поцелуй и слегка отстраняясь от меня.

Его глаза потемнели, когда он сказал, – О, ты охренительно хороша на вкус. Я скучал по тебе.

Я прислонилась к его груди, уткнувшись щекой в рубашку. При звуке его ровного сердцебиения моё тело становилось податливым. Сдерживаемое напряжение просачивалось через каждую пору, я стала невесомой, удерживаемой на месте лишь его руками. Борясь с желанием сменить наше вертикальное положение на горизонтальное, я застыла.

– Броди, я-я не могу. Не сегодня.

– С тобой всё в порядке, детка? Ты выглядишь такой... не знаю... как будто ты сейчас взорвёшься.

Отойдя от него, я направилась к дивану, приводя в порядок платье, игнорируя ту часть себя, что стремилась потеряться в его объятиях.

– Почему ты думал, что я не приду? – спросила я. – Мы договорились на час дня, сейчас ещё рано.

– Ты не ответила на мое последнее сообщение. Я боялся, что, возможно, кто-то ещё прочитал его.

– Нет, – решительно ответила я. – Можешь мне не верить, но мой телефон всегда со мной. Я удалила сообщение. Не стоит лишний раз испытывать судьбу. Ну, а теперь, расскажи мне, что случилось?

Он нахмурился.

– Как Стюарт?

Я покачала головой и потупила взор. Это были все те же слова и те же, ещё более важные, невербальные жесты, что видели все, кто задавал мне этот вопрос.

– Не очень. По всей видимости, доктора думают, что это может произойти в любой момент. Когда он в сознании, то ведёт себя разумно, но когда крепко спит – кажется, будто он в обмороке! По-моему, это из-за медикаментов. Хотя он не жалуется, врачи говорят, что эта форма быстропрогрессирующей лейкемии крайне болезненна. Они постоянно накачивают его обезболивающими. Делают всё, что в их силах, чтобы он ушёл спокойно.

Броди коснулся моей руки.

– Браво. Отличная речь, миссис Харрингтон. А сейчас скажи, как этот мудака действительно себя чувствует?

Мои печально изогнутые губы искривились в улыбке, и мой взор метнулся к нему.

– Он умирает. Он страдает. Судьба жестока, но он заслужил каждую чёртову секунду этих страданий, как бы я хотела, чтобы она довела своё дело до конца и прикончила его. Наблюдение за тем, как он умирает, высасывает из меня жизнь.

– О..., – его аквамариновые глаза заблестели. – Я был бы рад сделать тебе искусственное дыхание.

Напряжение последних трёх месяцев постепенно уходило из моих скованных плеч.

– Не искушайте меня, мистер Филлипс. Я слабая женщина.

– Не говори так. Да ты просто скала. Я бы хотел, чтобы он пострадал ещё несколько лет, если бы это не было так тяжело для тебя.

– Вчера я встречалась с его врачом-онкологом. Они исчерпали все возможные

варианты лечения. Это действительно вопрос времени. Но теперь он начал спорить о болеутоляющих. А мне нравится, что он спит от них. Надеюсь, что однажды он уснёт и не проснётся.

Броди наморщил лоб.

– Ты знала, что Паркер вчера был у вас?

– Нет.

Я рассердилась. Мне не нравилось, что Стюарт встречался со своим поверенным, партнёром-учредителем «Крейвен и Ноулз», без меня. Если честно, я не доверяла ни одному из них.

– Да, был, – подтвердил Броди. – Вчера утром.

– Меня не было дома, – задумчиво произнесла я, вспоминая последние двадцать четыре часа. – Первую и третью среду каждого месяца я встречаюсь с представителями организации «Харрингтон». Моя сестра возглавляет новую медицинскую миссию.

Броди кивнул.

– Добрая доктор Конвей. В ней нет и капли эгоизма.

– Это точно.

Я неподдельно улыбнулась. Если говорить о святых, то Валери – следующая на канонизацию.

– У меня такое чувство, что всё решают сроки, – продолжил Броди. – Паркер упомянул, чтобы ты не спускала глаз со Стюарта, а он с тебя.

Я полностью сфокусировалась на его словах.

– Ты знаешь, о чём они говорили?

– Не совсем. Прошлым вечером я подслушал, как он просил свою ассистентку поднять несколько старых документов. Когда я услышал твоё имя, то сразу написал тебе. Всё, что мне удалось выяснить в процессе слежки, – что это как-то связано с завещанием Стюарта, но мне также известно, что она доставала и ваше соглашение.

Я встала и начала ходить туда-сюда по комнате.

– Зачем? Для чего им могло понадобиться соглашение?

Я обхватила голову руками, размышляя.

– Броди, ведь всё: все наши вложения, все его акции – всё записано на наши имена. Скажи-ка мне, что предположительно он мог бы изменить в завещании, чтобы оспорить это?

– Пока всё остаётся, как есть, я полагаю – ничего. Возможно, он лишь хотел убедиться, что всё в порядке. Понимаешь? Если он предчувствует, что скоро всё закончится, наверняка ему бы не хотелось, чтобы что-то пошло не так. – Броди пожал плечами. – Он же весь такой правильный.

Я лихорадочно думала.

– Моё имя было добавлено после нашей свадьбы, около десяти лет назад. Я соблюдала это проклятое соглашение до последней буквы.

– Вик, не нужно, чтобы это соглашение стало достоянием общественности. Давай понаблюдаем. Я хотел увидеть тебя сегодня, чтобы ты знала – я начеку. И прикрываю твою спину. Тебе не о чем волноваться.

– И да поможет мне Бог, если он обманет меня... после всего.

Броди вздернул бровь.

– Я бы сказал, что тебя уже знатно обманули, но что ты сделаешь, Вик? Убьешь его? Мужик и так умирает.

Он был бы не первым, кого я убила. Сделав глубокий вдох, я сказала:

– Я понимаю, что «Крейвен и Ноулз» представляют Стюарта, но, чёрт возьми, не предполагается ли, что они должны представлять и меня?!

Шёпот Броди коснулся моих волос, когда он обнял меня сзади за талию:

– Вик, я с тобой. Я защищаю твои интересы. Никогда не сомневайся в этом.

Откинувшись назад, я повернула голову, чтобы наши губы встретились. Чувства, бурлящие во мне, выплеснулись наружу, его губы нежные, но настойчивые, охотно ответили на мой поцелуй и уверенно требовали большего.

Он развернул меня, наши языки снова вступили в бой за превосходство, борясь и покоряясь, пробуя на вкус и смакуя. Огонь внутри меня снова воспламенился.

– Как давно кто-нибудь по-настоящему обнимал и любил тебя?

Этот вопрос глубокой болью отозвался в моей груди.

– А как давно мы вместе? – ответила я.

Мы стояли так, что я могла видеть, как в его неповторимых глазах отражаются блики от океана под нами.

– Боже, Вик. Мне хочется подхватить тебя и бросить на ту кровать. – Он поднял мой подбородок и впился в меня взглядом. – Чёрт возьми, посмотри на меня. Я не такой, как другие. Я не хочу трахать тебя.

Из его груди вырвался рык:

– Нет, не правда. Я хочу. Но...

Тыльной стороной ладони Броди погладил меня по щеке.

– Больше всего на свете я хочу заниматься с тобой любовью, обнимать тебя, смотреть, как ты спишь, и быть рядом, когда проснёшься. Я хочу любить тебя так сильно, чтобы, когда эти прекрасные глаза будут закрыты, я не сомневался, что ты видишь сны обо мне. А когда ты проснёшься, я хочу быть тем единственным, кто сделает все твои сны реальностью.

– Броди, пожалуйста, пожалуйста, не делай обещаний, которых не собираешься сдержать.

– Но я сдержу. Я бы сделал это сейчас, если бы ты позволила.

Он потянул меня за пальцы, но я оставалась неподвижной, отказываясь сдвинуться с места. Броди нахмурил лоб, его щёки зарделись.

– Я хорошо зарабатываю. Пошли Стюарта куда подальше. Пошли подальше всех этих подхалимов из его совета директоров и Паркера Крейвена. Да, ты говоришь, что это может случиться в любой день, но с тем же успехом это может продолжаться неделями, месяцами, ещё и ещё. Не поддавайся больше ему и его представлениям о законности.

Я покачала головой.

– Перестань. Я говорила тебе, что в моей жизни сейчас все наперекосяк. А ты не в себе. – Не желая признавать того, что ещё никто не говорил мне о вечной любви, я продолжила, – Я не потому отдала десять лет своей жизни, чтобы вот так взять и уйти, когда награда у меня перед носом. И дело не в деньгах. Дело в удовлетворении, которое я получу, когда прошепчу ему на ухо, что это моих рук дело. Он недооценивал меня и мою способность выдержать всё, что мне пришлось от него вытерпеть. Я хочу, чтобы последней его мыслью было то, что я контролирую всё, чем он дорожил.

– Ты заслуживаешь этого, – отозвался Броди подавленно.

– Так и есть. И я не чувствую себя виноватой из-за того, что хочу получить то, что заслуживаю.

И снова он обнял меня.

– Виктория Харрингтон, я несколько не сомневаюсь в том, что не заслуживаю тебя, но, чёрт бы меня побрал, если я чувствую себя виноватым за то, что хочу тебя.

Мой телефон зазвонил, отчего мы оба замерли. Рингтон, поставленный на Стюарта, разрезал прохладный воздух гостиницы.

Поспешив к сумке, я приложила палец к губам и ответила на звонок:

– Алло?

– Тори.

По телефону голос мужа звучал громче, чем сегодня утром. Очевидно, он достиг цели и дозу болеутоляющего уменьшили.

– Стюарт, всё хорошо?

Глаза Броди округлились.

– Едва ли, – язвительно ответил Стюарт. – Тревис сказал, что ты в Харбор Шоппс?

– Да, тебе нужно, чтобы я вернулась домой?

– Нет, – его голос зазвучал ещё громче. – Я хочу, чтобы в течение часа ты была на складе.

Чёрт! Сердце у меня оборвалось.

– Стюарт.., – я могла начать спорить, но он знал, что я не буду. Несмотря на своё плачевное состояние, он уже доказал, что всё ещё может дирижировать. Всё, что мне оставалось – молиться о том, что это будет последний раз.

Когда Стюарт умрёт, склад будет первым, что я продам, а может, мне стоит его поджечь? Мысль об этом придала мне смелости.

– Я буду там, – ответила я, проглотив возражения, и отсоединилась.

Руки Броди коснулись моих.

– Что случилось?

Я отвела взгляд.

– Мне нужно ехать. Будь на связи.

Его глаза сделались большими, а в голосе слышалась паника.

– Почему, Вик? Куда тебе нужно ехать?

Не ответив, я взяла сумку и направилась к двери. Ещё не успев выйти, я услышала голос Броди, его низкое рычание:

– Ненавижу долбанного ублюдка. Клянусь, если бы он не был при смерти...

Дверь закрылась и заглушила его последующие слова. Но я и так знала, что он хотел сказать.

Глава 2

Настоящее

Руки тряслись, тело била дрожь. И почему меня так удивило, что он нарушил слово? Подонок, он же обещал! Обещал, что всегда будет здесь, рядом со мной! Я согнулась пополам, схватившись за живот; отвращение взяло верх, и мой ленточный оказался на бетонном полу частного гаража. Звуки моих страданий не привлекали внимания. Здесь никого не было. Я знала это. Потому что, как только «друг», как любил называть их Стюарт, закончил, то сразу ушёл. Так они старались сохранить свою анонимность. К тому же, об этом мне сообщил и голос Стюарта, приказавшего мне оставаться на месте и не двигаться, пока он не скажет. Когда-то я не подчинилась. И больше никогда так не сделаю.

Совершенно голая, я лежала на кровати с четырьмя столбиками и ждала, слушая музыку в наушниках. Иногда я ненавидела эту музыку также сильно, как и его голос.

На протяжении почти девяти лет жуткий плей-лист был одним и тем же. Но Стюарт отказался говорить мне названия песен; когда я спросила, он лишь ответил, что они напоминают ему о прошлом. Мне кажется, с годами я стала находить успокоение в предсказуемости их порядка. Я не могла ничего видеть, и это давало мне нечто, за что можно было ухватиться, чего можно было ожидать. Каждый раз, когда он вновь включал музыку, она начиналась с первого трека. Я слышала эту мелодию так много раз, что она стала преследовать меня во сне. В один прекрасный день я часами искала её в Интернете, и нашла – Смертельная колыбельная. Из-за названия она стала для меня ещё более гнетущей, если такое вообще возможно. Следующая называлась Танец Смерти. Все выбранные им композиции были инструментальными и написаны Адрианом фон Зиглером. Ни единого словечка, лишь тёмные терзающие мелодии, звучащие у меня в ушах, когда я с трудом понимала, что творится вокруг.

Закрыв глаза, я кое-как добралась до своей машины. Убегая от смрада гаража, от склада, я думала лишь о собственной жизни. Без сомнения, мне нужно было убираться отсюда. Несмотря на огромное количество поездок сюда, в этот раз было хуже оттого, что не было Стюарта. Хотя, вообще-то, он был там. Его присутствие было ощутимо благодаря новой системе видеокамер. При помощи этой новинки он мог наблюдать прямо из нашего дома. Наш дом. В один вечер он стёр все границы между складом и домом, моим последним прибежищем.

Дрожащими руками я закрыла дверцу машины. На меня обрушилась новая реальность: вуайеризму Стюарт нет конца, пока он дышит. Недавно установленная техника позволит его извращённому развлечению продолжаться вновь. Двухмесячное затишье, пока он боролся с раком, было лишь кратковременной передышкой. Садистский ублюдок не успокоится до самой смерти.

Я подняла ненакрашенные глаза к зеркалу заднего вида. Слава Богу, на складе был оборудован душ. Запах мужчин был мне ненавистен. Опять-таки то, что я не могла видеть, усиливало другие чувства восприятия, включая и обоняние. Мне не полагалось знать, кем являлись его друзья. Стюарт ловил от этого кайф. Когда мы были на вечеринке или торжестве, он дразнил меня тем, кого знаю я, а кто знает меня. Закрывая глаза, я так и слышу его издевательский тон, когда он прохаживается под руку со мной.

Конечно же, мужчины себя не раскрывали. Они никогда не представлялись, но запах обладает великой силой. Без разницы, одеколон это или лосьон после бритья, мятные леденцы или гель для душа. Когда я меньше всего этого ожидала, какой-то из ароматов сразу же будил воспоминания о складе, музыке, постоянных наставлениях Стюарта. И тогда я узнавала и понимала, что мужчина, ласково улыбающийся своей жене, или сверлящий меня взглядом и есть один из друзей моего мужа.

Сегодня от друга пахло парфюмом, похожим на одеколон Стюарта. Когда мы только поженились, я обожала чувственное сочетание розы, сандала и удового дерева. Я услышала этот неповторимый запах ещё в первый день нашей встречи. И даже

помню, как нашла флакон в его комнате, и название Tom Ford Oud Wood. Когда-то я бы даже уткнулась в его подушку, только чтобы снова вдохнуть этот аромат. Но это было задолго до склада и задолго до того, как смерть схватила его за яйца. Он больше не ходит в облаке дорогого парфюма. Теперь запах смерти и уничтожения витает вокруг него и по всей его импровизированной палате. Всемогуший Стюарт Харрингтон хотел умереть дома. Он пожелал быть в окружении богатства и роскоши, плодов его тяжёлой работы. Чушь собачья! Стюарт Харрингтон хотел жить. Поехать в больницу и лежать там, подключённым к медицинским аппаратам, означало бы признать поражение. Я не могу представить, что он может сдаться, пока в состоянии говорить.

Осознание придало мне сил – ублюдок умрёт. В этом я была уверена. Включив радио, я попыталась заглушить бессловесные тёмные мелодии в голове и медленно начала сдавать назад, покидая гараж. Но тут меня ослепил солнечный свет, отразившийся в зеркале заднего вида, и я потянулась за очками. Чёрт, ещё светло. Этот долбаный день никогда не закончится. Я посмотрела на часы, экран мобильного изменился, и на нём высветилось "СТЮАРТ", информируя о входящем звонке. Сглотнув желчь, я нажала кнопку вызова, позволяя голосу мужа заглушить музыку и заполнить салон машины.

– Что? – это было самое лучшее приветствие, на которое я была способна.

– Ты едешь домой?

Я повернула направо, ещё не решив, куда направляюсь, но это место точно было далеко от нашего пентхауса.

– Нет.

– Нет?

– Ты, мать твою, солгал! – Я так долго играла свою роль, что мой неожиданный выплеск эмоций несомненно удивил Стюарта. – Ты говорил, что всегда будешь там. Но тебя там не было!

Дорога была как в тумане из-за слёз, я с трудом старалась восстановить хотя бы подобие самообладания.

– Тори, – его голос звучал мягко, но от звука уменьшительного имени, которым только он меня называл, желчь снова подкатила к горлу. – Возвращайся домой. Давай поговорим об этом.

– Нет. Предполагалось, что мы не будем говорить об этом дома. Предполагалось, что это будет не связано с домом. Ты всё разрушил.

– Поезжай домой. – Сейчас его голос звучал больше как просьба, отличаясь от того, как он звучал в треклятых наушниках. – Врачи хотят дать мне ещё лекарств. Но перед этим мне хочется увидеть тебя. Я хочу рассказать тебе, как ты была хороша. Как я горжусь тобой.

Он чертовски хотел большего, и я знала это. Я сжимала руль, лавируя в потоке машин, по-прежнему не определившись, куда направляюсь.

– Я приеду домой, только попозже.

– Ты ведь знаешь, что у тебя нет никакого права вести себя подобным образом. Я проверял соглашение. Там не было ничего по поводу того, что моё личное присутствие обязательно.

– Знаешь ли, Стюарт, я не читала это долбаное соглашение с тех самых пор, как мы поженились. Но я прекрасно слышала, как ты говорил мне, что будешь там, со мной. Я ненавижу это! Всегда ненавидела. Но, по крайней мере... Чёрт!

Я ударила по тормозам и всем весом навалилась на клаксон. Проклятые идиоты-туристы, переходящие через долбаную улицу.

– Что случилось?

– Ничего. Принимай свои гребаные лекарства. Я буду дома, когда получится.

– Я хочу, чтобы ты приехала домой сейчас. Ты моя жена.

– Я - твоя жена. Я - миссис Стюарт Харрингтон и собираюсь развлечься. Позвоню сестре, наверное. Я соблюдала твои правила. Я сыграла роль твоей шлюхи. Теперь я сделаю что-нибудь для себя. Хотя я и не читала наше соглашение, но я отлично помню, что там ничего не сказано по поводу ограничения моих действий.

Прежде, чем он смог опровергнуть моё заявление, я продолжила, обретая силу с каждым словом.

– Скажу, что я не собираюсь делать сегодня вечером. Я не собираюсь сидеть на стуле и наблюдать, как ты дышаешь.

Потому что, если я буду там, то тут же схвачусь за подушку, чтобы ускорить процесс. Эти слова были готовы слететь с языка. К счастью, я достаточно себя контролировала, чтобы сдержаться.

– До свидания, Стюарт. Отдохни немного. Ты был очень занят после обеда.

Нажав на иконку отмены вызова, я разъединилась. Когда машину вновь наполнила музыка из радио, я поняла где нахожусь – недалеко от офиса «Крейвен и Ноулз». Слова Стюарта вновь прокручивались в моей голове. Он говорил, что недавно перечитывал соглашение. Вот мне и представился удобный случай, в котором я так нуждалась. Если он перечитывал, значит, можно и мне.

Пересекая двойную сплошную и игнорируя гудки встречных машин, я заехала на крытую парковку и нашла свободное место. Было около пяти вечера. Секретарша навряд ли будет рада меня видеть, ведь до закрытия осталось совсем чуть-чуть. Чертовски жаль. Я - миссис Стюарт Харрингтон.

Сняв солнцезащитные очки, я посмотрелась в зеркало заднего вида. Я никогда никуда не выходила без макияжа. Мои глаза были красными, как и губы, лишь щёки оставались бледными. Дотянувшись до сумки, я достала тушь для ресниц, подводку и помаду. Мои влажные волосы были собраны в пучок на затылке. Пришлось вытащить несколько прядей, чтобы они обрамляли лицо. Решив, что так сойдёт, я снова надела солнечные очки. Я ведь приехала в адвокатскую контору не просто так, хотя даже не думала, куда направляюсь. Впервые за десять лет мне захотелось увидеть чёртово соглашение.

– Миссис Харрингтон? Из-вините, но вам назначено?

– Нет, Триш.

Она тревожно поёрзала. Я догадывалась, что она едва ли захочет потратить своё драгоценное время, отведённое на покраску ногтей, на меня. Честно говоря, был удивительным тот факт, что эта женщина смогла продержаться на этом посту так долго. Вероятно, делала минеты под столом. Это единственно возможный ответ. Ей явно не хватало профессиональных навыков секретаря, хотя, может, она отличница по фелляции?

– В-вы хотели с кем-то увидеться?

– Триш, я хотела увидеть кое-что. Мне необходимо поговорить с ассистентом мистера Крейвена. Думаю, она сможет мне помочь.

Она посмотрела в сторону своего компьютера.

– Я бы с радостью назначила вам...

Я положила руку на её стол.

– Я сейчас здесь. Прямо сейчас было бы чудесно. Ты не согласна?

– Д-да. Позвольте, я позвоню ей. Насколько мне известно, мистер Крейвен отсутствовал. Если она свободна...

У меня по коже побежали мурашки.

– Триш, я не сомневаюсь, что даже если ассистентка мистера Крейвена занята, она сможет уделить мне время. Я не уйду, пока не увижу то, зачем пришла.

Триш встала.

– Следуйте за мной, я найду Мэгги.

– Спасибо.

Я кивнула, и последовала за ней в, расположенную в центре офиса, комнату для переговоров – аквариум с жалюзи. Я была здесь много раз. Триш тут же нажала переключатель, и стеклянные стены стали непроницаемыми.

– Миссис Харрингтон, могу я вам что-нибудь предложить? Может быть, кофе? Два кусочка сахара и сливки.

– Да, благодарю.

Я не была любителем кофе, но её вопрос заставил меня улыбнуться. Это был мой первый урок, как быть миссис Харрингтон. Тогда я видела в перспективах столько возможностей. Забавно, ведь не должна была. Наверное, в то время я была такой же оптимисткой, как моя сестра. Откинувшись назад в шикарном кожаном кресле, я обиженно фыркнула. Нет, дело было совсем не в этом.

Моя сумка зажужжала, и я достала из нее телефон. Меня ждали три текстовых сообщения. Первое было от Броди:

«Я БЕСПОКОЮСЬ ЗА ТЕБЯ. ГДЕ ТЫ? ТЫ В ПОРЯДКЕ?»

Я улыбнулась, отвечая ему:

«Я В ТВОЁМ ОФИСЕ. В АКВАРИУМЕ.»

Второе было от Стюарта.

«НЕ ОТВЕЧАЕШЬ НА ЗВОНКИ? ОЧЕНЬ ПО-ВЗРОСЛОМУ. ЖИВО ДОМОЙ!»

Моя улыбка тут же исчезла. Пусть в его власти заставлять меня участвовать в его извращенных фантазиях, но за всю нашу совместную жизнь у него никогда не было права контролировать, когда я прихожу и ухожу.

«Я НЕ ОТКЛЮЧАЛА ТЕЛЕФОН. ВЕРОЯТНО, Я ПРОСТО ЕГО НЕ СЛЫШАЛА. БУДУ ДОМА... НО ПОЗЖЕ.»

Последняя смс была от моей сестры Валери.

«МНЕ ТОЛЬКО ЧТО ЗВОНИЛ СТЮАРТ. КОГДА ТЫ СОБИРАЛАСЬ ЗАЕХАТЬ КО МНЕ? Я БЫ С РАДОСТЬЮ КУДА-НИБУДЬ СХОДИЛА, НО СЕГОДНЯ У МЕНЯ НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО. ЗАВТРА?»

Я вздохнула. Мне нужно было придумать что-нибудь другое. Но я точно знала, что дома появлюсь не раньше, чем Стюарта напичкают достаточным количеством лекарств и он уснёт.

«ПОСМОТРИМ. ВОЗМОЖНО, ЗАВТРА.»

Как только я закончила набирать последнее сообщение, дверь открылась. Вошла молоденькая ассистентка юриста, примерно моего возраста, за двадцать пять. Она была мне незнакома, но молодые девушки, работающие на Паркера приходили и уходили с завидной регулярностью.

– Миссис Харрингтон, – обратилась она с натянутой улыбкой. – Чем я могу быть полезна?

В открытую дверь вошла Триш и поставила на стол мою чашку с кофе. Когда она оставила нас одних, я ответила:

– Мэгги, я полагаю?

– Да, мэм.

– Я хотела бы увидеть соглашение, которое мистер Крейвен подготовил для нас с мужем до нашей свадьбы. Я знаю, что это возможно: мой муж на днях перечитывал его – вчера, я думаю. Он посоветовал мне сделать то же самое.

Похоже, упоминание Стюарта немного поубавило напряжения. Я вспомнила о своём недавно умытом лице и сняла солнцезащитные очки. С явно притворной улыбкой я продолжила:

– Прошу прощения, что сначала не позвонила. Но, как вы видите, я действительно не собиралась никуда выходить. Но то, как он чувствует себя... в общем, Стюарт хотел, чтобы я сделала это не откладывая. И вот я здесь.

Её плечи расслабились.

– Конечно. Я крайне сожалею о вашем муже. Я забеспокоилась, потому что мистер Крейвен сейчас с клиентом, но раз мистер Харрингтон отправил вас сюда...

– Так и есть. Я бы предложила вам позвонить, но все эти лекарства... Возможно, он уже спит. Поэтому я решила приехать, пока он не проснулся.

Её светло-карие глаза заблестели.

– Разумеется. Сейчас принесу вам соглашение, я ещё не успела отправить его в архив. Оно у меня на столе.

Я драматично помассировала лоб.

– И снова спасибо вам. Надеюсь, это вас не затруднит.

Она покачала головой.

– Не беспокойтесь. Вы можете остаться и читать, сколько вам нужно. В трудную минуту мы сделаем всё для мистера Харрингтона.

Я выдавила из себя улыбку, но мои челюсти были плотно сжаты. Это всё, на что я была способна.

Спустя несколько минут я осталась наедине с кофе и документами. Зачем же он на самом деле просматривал соглашение? Не упустила ли я что-нибудь десять лет назад? Чёрт, я несомненно что-то упустила. В восемнадцать лет понятия не имеешь, что могут означать все эти пункты и дополнения. Но позже он всё объяснил, и до меня дошло, что я подписала соглашение с самим дьяволом.

Я начала читать:

Настоящее соглашение заключено добровольно и без принуждения между Стюартом Алленом Харрингтоном, далее именуемым «Мистер Харрингтон», и Викторией Энн Конвей, далее именуемой «Мисс Конвей». Мистер Харрингтон и Мисс Конвей настоящим документом от...

Настоящее соглашение между Мистером Харрингтоном и Мисс Конвей обязательно для всех сторон и содержит следующие условия:

1. Мистер Харрингтон и Мисс Конвей соглашаются, что всё, что происходит в соответствии с условиями настоящего договора, является конфиденциальным и согласованным обеими сторонами.

Дверь открылась. Ожидая увидеть Мэгги, или даже Триш, я раздражённо оглянулась. Меня сверлил мрачный взгляд Паркера Крейвена; как только он вошёл, до меня сразу донёсся тяжёлый аромат его одеколona. Меня парализовало от осознания того, где он был после полудня, но я выпрямилась и вернула ему взгляд.

– Виктория, что ты делаешь?

Уголки моих губ медленно поползли вверх. Но в глазах не было и намёка на улыбку. Ненависть – вот всё, что я чувствовала. Кровь гудела у меня в ушах, всё вокруг сузилось до одной единственной точки. Больше ничего не существовало. Я снова ощущала его потные руки на своей коже. Однако я не могла позволить ему видеть мою ненависть. Ведь она подпитывала меня, была моей энергией для того, чтобы продолжать всё это.

Стараясь не выдать своих чувств, я широко открыла глаза и сказала:

– Паркер, как мило с твоей стороны, что ты лично решил мне помочь. Твоя ассистентка сказала, что у тебя клиент.

Он перевёл взгляд на документы.

– Я задал тебе вопрос.

– Да, я слышала. Я перечитываю соглашение, которое мы со Стюартом подписали.

– Зачем?

Я невинно подняла брови.

– Потому что он меня попросил. Он рассказал, что перечитывал его с тобой и посоветовал мне сделать то же самое. Неужели он тебе не говорил?

– Он попросил тебя? Когда?

Я до боли стиснула зубы.

– Сегодня после обеда.

Он глубоко втянул воздух.

– Сегодня после обеда? Он сказал тебе это сегодня после обеда?

– Я не ясно выразилась?

Крейвен сердито уставился на меня. Но прежде чем он смог что-либо ответить, я сменила тон:

– О, Паркер, иногда он сам не знает, что говорит. И меня беспокоят решения, которые он принимает. Да, сегодня после обеда, когда я была с ним дома, он сказал мне, что вчера ты к нам заходил. Жаль, что я не тебя застала.

Паркер Крейвен потянулся к документу.

– Не знаю, с чего ты решила, что...

Я ударила ладонью по бумагам. Шлепок эхом разнёсся по маленькой комнате, и мой взгляд вонзился в него.

– Мистер Крейвен, по-моему, вы и ваша контора работаете на моего мужа и на меня. Если вы хотите, чтобы это продолжалось и в обозримом будущем, не пытайтесь останавливать меня, когда мне хочется увидеть документы, которые имеют отношение ко мне. Эти или какие-либо другие.

– Я не могу допустить этого без разрешения Стюарта.

Моя улыбка стала шире.

– Ты не веришь, что он послал меня сюда?

– Что он послал тебя сюда сегодня после обеда? Нет.

Я откинулась назад, всё ещё прижимая рукой документы.

– А почему? Почему ты сомневаешься в моих словах?

– Миссис Харрингтон? О, Паркер, – произнёс Броди, открывая дверь и прерывая наше осязаемое противостояние.

Глядя то на Паркера, то на меня, он продолжил.

– Мэгги сказала, что миссис Харрингтон в офисе и нуждается в помощи. Я думал, что у тебя клиент. – Броди кивнул в сторону двери. – Если тебе нужно вернуться обратно к нему, я буду счастлив помочь миссис Харрингтон.

Глаза Паркера сузились.

– Броди, речь идёт о деликатном вопросе между мистером и миссис Харрингтон. Мне кажется, будет лучше, если...

– Спасибо, мистер Филлипс. Раз мой муж доверился вам, я сделаю то же самое. Всё, Паркер, убирайся. Без сомнения, тебе есть чем заняться. Я слышала, тебя долго не было в офисе.

Не уверена, что старшему компаньону когда-либо приказывали убраться вон. Он покраснел до самых ушей, ему явно не понравилось услышанное. Не сказав ни слова, Паркер вышел из комнаты и Броди аккуратно закрыл дверь.

Он прошептал:

– Что происходит? Что сейчас между вами было?

– Броди, ты можешь сделать для меня копию этого документа?

– Думаю, да.

– Сделай. А потом мы вместе тщательно его проверим.

Глава 3

Настоящее.

Я не знала, могла ли доверять Броди настолько, чтобы поделиться своим откровением о Паркере. И, по правде говоря, я не была уверена, что меня не вырвет от такого рассказа. Воспоминания о первой встрече с Паркером Крейвеном, об обсуждениях и ужинах, о том времени, что мы провели с его женой, играя в теннис, посещая благотворительные мероприятия, вызвал новый приступ тошноты. Все внутри меня твердило о том, что наш сегодняшний секс был не впервые. Годы сексуальных контактов были пропитаны призрачным запахом его одеколона, а мне так хотелось похоронить их в глубокой, бездонной могиле.

Броди тронул меня за колено, возвращая из глубин ада в номер-люкс в Бол Харбор Ресорт.

– Эй, у нас же есть копия соглашения. Нет необходимости просматривать всё целиком за одну сегодняшнюю ночь. Тем более, что это всё маразматическая чушь, а у

тебя и без того был тяжёлый день.

Но тут его глаза округлились, и он, словно сдаваясь, поднял вверх руки.

– Прости, Вик. Я не хочу знать, через что ты прошла или что он заставлял тебя делать, но я здесь, сижу рядом с тобой... сейчас ты не такая, как была днём. Я чувствую, как ты отстраняешься. Не дай ему этой власти.

Я выпрямилась.

– Я и не даю. Поэтому и поехала в адвокатскую контору. Я не собираюсь давать ему власть. В противном случае, я была бы сейчас дома.

– Дома с ним? Почему?

– Он позвонил мне, после..., – я зачем-то зажмурилась, – а я наорала на него. Хотя могу тебе сказать, что за все время нашего брака я повышала на него голос считанное количество раз. Честно, их было не много. Всё из-за того, что он дал мне обещание. В самом начале этой маразматической хрени..., – я указала в сторону соглашения и сделала ударение на слове, которое ранее использовал Броди, – он дал мне обещание, а сегодня его нарушил.

– И ты удивилась?

Я опустила голову.

– Глупо, да?

Его руки притянули меня ближе, окружив теплом.

– Нет, Вик. Это не глупо, и ты не глупая. Просто тебя обманом выдали замуж за дьявола. Наоборот, это вполне нормально, что ты пытаешься оправдать его действия и держишься высоких моральных принципов.

Вдыхая запах Броди, запах чистоты и свежести, я позволила себе расслабиться у него на груди. Его слова, интонация, действия – как раз всё, в чем нуждалась бы любая нормальная женщина. Но, с другой стороны, я не была нормальной. Как так? Да потому что ещё до того, как я могу себя помнить, мне твердили, что я - яд. Если какая-то толика меня и испытывала к Броди чувства, самое лучшее, что я могла бы сделать, это держаться как можно дальше. Но мне нужна была его помощь, по крайней мере до тех пор, пока ночной кошмар по имени Стюарт Харрингтон не будет похоронен глубже, чем мои воспоминания.

– Перестань, – приказал Броди.

– Перестань что? – удивилась я.

– Ты продолжаешь делать это – отдаёшься мыслям, которые витают в твоей хорошенькой головке.

Он был прав. Здесь было безопасно. Я могла держать тот мир под контролем.

- Вик? Посмотри на меня.

Развевая туман нарушенных обещаний, я вгляделась в безмятежные аквамариновые глаза.

– Вот так. А теперь перестань думать о ком или о чём бы то ни было. Будь здесь и сейчас, со мной.

Я покачала головой.

– Не могу. Мне нужно вернуться домой. Я уверена, что Стюарт уже спит, но если он проснётся, когда меня не будет, у него появятся вопросы.

– Когда вы разговаривали, что ты сказала ему насчёт того, куда собираешься поехать?

– Сказала, что не поеду домой прямо сейчас, а проветрюсь где-нибудь с Вэл.

Броди выжидающе поднял брови.

– А ты вообще хоть раз ночевала у сестры?

Я не смогла сдержать улыбки.

– Да, но не часто. Стюарт это не одобряет.

– Но... ты же накричала на него, да?

Я кивнула.

– Он понял, что ты разозлилась?

– Да, это было очевидно.

– А почему ты не с Вэл? – спросил он.

– Сегодня у неё дежурство. Помню, она что-то говорила, что ей придётся подменить кое-кого из докторов, которые будут подменять её, когда она будет в Уганде.

– В Уганде? – повторил Броди.

– Да, это её последний проект. При поддержке Общества Харрингтона она доставляет и будет доставлять лекарства от рака в удалённые поселения. Это просто необыкновенно. Она создала большую сеть. Конечно, у них постоянно есть волонтеры, но как управляющий грантом, она должна контролировать и помогать с доставкой необходимых препаратов.

– Это опасно?

– Она уверяет меня, что в мире полно других опасных мест, – ответила я, припомнив, как задавала Вэл тот же самый вопрос. – Но это не значит, что я не волнуюсь за неё. Я спрашивала, почему она не может заниматься тем же самым здесь, в Штатах. У нас тоже по-прежнему полно людей, которым необходимо лечение. Тем более, учитывая диагноз Стюарта. Так почему не организовать Клиники по борьбе с раком имени Харрингтона в США?

– Отличная идея. А что она сказала?

– Рассмеялась и ответила, что достанет мне грант, как только сможет.

– Я обожаю блеск в твоих глазах, когда ты говоришь о своей сестре.

– Она единственно хорошее, что есть во всём этом.

– Нет, не только она, – безапелляционно заявил Броди.

Я не ответила, сжав губы.

– И многим она помогла посредством Общества Харрингтона?

– Сотням, а может, и тысячам. Но кто скажет, что она не сделала бы этого, если...

– Ну вот опять, Вик. Не стоит недооценивать себя. Ты заключила сделку с дьяволом, и продолжаешь творить добро. Чёрт, красавица, тебя определённо стоит причислить к лику святых.

Он не мог заблуждаться ещё больше. Причисление к святым мне не грезит. Ну, разве только у дьявола была программа по стажировке. В смысле, он же начинал как ангел. Я усмехнулась. Возможно, у него всё-таки была программа. К несчастью для него, я оказалась очень прилежной ученицей.

– Ты снова это делаешь. – он потребовал, – Останься со мной.

– Я не могу.

– Не всю ночь, хотя я хочу этого. Останься в этом номере, с видом на океан. – Он указал на окно. – Останься здесь. Не возвращайся обратно, во тьму.

Если бы он только знал, что это то самое место, где я родилась и где живу. Это то, что я есть. И что бы он ни делал и ни говорил, это ничего не изменит.

– Если Стюарт уже спит, – начал Броди, – дай мне два часа. А завтра я проверю соглашение и напишу тебе. Мы выберем другое время и место, чтобы обсудить всё. А сейчас, прошу тебя, дай мне два часа.

Мои губы изогнула полуулыбка.

– Зачем, мистер Филлипс? Что мы сможем успеть за два часа?

Поднимая меня за руку, Броди встал.

– Пойдём со мной, Виктория, я покажу тебе.

Я взволнованно опустила глаза.

– Я-я не...

– Пожалуйста, – попросил он. – Никакого секса. Позволь мне просто обнимать тебя. Только мы вдвоём, во свете.

От тревоги мой живот скрутило, как бы говоря о том, что я уже знала – мне следует уйти. Не стоит позволять тьме во мне осквернить свет в нём. Однако, прежде чем я смогла возразить, Броди поправил подушки на кровати и прижал меня к своей широкой груди. Биение его сердца эхом раздавалось в моей внутренней пустоте. Оно отдавалось такой болью, что была сильнее, чем стыд, который я когда-то чувствовала из-за склада и замечаний Стюарта. Но того унижения больше не существовало. Да, оно было, но я научилась закрываться. Так было и сегодня после обеда. Моё тело делало лишь то, что приказывал голос в наушниках, но мой разум и сердце были под защитой. Броди продолжал нащёптывать ласки, а боль внутри лишь росла. Должно ли мне это нравиться? Может, моё сердце не под защитой, а умерло? Но тогда может ли болеть то, чего не существует.

Я подняла к нему лицо и пробежалась пальцами по его мягким коротким волосам. При естественном свете из открытого окна было трудно различить оттенки в его светлой шевелюре. Подняв подбородок, я поцеловала его губы. Невинный поцелуй плавно перерос в глубокий, когда наши языки сплелись.

– Ого! – запротестовал он, отстраняясь. – Я вообще-то стараюсь вести себя по-джентльменски. Что ты творишь?

Присев, я схватилась за подол своего сарафана, и стянув его через голову, одним театральным движением отбросила тот на пол, превратив в ворох шёлка. Теперь, когда на мне ничего не было, кроме трусиков, я обхватила грудь руками, и открывая его взору свои дерзкие соски, сжала их между большим и указательным пальцами, покручивая.

– Мистер Филлипс, – хрипло проговорила я, – теперь у вас есть менее двух часов, чтобы заставить меня забыть обо всём. Я хочу, чтобы вы оттрахали меня так, чтобы мир вокруг исчез. Чтобы все мои мысли были только о том, как глубоко вы во мне.

Я изогнула бровь и положила его руку на свою грудь. Когда наши глаза встретились, я спросила:

– Вы принимаете вызов?

По виду уже натянувшихся брюк и страстному выражению, сменившему сочувствие и заботу, я знала, что он его примет.

– Вик, я хочу, чтобы ты знала, ты для меня больше, чем просто трах...

Я приложила палец к его губам.

– Броди, прямо сейчас я хочу, чтобы меня трахнули. И чтобы я могла видеть и слышать человека, который меня трахает. Я хочу сама контролировать свои движения и ответные реакции. Я хочу, чтобы ты трахнул меня. Оттрахал так, как никто и никогда.

Мои пальцы нашли пояс трусиков.

– Прошу, ты сделаешь это для меня?

Расстёгивая ремень, он улыбнулся мне и сказал:

– Только с одним исключением. Просто к сведению, твои ответные реакции будут зависеть от меня. – И пока я не смогла возразить, он продолжил, – Я не собираюсь указывать тебе, что делать, но ты будешь знать, что вызваны они именно мной. И я не останавлиюсь, пока не получу, что хочу. К чёрту лимит в два часа.

Я была уже абсолютно голая, когда Броди толкнул меня на огромный матрас и взобрался сверху, покрывая меня беспорядочными поцелуями.

– Я принимаю только такой вызов.

Я могла примириться с этим. Могла раздвинуть ноги и исчезнуть. Это было моим специальным умением, моим приёмом выживания.

– Ещё кое-что, – сказал он, взяв меня за подбородок, чтобы наши взгляды встретились, – Ты останешься со мной. Я хочу увидеть, как ты кончишь.

Мне нужно было сбежать. Это не та связь, которой я хотела.

– Я-я не...

– Вик, сюда, – спокойным тоном потребовал он, указывая на свои глаза. – Смотри прямо сюда.

Когда я повиновалась, его рука скользнула вниз по моему животу. Его тёплое прикосновение оставляло горячую дорожку на моём теле, кожа словно горела. Я схватилась за его плечи, когда в меня скользнул сначала один, а потом второй палец. Мои глаза не отрывались от его глаз, руки сжимали его всё крепче, бедра двигались в его ритме.

– Вот так. Будь со мной. О, детка, ты такая влажная, для меня...

Подняв руки к изголовью кровати, я перестала слушать, что говорил Броди. Я уже годами не была так возбуждена, ни для кого, даже для Стюарта. Для этой цели служили лубриканты. Большинство друзей даже не догадывались, то ли из-за своей тупости, то ли из-за чрезмерного эгоизма. Наверняка, большинство из них хвалили

себя за то, что их крохотные члены, облачённые в презервативы, так легко скользят внутрь. Они даже представить себе не могли, что даже сама мысль об их присутствии превращала моё тело в пыль. Иногда я представляла, как эту пыль уносит ветром...

Но из-за его проникновенного аквамаринового взгляда я понимала, что здесь всё по-другому. Я помылась после склада. Сейчас меня по-настоящему охватило возбуждение.

– Вик, я надена презерватив.

Сконцентрировавшись на его словах, я кивнула. Не важно. Я всё равно бы не забеременела. Одним из условий договора, на котором настаивал Стюарт, были ежемесячные противозачаточные инъекции. В недалёком прошлом я считала, что в них нет необходимости, по крайней мере, когда дело касалось его. Во время одного из посещений врача я случайно узнала, что ещё за несколько лет до нашего брака он прошёл через вазэктомию[1]. Очевидно, он не чувствовал необходимости сообщать мне об этом. Я полагала, что инъекции были дополнительной защитой от последствий его маленьких представлений.

– О!

Я утонула в глубине глаз Броди, когда головка его напряжённого члена прижалась к моему входу. Несмотря на то, какой влажной я была, с каждым дюймом он проникал за пределы моей сущности. Меня захватило восхитительное чувство наполненности, и я шевельнула бёдрами, чтобы он заполнил меня до предела.

Снова я коснулась его плеч, желая нашего соединения. Мои руки ласкали его рельефные мышцы, а он исполнял моё желание. Номер был пропитан мускусным запахом, заменившим свежий запах лосьона Броди, и этот запах манил меня к нему. Он не говорил ничего, но звуки страсти и одобрения заполнили мои уши, захватили все мои чувства.

Его бёдра стали двигаться жёстче и быстрее, и я подхватила его ритм. Схватив меня за попу, он притянул меня ближе, удерживая наш вес своими руками, и уже трудно было сказать, где заканчивается один из нас и начинается второй. Мы были одним целым. С моих губ срывались стоны, когда его яйца ударялись о мои ягодицы.

– В тебе так хорошо. Я-я..., – пробормотал Броди, его взгляд затуманился, он отпустил мои ягодицы и нашёл пальцами клитор.

Как только его рука коснулась набухшего узелка нервов, комната вокруг перестала существовать. У меня так давно не было настоящего оргазма, что это всепоглощающее ощущение, когда взрываются фейерверки, и вспышки света электричеством проходят сквозь все тело, застало меня врасплох. Я не могла оторваться от Броди, боясь, что если отпущу его, то меня тут же унесут волны наслаждения, захлестывающие с головы до ног.

Начав сильнее вколачиваться в меня, Броди испустил рык, эхом пронёсшийся по номеру, и кончил. Когда дрожь неистового наслаждения исчезла, Броди поцеловал меня в лоб и потёрся своей щекой о мою.

– Ты потрясающая.

Улыбаясь, я подвигала бёдрами, посылая импульс туда, где мы были по-прежнему соединены.

– Думаю, это не я.

Его лицо посветлело, а в уголках глаз появились маленькие морщинки. Одно ловкое движение, и я оказалась сверху, оседлав Броди; его член по-прежнему был глубоко во мне.

– Уверен, больше тут никого не было. Это была только ты.

Он поднял меня за бёдра и опустил. Наши движения оживили то, что уже начало уменьшаться. Подстраиваясь под него, я почувствовала, как он вновь начал растягивать моё удовлетворённое лоно.

– Да, Вик. Продолжай двигаться. Не думаю, что я закончил.

Я откинулась назад, позволяя ему ласкать мою грудь. Броди искусно дразнил затвердевшие соски, его умелые пальцы одновременно дарили боль и наслаждение. Каждое из ощущений перетекало от груди к низу живота, усиленное толчками его бёдер. Напряжение во мне нарастало, и я задалась вопросом – сумею ли сохранить вертикальное положение... Как будто прочитав мои мысли, он переплёл наши пальцы, удерживая и поддерживая меня в возрастающем темпе. Дикое пламя, взорвавшееся чуть ранее, снова разгорелось, прожигая дорожку, грозящую разрушить мои так прочно возведённые стены.

Комната наполнилась криками, с моих губ слетали первобытные звуки, которые перекрыли рыки Броди. Мы продолжали двигаться до тех пор, пока наши слова и стоны не достигли своего пика.

– Проклятье! Вик, ты чертовски горячая!

Спина Броди изогнулась, а пальцы вонзились в мою плоть, когда его член запульсировал внутри меня. Из моего конвульсивно сжимающегося лона сочилась влага, наши вздохи удовлетворения постепенно успокоили наши движения, и в люксе стало тихо. Мы утопали в вызванной оргазмом тишине, и комната, да чёрт возьми, весь мир, словно окутало облаком покоя.

Не в силах встретиться с аквамариновым взглядом, видящим меня насквозь, я упала на грудь Броди, изнурённая, разрушенная. И пока я плыла в своих ощущениях, сильные руки обняли мои плечи. Этот оргазм был не похож ни на один из тех, что я могла вспомнить. Определённо, я перестала быть цельной. Где-то в глубинах

окутавшего меня тумана сидело осознание того, что я не что иное, как миллионы отдельных частичек, беззащитных перед ветрами жизни.

Но пока ещё эти частички не унесло, Броди снова поцеловал меня в лоб и потёрся своей щекой о мою. Он притянул меня в свои тёплые объятия и продолжал обнимать, пока я таяла рядом с ним. В ту же минуту я положила голову ему на плечо и заснула.

– Вик, – встревоженный голос Броди выдернул меня из забытья.

Вот дерьмо! Несмотря на открытые шторы, в номере было темно.

– Чёрт! Который час?

– Уже за полночь.

Голова кружилась, я отбросила простыни, выскочила из кровати и начала искать свою одежду.

– Где твоя машина?

Моя машина?

– Чёрт! У больницы.

Броди потянулся к моей руке, его слова звучали медленно, особенно если сравнивать с хаосом в моих мыслях, ещё не отошедших ото сна.

– Всё нормально. Если он будет расспрашивать тебя, скажи ему, что была с Вэл в больнице.

Броди взял свои брюки и продолжил:

– Вы обсуждали новые центры по борьбе с раком, но её вызвали на какой-то экстренный случай. Ты уснула, ожидая её возвращения.

Я как раз надевала платье.

– Отлично. Мне лишь нужно предупредить Вэл.

– Она не будет против?

Я пожала плечами.

– Она же моя сестра. Мы заботимся друг о друге.

– Позволь, я отвезу тебя до больницы.

Кивнув, я взяла сумку и вытащила телефон: два пропущенных звонка от Трэвиса. Этого стоило ожидать. Если не Стюарт, то это всегда был его информатор: глаза и уши моего мужа. Да уж. Разберусь с этим утром. Сейчас я все равно ничего не смогу сделать.

Пока мы шли к машине Броди, я спросила:

– Как ты так быстро придумал алиби?

– Миссис Харрингтон, в конце концов, я ваш адвокат. Это моя работа.

[1] Вазэктомия –хирургическая операция, при которой производится перевязка или удаление фрагмента семявыносящих протоков у мужчин. Эта операция приводит к стерильности (неспособности иметь потомство) при сохранении половых функций (прим. переводчика).

Глава 4

Десять лет назад

– Мисс Конвей?

Трэвис - мужчина, который приехал за мной, приблизился так незаметно, что я его не заметила, и направился к лифту. Я поспешно последовала за ним, но догнала его, лишь, когда двери открылись. На панели была всего одна кнопка – «ПХ» - что, как я поняла, означало «Пентхаус». В моей голове крутились тысячи вопросов, но даже с таким скромным опытом, как у меня, я и помыслить не могла, что у этого водителя есть на них ответы.

Я согласилась пойти на встречу, организованную моими родителями, но они не дали никакой конкретной информации. Единственное, что я получила, был наряд, который я должна была надеть, и записка, в которой говорилось о том, что моё присутствие там являлось крайне важным для будущего всех нас.

Стараясь скрыть своё беспокойство, я изо всех сил пыталась выглядеть невозмутимой и сохранять молчание в маленьком, неудобном пространстве кабины, в то время, как лифт поднимал нас к месту назначения. Когда двери открылись, передо мной предстали самая захватывающая панорама и самая изысканно декорированная гостиная, которые мне когда-либо доводилось видеть. Высокие окна освещали комнату, насыщенная синева неба и моря оттеняли светлую мебель.

– Спасибо, Трэвис, я провожу мисс Конвей.

Я повернулась на женский голос. Она была примерно тех же лет, что и моя мать, с короткими светлыми волосами и ласковыми голубыми глазами, от неё я не почувствовала ощущения дискомфорта, которое чувствовала от Трэвиса. Не дав мне заговорить, она взяла меня за руку.

– Добро пожаловать, мисс Конвей. Рада с вами познакомиться. Меня зовут Лиза. Если вам понадобится моя помощь, не стесняйтесь.

– Прошу прощения, Лиза, но где я нахожусь? С кем я должна встретиться?

Её глаза удивлённо расширились.

– Мисс Конвей, вы здесь, чтобы встретиться с мистером Харрингтоном. Мы в его пентхаусе в Майями. Уверена, что вы узнаете город по виду из окон.

От её честности ритм моего сердца пришёл в норму, и я снова бросила взгляд в сторону окон.

– Конечно, я узнаю город. Я лишь не знала, в какую его часть меня доставят.

Выражение её лица смягчилось, когда она вежливо поинтересовалась:

– Не хотели бы вы освежиться перед тем, как увидите мистера Харрингтона? Если нет, то он готов вас принять.

Понизив голос, я спросила:

– Лиза, а кто такой мистер Харрингтон? И зачем он хочет меня видеть?

Её лицо теперь выражало беспокойство.

– Мисс Конвей, я не уверена в причинах вашей неосведомленности относительно этого вопроса. Но, думаю, будет лучше, если мистер Харрингтон объяснит всё сам. – Она сжала мою руку. – После того, как вы поговорите, я буду рада помочь вам и разъяснить всё, что пожелаете.

От нерешительности и опасения мой пустой желудок скрутило. Я вдруг даже обрадовалась, что ничего не ела. Сглотнув растущий ком в горле, я расправила плечи и произнесла:

– Думаю, я готова встретиться с мистером Харрингтоном.

– Вы выглядите прекрасно, дорогая. Позвольте, я провожу вас в его кабинет.

Я последовала за Лизой через огромную белую гостиную. Пышные зелёные растения и акценты в синих тонах сочетались с выложенным плиткой полом и белой кожаной мебелью. Вместе с цветом океана за окнами всё это являло собой прекрасную гармонию. Как только мы вышли в длинный коридор, узор плитки поменялся. Я не могла не задать себе вопрос, насколько огромным был этот пентхаус; но как бы то ни было, прежде, чем я всерьёз над этим задумалась, Лиза остановилась. Глядя мне в глаза, она прошептала:

– «Харрингтон Спа энд Сьютс Интернэшнл». Возможно, вам пока не знакомо это название, но я думаю, вам будет полезно знать, с кем будет ваша встреча.

И прежде чем я успела ответить, она отвернулась и постучала в дверь. В глазах у меня помутилось. Конечно же, я знала о «Харрингтон Спа энд Сьютс» – это была сеть одних из самых дорогих отелей в стране, а возможно, и в мире, раз Лиза сказала «интернэшнл»[1]. А слышала я про неё, главным образом, из-за того, что мой отчим Рэндал заключил эксклюзивный договор на предоставление медицинских услуг с филиалом Харрингтона в Майями. По словам матери, это был очень престижный клиент. И то, что Рэндал обзавёлся таким надёжным партнёрством, было тем достижением, которым она любила прихвастнуть на каком-нибудь из наших редких приёмов.

Ещё я вспомнила, что слышала про «Харрингтон Сьютс» на одном из занятий. Академия, в которой я училась, гордилась своими подготовительными курсами к колледжу. Введение в бизнес было необходимым предметом для детей элиты. На одном из занятий по этому предмету у нас был семинар на тему передачи дел в бизнесе и последствий того, когда семейный бизнес переходит от одного члена семьи к другому. Как мне помнилось, отец мистера Харрингтона основал «Харрингтон Сьютс» много лет тому назад, и когда он умер, его сын – мужчина за дверью – унаследовал контрольный пакет акций компании. Он вызвал ажиотаж своим решением модернизировать и без того весьма успешную сеть. Часть совета директоров была более чем обеспокоена. Но всё-таки молодой мистер Харрингтон настоял на своём и включил спа-салоны во все филиалы. Судя по тому, что я читала, это были салоны высшего класса.

Когда я услышала, как из-за двери прозвучало «входите», то попыталась вспомнить все новостные сообщения и биографические заметки, которые мне задавали прочитать. Забавно, тогда это не казалось важным. Теперь же я всё бы отдала, чтобы сохранить в памяти хоть что-нибудь. Я вспомнила, как читала, что молодой мистер Харрингтон рос ни в чём не зная отказа и приобрёл репутацию человека, который

живёт на полную катушку. Ещё мне вспомнилось, что вроде бы его жена ушла из жизни относительно молодой. Хотя, по современным стандартам, они были женаты целую вечность.

Дверь открылась, и я ошеломлённо застыла. И это мистер Харрингтон? Я ожидала увидеть мужчину постарше. Конечно, он не был таким же молодым, как я, но я думала о нём, как о древнем старике. Оказалось, на вид ему было около сорока, плюс-минус несколько лет. Определённо, он выглядел моложе моих родителей, а моя мать тратила кучу денег и времени на услуги пластического хирурга, чтобы выглядеть настолько юной, насколько это вообще было возможно. Его взгляд моментально скользнул на меня, а на губах появилась широкая улыбка.

– Мисс Конвей, Виктория... – Огибая стол, он протянул мне руку. – Я так рад, что мы смогли организовать встречу.

Обратив внимание, на его непринужденный стиль одежды – джинсы и белую футболку, я тут же почувствовала себя слишком разодетой. И несмотря на каблуки, что добавляли мне роста, с каждым его шагом в мою сторону я ощущала себя всё меньше. Рядом с ним, мои сто шестьдесят семь с половиной сантиметров казались ростом Дюймовочки. Он обладал всеми признаками мужчины, проживающего в Майями: загорелую кожу и светлые волосы.

И теперь единственным, что меня интересовало на данный момент, было, какого дьявола такой столь известный предприниматель хотел со мной встретиться?

Неспешно я приняла его руку и опустила глаза. Вместо того, чтобы пожать её, как я и ожидала, он просто удерживал мою ладонь. Тепло его прикосновения разительно контрастировало с прохладным воздухом пентхауса. Когда я подняла взгляд, его глубоко посаженные голубые глаза буквально пожирали меня, а улыбка становилась всё шире. Внутренности снова скрутило, а волосы на затылке встали дыбом. Ничуть не смутившись из-за моего явного беспокойства, он отклонился назад и осмотрел меня сверху вниз.

Моё беспокойство росло с каждой проходившей секундой. Моя ладонь по-прежнему оставалась в его руке, и я беспомощно обернулась в поисках Лизы. Она могла бы подать мне знак поддержки или одобрения. Однако, обернувшись, я увидела лишь закрытую дверь, оставившую меня один на один с этим незнакомым мужчиной. Собрав все свои силы, я постаралась не грохнуться в обморок и говорить не запинаясь.

– Мистер Харрингтон, боюсь, мне не известна причина моего здесь нахождения.

Его губы изогнулись, и он вскинул бровь.

– Мисс Конвей, разве не в ваших привычках посещать незнакомые места по неизвестным причинам?

"Его что, забавляет моё смущение?"

Освобождая руку, я вцепилась в сумочку и распрямила плечи.

– Нет, мистер Харрингтон, такой привычки у меня нет. По правде говоря, я немного волнуюсь. Прошу вас сказать мне, что происходит, или я уйду.

– Думаю, вам придётся меня выслушать. – Он указал в мою сторону. – Ведь вы так прекрасно выглядите. Так роскошно одеты.

Мои щёки покраснели. Он отступил и небрежно опёрся о стол.

– Начнём с того, что ты будешь называть меня Стюартом. Ни к чему формальности.

Бессознательно я закрыла глаза и прикусила нижнюю губу. Моё тело дрожало от волнения, пока я пыталась осмыслить происходящее. Прежде чем я заговорила, Стюарт обхватил мой подбородок и поднял его, чтобы наши взгляды встретились. То, как мужчина непринуждённо меня касался, заставляло меня нервничать ещё больше. Я отступила и пролепетала:

– Стюарт, я не знаю...

Его голос стал ниже.

– Виктория, мы с твоими родителями обговорили соглашение, позволившее разрешить ситуацию, в которой они оказались по собственной вине. Интересно, что они, как я вижу, не посчитали нужным сообщить тебе о твоём в нем участии.

Я изо всех сил старалась держаться мужественно, ошибочно полагая, что больше мне не придётся удивляться действиям своих родителей.

Мистер Харрингтон продолжил:

– Они сделали так, чтобы ты выплатила их долг за них.

"Выплатила их долг?"

– Не понимаю, что ты имеешь в виду... У меня нет денег...

Он оборвал мои слова, снова крепко взяв меня за руку, и повёл к софе. До этого момента я даже не замечала её существования. Когда мы сели, он сказал.

– Виктория, мы должны пожениться.

– Что?! – Я выдернула руку. – Я не собираюсь ни за кого замуж. Я ещё даже школу не закончила!

Стюарт был почти ровесником моих родителей. Чёрта с два я бы вышла за него.

Усмехнувшись, он продолжил говорить:

– Понимаю, что это далеко не самое романтичное предложение руки и сердца. Но я буду честен - я не ищу романтики. Возможно, ты знаешь, а может и нет, но твоя семья немного неадекватная.

"Неадекватная? Проклятье, да он понятия не имел насколько."

Несмотря на то, что мои нервы были накалены до предела, я постаралась справиться с зарождающейся истерикой, когда осознала, что не смогла предвидеть такого поворота событий, или что я снова недооценила умение моих родителей разрушать мою жизнь. Борясь с желанием убежать, я полностью переключила внимание на Стюарта Харрингтона и начала говорить спокойным голосом. Это был трюк, которому я научилась ещё ребёнком – казаться невозмутимой, когда на самом деле внутри всё кипело.

– Стюарт, мне восемнадцать. Мне можно не делать того, что говорят мои родители. Я сама принимаю решения.

– Конечно. Никто не будет принуждать тебя силой принимать это соглашение, но, прежде чем ты примешь решение, я рекомендую выслушать всю историю целиком.

Отлично, я выслушаю его. Годы обучения в частных школах и пансионах для девушек научили меня хорошим манерам. Я выслушаю его, а потом вежливо пошлю куда подальше.

– Твой отчим имеет тягу к азартным играм. И он сделал несколько неудачных ставок.

"Да, например, поставив на то, что я захочу продать себя, чтобы спасти его задницу." Это было настолько омерзительно, что сложно даже представить.

– Вообще-то, меня совершенно не волнует, что Рэндал...

– Виктория, не перебивай меня, пока я всё тебе не расскажу.

Сделав глубокий вдох, я кивнула.

– Как я уже сказал, Рэндал любит играть на лошадиных и собачьих бегах, на всём, где можно сделать ставку. Но у твоей матери тоже есть тайна. Пусть она и завязала с алкоголем, но теперь у неё новый наркотик, такой же разрушительный. Это шопинг. Она может за полдня потратить сотню тысяч. И они лишь подстёгивают друг друга. Ей нужны его победы, чтобы ублажать свою зависимость. И всё было отлично, пока Рэндал выигрывал. Но, когда полоса удачи закончилась, он подумал, что сможет отыграться. Так всегда происходит с пагубными привычками. В каждой следующей

игре он видел возможность спасти себя и свою репутацию. Тем не менее, как легко догадаться, раз мы сидим здесь, это не сработало. Каждая ставка затягивала его всё глубже в долги...

– Рэндал – врач. Он зарабатывает большие деньги.

Взгляд Стюарта потемнел, как только я перебила его. Но мне было всё равно, одобрял он или нет то, что я заговорила. Ведь это мою жизнь и моё будущее мы так буднично обсуждали, словно фильм или книгу. Мне нужны были разъяснения.

– Я по-прежнему не понимаю...

– Может, тебе стоит попытаться послушать? – сказал он немного снисходительно.

Поджав губы, я уставилась на него и подняла брови, призывая его продолжать дальше.

– Как уже было сказано, долги Рэндала росли. Он попытался заключить сделку с джентльменом, который занимал ему денег. Но джентльменов такого рода не интересуют сделки, а ещё им очень не нравятся, когда им не платят по счетам. Рэндал пришёл за помощью ко мне. У меня есть деньги, которые я могу одолжить. Но дело в том..., – он помедлил, – ... мне это не нужно. Тогда я решил, что в обмен на деньги я хочу получить что-то другое, – он коснулся моего колена, – что-то нестандартное. Видишь ли, с тех пор, как умерла моя жена, я понял, что нуждаюсь в компании. Я пользуюсь репутацией, и ничто так не приведёт в бешенство этих самодовольных козлов, как прекрасная, сексуальная девушка рядом со мной, такая, как ты. Я хочу, чтобы они замечали и говорили о нас; однако, я не хочу кормить папарацци. Для исполнения моих пожеланий лучше заключить брак с молодой женой, чем ходить на свидания или платить женщинам.

"Он приравнивал одну к другой? Жену к проститутке?"

Мой голос стал выше на пару октав.

– Я не шлюха. Меня нельзя купить.

– Ты не шлюха, и я не собирался даже намекать на то, что ты являешься таковой. Тем не менее, каждого можно купить. Ты из вполне презентабельной семьи, и, несмотря на то, что ты ещё молода, тебя можно научить справляться со всеми этими самодовольными козлами. И потому что ты ещё молода, тебя можно научить исполнять мои пожелания.

Не в силах больше сидеть, я поднялась с софы и стала мерить шагами комнату.

– Это просто смешно. Меня нельзя продать, и я не собака. Не нужно меня натаскивать.

– Виктория, конечно же ты не собака. Зоофилия меня не интересует. Как я уже говорил, ты и не шлюха, но если согласишься на этот брак, ты будешь моей шлюхой.

– Не понимаю. Я не буду продавать себя, чтобы спасти Рэндала или Мэрилин. Они бы и пальцем ради меня не пошевелили. Так почему я должна что-то делать ради них?

– А ты не интересовалась, почему они не захотели платить за продолжение твоего образования?

– Нет, – безапелляционно заявила я. – Я знаю, почему.

Стюарт вопросительно поднял бровь.

– Они ненавидят меня и всё, что меня касается. Ну и ладно, они мне не нужны. Я уже устроилась на работу.

– В маленькую страховую компанию – секретарём, где зарплата чуть больше прожиточного минимума.

Мой рот открылся от удивления. Я никому не рассказывала про работу, никому, кроме Вэл.

– Откуда ты всё это знаешь? Откуда ты знаешь так много о моей семье?

– Вик-то-ри-я, – произнёс он моё имя по слогам, поднимаясь. – Я не стал бы предлагать эту возможность, не разузнав о тебе все до малейшей детали. Я знаю о тебе всё, что только можно знать. Я не могу позволить себе быть женатым на женщине, у которой есть скелеты в шкафу.

– Я и не собираюсь за тебя замуж.

Он подошёл ближе и заговорил медленнее:

– Потому что квартира-студия и маленькая зарплата лучше, чем жить в этом пентхаусе, в моём поместье за пределами города? Или потому что ты не хочешь помочь своей сестре?

Что ему известно о моей сестре? Вэл значила для меня всё. Я сделала бы что угодно ради младшей сестрёнки. Тем более, что нашим родителям, похоже, было наплевать. Нам не на кого было рассчитывать, кроме как друг на друга. Отведя взгляд от самодовольного лица Стюарта, я спросила:

– Что ты знаешь о моей сестре?

Прежде чем он смог ответить, я отошла к окнам; бушующий океан с белыми барашками волн блестел, раскинувшись до самого горизонта. Голос Стюарта прозвучал за моей спиной, он был уверен в своих словах.

– Я знаю всё о вас обеих. Как знаю всё о твоём никчёмном отчине, твоей матери и их избалованных мальчишках. Мне даже кое-что известно о твоём биологическом отце.

Неожиданно мои глаза наполнились слезами. Вопреки своему желанию я повернулась к этому мужчине, у которого было гораздо больше ответов, чем я предполагала.

– Я не слышала ничего о нём, никогда. Моя мать сказала, что он не связывался с ней с тех пор, как Вэл была маленькой. Что тебе известно?

Он сжал мои плечи, его большие руки опалили мою кожу, в каждом его движении сквозила властность. На долю секунды в глубине его глаз промелькнула заинтересованность.

– Мне известно, что ты не должна о нём беспокоиться. – Не ослабляя хватки, он продолжил, – А теперь вернёмся к другим твоим вопросам. Я знаю, что Вэлери не сможет остаться в академии, потому что её выпускной год в старшей школе и последующее обучение не будут оплачены. Я также знаю, что у тебя есть все основания, чтобы ненавидеть своих родителей, и возможно, так оно и есть, но ты не ненавидишь их сыновей, твоих сводных братьев. Я также знаю, что ты не захочешь, чтобы они потеряли свой дом и, очень вероятно, своих родителей.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Те люди, которым задолжал Рэндал – они не примут меньше, чем полную сумму долга. И если они не получают её в скором времени, его смерть послужит им утешением на какое-то время. Всё будет выглядеть как несчастный случай, но это произойдёт. Ты на самом деле хочешь нести ответственность за его жизнь?

Хотела ли я? Это была бы не первая жизнь, в потере которой меня обвинили, и закончилось бы всё на Рэндале? Волновало ли меня это? Волновало ли меня, что моя мать напивалась до полного забвения? Я не знала. Тогда что насчёт Маркуса и Лайла? Что насчёт Вэл? Что случилось бы с ними?

– Стюарт, но я даже не знаю тебя..., – мои слова растаяли в тишине, когда я снова развернулась к окну.

Рэндал и моя мать могли утонуть в океане, мне было бы всё равно, но мальчишки? Они ещё такие юные... а Вэл? Ещё год, и начнётся её будущее. Это было слишком, слишком, чтобы осмыслить.

Борясь с эмоциональным напряжением, я закрыла глаза и попыталась разобраться во всём происходящем. По теплу, исходящему от Стюарта, я поняла, что он стоит прямо за моей спиной. Из последних сил сохраняя спокойный вид, я наблюдала, как его руки поглаживают мои плечи.

– Виктория..., – голос Стюарта звучал глубже, с придыханием, – ты красавица. У меня было время, чтобы обдумать это соглашение. Должен признаться, что пока я наблюдал за тобой последние несколько недель, моё ожидание познакомиться с тобой всё росло и росло. Ты по-настоящему поразительная, такая сильная, несмотря на то, что тебя никто не поддерживает. Его руки продолжали гладить мои плечи, лаская.

– Но я не знаю тебя. Я не люблю тебя.

Его голос раздался рядом с моим ухом, с каждым словом всё ближе и ближе:

– Ты сможешь узнать меня.

Я начала было поворачиваться к нему, чтобы остановить чувство смущения, вызванное его близостью, но он остановил меня, его тон не допускал компромиссов.

– Не поворачивайся.

Я невольно вздрогнула от его приказа.

– Положи руки на окно. Позволь мне увидеть эти милые пальчики.

Ещё никогда в жизни я не слышала, чтобы мужчина говорил с таким неоспоримым авторитетом. Подчинившись, я прижала пальцы к холодному стеклу. К счастью, моя сумочка осталась на софе. Заперев меня с двух сторон руками, он положил свои ладони рядом с моими. Контраст в размерах был ошеломляющим, как и его глубокий голос, когда его дыхание коснулось моей шеи.

– Уверен, тебя беспокоит наша разница в возрасте. Позволь мне разубедить тебя, я хорошо о себе забочусь. А большинство женщин моих лет – нет. Как я уже говорил, у меня есть предпочтения, вещи, которые мне нравятся, и вещи, которые мне не нравятся.

Одна его ладонь исчезла из поля зрения, и вскоре я ощутила ее на своей левой груди. Ахнув, я закрыла глаза. Почему я позволяла это? Мне следовало закричать или убежать.

Его голова легла на моё плечо, дрожь пробежала по всему моему телу, и новое ощущение пробудилось внутри.

– Виктория, мне нравится та сила, про которую я говорил. Мне нравится, что, даже не зная меня, ты была честна насчёт своей семьи. Мне нравится, что ты не покинула наши переговоры и обдумываешь это соглашение. Мне нравится, что отсюда мне открывается вид на твои затвердевшие соски под этим чёрным платьем. Мне нравится, что ты не ослушалась моего приказа, и мне нравится, что ты возбуждена.

– Нет, – солгала я, когда мое лоно отозвалось спазмом на его слова.

Это неразумно. Я не знала этого мужчину, не хотела этого мужчину, и, тем не менее, одни его слова творили со мной что-то волшебное.

Рука, которая поглаживала мою грудь, двинулась выше и скользнула под вырез платья. Когда я ахнула и дернулась, его глубокий голос тут же меня остановил.

– Я сказал тебе держать руки на окне. Я не давал тебе разрешения двигаться. Разве нет?

Когда я не смогла ничего произнести в ответ, его пальцы нашли мой сосок и, сжав затвердевшую вершинку, больно скрутили.

– Виктория, я задал тебе вопрос. Ответь мне, или мне придётся завладеть твоим вниманием как-то иначе.

Мне потребовались все мои силы, чтобы сконцентрироваться и вымолвить слова, не думая о том, что делают его руки. Я не могла понять, нравится мне это или это было невыносимо. Мой разум воевал с моим телом, а я оказалась в эпицентре

сражения. Когда его пальцы нашли второй сосок, я вспомнила, что способность говорить у меня еще не отняли.

– Нет. Ты не давал мне разрешения.

– Умница. Теперь, не шевели руками и скажи мне правду. Тебя это заводит, ведь так?

– Я-я не знаю... мне страшно.

Его губы потёрлись о мою шею. Но вместо сопротивления, я откинула голову ему на грудь, открывая больше доступа. Вдыхая, он застонал.

– Проклятье, девочка, вблизи ты ещё сексуальнее, чем я представлял. Ты хоть знаешь, каким возбуждающим был твой ответ?

Его пальцы, которые только что болезненно крутили мой затвердевший сосок, начали ласкать всю грудь целиком. Внезапно, его прикосновение стало тёплым и наэлектризованным.

– Может, ты и испугана, но это не из-за меня, это из-за твоих ощущений. Твои соски говорят мне, что ты чувствуешь то же самое, что и я. Они говорят, что тебе это нравится.

Теперь обе его руки были на моих грудях. Сдвинув лиф моего платья, он полностью обнажил меня перед окном. Слава Богу, мы на много этажей возвышались над городом.

– Хочешь знать, как ещё я понял, что ты возбуждена?

Произносить слова становилось всё труднее и труднее. Поэтому, я замотала головой.

– Я чувствую это, дорогая... ты восхитительно пахнешь. Клянусь, и на вкус ты такая же восхитительная. – Уткнувшись носом в изгиб моего плеча, он продолжил, – Хотя одному парню ты позволяла довести себя до оргазма лишь языком?

– Н-нет, никогда...

– Так много вещей я могу показать тебе, так много высот. Дорогая, если мы заключим это соглашение, я обещаю тебе такие высоты, которые ты даже представить себе не могла.

– Это-это неправильно.

– Разве?

Я хотела сказать 'Да, это так!' но не смогла.

– Родители не могут поступить так со мной. Это нечестно.

Продолжая свою чувственную пытку, Стюарт сказал:

– Они не первые. Думай об этом, как о старинном договорном браке. Думаешь, те лорды и леди не думали о своих дочерях, как о товаре, средстве достижения целей? Их дочери были лишь возможностью проникнуть в лучшие слои общества, средством к лучшей жизни. Словно молодая невинная девица, выданная за короля – думай о себе так, думай о себе, как о вознаграждении за спасение репутации твоей семьи. Если ты согласишься, они смогут продолжать дурить богатых и знаменитых снобов.

– Н-но они меня не волнуют...

– Нет? А как насчёт твоей сестры? Хочешь, чтобы Вэл получила такое образование, какое она заслуживает? Разве тебе не хочется иметь столько денег и влияния, чтобы ты могла послать свою мать куда подальше?

Я никогда и не мечтала об этом, даже не помышляла. Неужели это был реальный шанс? Хотела ли я этого? Стоп! Нет, я бы не продалась ради них – но Вэл?

Мой внутренний монолог закончился, когда он в очередной раз скрутил мой сосок.

– Оох.

– Я спросил, хотела бы ты помочь сестре и, в то же время, поставить свою мать

на место.

– Я хочу помочь Вэл. – Как только я заговорила, щепок превратился в приятную ласку. – Я-я не уверена насчёт моей... О!

Бёдра Стюарта толкнулись вперёд, остановив все мысли о моей семье. Он притянул меня к своей груди, прижимая к моей пояснице то, что несомненно являлось внушительной эрекцией.

– Виктория, я лишь могу представлять, какая ты сейчас тугая и влажная. Уверен, мой член просто потрясаяще растянёт твою тесную киску.

Мне никогда не приходилось слышать таких слов. Как бы я не хотела почувствовать к ним отвращения, этого не случилось. Властным движением он притянул мой зад к себе.

– Тебя волнует мой возраст. Но мне нравится твой. Мне нравится, что ты не девственница, хотя тебе многому предстоит научиться. Я ручаюсь, что я не такой, как тот пацанёнок из частной школы Кинсли. Я - настоящий мужчина, который знает, что делает. Я буду делать с тобой такое, о чём ты даже не мечтала.

– К-как ты можешь знать, о чём я мечтала? И как ты узнал о Уэсли?

Это он был из Кинсли, и это он был единственным парнем, с которым у меня были отношения. Наш первый раз был неумелым. Мы оба не знали, что делать и даже как начать. В следующий раз было не так больно, но то, что происходило с ним, даже близко не было таким эротичным как то, что я чувствовала, стоя здесь, напротив окна, с видом на голубой океан.

– Я же говорил: я наблюдал за тобой и проводил исследования.

Одной рукой он обхватил мою обнажённую грудь, другой – талию, прижимая мою попу к своей эрекции, и задвигал бёдрами.

– И как я сказал, я рад, что ты не девственница. Мне не хочется брать на себя такую ответственность. И всё же, не считая того, что в тебе был член только одного парня, я обещаю, что когда дойдёт до того, что я задумал, это будет не похоже ни на что в твоей жизни.

Его слова и бёдра создали восхитительный ритм. Моё тело машинально стало двигаться в такт.

– Пожалуйста... – Мне нужно было прекратить это. Моё лоно изнывало из-за мучительного напряжения, возрастающего внутри. – Прощу тебя, Стюарт.

Его рука крепче сжала мою талию.

– Да, Виктория, пожалуйста что? Что ты хочешь, чтобы я сделал? Хочешь ли ты, чтобы я снова ласкал эти аппетитные сладкие грудки и сжал эти твёрдые соски, а может, ты хочешь чего-то большего?

– Я-я хочу..

– Если я подниму это платье, то увижу твои великолепные бёдра. Ты уже течешь, да?

– С-стюарт, ты прав, я не девственница, но я никогда не чувствовала ничего подобного. Я не знаю, что мне делать.

Его рука опустилась к подолу моего платья и начала поднимать его.

– Позволь мне увидеть, насколько ты влажная.

Это был вопрос? Он спрашивал меня и просто говорил, что собирался сделать? Я не могла нормально соображать. Он начал поглаживать внутреннюю сторону моего бедра, и я знала, что он найдёт то, что ищет. Я была мокрая, как никогда в своей жизни. Его голос прозвучал низко, когда пальцы скользили по моим бёдрам, так близко, но всё же не касаясь меня там, где я хотела. А я хотела?

– Виктория, а ты плохая девочка. Если бы мои пальцы были внутри тебя, ты бы трахнула их? А если бы я приказал тебе?

– Ч-что ты делаешь со мной? Я-я не хочу этого. – Отбросив сомнения и собрав все силы, что у меня остались, я оттолкнулась от окна и повернулась к его груди. – Прекрати. Ты - извращенец, я же сказала тебе, я не шлюха.

Его голубые глаза были цвета воды, тёмной и глубокой. Ухмыльнувшись, он поднял свои пальцы к губам и облизал их. После этого маленького шоу, он самодовольно улыбнулся.

– Когда ты станешь моей женой, я смогу делать это, когда захочу. Позволить своему мужу оттрахать тебя пальцами не значит быть шлюхой. Но как я сказал, ты станешь моей шлюхой.

Поправив своё платье, я обошла его, и подойдя к стулу, села. Тишина в кабинете заполнилась звуком приглушенного смеха.

– Мне жаль, что Рэндал принимал неудачные решения, но это не моё дело. Я уже устроилась на работу и всячески постараюсь поддержать Вэл. Вместе мы справимся.

Стюарт подошёл к своему столу; его эрекция явно проглядывала сквозь джинсы, когда он сел. Вытащив две папки из манильской бумаги, он подвинул их мне.

– Виктория Конвей, это решение далось мне не легко. Я много думал и анализировал. Я даже привлёк своих юристов для того, чтобы всё соответствовало требованиям закона. В этой папке, – он коснулся той, что лежала слева от меня, – соглашение, которое мы обсуждали. Оно включает и положение о неразглашении, включая то, что произошло сегодня, а также наше согласие на брак в следующий четверг. Наряду с этим есть соглашение, которое подпишу я. Оно будет гарантировать выплату необходимых сумм для оплаты обучения твоей сестры в академии, а также оплаты бакалавриата и послевузовского образования – любых, какие она выберет. Помоему, ей интересна медицина. – Он поднял брови. – А медицинское образование может быть очень дорогим.

Я сглотнула. Откуда он знал так много? Это открывало большие возможности. Смогу ли я на самом деле сделать её мечты реальностью?

Стюарт продолжал:

– А в этой папке, – он коснулся той, что лежала от меня справа, – соглашение о неразглашении касательно того, что произошло сегодня, а также чек на твоё имя на сумму в пятьдесят тысяч долларов. Я хочу тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женой; однако, если ты предпочтёшь уйти сегодня, я бы не хотел, чтобы ты зависела от предпочтений Рэндала и Мэрилин. Ты заслуживаешь большего. Эти деньги помогут тебе после окончания учёбы, ты сможешь потратить столько, сколько захочешь, чтобы помочь своей сестре, своей матери, кому захочешь. Выбор за тобой.

– Пятьдесят тысяч? Мне нужно лишь поставить подпись и я получу пятьдесят тысяч долларов? И единственное условие в том, что я не могу никому рассказать о том, что произошло здесь сегодня?

Он откинулся назад и кивнул.

– Дорогая, проблема с маленьким секретом твоей матери о том, что она шопоголик, перестанет существовать, как только ты подпишешь другой договор. Твой доступ к моему имуществу будет неограниченным, в пределах разумного. Ты сможешь не только жить в лучших из лучших апартаментах, отдыхать в самых дорогих номерах «Спа энд Сюитс», но и иметь всё, что пожелаешь. Даже лимит на твоих платёжных картах будет больше этих пятидесяти тысяч.

– Но почему я? И что я буду со всем этим делать? – С каждым вопросом мой голос обретал всё большую смелость.

– Почему ты? Из-за Рэндала. Но так было только в самом начале. Я наблюдал за тобой, узнавал, какая ты необыкновенная. И ждал, когда ты станешь совершеннолетней. И потом сегодня я увидел то, о чем до этого лишь мечтал: какая ты

чувственная, какая отзывчивая. Мы могли бы так развлечься. Только ты должна будешь позволить мне делать всё, что я захочу, со своим сексуальным телом.

Моя кожа покрылась мурашками.

– Что ты хочешь этим сказать? Ты сделаешь мне больно?

Он наклонился вперёд.

– Когда я сжимал твои соски, тебе было больно?

Я потупила взгляд, потом снова встретилась с его глазами. Я не хотела позволять ему смущать меня разговорами на тему моего тела.

– Да.

– Но тебе было приятно?

Кровь прилила к моим щекам.

– Это было больно, но потом ты сделал так, что стало приятнее.

– И?

– Я думаю, мне понравилось

– Если ты станешь миссис Харрингтон, твоё наслаждение и твоя боль, будут служить для моего удовольствия. Ты будешь моей женой и моей шлюхой. Мисс Мэдисон будет отвечать за твою подготовку к роли моей супруги. Она научит тебя, как себя вести, отвечать на вопросы, как справляться со всеми проблемами, которые возникнут в будущем. Твою сексуальную роль я беру на себя.

"Мою сексуальную роль? Что за чёрт? Но всё по порядку."

– Мисс Мэдисон? – спросила я.

– Ты встретишься с ней, когда прибыла сюда.

– Лиза?

– Что ж, да, Лиза. Любопытно, что она представилась тебе своим именем.

– Но что, если я попробую, но не смогу?

– Просмотри документы. Всё прописано: что будет, если я решу расторгнуть соглашение; что будет, если ты расторгнешь соглашение, а также прочие условия. Тебе следует внимательно всё прочитать, прежде чем ты примешь решение.

Я не могла поверить, что действительно обдумывала это.

– Когда тебе нужен ответ?

– Завтра утром, к семи тридцати. Если ты решишь подписать соглашение о неразглашении, то вернешься в школу. Если же выберешь другое соглашение – меньше, чем через неделю мы поженимся.

– Но что будет с моим дальнейшим обучением?

– Ты закончишь свою академию. Я один из её самых основных инвесторов. Они не откажут в том, чтобы моя жена получила свою степень.

Я встала.

– Думаю, мне нужен твой номер телефона, чтобы я могла позвонить тебе с утра.

– Нет. – Он ухмыльнулся.

– Нет?

– Ты останешься здесь на ночь. За это время ты сможешь поговорить с мисс Мэдисон, задать ей вопросы. Если с утра ты предпочтёшь уехать, Трэвис отвезёт тебя на занятия.

– Я не буду с тобой спать. Я не соглашусь на эту часть процесса обсуждения.

Стюарт игриво вскинул руки.

– Мой член не войдёт в твою тесную киску, пока ты не попросишь. Пока ты не будешь умолять.

"Подонок!"

– Что ж, это значительно облегчит мою роль в нашем договорном браке. Я не намерена о чём-либо умолять.

– Неужели? Сёгодня я едва коснулся тебя, а твои трусики уже промокли от возбуждения. Уверен, ты будешь молить, чтобы мой член оказался внутри тебя ещё до нашей свадьбы.

Внезапно я вспомнила о Вэл и мороженом, которые ждали моего возвращения.

– Я-я должна позвонить Вэл.

– Конечно. Она будет переживать, однако не забудь, что условие о неразглашении уже вступило в действие, оно включено в оба соглашения.

Я вцепилась в спинку стула. Как это произошло?

– Мне необходимо с ней поговорить. Что я могу ей рассказать?

Стюарт ухмыльнулся.

– Виктория, ты действительно моя мечта. Если я могу сделать что-то ещё, чтобы привлечь тебя к подписанию контракта, не стесняйся внести встречное предложение.

Но он не знал правды. Все его изыскания не открыли ему, что я была не мечтой, а кошмаром. Об этом мне твердили всю мою жизнь. Отбросив эти мысли в сторону, я произнесла:

– Это не ответ на мой вопрос. Я не буду лгать сестре.

– А ты рассказала ей о Уэсли? Рассказала о работе в страховой компании или о вносе в банк на ту маленькую квартирку?

Его глубокие познания в области моей личной жизни уже начинали выводить меня из себя.

– Я рассказала ей о Уэсли. И пока только собираюсь рассказать о квартире и работе. Мне бы не хотелось, чтобы сейчас она переживала об этом. Вэл всё ещё думает, что я собираюсь поступить в Университет Майями.

– Ну, дорогая, по-моему, ты уже лгала своей сестре. – Его светлые брови сошлись на переносице, а глаза прищурились. – Но мне ты лгать не будешь. Как ты могла убедиться, у меня есть способы докопаться до истины.

– Я могу сказать ей, что у нас была встреча по поводу кое-какой перспективной возможности, и так как всё это чрезвычайно сложно, я останусь в городе, в шикарном отеле. Она будет рада за меня.

Это не было ложью. Она действительно была бы за меня рада. Моя сестра поймёт любое развитие событий, но отнесётся к нему с оптимизмом. Я же, напротив, была совсем не уверена, что всё происходящее можно обратить хоть во что-то положительное.

– Что ж, где я буду ночевать?

– Мисс Мэдисон покажет тебе комнату, но знай, что когда мы поженимся, у нас будет одна комната.

– Если мы поженимся, – поправила его я.

Ещё один смешок. Стюарт взглянул на свои наручные часы.

– У тебя есть почти двенадцать часов, чтобы сделать выбор. Меньше, чем за час ты перешла от «этого не случится» к «если». Так возможно, я удостоюсь мольбы до того, как кончится ночь?

Самодовольный ублюдок. Я была не против принять этот вызов.

– И не надейся. – Я повернулась к двери. – Где мне найти Лизу?

[1] Интернэшнл (англ. International) – дословно переводится как «международный», часто входит в названия компаний и т.п., ведущих свою деятельность по всему миру.

Глава 5

Десять лет назад

Лиза провела для меня экскурсию по пентхаусу. Тот занимал два верхних этажа здания, целых два этажа, он был просто огромным. И зачем одному человеку столько места? Кроме просторной гостиной, которую я уже видела, когда только приехала, здесь было ещё несколько, но не таких больших. В пентхаусе оказалось множество кабинетов, несомненно, те, что поменьше, предназначались для персонала. Там также находились прекрасная кухня, столовая, терраса на открытом воздухе, бассейн и тренажёрный зал. Я устала считать количество спален, вернее, даже, целых апартаментов. Но только одна имела для меня значение – та, которую мне предстояло называть своей. И хотя Стюарт ясно дал понять, что после свадьбы мы будем спать вместе в его комнате, на сегодняшнюю ночь мне хотелось укрыться в своём собственном пространстве. Слишком трудно было переварить случившееся. Несколько раз Лиза спрашивала меня, не хочу ли я поесть. Но еда не входила в мой список важных дел. Чем больше я задумывалась над представленным мне предложением, тем больше скручивало у меня живот от чувства замешательства и сомнений.

Мне нужно было поговорить с Вэл. Но, если честно, правильнее было бы позвонить своим родителям и спросить, чем они, чёрт бы их побрал, думали? Мне следовало потребовать у них объяснений происходящему и тому, какого дьявола они решили, что я взялась бы их спасать. Но мне не хотелось разговаривать ни с одним из них. А вот с сестрой – наоборот. Мы были настолько близки, что я боялась, как бы она не раскусила мой обман. Ведь если бы я на самом деле находилась в шикарном отеле, то наше общение было бы непринужденным. Что ж, так я и сделала. Я вела себя, как сестра, которая проходит собеседование для приёма на работу; мы проговорили с ней больше часа. Мои опасения были напрасны, почти всё это время мы болтали о моём окончании учебы и сериале, который мы смотрели каждый вечер воскресенья. Мы вместе смеялись над тем, как главные героини третировали друг друга самыми нелепыми способами. Они постоянно оказывались в курьёзных ситуациях. Пока мы разговаривали, я, лёжа на огромной кровати в просторной шикарной спальне, начала смотреть реалити-шоу по телевизору, который по размерам превышал нашу комнату в общежитии. Внезапно моя жизнь до абсурда стала напоминать то, что показывали по телевидению. На какое-то мгновение мне, даже, показалось, что я сама являюсь участницей какого-то конкурса, и, возможно, всё происходящее не что иное, как новое реалити-шоу. Поэтому, пока мы с Вэл болтали, я искала взглядом камеры. Правда, я понятия не имела как выглядят скрытые камеры, и очень обрадовалась, когда не нашла ни одной.

Попрощавшись с сестрой, я выключила телевизор, и взялась за папки из мантильской бумаги. Поскольку, я уже имела чёткое представление о том, что говорилось в соглашении о неразглашении, то открыла папку с вариантом «Б» лишь для того, чтобы убедиться в наличии чека на пятьдесят тысяч долларов. Я хотела просто взглянуть на него, но начала рассматривать. В графе «Получатель платежа» было напечатано *«Виктория Конвей»*, в маленьком квадрате под моим именем – сумма, цифрами и прописью, вверху стояло имя Стюарта Харрингтона и его реквизиты, а в правом нижнем углу красовалась его небрежная подпись.

Дольше, чем хотела себе признаться, я держала чек в руках, обдумывая возможности. Конечно, с пятьюдесятью тысячами в кармане я не смогла бы послать

свою мать подальше, но зато смогла бы закончить вуз и получить уверенность в будущем. Возможно, Мэрилин и нужны были дорогостоящие покупки, но мне – нет. Эту сумму я могла бы растянуть надолго. Но какой ценой? Сказал ли мне Стюарт правду? Действительно ли у Рэндала был настолько большой долг? Что случится, если я скажу нет? Придётся ли мне жить с чувством вины в ещё одной смерти? С каждой секундой, пока чек был в моих руках, тяжесть вины становилась всё меньше. В конце концов, сделали ли Рэндал или Мэрилин Саунд что-нибудь ради меня? Эти пятьдесят тысяч смогут помочь и Вэл... но, а что насчёт наших сводных братьев? Что насчёт Маркуса и Лайла?

Дрожащими пальцами я убрала чек обратно в папку, и потянулась за другой – той, в которой было соглашение на мою жизнь. Той, в которой было соглашение на покупку меня, чтобы сделать, как очень выразительно назвал это Стюарт, шлюхой. Я не позволила себе думать об открывающихся перспективах. Чёрт, я не могла о них думать. Моей сексуальной жизни почти не существовало. Я даже не читала тех книг, которые читали другие девушки в академии. Они краснели и хихикали, пересылая друг другу снимки экрана с выделенными абзацами, всё это время, не переставая ёрзать на своих местах. Мне трудно было поверить, что слова сами по себе могли иметь такой эффект на чьё-то либидо, но ведь именно это Стюарт и доказал. От одних лишь его слов и близости я была возбуждена так, как никогда в своей жизни.

Я медленно открыла вторую папку. Дьявол! Почему я вообще это обдумываю? Почему я сразу не рассмеялась ему в лицо, и не сказала, чтобы он пошёл куда подальше?

Застыв, я пыталась разобраться с ответом. На самом деле, мне не хотелось говорить своей матери и её дражайшему муженьку, чтобы они катились ко всем чертям; мне хотелось, чтобы она знала, что у меня была такая возможность. Я хотела, чтобы хоть раз она посмотрела на меня не как на ужасного монстра. Я хотела, чтобы она посмотрела на меня так, как она смотрела на Маркуса и Лайла. Я хотела того, чего у меня никогда не было. Вопрос в том, как далеко я готова была зайти, чтобы получить это?

Я таращила на кипу страниц, которую держала в своих руках. Всё, что мне было известно о юридическом языке, можно было уместить в заголовок и-мэйла, и даже ещё осталось бы место. Прочитав название адвокатской конторы в верхней части страницы, я поняла, что вляпалась по самые уши. «Крейвен и Ноулз» – это звучало не только представительно, но и пугающе. Я начала читать:

"Настоящее соглашение заключено добровольно и без принуждения между Стюартом Алленом Харрингтоном, далее именуемым «Мистер Харрингтон», и Викторией Энн Конвей, далее именуемой «Мисс Конвей». Мистер Харрингтон и Мисс Конвей настоящим документом от..."

Я покачала головой, не веря своим глазам. Там стояла завтрашняя дата. Стюарт был либо очень уверен в моём согласии, либо излишне самоуверен. Продолжая читать, я начала понимать каким именно он был.

"Настоящее соглашение между Мистером Харрингтоном и Мисс Конвей обязательно для всех сторон и содержит следующие условия:

1. Мистер Харрингтон и Мисс Конвей соглашаются, что всё, что происходит в соответствии с условиями настоящего договора, является конфиденциальным и согласованным обеими сторонами."

У меня зашевелились волосы на затылке. Может, я и не знала многого о соглашениях, но мог ли он действительно заключить договор о моём согласии? Разве не должна я была давать согласие на каждый конкретный пункт?

"2. Определённая информация, касающаяся личной и сексуальной активности Мистера Харрингтона и Мисс Конвей, не может быть разглашена ни одной из сторон иным лицам, не участвующих в любой из данных активностей. Неисполнение данного условия повлечёт немедленный разрыв соглашения, а также лишение всех денежных компенсаций."

Что, чёрт возьми, означало «не участвующих в любой из данных активностей»?

Я подошла к столу в углу комнаты и пошарила по ящикам. Отыскав бумагу и ручку, я вернулась обратно к соглашению и начала делать пометки. Если я действительно собиралась рассматривать это дурацкое предложение, то мне хотелось получить ответы на свои вопросы. Через два часа у меня кружилась голова, но имелось два листа вопросов, включая номера пунктов и цитаты из приложений к соглашению. Стук в дверь вывел меня из состояния сосредоточенности. Рассердившись, я выпрямилась и уставилась в сторону звука. Что ни говори, но в этих четырёх стенах я почувствовала себя в безопасности. Это действительно было так. Я была поглощена соглашением, его пунктами и приложениями, которые так обстоятельно формулировали мою будущую жизнь, но, сидя на шикарном, обитом шёлком диванчике, откуда открывался такой же восхитительный вид, как в гостиной, я чувствовала себя защищённой. Стюарт пообещал мне, что, пока я не приму решения, секса у нас не будет. Вернее, нет, он сказал, пока я не попрошу или не начну его умолять. Это казалось невозможным... хотя какое из последних событий вообще было возможным? А что, если стучался он? Хотела ли я, чтобы за дверью оказался Стюарт? Если бы я вновь его увидела, помогло бы мне это принять решение?

Покинув его кабинет, уже как, я посмотрела на свои часы, пять часов назад, я не видела никого, кроме Лизы. Стук повторился.

– Минутку, – крикнула я, направившись к двери.

Чуть приоткрыв её, я просунула голову в образовавшуюся щель.

– Мисс Конвей?

Я выдохнула, даже не осознав, что всё это время задерживала дыхание.

– Лиза, это вы?

Я открыла дверь шире. Улыбаясь, добрая женщина ответила:

– Да, мисс. Я уже собралась идти спать. Но сначала хотела убедиться, что у вас всё хорошо. Могу я что-нибудь для вас сделать?

– Лиза, я бы хотела, чтобы вы зашли ко мне, ненадолго.

– Конечно.

Она переступила через порог. Её улыбка стала шире, и от этого её светлые голубые глаза засияли.

– Вижу, вы нашли одежду. Я рада, что она вам подошла.

Я опустила глаза на свои босые ноги, выглядывающие из-под моего наряда – штанов для занятия йогой и невероятно мягкой футболки, спадающей с одного плеча. Именно такие вещи я и любила надевать по вечерам в общежитии, и они были гораздо комфортнее каблуков и платья, в которые я по просьбе родителей нарядилась на эту таинственную встречу.

– Да, я нашла все вещи. Спасибо вам.

– Не за что. Тем более, что это и не я. Это всё мистер Харрингтон. Он хотел,

чтобы вы почувствовали себя здесь максимально комфортно.

Я подошла к окну, и указала в сторону диванчика и кресла.

– Не возражаете присесть на пару минут? Я потратила несколько часов на это соглашение, и у меня возникло очень много вопросов.

И тут же мне вспомнился пункт о неразглашении. Будет ли разговор с Лизой нарушением этого пункта? Не окажется ли всё это бесполезным, даже если я выберу соглашение, позволяющее уйти?

Должно быть, эти вопросы отразились на моём лице. Лиза коснулась моей руки, и обнадёживающе произнесла:

– Всё в порядке. Вы можете говорить со мной об этом. Мистер Харрингтон показал мне документы. И он предположил, что вам будет удобнее обсудить их со мной, нежели с ним.

– З-значит... если мы будем говорить об этом, то пункт или соглашение о неразглашении не будут нарушены?

– Нет.

Лиза села и посмотрела в сторону стола, на котором я оставила соглашение и свои записи.

– Очень хорошо, что вы серьёзно отнеслись к делу. Я сомневалась, что вы так поступите, учитывая ваш...

– Возраст? – спросила я, заканчивая её предложение.

– Да. Но я не хотела оскорбить вас, милочка. Просто, мистер Харрингтон – мужчина серьёзный. Он не предлагает что-либо необдуманно. Это соглашение было проанализировано и разобрано до последней буквы. И, до того, как я познакомилась с вами, – добавила она, кивнув в мою сторону, – я беспокоилась, что вы можете подумать об этом предложении, как о чём-то легкомысленном.

Я закрыла глаза. От всех этих размышлений у меня разболелась голова.

– Уверяю вас, Лиза, я отнюдь не неразумное дитя. Пусть мне всего восемнадцать лет, но меняющие жизнь решения я научилась принимать раньше, чем должна была. Родители как-то не очень мне помогали.

– Учитывая данные обстоятельства, теперь мне всё ясно. Чем я могу вам помочь?

После попыток понять все эти формулировки в специализированных терминах, добрые слова и поступки Лизы пробудили эмоции, который я так старалась сдерживать. Мне не нужны были эмоции. К своим юным годам я уже уяснила, что разум принимает решения куда лучше, нежели сердце.

Под ночным небом темнел океан, по его поверхности то тут, то там были рассеяны огоньки от кораблей, яхт или лодок. С высоты пентхауса гладь воды казалась бесконечной. Я начала искать линию горизонта, то место, где чёрные волны встречались с потемневшим небом. Но это было невозможно из-за безлунной ночи.

Продолжая смотреть на океан, я спросила:

– Вы дважды повторили слово «предложение»? По-вашему, это действительно предложение?

– А что же тогда?

Я пожала плечами, поворачиваясь к ней лицом и борясь с наворачивающимися слезами.

– Думаю, формально, да, это предложение. Но у меня такое чувство, будто я соглашаюсь на продажу, а не на предложение руки и сердца. То есть, я соглашусь, если мне будет понятно всё, что я прочла. – Я перефразировала свои слова. – Если я соглашусь, то по сути это будет означать, что я принимаю деньги, жильё, выплаты по долгам моих родителей, имя Стюарта в обмен на свою жизнь. С-своё тело... с-своё будущее. – Эмоции одержали верх, и предательские слёзы хлынули потоком из моих,

по-прежнему накрашенных, глаз.

– По сути, не так ли всегда и происходит, когда принимают предложение о свадьбе? – спросила Лиза. – Разве вступая в брак, женщина не отдаётся мужу в обмен на его покровительство? Разве, выходя замуж, женщина не получает имя и финансовую поддержку своего мужа?

Я кивнула.

– Да, но... – Следующие слова дались мне с трудом. – Большинство женщин выходят замуж по любви. Я никогда не думала о свадьбе с кем бы то ни было, но если бы даже развлекала себя подобными мечтами, то представляла бы ужины при свечах и прогулки по пляжу. Предполагалось, что я бы знала, действительно знала, своего мужа, а он бы знал меня. Никогда и ни за что я не мечтала о соглашении в пятнадцать страниц и о том, что ответ на него нужно дать в течение двенадцати часов.

Лиза опустила глаза. Честно говоря, тут нечего было ответить. Вряд ли у кого-то возникала даже мысль о том, что его или её жизнь могла быть спланирована так же, как оказалась моя. По крайней мере, в двадцать первом веке. Пусть короли, королевы и вся аристократия, как сказал Стюарт, и сталкивались с подобным, но это происходило в веке шестнадцатом, а не в наши дни.

Я продолжила:

– Это даже не похоже на интернет-службу знакомств. Ведь там я хотя бы могла просмотреть его анкету.

Светло-голубые глаза Лизы заискрились весельем.

– А вы смотрели про него в Гугле?

Я наморщила нос.

– Нет. Надо полагать, немного увлеклась этими документами.

– Тогда сделайте это, дорогая. Погуглите про него информацию. Изучите всё, что сможете найти.

– А что можете рассказать мне вы?

Она сменила позу.

– Я работаю на него уже более десяти лет.

И это всё, что она могла предложить?

– И? – спросила я, когда пауза затянулась.

– Смерть отца мистера Харрингтона оставила на последнем свой след. Когда меня наняли, его отец уже ушёл из жизни, и он принял на себя руководство «Харрингтон Спа энд Сьютс Интернэшнл»; но я слышала, что говорили. Взяв на себя ответственность за бизнес отца, он столкнулся с множеством сложностей. В то время миссис Харрингтон наполняла его жизнь светом, а он был преданным мужем, – на лицо Лизы легла тень, и она перевела взгляд на свои колени. – Её смерть слишком сильно изменила его. С того момента он стал другим.

Мне не понравилось то дурное предчувствие, охватившее меня после её слов.

– Что значит «*сильно изменила его*»? Есть что-то, о чём вы не можете мне сказать?

Её ясные глаза снова смотрели на меня.

– Нет, конечно, нет. Мистер Харрингтон просил меня быть с вами откровенной, и я откровенна. Он очень закрытый человек. Даже по прошествии стольких лет, я знаю, что у него есть то, что он скрывает.

– Это касается, например, его работы?

Она покачала головой.

– Да, но не только. Мне известно, что у него есть другое жилище, где он часто бывает. Но я понятия не имею, зачем оно ему и что он там делает. Он не говорит об этом. Несколько раз я спрашивала, но мне было сказано, что меня это не касается.

Я села, переполненная раздражением.

– Я схожу с ума! Надо быть абсолютно сумасшедшей, чтобы даже обдумывать это.

– Мисс Конвей, я всегда буду честна с вами. Не знаю, что бы я сделала на вашем месте. Но знаю, что могли иметь место худшие предложения от куда худших людей. Я думаю, мистер Харрингтон понял, что его молодость прошла. Но он надеется, что с вами сможет пережить её заново. И ещё я думаю, что лучше вам обсудить это всё именно с ним.

Лиза продолжала говорить:

– Вы правы, это не любовь, но в этом браке будет уважение. А честность будет самым лучшим способом помочь вам с происходящим. Я знаю, что мистер Харрингтон уважает честность и ожидает её. В ответ он будет честен с вами.

«Ты не шлюха, но будешь моей шлюхой». Если эти слова были произнесены почестному, то что они означали?

Пока я над этим размышляла, Лиза встала.

– Уже поздно. Могу я вам ещё чем-то помочь?

– Нет, спасибо. И я благодарна вам за то, что поговорили со мной.

Она сжала мою руку.

– Обращайтесь в любое время. И хочу признаться, из своих корыстных побуждений, я надеюсь, вы согласитесь.

Я промолчала, но вопросительно подняла бровь.

– С тех пор, как умерла миссис Харрингтон, в доме очень тихо, а зачастую даже скучно. И мне было бы очень приятно, если бы в доме появился человек, о котором я смогу заботиться, и с которым я смогу поговорить.

От её улыбки мне стало тепло. Было ли такое, чтобы кто-то хотел заботиться обо мне? Это был настолько волнительный для меня вопрос, что я не позволила себе задумываться над ним.

– Спасибо, Лиза. Я прямо сейчас начну свои поиски в Гугле.

– Если захотите кушать, в холодильнике полно еды. Ни в чём себе не отказывайте.

Сказав это, она ушла, а я рухнула на кровать с телефоном в руках. Открыв браузер, в строке поиска я набрала: «*Стюарт Харрингтон*». Большинство найденной информации относились к его бизнесу. Я просматривала всё больше результатов, пока не наткнулась на кое-что личное. Было похоже на то, что до женитьбы на Линдси Харрингтон, а также после её смерти, он вёл достаточно разгульный образ жизни. Нашлись фотографии и статьи, свидетельствующие о его похождениях. Через какое-то время я сняла штаны, умылась, почистила зубы и залезла под невероятно мягкие одеяла. Когда часы показывали почти полночь, мой желудок заурчал на всю просторную спальню. Неужели я проголодалась?

Босоногая, я тихо вышла в длинный коридор, потом спустилась вниз и направилась в кухню. Наверняка, имелся более удобный маршрут, но в приглушённом свете я немного заблудилась. Как только мои ноги ступили на текстурный пол, я начала осматриваться в поисках холодильника. Их оказалось несколько, по одному в каждом углу достойной ресторана кухни. Все они были из нержавеющей стали и огромными по размеру.

Почти всю свою жизнь я провела в школах-пансионах. Мне мало что было известно о приготовлении пищи, но эта кухня весьма отличалась от той, что была в доме моей матери и Рэндала. Даже без света я смогла разглядеть встроенные духовые шкафы и кухонные плиты с многочисленными конфорками, над которыми нависали огромные вытяжки. Вблизи от шкафчиков стоял одинокий холодильник. Я решила

начать с него. Когда я открыла дверцу, кухня залилась ярким светом. Как только мои глаза привыкли, то щёки тотчас зарделись, и я улыбнулась. На первой полке стояло множество контейнеров с подписью «Виктория». Вытащив первый попавшийся, я открыла крышку и обнаружила внутри салат и отдельно соус к нему. Во втором оказались свежие фрукты. Каждый был словно подарок, приготовленный специально для меня тем, кто действительно хотел мне помочь. Как только я потянулась за последним контейнером, то почувствовала, что атмосфера в комнате изменилась. Не то чтобы я услышала или физически ощутила чьё-то присутствие, я просто это поняла. Поняла, что больше не одна. До того, как я успела заговорить, из-за моей спины появилась большая рука и придержала дверцу. Мне даже не нужно было поворачиваться, чтобы понять – это Стюарт.

Глава 6

Десять лет назад

Тёплое дыхание Стюарта коснулось моих волос, резко контрастируя с прохладой из холодильника. Мои руки и ноги тут же покрылись мурашками; от острого осознания своего внешнего вида и его близости я стала гиперчувствительной. Я стояла в его кухне в одной лишь длинной футболке и трусиках.

– Могу я тебе чем-нибудь помочь? – прошептал он рядом с моим ухом.

Переступив с ноги на ногу, я дотянулась до последнего контейнера. Быстро повернувшись и уверенно улыбнувшись ему, я ответила:

– Нет, благодарю. По-моему, Лиза уже обо всём позаботилась.

Теперь мы стояли почти нос к носу, Стюарт сделал шаг назад, и осмотрел меня с головы до ног.

– Жаль.

Я подняла бровь.

– Я надеялся, что тебе, может понадобится что-нибудь ещё. Что-нибудь, что мисс Мэдисон не смогла бы тебе предложить.

– Я-я ещё не ела. Она сказала, что я могу взять...

Он шагнул ближе, его крепкая грудь коснулась моих стоящих торчком сосков. Забрав контейнер, он дотронулся до моей руки.

– Пойдёмте со мной, мисс Конвей, позвольте показать вам, какой отсюда открывается вид.

Словно животное, которое ведут на убой, я следовала за ним, бесшумно ступая голыми ступнями по твёрдой поверхности пола, пока мы не достигли нашей цели. Увидев маленький столик, на котором мерцала свеча, я ахнула. Как только мы прошли сквозь стеклянные двери, на меня обрушился солёный влажный воздух, а тепло снова вернуло чувствительность моим замёрзшим от кондиционера пальцам. Бросив взгляд на стол, я стала наблюдать за маленьким пламенем, защищённым стеклянным колпаком, которое освещало балкон в противовес тёмному океану под нами.

– Стюарт, это потрясающе. Ты говорил с Лизой?

Он непонимающе уставился на меня.

– Говорил, но давно. А что?

Честенлионсомной? Можно ли по его реакции предположить, что всё это он придумал сам, и возможно, то, что я упомянула Лизе об ужине при свечах, здесь не при чём?

Я покачала головой, мои тёмные волосы каскадом легли на плечи.

– Не важно. Просто именно об этом я ей и говорила.

– Тебе не нравится ветер с океана?

– Да нет, нравится. Очень нравится. Мне всегда хотелось проводить больше времени на пляже, но, хотя я и выросла в Майями, у меня это редко получалось.

Стюарт коснулся моей руки.

– Сейчас я не хочу говорить о твоём решении или о соглашениях. Если у тебя есть вопросы, спросишь меня завтра. Мы поговорим рано утром. Но сегодня вечером я хочу побольше узнать о тебе, а если ты захочешь, я расскажу и о себе.

Я поджала губы.

– Ты клянёшься, что не говорил с Лизой?

– Клянусь. – Он перекрестил своё сердце. – Наш последний разговор был посвящён ближайшему завтраку. Кстати, он будет в шесть, – мужчина посмотрел на часы, – и этот час приближается с каждой минутой.

Выгнув бровь, он спросил:

– Хочешь, чтобы я ещё раз поклялся? Не вопрос.

– Нет. – я рассмеялась. – Зачем столько сложностей.

Я посмотрела на воду: точно такой же вид открывался из моей комнаты этажом выше.

– Здесь очень красиво.

– Да. – Согласился он, только его взгляд был направлен не на океан, а на меня. – Красивее, чем я смел мечтать.

Мои щёки покраснели, и я опустила глаза. Прежде чем я успела ответить, его пальцы коснулись моего подбородка.

– Тори, не отводи взгляд. Никогда не отводи взгляд. Ты слишком красива для этого.

– Тори? – переспросила я.

Никто и никогда так меня не называл.

– Мне нравится так. А еще мне нравится, что это имя только для нас двоих. Когда я назову тебя Тори, ты будешь знать, что это наша связь.

Я не знала что сказать. Нашасвязь? Унасужеестьсвязь?

– Стюарт, пожалуйста, расскажи мне о себе. Я знаю, что ты был женат, ты упоминал об этом. У вас были...? У тебя есть дети?

Он отрицательно покачал головой.

– Нет. Мы пытались. Линдси даже пробовала искусственное оплодотворение. Но не всё можно купить за деньги.

На его, казалось, идеально выстроенную маску уверенности в себе нашло облако печали.

– Я помню, ты сказал, что не хочешь говорить о соглашениях, но там есть длинный пункт о детях, вернее о том, что у нас их быть не должно. Ты можешь объяснить мне почему?

Стюарт открыл контейнер, в котором был виноград, и положил одну виноградину себе в рот.

– Я могу, и я хочу, но не сейчас. Теперь моя очередь спрашивать. Почему ты не сбежала? Почему осталась на ночь?

– Не знаю. Я напугана, но заинтригована. И я стараюсь не принимать поспешных решений. В конце концов, это будет самым значительным решением в моей жизни. – Я села, выпрямившись. – Могу я тебе верить?

– Безусловно.

– Значит, всё, что ты рассказал мне о Рэндале и его долге – правда? Его жизнь действительно в опасности?

Я потянулась за виноградом, чувствуя, как в животе урчит от голода. Но Стюарт отодвинул контейнер так, чтобы я не достала.

– Позволь мне, – предложил он.

– Я в состоянии...

– Шшш, позволь мне...

Взяв виноградинку, он поднёс её к моим губам. Я послушно открыла рот. Виноградина оказалась сладкой и сочной, когда я сомкнула губы и прокусила кожицу. Я еще не успела проглотить эту, а меня уже ждала следующая.

Когда я открыла рот, он произнёс:

– Тори, я не знал, как это будет работать. И до сих пор не знаю. Я не планировал, что по-настоящему захочу тебя, но как только сегодня ты вошла в мой кабинет, я ни о чём другом и думать не могу.

Когда я закрыла рот, его пальцы задержались между моих губ. Но вместо того, чтобы отодвинуться, я всосала их в рот и дочища облизала. Стон, донёсшийся из глубин горла Стюарта, сказал мне то, о чём я уже подозревала - у меня есть власть. У меня есть власть над этим богатым, взрослым мужчиной. Осознание этого придало мне сил.

– Ты не ожидал, что захочешь меня? – спросила я. – Тогда зачем ты собирался предложить мне брак?

Он провёл пальцем по моим губам.

– Я ожидал, что захочу тебя трахать. Кто бы не захотел? К тому же, как я сказал, ты находилась бы в моём распоряжении, и мне не пришлось бы тяготиться раздражающими свиданиями и покупкой себе сопровождения.

Качая головой, я пыталась осмыслить сказанное.

– Ты бы предпочёл жениться, но не ходить на свидания?

– Я сказал тебе, что не хочу обсуждать нюансы соглашения, ты ведь прочла их оба, верно?

Я кивнула.

– Свидания требуют времени и стараний. Я не хочу этого делать. Если ты подпишешь договор, мы обеспечим себе будущее, как минимум лет на десять. Ты можешь разозлиться на меня, я могу вывести тебя из себя, или..., – он помедлил, – ты можешь быть счастливой и довольной. Суть в том, что в течение десяти лет это не будет иметь значения.

– Там был пункт о расторжении...

– Да, есть такой пункт, по которому мы оба имеем право расторгнуть это соглашение и наш брак. Однако, как ты уже, я уверен, знаешь, это повлечёт за собой серьёзные последствия. Пока мы будем женаты, у тебя будет право на всё моё состояние, и это даже больше, чем ты можешь себе представить. Если ты решишь расторгнуть наше соглашение до истечения срока в десять лет, ты лишишься всего: всё, что ты накопила в течение нашего брака, всё, на что могла рассчитывать при разводе, а ещё, все те, кто лично получил выгоду из-за того, что ты вышла за меня, будут вынуждены вернуть деньги.

Я читала эту часть.

– Ты про Рэндала? – спросила я.

– Да, и про твою сестру, если ты решишь платить за её дальнейшее образование.

Я уставилась на него в недоумении.

– Неужели я смогу это сделать?

Стюарт поднёс ещё одну виноградину к моим губам.

– Как миссис Стюарт Харрингтон ты сможешь делать почти всё, что пожелаешь.

Это «почти» повисло в воздухе, пока я глотала сладкий сок, и принялась за следующую ягоду.

Стюарт продолжал:

– По истечении десяти лет, ты сможешь претендовать на четверть моего состояния, и никому уже не нужно будет возвращать деньги, полученные в знак твоей щедрости.

– Ты всё время говоришь о моей щедрости. Но это твои деньги.

– Пока мы будем женаты, это будут наши деньги. У меня нет скрытого желания помогать твоей семье. Но, если от помощи им ты будешь чувствовать себя счастливой, то и мне будет хорошо. Решение помогать им или нет будет зависеть только от тебя.

Ещё одна виноградина коснулась моих губ.

– Ну, а после двадцати лет брака ты будешь иметь право на половину нашего накопленного имущества. Если же я расторгну соглашение раньше, чем истекут десять лет, ты автоматически получишь пятьдесят процентов. – Стюарт наклонился ближе. – А это, моя дорогая, куда больше, чем ты когда-либо могла себе представить. Уверю тебя, я не расторгну наше соглашение.

– Мне нужно знать больше о Вэл, Маркусе и Лайле, особенно о Вэл. Пока мы будем женаты, я смогу полностью оплатить её высшее образование?

– Тори, мы и так достаточно долго обсуждаем это соглашение, дольше, чем мне бы хотелось. Однако, если от этого тебе станет легче, я повторю ещё раз: пока мы будем состоять в браке, у тебя будет достаточно средств, чтобы твои братья и сёстры имели полную свободу выбирать, в какой университет им поступить. А теперь..., – в его блестящих глазах отражалось мерцание свечи, пальцы задержались на моих губах, – теперь я хочу больше узнать свою будущую жену.

Его прикосновение было прохладным, и сладким на вкус из-за винограда. Когда лёгкий океанский бриз раздул пряди моих волос вокруг лица, я увидела, как Стюарт прикрыл веки, будто он смотрел на меня, но представлял себе куда больше. И как он хотел узнать обо мне что-то еще, если не желал, чтобы я говорила?

Сопровождаемая лишь рокотом волн тишина на балконе становилась всё более оглушающей, я слышала лишь биение собственного пульса, эхом отдающегося в моей голове. Я не успела ничего понять, как Стюарт встал со своего стула и оказался всего в нескольких сантиметрах от меня, ярко-выраженный запах его одеколона накрыл нас облаком. Его палец двинулся от моих губ по щеке и ниже к подбородку. Я неосознанно наклонила голову, подстраиваясь под его мягкое прикосновение.

– Я хочу, чтобы ты встала, – сказал он, протягивая свою руку.

Пусть эти слова прозвучали негромко, но всё же это был приказ. Я подчинилась.

– Тори, я могу думать лишь о том, чтобы прижать тебя к этой стене, сорвать с тебя трусики и показать тебе, что значит быть с настоящим мужчиной.

С каждым его словом я всё больше осознавала, что моя футболка совершенно не скрывает предательские соски. Пытаясь не выдать себя, я изо всех сил старалась смотреть ему в глаза. Но это не сработало. Его взгляд опустился вниз, на губах заиграла самодовольная улыбка.

– И ты хочешь того же, да?

– Ты сказал, что не... что мы не...

– Верно. Что совсем не означает, что я этого не хочу.

Взяв мою руку, он положил её на свой возбуждённый член. Я чувствовала через ткань джинсов, какой он большой и твёрдый. Мне стало интересно, как будет выглядеть его член, освобождённый из своей джинсовой тюрьмы. Представляя его внутри себя, я испытывала страх, но, в то же время, была очарована этим и стала

влажной от желания. Взгляд его голубых глаз пожирал меня, пока моя рука продолжала скользить по его эрекции.

Тяжело дыша, он проговорил:

– Ты даже представить себе не можешь, как сильно я хочу освободиться от этих джинсов. Только от того, что твоя рука там... – Он уткнулся носом в мою шею. – От того, что ты так близко. Из-за тебя я готов кончить прямо сейчас. – Его дыхание коснулось моей ключицы, он замурлыкал. – Скажи мне, что ты не хочешь того же. Скажи мне, что ты не хочешь, чтобы я оттрахал тебя прямо здесь, прижав к стене. Скажи мне, что ты не хочешь, чтобы я заполнил ту пустоту, что ты чувствуешь, и успокоил то напряжение внутри тебя.

Боже! Он был так прав. Внутри меня всё ныло от желания.

– Ты уже течешь, а ведь я даже ещё не коснулся тебя?

– Д-да.

Часть моего сознания говорила мне, что это неправильно, даже этот наш разговор неправильный. Но проблема была в том, что я едва слышала то, что говорил мне мой разум. Кровь неслась по венам, и вокруг не было ничего, кроме звука его тяжёлого дыхания.

Он притянул меня ближе, прижимая к стене, щетинистой щекой потёрся о мою щеку. Ещё не почувствовав западню, я встала на цыпочки и поцеловала его в шею.

– Блять! – прорычал он, раздвигая мои ноги своим коленом.

Несмотря на мою позицию, ко мне вернулось ощущение полной власти. Я снова протянула руку к его члену, но не для того, чтобы освободить его, а чтобы поводить по нему ладонью, но по собственной инициативе, без указаний Стюарта. Его джинсы натянулись, член изогнулся под материей.

– Ты помнишь тот вопрос, что я задал тебе сегодня? – спросил он; горячее, наполненное желанием дыхание обожгло мою кожу.

Боже, да я даже имя своё не могла вспомнить! Тем более какой-то там вопрос.

– Какой вопрос? – спросила я, тяжело дыша.

– Хотела бы ты, чтобы я оттрахал тебя своими пальцами... Я обещал, что у нас не будет секса, пока ты не будешь готова, но, боже, девочка, ты уже чертовски готова. Ты просто ещё не поняла этого. Позволь мне подарить тебе самый лучший в твоей жизни оргазм. И, если я смогу сделать это одними пальцами, тогда ты сможешь представить, что я могу сделать своим членом.

– С-стюарт, я-я не...

Его руки проникли под мою футболку, и он остановил мои слова, лаская грудь, дразня возбуждённые соски.

– Ты не хочешь, чтобы я останавливался? Ты думаешь, что тебе не следует отвечать «да», но хочешь этого? Ты не знаешь, что это такое – получить оргазм?

Я спрятала лицо на его широкой груди, скрывая своё смутение. Всё, что он сейчас мне сказал, было правдой. И пусть я бы хотела ответить на них по-другому, но, тем не менее, они были правдой. И снова чудесный аромат его одеколона взял верх над моими чувствами.

Продолжая нежно поглаживать мою грудь, он коснулся моего подбородка и поднял моё лицо, чтобы наши взгляды встретились.

– Не прячься от меня. Я хочу видеть все эмоции, которые скрываются в этих невероятных глазах. Это то, чего я хочу от нашего соглашения. Хочу видеть твои глаза, когда ты будешь там, где ещё никогда не бывала – благодаря мне.

Я кивнула.

– Говори, Виктория, я хочу услышать это.

– Я хочу всё, о чём ты только что говорил.

Наши носы почти соприкасались, когда он спросил:

– И что я только что сказал?

Чёртбыегопобрал! Он старался заставить меня произнести это.

– Я хочу почувствовать твои пальцы. Я хочу получить оргазм.

Отпустив моё лицо, он протянул руку к резинке моих трусиков, и, поддразнивая, оттянул её.

– У тебя уже был оргазм?

Я пожала плечами.

– Наверное. Я не уверена.

Он издал низкий смешок.

– Дорогая, раз ты не уверена, вряд ли он у тебя был. Но я до сих пор не услышал того, что хотел.

Напряжение возросло ещё больше, когда его руки коснулись моих бёдер.

– Дьявол, девочка, ты такая влажная, у тебя промокли трусики.

И я снова покраснела.

– М-мне надо было надеть штаны. Просто..., – я стеснительно добавила, – я была почти готова...

Он протянул руку и поправил свой ещё более возбуждённый член.

– Блять! – перебил он меня. – Скажи мне, чего ты хочешь, пока я не разорвал эти твои трусики.

Его желание предало мне сил, я взялась за резинку и спустила трусики вниз.

– Стюарт, я хочу, чтобы ты оттрахал меня пальцами. Я хочу получить оргазм.

Его улыбка стала шире, глаза соблазнительно заблестели.

– Тори, дорогая, в этом я тебе никогда не откажу.

Моя спина столкнулась с грубой поверхностью стены, и я снова оказалась прижата к ней его телом. Когда он поднял мою ногу своим коленом, я положила руки ему на плечи. Ещё не осознав, насколько открыта для него, я почувствовала, как его пальцы раскрыли моё припухшее лоно, растирая по коже мою влагу. Я застыла от внезапного вторжения, когда один из его пальцев проскользнул между разгорячённых складок внутрь. При этом, мои уши заполнил долгий свистящий звук. Через секунду я поняла, что этот звук исходил из меня. Всё, что делал Стюарт, было невероятным. Я не чувствовала неловкости или дискомфорта, как это было с Уэсли.

– О, чёрт! Ты такая тесная.

Подпрыгивая на месте, я подстроилась под ритм его пальца, когда он неожиданно добавил ещё один.

– О, Боже! – выдохнула я в его грудь.

Ещё никогда мне не было так хорошо. Я никогда не ощущала такого напряжения. Каждый раз, когда его пальцы оказывались всё глубже и глубже, меня охватывало чувство, как будто я взбираюсь на гору – всё выше и выше. Мне было трудно дышать, я, словно стояла на краю пропасти. Когда я начала приближаться к пику, он опытным движением потёр мой клитор, и внутри меня разгорелся пожар. Неконтролируемый стон сорвался с моих губ, когда его пальцы стали растирать чувствительный комочек нервов.

– Расслабься, детка, позволь мне сделать это для тебя. Не сопротивляйся.

Разве я сопротивлялась? Это совсем не было похоже на сопротивление.

Я кивнула, закрыла глаза, и положила голову ему на грудь. Его колено подпрыгивало, то поднимая меня вверх, то опуская вниз. Его пальцы скользили внутрь и обратно. Это был идеальный ритм, гармония чувств: мой разум и тело достигли кульминации, которой управлял ОН. И тут же, в самый нужный момент, одновременно, он сжал мой клитор и мой сосок. Мой мир взорвался. Под закрытыми

веками заискрились вспышки света, такого я никогда не испытывала. Каждый мускул моего тела напрягся, а потом освободился от напряжения. Пусть всё это и произошло быстро, но закончилось совсем по-другому. Совсем. Я крепче сжала плечи Стюарта, пока волны наслаждения прокатывались по моему телу. И это продолжалось, пока я обессилено не упала ему на грудь, осознав, что всё это время кричала. Мои колени подогнулись, на меня нахлынуло смущение. Стюарт поднял меня и посадил на стул. Мне стало неловко от того, что я по-прежнему была обнажена ниже пояса. Он встал на колени напротив, поднял мой подбородок и поднёс свои пальцы к губам. Глубоко вдохнув, мужчина произнес:

– Тори, ты потрясающая!

Он начал медленно обсасывать их, а потом облизал свои губы. Стюарт упивался своим представлением, я же застыла от стыда и снова попыталась отвернуться, но его слова меня остановили.

– Нет, я хочу, чтобы ты смотрела. Разве ты не видишь, какая ты сладкая? Я мог бы смаковать тебя целый день. Тори, ты понятия не имеешь, какая ты чертовски горячая, какая сексуальная. Есть много вещей, которым я могу тебя научить, но не этому. Ты просто идеальна!

Моё внимание снова вернулось к тому, что на мне нет белья, и я опять покраснела.

– Думаю, мне лучше одеться, – пробормотала я, протягивая руку в сторону трусиков.

Но они были слишком далеко, а моё тело стало похоже на желе. И тут Стюарт великодушно протянул их мне. Но прежде чем отдать, он, ухмыляясь, поднёс их к своему носу, закрыл глаза и понюхал их.

– Пожалуйста..., – попросила я, мне было неловко от того, что трусики были влажными.

– Пожалуйста?

– Я... – Честно говоря, я даже не знала, что сказать.

– Ты идеальна! Я уже говорил об этом, а я всегда говорю, что думаю.

Одну за другой он поднял мои ноги, чтобы просунуть их в трусики. Его синие глаза сверлили меня, словно он мог видеть то, чего другим не дано. Я продолжала молчать, а он поднимал мягкую ткань по моим ногам. Когда трусики были почти на месте, он произнёс:

– Тори, никогда не стесняйся того, как ты реагируешь. Это было красиво и честно. Именно этого я и жду от тебя – честности. Теперь, скажи мне, о чём ты думаешь.

В голове была полная неразбериха.

– Понятия не имею. – честно, как он и хотел, ответила я, издав смешок. – Я смущена, но не знаю почему. – Я опустила глаза. – Это было невероятно. Я никогда...

Он помог мне встать и поправил трусики, чтобы они оказались на месте, а потом прошептал мне на ухо:

– Помни о том, что я сказал. Мой член куда лучше. Тебе ещё не приходилось испытывать ничего подобного.

Тёмное небо над нами напомнило мне о том, что уже поздно.

– Думаю, мне пора пойти вздремнуть.

– Да. – Он ухмыльнулся. – Завтра тяжёлый день. Сможешь сама найти свою комнату?

Я кивнула и ответила:

– Да. Увидимся завтра утром.

– Спокойной ночи.

Глава 7

Настоящее

– Где ты, чёрт возьми, была?

Слова эхом разносились по моей спальне, отскакивая от стен и окон, пока я беспомощно щурилась. Поток солнечного света атаковал моё зрение, сжигая видения, которые мгновение назад были моими безмятежными снами. Я крепко спала в своей кровати, одна. Как только шторы в моей комнате внезапно открылись, я попыталась справиться с реальностью. Что происходило?

Я ещё не успела прийти в себя, как мягкие одеяла, окутывавшие мой мир, сдвинулись в сторону, и мою тёплую, так неожиданно обнажённую кожу, обжёг холодный воздух. К счастью, на мне всё ещё оставались ночная рубашка и трусики, и я, сощурившись от яркого света, сфокусировалась на лицах передо мной.

– Какого чёрта?

Как только моё зрение восстановилось, я увидела своего мужа и его верного помощника. Стюарт сидел в кресле-коляске у моей кровати, Трэвис стоял рядом с открытыми шторами. Без сомнения, это именно Трэвис привёз сюда Стюарта из его комнаты на первом этаже. Мой муж продолжал свирепо смотреть на меня.

– Где ты, чёрт возьми, была прошлой ночью?

Притянув к себе одеяла, я накрылась ими и озлобленно посмотрела в сторону Трэвиса.

– Убирайся вон из моей комнаты.

Мне потребовалось приложить максимум усилий, чтобы не соскочить с кровати и пощёчиной не стереть с его надменного лица это самодовольное выражение. Вместо этого, я хмуро уставилась на Стюарта, поджав губы в молчаливом неповиновении. Наконец, тот повернулся к Трэвису.

– Оставь нас. Я позову тебя, когда соберусь вернуться в свою комнату, а может быть... – Он посмотрел на меня. – Миссис Харрингтон сможет сама поухаживать за своим мужем. В конце концов, не так ли ведут себя хорошие жёны? – Стюарт пожал плечами. – Хотя, с другой стороны, хорошие жёны ночуют дома. – Он кивнул головой. – Иди.

– Да, сэр, – ответил Трэвис, всё это время его взгляд был прикован ко мне.

Борясь с чувством тошноты, которое я всегда ощущала в его присутствии, я поддразнила:

– Да, Трэвис, давай, проваливай. Уверена, за эти несколько минут найдётся ещё кто-нибудь, кого ты сможешь сделать несчастным.

– Всегда пожалуйста, миссис Харрингтон.

Я неотрывно смотрела, как он не спеша идёт через всю мою спальню, пока, наконец, он не закрыл за собой двери, и не оставил нас наедине. Повернувшись к Стюарту, я спросила:

– Какого чёрта? Ты позволил ему войти, когда я спала?

Несмотря на то, что его тело было во власти болезни, взгляд его глаз оставался живым, мрачным и внимательным.

– Я задал тебе грёбанный вопрос, жена, дважды. Где ты была прошлой ночью?

Откинув одеяла, я встала с кровати, и направилась к ванной комнате.

– С Вэл. Я говорила тебе, что собираюсь пойти развеяться с ней куда-нибудь.

– В чёртовой больнице? – Приглушённый голос доносился из моей комнаты, отражаясь от покрытого плиткой пола ванной. – И ты всю ночь развлекалась с ней в Мемориальной больнице?

Сделав все свои дела, я вымыла руки и побрызгала на лицо водой. Заставляя Стюарта и дальше ждать, я завязала волосы в низкий хвост, взяла халат, и ленивой походкой вернулась в спальню.

– Да, – сказала я, завязывая пояс на талии. – Мы никуда неходили. У неё было дежурство. Как ты, наверняка, догадался из нашего разговора, я была вне себя и не хотела здесь находиться.

– Проклятье, Виктория, тебя не было дома до часу ночи. Ты миссис Стюарт...

– Чёрт возьми, я знаю своё имя! Я была в больнице, с сестрой. Мы обсуждали новый проект для общества Харрингтона, ряд клиник по борьбе с раком в США. Скажите мне, мистер Харрингтон, и что из этого является неподобающим для вашей жены?

– То, что ты вернулась в час ночи.

– Проверь чёртовы записи в больнице. Около десяти вечера произошла крупная авария, на трассе I-95 столкнулось сразу несколько машин. Вэл нужно было быть в реанимационном отделении. Я ждала её в ординаторской. И, если честно, уснула. – Мои серые глаза сузились. – У меня был весьма эмоциональный день.

Затуманенный взгляд его синих глаз оставался неподвижным, без доли раскаяния.

Слава богу, что произошла эта большая авария. Я услышала о ней по радио, когда ехала обратно домой. Быстрый звонок Вэл, и моя история получила подкрепление.

Я продолжила:

– Она разбудила меня, когда вернулась в ординаторскую, и потом я поехала домой. Вот такая горяченькая история. И знаешь что, серьёзно, мне жаль твою жену, которой без твоего присутствия ничего и сделать нельзя, ох, да например, потрахаться.

Его недрогнувший взгляд соответствовал спокойному тону его голоса:

– Что ты только что сказала Трэвису?

В мыслях царил хаос.

– Я не помню. Сказала ему убираться вон из моей комнаты.

– Нет. Ты сказала ему «проваливай». Как ребёнок, мать твою.

У меня участилось дыхание, пока я обводила взглядом свою комнату.

Вот дерьмо! Всё это было затеяно не из-за того, что я поздно вернулась домой. А из-за моего визита в «Крейвен и Ноулз».

– Трэвис не имеет права, и ты не имеешь права позволять ему находиться в моей комнате.

– Это не твоя комната. Твоя комната в моей комнате – нашей комнате. Так было всегда. Мне не нравится, что ты спишь здесь, и это нужно прекратить.

Медленно закрыв и открыв глаза, я сделала глубокий вдох.

– Что ж, я, может, и пообещала тебе, что буду спать в твоей спальне, но ты тоже мне кое-что обещал.

Голубые глаза Стюарта потускнели, посеревшее лицо опустилось ему на грудь.

– Отвези меня обратно в нашу комнату. Я не очень хорошо себя чувствую, мы поговорим обо всем там.

Чувство долга пошевелилось в моём сознании, когда я взглянула на то, что осталось от мужчины, за которого я выходила замуж. Он уже не был тем всемогущим олигархом. Рак отнял у него силы и гордыню.

– Когда ты в последний раз принимал болеутоляющие? – спросила я, но не из-за волнения, а из-за того, что мне бы хотелось, чтобы он находился под их действием.

– Ночью, когда я, наконец, махнул рукой на то, когда ты вернёшься домой.

– Тебе не кажется, что пора принять ещё одну дозу?

Он скривил лицо и поднял на меня глаза.

– Нет. Я хочу поговорить об этом.

Я развернула его кресло, чтобы он оказался лицом ко мне, и присела на край кровати.

– Тогда говори. Я не хочу, чтобы этот разговор проходил в присутствии Трэвиса или одной из медсестёр из твоего гарема. Ты хочешь поговорить, давай поговорим.

– Я был там. Тори, я никогда не лгал тебе.

– Виртуальное присутствие не может приравниваться к физическому, – я сражалась с мыслями об абсурдности нашей беседы.

– Я-я больше не могу присутствовать там сам. Ты знаешь это. В моей жизни осталось так мало вещей, которые могут принести удовольствие. Осталось так мало времени... можешь ли ты винить меня за то, что я хочу получить наслаждение там, где могу? Я пока остаюсь мужчиной со своими потребностями. Я хочу то, что происходит на складе. – Он протянул ко мне руку. – И это.

Если бы мы говорили о чём-нибудь другом, а не о том, о чём говорили сейчас, я могла бы даже почувствовать к нему симпатию. Но это было не так, и я ничего не чувствовала.

– Да, я могу винить тебя. Ты единственный, кого я вообще могу винить.

– Это не правда. Я слышал, ты ходила в контору Паркера. – Конечноже, он слышал. – И ты читала соглашение. Скажи мне, кем оно было подписано.

– Тобой и...

– И тобой, – уверенно заявил он. – Ты согласилась на это ещё до того, как мы поженились. Как я уже говорил, во всём документе нет ни одного пункта, который бы гласил, что я должен присутствовать там физически. Но в контракте прописано, что ты будешь подчиняться. Ты по-прежнему могла слышать мой голос. Я по-прежнему мог тебя видеть.

Я резко встала с кровати, покрепче затягивая халат на талии, стараясь побороть "Смертельнуюколыбельную", которая грозила вот-вот заиграть в глубинах моего сознания.

– И я, чёрт возьми, подчинялась.

Его холодная и влажная на ощупь рука коснулась моей.

– Тори, ты была великолепна, как и всегда. А теперь устрой шоу только для меня. Позволь мне посмотреть на мою сексуальную жену в реальной жизни. Этой ночью я тоже этого хотел. Ты знаешь, что после того, как я посмотрю, мне очень нравится получить и свой лакомый кусочек. Но ты не приехала домой и отказала мне в этом удовольствии.

Сердце пропустило удар.

– Стюарт, сегодня я должна встретиться с Маврой... – Я посмотрела на часы на прикроватной тумбочке. Было почти одиннадцать. Проклятье! Я проспала. – ...примерно через час.

Его затуманенные глаза прищурились.

– Я получил много просьб от наших друзей. Как ты знаешь, какое-то время мы не могли удовлетворить их, но теперь можем. Может, ты бы предпочла это? Решайте, миссис Харрингтон - частное представление для вашего мужа или ещё один визит на склад?

Я закрыла глаза и вдохнула. В спальне явственно почувствовался призрачный запах одеколона Паркера. Мои глаза резко распахнулись. Но его не было с нами. Мы

по-прежнему находились здесь вдвоём, это было лишь моё воображение. Я поборол нарастающий приступ тошноты, убеждая себя, что меня не вырвет.

– Пожалуйста...

На его сером лице появилась садисткая ухмылка.

– Всё это происходит по твоей доброй воле, моя Тори, целиком и полностью по твоему согласию. Теперь скажи мне, что ты выбираешь – здесь или на складе? А может, и там, и там? День только начался.

– Стюарт, а как же Мавра?

Он кивнул головой в сторону тумбочки у кровати.

– На твоём телефоне мигает датчик. Может, она оставила тебе сообщение. Вдруг она не может прийти. Ну, а если нет, ты можешь позвонить ей, и отменить или отложить вашу встречу.

Обдумывая варианты, я направилась к телефону. Каждый шаг давался всё тяжелее, я будто ступала не по мягкому ковру, а шла через трясину. Взяв мобильник, я посмотрела на экран. У меня было три новых текстовых сообщения. Не потребовалось много времени, чтобы увидеть, что ни одно из них не было отправлено Маврой. Я закрыла приложение. По крайней мере, один из отправителей мне был точно известен, но я не смогла бы переварить тёплые слова Броди, когда за каждым моим движением следили потемневшие синие глаза Стюарта. Продолжая стоять спиной к мужу, я сказала:

– Эти сообщения от Вэл. Она волновалась, что я поздно поехала домой.

Повернувшись, я увидела, что он вопросительно поднял брови:

– Каково ваше решение, миссис Харрингтон?

Выдохнув, я снова повернулась и стала пролистывать список контактов в телефоне. Найдя имя Мавры Крейвен, я нажала кнопку «ПОЗВОНИТЬ».

Ответом мне было предложение оставить голосовое сообщение, что я и сделала, стараясь говорить, как можно более небрежным тоном.

– Мавра, прости, что оставляю тебе сообщение в самый последний момент. У Стюарта было тяжёлое утро. Думаю, что мне не следует куда-либо уезжать сегодня. Дорогая, пожалуйста, перезвони мне, и мы назначим новое время для встречи.

Я сбросила соединение и повернулась к мужу. У меня сдавило грудь, когда передо мной предстал его поникший член. Очевидно, он приспустил свои спортивные штаны и вытащил его, пока я разговаривала по телефону.

Не скрывая жестокости, я спросила:

– Ты дрочил, когда наблюдал за нами вчера?

Я знала ответ. Он не смог бы кончить, даже если бы ему отсасывали. Болезнь и лекарства повлияли на его потенцию.

– Подойди.

Я покорно двинулась вперёд. Но теперь, мне нужно было ещё и зайти в ванную, чтобы взять лубрикант. Без смазки его член никак не смог бы проникнуть в меня. И тут же мне вспомнилось, какой влажной я была от возбуждения прошедшей ночью. Если бы только я смогла представить, что это Броди был сейчас здесь, со мной, только с членом Стюарта. Возможно, только возможно, я могла бы получить удовольствие от такой ироничной иллюзии. Я соблазнительно наклонилась и поцеловала его в губы. Из всех сил стараясь говорить своим самым нежным голосом, я произнесла:

– Позволь мне подготовиться. Я вернусь через мгновение.

Он взял меня за руку и положил её на свой член.

– Нет. Ты можешь подготовиться прямо здесь.

Его рука потянула за пояс моего халата, распахивая его и открывая взору мою ночную рубашку.

– Миссис Харрингтон, для этого шоу на вас слишком много одежды. Хочется думать, ты не забыла мои правила.

Позволив халату соскользнуть с моих плеч, я сняла ночную сорочку через голову.

– Трусики? Нет-нет. В них никогда не было необходимости, когда ты спала там, где должна спать.

– Я не могу спать, когда медсёстры проверяют твоё самочувствие на протяжении всей ночи. И ты знаешь это.

– Трусики. Снимай.

Кружева упали к моим щиколоткам.

– А теперь я хочу почувствовать эти чудесные губы. Те самые, за которыми я наблюдал, когда они отсасывали у нашего друга вчера после обеда. Дай мне почувствовать этот красивый рот на моём члене.

Я упала на колени, и тут же почувствовала гнетущий запах болезни. Сглотнув желчь, появившуюся в горле, я потянулась к его вялому пенису. Он затрепетал в моей руке. Когда я попыталась направить его к своим губам, мой живот скрутило в рвотном позыве.

– Вот это моя девочка. Такая послушная.

Волосы у меня на затылке встали дыбом. Эту фразу он использовал для встреч на складе, так он хвалил меня. Но на самом деле, каждый раз, когда он её произносил, я чувствовала себя выдрессированной собакой.

Моя голова двигалась вверх и вниз, губы потрескались, а результата так и не было. Невозмутимый Стюарт взял меня за волосы и потянул, чтобы я подняла глаза.

– Ты теряешь хватку, дорогая. По-моему, тебе нужно больше практиковаться.

В отчаянии я дотронулась до его обвисших яичек.

– О, да, я чувствую это.

И я была рада, что он чувствовал. Я ничего не чувствовала. Возможно, мне удалось убедить его в эякуляции, которой на самом деле не было. Я ускорила темп, увлажняя слюной то, что оставалось тленом. Потом нарочито изменила ритм, изображая звуки вынужденного сглатывания.

– Вот так! – воскликнул он, запрокинув голову, выдыхая в состоянии эйфории.

Оттолкнув меня, Стюарт скомандовал:

– Теперь покажи мне эту сексуальную киску. Раньше она была такой тесной, такой влажной.

Я отклонилась, разводя ноги и прикасаясь пальцами к внешним губам.

– Ты была такой тесной. – Его глаза засветились. – Я знаю, ты и сейчас тесная. И мы можем немного повеселиться.

Моё сердце бешено заколотилось, когда я ещё больше откинулась назад, полностью открывая себя.

– Подвинь моё кресло к краю кровати и ляг на матрас. Я хочу заполнить эту тесную дырочку.

Я задвигалась, но, совсем как на складе, мой разум отключился. Когда его пальцы проникли в меня, с его губ слетело шипение.

– Что с тобой случилось? Где моя насквозь промокшая шлюшка?

И мне интересно, где? Возможно, ты меня совершенно не возбуждаешь?!

Когда я ничего не ответила, он продолжил:

– Иди и принеси лубрикант. Чёрт, ты суше, чем долбаная Сахара.

Ясенхер, придурок. Я бы сделала это и раньше, если бы ты не был таким мудаком! Но, конечно же, я не сказала этого вслух. Тем не менее, при мысли о том, что говорю ему это, я улыбнулась про себя.

Уложив меня на кровать, он распределил смазку и сначала коснулся пальцами моего лона, а потом вонзил их в желанное место.

– О да, дорогая... вот это мне нравится. Не удивительно, как много наших друзей любят трахать тебя в задницу. Она у тебя по-прежнему хоть куда.

Его палец то входил, то выходил. Как только я привыкла к этому, он приказал мне найти для него стеклянную пробку. Несмотря на то, что она была куда толще и длиннее его пальцев, гладкая поверхность вкупе с лубрикантом позволяли хоть как-то это переносить.

Я была послушна, двигаясь должным образом и издавая звуки, которые он хотел бы услышать. Тем не менее, всё время пока мои глаза были закрыты, я мечтала о повязке, которую он использовал на складе, и даже без наушников я так и представляла, как играет "Смертельная колыбельная"

К счастью, он быстро утомился. Шлёпнув меня по попе, он объявил:

– Мы закончили. Отвези меня в ванную. Я хочу продолжить шоу там, маленький танец под душем. Я хочу посмотреть, как ты будешь намыливать свою киску.

Как и полагается хорошей жене, я подчинилась, скрыв отвращение под безмятежной улыбкой. После всего, что он сделал, его присутствие, пока я принимаю душ, казалось сущей ерундой. Ванну заполнял влажный воздух, а я, тем временем, не спеша наслаждалась тёплыми, очищающими струями. По крайней мере, мне не нужно было смывать с себя запах его спермы, лишь смрад его неминуемой смерти.

Когда я открыла стеклянную дверь, то обнаружила, что глаза у Стюарта закрыты, подбородок покоится на груди, и он развалился в своём кресле. Его лоб сверкал от пота, и я позволила себе надеяться, когда касалась его запястья и молилась...

Твою ж мать! Его сердце всё ещё билось.

Глава 8

Настоящее.

Несмотря на то, что произошло наверху, нижний этаж наших апартаментов выглядел таким же, как и всегда – идеальным. Было чуть больше часа дня, ещё не опустилась послеобеденная дымка, и в кристально-чистом небе блестело солнце Флориды, отражаясь в волнах и наполняя светом нашу гостиную.

– Миссис Харрингтон? – донёсся голос Трэвиса из-за моей спины, пока я на мгновение остановилась, рассматривая открывающийся вид из окна.

Не оборачиваясь, я ответила:

– Мистер Харрингтон уснул. Он в своей комнате. Сиделки о нём позаботятся.

– А вы... куда-то собрались? – спросил он.

Я обернулась и увидела, как Трэвис разглядывает меня с головы до ног, пытаюсь определить по моей одежде, куда я собралась.

– Трэвис, оставайся здесь и займись своими делами. Охраняй Стюарта. Мы же не хотим, чтобы он проснулся, а нас обоих нет дома.

Трэвис выпрямился, принимая привычную для себя позу охранника.

– Мэм, после того, как вчера вечером мы не смогли с вами связаться, мистер Харрингтон попросил, чтобы впредь вас возил я. Он предпочёл бы, чтобы вы не покидали дом в одиночестве.

От возмущения я поджала губы, мышцы шеи окаменели.

– Могу тебя уверить, что я в состоянии самостоятельно водить машину. Твои услуги так же не необходимы, как и нежеланны. – Трэвис начал было что-то отвечать,

но я наклонилась поближе к нему и понизила голос, – отвали на хер от меня и не забудь, кто будет за главного, когда Стюарта не станет.

Голос Лизы разрушил нарастающее напряжение.

– Миссис Харрингтон?

Мы с Трэвисом одновременно обернулись.

– Да, Лиза? Я уже собираюсь уходить.

– Конечно, я как раз хотела поймать вас перед уходом. Снова звонила ваша мать. Она сказала, что никак не может дозвониться, но ей срочно необходимо с вами поговорить.

Я закрыла глаза. Мне и без того хватало дерьма, с которым нужно было разобраться, что уж говорить про великую миссис Саунд.

– Лиза, передайте, пожалуйста, миссис Саунд, что я ужасно занята и озабочена лишь состоянием моего мужа. Я не знаю, когда у меня будет возможность ей перезвонить.

Трэвиса явно разозлила моя "озабоченность" состоянием Стюарта, и я, сузив свои серые глаза, посмотрела на него.

– Я передам. – Лиза склонила голову набок и сжала губы, осознавая последствия.

– Ей не понравится ваш отказ.

– Очень жаль. Она умеет выражать недовольство. – Закрыв сумочку, я нажала на кнопку вызова лифта. – Я планирую вернуться до того, как проснётся мистер Харрингтон. Если у меня не получится, что ж, Трэвис, у тебя есть мой номер.

– Что я должен сказать мистеру Харрингтону, если он спросит, куда вы направились? – спросил Трэвис.

– Проверь навигатор в моей машине, – сказала я, когда двери лифта закрылись.

Я знала, что Трэвис не мог определить моё местонахождение по телефону, и это его бесило. Он пытался сделать это миллионы раз. Но, по счастью, деньги работают в оба направления. Стюарт мог меня отслеживать, я же могла этому препятствовать. Постоянное сканирование моего номера и счёта одной частной фирмой, которую я наняла, позволяли остановить работу всех приложений по спутниковой навигации, мистическим образом попадавших в мой личный телефон.

Ещё до нашей свадьбы Стюарт говорил, что не будет контролировать мои перемещения. И я невинно напоминала ему об этом обещании, когда он выспрашивал о навигаторе в моём телефоне. Как-то раз, когда он снова поднял эту тему, я предложила ему два варианта: первый – он оставляет в покое мой телефон, и я отвечаю на его звонки, или второй – он отслеживает его, и я оставляю телефон дома. Стюарт нехотя выбрал первый вариант.

Заводя двигатель своей машины, я подумала о встроенном в неё навигаторе. Нанятая мною частная фирма предлагала заблокировать его, и, какое-то время, я даже рассматривала это предложение. Но потом решила, что мне нравится то обманчивое чувство могущества, которое он дарил Стюарту и Трэвису. Оставлять машину и брать такси было не самым любимым моим занятием, но пока это хорошо срабатывало.

Я взглянула на сообщение, которое не позволила себе прочитать сегодня утром в своей комнате. Оно было от Броди, пришло в шесть пятьдесят четыре утра. Я поморщилась. Я когда-нибудь просыпалась так рано?

«ВСЁ В ПОРЯДКЕ?»

За ним, чуть позже, пришло ещё одно.

«Я ВОЛНУЮСЬ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ТЫ НЕ ОТВЕТИЛА. КСТАТИ, МНЕ КАЖЕТСЯ, Я НАШЁЛ КОЕ-ЧТО ВАЖНОЕ. ДАЙ МНЕ ЕЩЁ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ НА ИЗУЧЕНИЕ, И Я СВЯЖУСЬ С ТОБОЙ».

Третье сообщение было от Вэл. Я уже успела просмотреть его и даже ответила.

«ПРОСТИ ЗА СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ. НАДЕЮСЬ, ТЫ БЛАГОПОЛУЧНО ДОБРАЛАСЬ ДО ДОМА. ДАВАЙ СНОВА ВСТРЕТИМСЯ».

Мой ответ:

«Я ПРИЕДУ ПОСЛЕ ОБЕДА. НАПИШИ МНЕ, ЕСЛИ БУДЕШЬ ЗАНЯТА».

Так как она до сих пор молчала, я первым делом направилась к ней.

Я постучала костяшками пальцев в дверь маленькой квартирki, расположенной неподалёку от Мемориального медицинского центра. Через несколько секунд дверь открылась, и меня встретили такие же серые глаза, какие я каждый день видела в зеркале.

– Привет, сестрёнка, заходи, – сказала Вэл с приветственной улыбкой.

Одинаковые серые глаза были нашим единственным сходством. В остальном мы были совершенно не похожи друг на друга. Очень многие и не догадывались, что мы сёстры. У Вэл были короткие светло-каштановые волосы с торчащими прядями, которые разительно отличались от моих – длинных и тёмных. К тому же, её волосы были густыми и жили своей жизнью – абсолютно идеальная причёска для загруженной жизни врача; мои же волосы были гладкими и блестящими. Я часто убирала их в хвост, но если они были распущенными, то доставали до середины спины. Рост у нас тоже был разный. Вэл была ниже меня и куда миниатюрнее. Её телосложение больше походило на телосложение нашей матери. Но, хотя мы обе были подтянутыми, я с моим метром семьдесят была более фигуристой, чем Вэл с её метром пятьдесят девять. Когда на мне были мои обычные каблуки в семь-десять сантиметров, я буквально возвышалась над ней.

– Привет, – поздоровалась я, подозрительно оглядывая её. – Ты хоть поспала? Во сколько ты вернулась из госпиталя?

– Да, – отмахнулась она, – я в порядке. Мне не хотелось упустить шанс увидеться с тобой. К тому же, я расстроилась, что вчера продинамила тебя, а ещё мне бы хотелось побольше узнать про то загадочное сообщение. – Её брови приподнялись в немом вопросе. – Хм, значит вчера мы с тобой тусовались?

– Да, – подтвердила я. – Кто-то спрашивал тебя об этом?

– Типа твоего мужа или этого отморозка Трэвиса? Нет, но если кто-нибудь из них меня спросит, так и скажу. Думаю, я разобралась, что к чему. Мы говорили о клиниках по борьбе с раком в США, но меня вызвали из-за массовой аварии на девяносто пятой, и, кстати, нам действительно пришлось трудиться всю ночь.

– Да, – кивнула я. – А я уснула в ординаторской, пока ждала тебя. Ты нашла меня, разбудила, и после полуночи я наконец поехала домой.

Вэл покачала головой.

– Я понимаю, что Стюарт порой ведёт себя, как придурок, но, чёрт, ему недолго осталось. Потерпи ещё немного. Тебе ведь не хочется испортить всё прямо сейчас.

Я плюхнулась на её мягкий диван.

– Тут всё сложно. Мне не хотелось настолько задерживаться. Но я была в бешенстве, встретила друга, и, не поверишь, уснула.

У неё округлились глаза.

– Ого, понятно, я-то та ещё компания, и уснуть в ординаторской – это вполне похоже на правду, но твой друг, должно быть, на редкость скучный, раз ты действительно уснула. Если только это не... – Её глаза стали ещё больше, – такой друг, с которым вы встречались в горизонтальном положении. Отчего уснуть гораздо проще, – добавила она, ухмыляясь.

Я пожала плечами и взяла высокий стакан с холодным чаем, предложенный мне Вэл.

– Спасибо. Когда ты собираешься в Уганду?

– Через две недели. Так что, как видишь, мне всё равно не до сна. Нужно сделать кучу дел. Вот и прямо сейчас, – она указала на стол у стены, на котором стоял её ноутбук и который был завален бумагами и папками, – я заполняю всяческие документы. На следующей неделе у меня встреча с представителем «Доктора без границ».

– И по какой причине? Твой проект полностью профинансирован Обществом Харрингтона. Тебе не нужно ни перед кем отчитываться.

– Я ни перед кем и не отчитываюсь. Они помогают мне. Вик, ты не понимаешь. Я повезу через полмира не просто антибиотики. Эти медикаменты могут начать эпидемию, или даже пандемию[1], если попадут не в те руки.

– Мне казалось, что в твоих клиниках вы занимаетесь лечением рака.

Она улыбнулась.

– Так и есть, но препараты, которые задействованы в химиотерапии и в лучевой терапии, можно потенциально использовать и для преступных целей. Ты же знаешь, что центры по лечению рака имени Харрингтона получают пожертвования со всей страны. Не всё финансирование идёт за ваш счёт. А если бы так было, сомневаюсь, что Стюарт был бы таким добрым и щедрым. – Она взмахнула руками. – Не знаю точно. Называй это интуицией, но эти медикаменты очень дорогие. В любом случае, больницы, врачебные кабинеты, клиники – все они предпочитают законным образом избавляться от просроченных или почти просроченных лекарственных средств, оборудования и прочих запасов. Они хотят получить способ списать расходы на налоги и не понести убытков. Здесь, в Майями, есть целый орган, который занимается лишь тем, что получает и каталогизирует такие пожертвования. Мне необходимо соотнести взносы с потребностями нашей клиники в Уганде. Некоторые средства легко достать. В том смысле, что цитоксан – общий препарат в химиотерапии, предоставляется часто. А вот гранулы радиоактивного цезия, как те, что пропали пару лет назад – нет. Предприятие, которое предоставляет эти гранулы, ожидает, да и заслуживает налоговых льгот, получаемых за такие вклады.

Я кивнула. Всё это мне уже доводилось слышать от других членов фонда. Чёрт, да я часами висела на телефоне, разговаривая с представителем клиники, которая сделала пожертвование. Разумеется, мне было известно больше, чем она думала. Сделав глоток чая, я сказала:

– Вот именно поэтому сейчас мы работаем с чеками и ведём балансы. Честно говоря, невозможно узнать наверняка, действительно ли клиника передала гранулы или лишь так утверждает. Чтобы ты знала, я была среди тех, кто возглавлял новое направление. Теперь взносы принимаются и каталогизируются, немедленно выдаются расписки. Каждый точно знает, что происходит. – Я склонила голову. – К сожалению, существует большая вероятность противоправных действий со стороны волонтеров. Веришь или нет, но я больше довольна тем, что ты реализовала в рамках "Общества Харрингтона". И это здорово, что ты начала заниматься этим ещё будучи в мединституте. А ещё мне известно, что происходит – частично от тебя, частично от совета. Они отчитываются передо мной. И всегда отчитывались. Стюарта никогда не волновало, во что ему обходится "Общество Харрингтона"; на самом деле, ему было плевать на фонд. Однако ему нравилось внимание общества. И... – я наклонилась вперёд, – он был недоволен, когда это внимание поблекло. Я уверена, что после того инцидента с гранулами, больше ничего подобного не случится.

– Викки, я не имела в виду...

– Нет, имела, но я понимаю. Конечно, я не врач, но прекрасно разбираюсь в мире денег, налогов и благотворительных организаций. Я по уши увязла в этой грязи ещё десять лет назад. И, думаю, в общем-то, я справлялась чертовски хорошо.

Вэл коснулась моей руки.

– Перестань. Конечно же, ты хорошо справлялась. Ты кому хочешь можешь надрать задницу. И я ни в коем случае не намекала на отсутствие у тебя знаний или способности к управлению. Я просто хотела сказать, что учитывая случившееся со Стюартом, понимаю, что у тебя много других поводов для беспокойства, нежели отгрузки адриамицина или пропажа пары ампул цитоксана.

– А они пропали?

– Нет, не пропали. Это просто медикаменты, которыми можно воспользоваться, как пример.

Обдумывая её выбор лекарств, я наблюдала, как лёд в моём стакане тает и плавает на поверхности.

– Если говорить теоретически, – спросила я, – зачем кому-то могли бы понадобиться эти препараты?

Вэл откинулась назад и вздохнула.

– Что ж, если говорить о дозах, способных вызывать эпидемию или пандемию, понадобилось бы больше, чем ампула или двенадцать бутылок. Видишь ли, цитоксан обычно используется в лечении рака груди. Так как у него относительно короткий период полураспада, то его транспортируют в порошкообразной форме. А перед тем, как ввести его пациенту, из препарата делают раствор – жидкость.

Я закатила глаза.

– Может, я и не закончила университет, но осведомлена, что раствор является жидкостью, но спасибо большое, что просветила.

– Но в том-то и дело, что дело не в жидкости. А в порошке. Для лекарственной дозы необходимо лишь его малое количество. К тому же, в такой форме это вещество очень токсично. Если такое маленькое или даже ещё меньшее количество порошкообразного цитоксана впитается через кожу, оно может отравить организм. Через совсем небольшой промежуток времени это воздействие приведёт к кардинальному уменьшению лейкоцитов. – Она покивала головой. – Что, как ты знаешь, откроет дорогу инфекции. И не простой инфекции типа гриппа или простуды, при внедрении в организм этого вещества, иммунная система человека будет парализована. Как ВИЧ, только сильнее. Заражение будет наблюдаться уже через несколько дней, а то и часов. И только представь, что будет, если накопится достаточное количество? Ничего не подозревающие люди окажутся под воздействием этого вещества и умрут до такого, как кто-нибудь поймёт, что произошло. Адриамицин известен как «красный дьявол». Это вещество, используемое в химиотерапии, применяется для лечения многих видов рака, в том числе рака груди, лёгких, яичников, мочевого пузыря. Обычно его назначают как часть трёхэтапной схемы. Его вводят внутривенно в течение определённого периода времени. Но у этого препарата есть серьёзные побочные эффекты: уменьшение количества лейкоцитов и эритроцитов, уменьшение количества тромбоцитов, потеря волос, язвы в ротовой полости. Именно поэтому его применяют согласно предписанию. Если он проникнет в организм через кожу или будет принят внутрь в большей дозе, то и побочные эффекты усилятся. Будет происходить всё то же самое, как при передозировке цитоксаном, только симптомы будут проявляться медленнее.

– А разве люди не смогут узнать, что у них за симптомы?

Вэл задумчиво покачала головой.

– Возможно. Они поймут, что что-то не так, но не поймут причину. Я хочу сказать, что такой симптом, как потеря волос, может оказаться ничем иным, как изменением в гормонах. Честно говоря, если рассматривать его как отдельно взятый симптом, то многие доктора даже не обратят на него внимания. Да и это не будет иметь значения. Если препарат попал в организм человека, его уже никому не остановить. – Она пожала плечами. – А адриамицин может оказать негативный эффект на сердечную мышцу.

– Так он может стать причиной сердечного приступа? – спросила я.

– По сути, да.

– Чёрт, твои слова словно из заявления о конце света.

Вэл рассмеялась.

– Эй! Я не собираюсь предсказывать конец света! Просто, один из обучавших меня в университете Джона Хопкинса профессоров, отлично разбирался в гематологии, при полном отсутствии реальных знаний о раке крови. Он пробудил мой интерес.

– Рак крови, как лейкемия у Стюарта?

– Да, а кроме того, это может быть и рак лимфотических тканей, и прочие лимфомы, и даже множественные миеломы. Мой профессор рассказал бы о частоте встречаемости каждой этиологии, и о том, как Центр по контролю и профилактике заболеваний наблюдал за поражёнными зонами.

– А они нашли такие? Поражённые зоны?

Несмотря на то, что я пропустила свой последний год обучения, курс продвинутого изучения химии дал о себе знать. Мне всегда нравился этот предмет. И меня бы даже зачислили в Университет Майями, если бы моя жизнь не приняла такой неожиданный поворот. И вместо приват-шоу для Стюарта, я куда больше предпочитала вот такие посиделки с Вэл, слушая её зловещие рассказы.

– Да, – задумчиво ответила она. – Они обнаружили множество подобных диагнозов в Чернобыле и Хиросиме. Побочные эффекты в обоих случаях были существенными. Однако, даже несмотря на то, что трагедия в Чернобыле произошла относительно недавно, в 1986 году, отсутствие технологий, таких, какие мы применяем сейчас, ограничило количество информации. – Лицо Вэл сияло, как всегда, когда она была чем-то увлечена. – Вообще-то, мой профессор был членом исследовательской группы, изучающей население японской Фукусимы. Теперь у них куда больше ресурсов. После расплавления реакторов в 2011 году, в течение длительного времени не могли обнаружить последствия, но благодаря тому происшествию у них возникли идеи о том, что нужно для восстановления. – Она с надеждой посмотрела на свой чай. – Мне бы очень хотелось узнать, что они выяснили. Это всё необычайно интересно.

– Но все эти случаи не относятся к биотерроризму, о котором ты недавно рассуждала.

– Нет. Они относятся к радиоактивному облучению. И нам всем известно, что радиация вызывает рак. Поэтому на базе этих облучений они могли многое выяснить. Вместе с тем, Центр по контролю и профилактике заболеваний конечно же наблюдает за вспышками заболеваний по неизвестным причинам.

– Ха! Как будто несколько препаратов, пропавших из наших клиник, могли стать этому причиной!

Лицо Вэл потемнело.

– Знаешь, Викки, так всё и начинается: немного медикаментов из одной клиники, немного из другой. Потом все они оказываются в одном месте. И, внезапно, без причины начинают происходить разные вещи. Люди теряют волосы, заболевают.

Подумай только, немного порошкообразного цитоксана, распылённого через систему вентиляции в здании, в котором живут или работают тысячи людей, – это реальное свидетельство действия какой-нибудь террористической организации.

– Это правда может быть так просто?

– Нет. Такие вещи имеют свои последствия. Преступников либо поймают, либо они сами себя убьют. Нечто мелкомасштабное сработает лучше и привлечёт меньше внимания. Например, убийство, вызванное аварией. И это может иметь отношение к покушению.

– Боже, Вэл, ну и ужасы! Может, тебе стоит написать криминальный роман?

– Конечно, это ужасно. Поэтому и нужно столько всего преодолеть и заполнить кучу документов.

Я покачала головой.

– Прости, что напрягаю тебя со своим алиби. У тебя и так дел по горло.

Её губы растянулись в искренней улыбке.

– Вик, честное слово, ты же всегда можешь на меня положиться. Мне известно, что Стюарт далеко не любовь всей твоей жизни. И я также в курсе, что ты делаешь всё возможное, чтобы мужественно это переносить. И я не собиралась грузить тебя ежедневной медицинской фигнёй.

– Но, – спросила я, – если бы ты открыла клиники здесь, в США, такого количества проверок всё равно нельзя было бы избежать?

Она покачала головой.

– Нет... и да. Неважно, где находится клиника, над всем должен осуществляться учёт. Как бы то ни было, это нормальные и приемлемые издержки. В смысле, чего только не бывает. Неправильно смешивают растворы, списывают ампулы. Конечно же, это всё должно быть документально зафиксировано, но иногда медсёстры настолько загружены, что происходят накладки. И такие случаи тоже берутся в расчёт при проверках. – Она ухватила меня за коленку. – Да и это не важно. Пока у меня не было времени, чтобы подготовить предложение об открытии клиник в США.

– Милая моя, эта идея мне нравится куда больше, чем то, что ты болтаешься по всему свету. То есть, если какие-то террористические группировки ищут эти медикаменты, мне совсем не хочется, что ты путешествовала с ними. – Меняя тему разговора, я встала и подошла к полочке с фотографиями. В моих руках оказался снимок, стоявший посередине; на нём были запечатлены мы с Вэл во время моего обучения в выпускном классе академии. Мы выглядели такими молодыми, такими невинными. Ещё там были фотографии Маркуса и Лайла, а также мамы с Рэндалом. И это напомнило мне кое о чём.

– Догадайся, кто пытался связаться со мной?

Вэл опустила глаза.

– Я знаю. Она мне тоже звонила.

Я развернулась.

– Зачем? Зачем ей, чёрт возьми, нужно было тебя беспокоить?

– Потому что она не может дозвониться до тебя. Она просила меня попросить тебя ей перезвонить.

Я потёрла переносицу.

– Ты знаешь, чего она хочет?

– Нет, – коротко ответила Вэл. – Но я догадываюсь.

– Только не говори, что она опять просила денег.

– Не просила. Ну, с тех пор, как ты отругала её и объяснила разницу между моей работой доктором и работой Рэндала.

– Хорошо, – как ни в чём не бывало проговорила я.

– Мне кажется, это связано с деньгами на образование Маркуса, – предположила Вэл. – Она весьма взбудоражена тем, что он будет учиться в Университете Майями. Туда очень тяжело попасть.

– Я знаю, – сухо сказала я.

– Да, я помню. Ты тоже была туда зачислена. Что ж, мне кажется, что причина её непрерывных звонков – это плата за обучение. Скоро потребуется оплатить второй семестр. А мама слишком уж быстро растратила деньги от страховки Рэндала.

Я покачала головой.

– И что это за мать, которая тратит миллионы долларов, когда два её сына нуждаются в образовании?

Вэл пожала плечами.

– Рискну предположить, та, у которой есть дочь, что в состоянии купить чёртов университет, если захочет.

– Проклятье! – пробормотала я себе под нос. Насколько мне не хотелось спасти её тощую задницу, настолько не хотелось, чтобы пострадали Маркус или Лайл. Чёрт, он ведь был зачислен благодаря лишь своим собственным достижениям.

Моя мать винила меня в гибели её второго мужа. Как она красноречиво заявила после похорон, *"ещё один труп на моей совести"*. Потому что, именно я отказала Рэндалу, когда он попросил денег. Как будто им было мало того, что ради них я продала своё тело и свою душу. Но у него хватило наглости попасть в ту же самую ловушку - он задолжал букмекеру больше миллиона.

Стюарт оставил выбор за мной. И мне нужно лишь было сказать «да», чтобы долг Рэндала был выплачен. Но чёрт! Я уже делала это, а ещё обеспечила образование для Вэл. А как меня отблагодарили? Мэрилин и Рэндал играли роль идеальных родителей, притворяясь, что именно они помогли своей дочери с последним курсом обучения и медицинским университетом.

Поэтому, когда мне снова предстояло принять решение, я склонилась к тому, чтобы самой сделать ставку. Если уж на то пошло, возможно, именно в то время я была единственной, кто получал удовольствие от азартных игр. И к тому же, какая-то часть меня всегда сомневалась в том, что неспособность выплатить долг может на самом деле привести к смерти. Ведь мы же не на Диком Западе!

И я проиграла, через два дня, как сделала ту ставку. Машина Рэндала съехала с берегового вала. Расследование показало, что не сработала педаль тормоза, и это позволило моей матери получить деньги по страховке. Значительная их часть пошла на выплату долга Рэндала; однако, ей осталось немало, чтобы отложить или инвестировать.

После похорон мы с Мэрилин Саунд почти не разговаривали. И всё-таки, по мнению Лизы, а теперь и Вэл, она по-прежнему считала, что имеет право обращаться ко мне за деньгами. Уверена, если бы её спросили, она бы так и ответила.

Останавливая этот поток мыслей, я посмотрела на часы.

– Мне нужно вернуться домой до того, как проснётся Стюарт. Сегодня утром он был не в духе.

Выражение её лица смягчилось.

– Викки, я наблюдала многих пациентов, которые пошли по той же дороге, что и Стюарт. Ему было трудно примириться со своим диагнозом. И это понятно. По статистике, он слишком молод для такого агрессивного типа рака. И я уверена, от этого ему ещё тяжелее. Он мужчина, который привык добиваться своего, а теперь ему не смогут помочь ни его деньги, ни его положение. Как я уже выяснила в ходе своей практики, когда у человека такой диагноз, как у Стюарта, он просто не может смириться с фактом того, что умирает. Кроме того ему пришлось столкнуться лицом к

лицу с потерей контроля. И не важно, что это за человек: семидесятилетняя старушка или пятидесятилетний исполнительный директор «Харрингтон Спа энд Сьютс» – это одинаково тяжело для любого. И не редко, такие пациенты пытаются вернуть себе способность контролировать, любыми доступными им способами. Конечно же, тебя раздражают такие вещи, как например то, что ему хочется знать о твоём местонахождении. Но сейчас это единственное, что у него есть.

Я мужественно сохраняла спокойствие. Ни за что на свете я не позволила бы ей узнать о том, какими способами он предпочитал осуществлять контроль.

– Во многом, – продолжала она, – то, что случилось с Рэндалом, куда более гуманно, чем то, что происходит со Стюартом.

Карма.

Когда я ничего не ответила, она взяла меня за руку и добавила:

– Я также видела и супругов таких пациентов. Я понимаю, как тебе тяжело. И мне бы хотелось, чтобы ты подумала о возможности посещать психологические консультации. Тебе не нужно ждать его смерти, чтобы поделиться с кем-то своим горем и чувством утраты близкого человека. Ты заслуживаешь поддержки.

Я наклонилась, обнимая её, и сказала:

– Я знаю, что ты в делах и заботах, но я бы предпочла встречаться с тобой. Хочется надеяться, что мы снова соберёмся вместе, только ты и я, до того, как ты уедешь. Дай мне знать, что там у тебя с графиком, и мы что-нибудь придумаем.

– Замётано, сестрёнка. И не переживай по поводу всякой фигни, связанной с фондом. Я управлюсь со всем, что связано с медикаментами.

Я улыбнулась, кивнув головой, вспоминая похожий разговор, который состоялся несколько лет назад и оказался очень полезным.

"– Вэл, – спросила я, – а для чего используют те гранулы? В смысле, зачем тебе вообще радиоактивные гранулы?"

– Их внедряют в раковые опухоли, обычно ненадолго. Однако, пока они внутри опухоли, радиация, которая в них содержится, убивает раковые клетки.

– А они могут причинить вред здоровым клеткам?

Она пожала плечами.

– Когда происходит быстрое увеличение пагубных клеток, преимущество за ними.

– Ну, а если увеличения нет?

Она нахмурила брови.

– Тогда эти гранулы не внедряют. Если уж говорить серьёзно, то подверженность такому уровню воздействия радиации может привести к мутации здоровых клеток. Это будет почти что Чернобыль, но только в масштабах одного человека.

Вэл коснулась моего плеча.

– Вик, подумай об этом.

Я широко распахнула глаза.

– Подумать о чём?

– О консультировании. Это пойдёт тебе на пользу. Ты слишком молода для такого. Наблюдать за тем, как умирает твой супруг – это очень тяжело. Для этого и существуют психологи-консультанты. К тому же, иногда полезно поговорить с кем-то, кто тебе не близок.

Я покачала головой. Мнелишь нужно, чтобыюномер.

– Позвони мне. И в следующий раз давай поговорим о чём-нибудь менее ужасном.

– Эй, я не собираюсь использовать эти медикаменты ни для чего ужасного. Они послужат благому делу. Запомни это.

Я обняла её напоследок.

– О, я запомню.

[1] Пандемия – эпидемия, охватывающая население целой области, значительной части страны или ряда стран. Обычно под пандемией подразумевают болезнь, принявшую массовый, повальный характер (напр., чёрная оспа, чума, холера и т.п.).

Глава 9

Настоящее.

Я неохотно провела пальцем по экрану телефона. Хотя я пыталась не обращать внимания на вибрацию, пока была у Вэл, но постоянные звуки, исходящие из моей сумки, невозможно было не заметить. Иконка «Сообщения» чуть ли не выпрыгивала с экрана, бешено мигая цифрой "8". Восемь грёбанных сообщений! Ещё даже двух часов не прошло, как я вышла из дома. Я просмотрела их: два были от моей матери, два – от Броди, одно – от клиники общества Харрингтона, и остальные три – от Трэвиса.

Нажимать на номер Трэвиса – словно отдирает лейкопластырь. Если сделать это быстро, то можно покончить с этим и перейти к более приятным вещам. Я улыбнулась, не разжимая губ. Интересно, моей матери было бы приятно, что я посчитала её меньшим из двух зол?

Сообщение 1: «МИСТЕР ХАРРИНГТОН ПРОСИЛ МЕНЯ НАПОМНИТЬ ВАМ, ЧТО ОН ОЖИДАЕТ ВАС ДОМОЙ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВАШЕЙ ВСТРЕЧИ С СЕСТРОЙ».

Правда? Я сжала челюсти. С нашей первой встречи Трэвис всё время гладил меня против шерсти.

Сообщение 2: «МИСТЕР ХАРРИНГТОН ПРОСНУЛСЯ И ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ВЫ СЕЙЧАС ЖЕ ПРИЕХАЛИ ДОМОЙ».

Да ладно! Стюарт ещё не мог проснуться. Я сама видела, как сиделка накачала обезболивающих в его капельницу после того, как убедила её, что именно этого он и хотел. И потому что это совершенно никак не влияло на то, чего хотела я.

Я до конца не знала, что за игру затеял Трэвис, но точно не собиралась в ней участвовать. Меня уже втянули в серию долбанных игр. Мой лимит исчерпан. От одной только мысли о ближайшем помощнике Стюарта у меня начинала кипеть кровь, а желудок выворачивался наизнанку. Не было секретом, что я испытывала ненависть ко всему, что касалось Трэвиса; честно говоря, это чувство продолжало оставаться взаимным. Всё это раскрылось во время моего «обучения» Стюартом на складе. Все его выражения лица, взгляды, ухмылки, которыми он одаривал меня во время первого года моего брака, наконец-то приобрели смысл, когда в первый и единственный раз я встретила с ним лицом к лицу, как с "другом". Нет, не то чтобы встретила. Мои

глаза были завязаны. Я не знала, почему они оба думали, что я не узнала бы мужчину, который весь тот год провёл в нескольких дюймах от моего мужа.

Пусть я не очень хорошо справилась с той ситуацией, но тогда я многое выяснила. В том числе то, что иногда я, по-прежнему, могла оказывать влияние на своего мужа.

Устраиваясь поудобнее в кожаном кресле своей машины, я размышляла: если этот придурок настолько глуп, что думал, будто я оставлю его работать после смерти Стюарта, то он оказался ещё глупее, чем выглядел. Уже прошло девять лет с тех пор, как член помощника Стюарта находился рядом со мной, но до сих пор, когда я даже краем глаза видела его скользкую ухмылку, в моём животе всё переворачивалось. Я помнила тот день, как если бы он был вчера. Помнила всё до мельчайших подробностей.

"— Это важное испытание, Тори. Мы же не хотим, чтобы ты разочаровала наших друзей. Они все с нетерпением ждут, когда познакомятся с тобой.

Мои руки тряслись, несмотря на то, что он крепко удерживал их. Стюарт говорил таким тоном, будто просил меня устроить званый ужин, а не выставять себя перед незнакомцами или того хуже, мужчинами, которых я знала. С тех пор, как он привёз меня на склад в первый раз, я знала, что этого дня не миновать. Он прямо говорил, что это не обсуждается. Это было его желанием, его фантазией, и причиной, по которой он женился на мне.

И это было тем, на что я согласилась, подписав его договор. Я могла сделать выбор в пользу того, чтобы уйти. Да и он говорил мне об этом. Я могла принять то положение договора, которое аннулировало бы наше соглашение: аннулировало бы наш брак и освободило бы меня от этого ада. Но какой ценой?

Стюарт сделал всё, о чём говорил мне. Он выполнил свои обещания. Долг Рэндала был уплачен. Моего неблагодарного отчима пощадил. Моя мать снова могла продолжать поддерживать видимость безупречности и хвастаться своей дочерью и новым зятем. Он обеспечил меня таким количеством роскоши, о котором женщина могла лишь мечтать. Он никогда не спрашивал меня о моих расходах и о том, на что я решила потратить деньги.

Я не давала эмоциям одержать верх, пока он медленно снимал с меня одежду, завязывал повязку вокруг глаз, закреплял наушники. С каждой приближающейся секундой я понимала, что охотно пожертвую всем. Мне было плевать на деньги. Рэндал мог и сам пробиться в этом мире, поэтому мне было плевать и на социальный статус моей матери. Единственным, что удерживало мои руки крепко привязанными к кованым стойкам изголовья, было осознание того, что иначе Вэл не сможет учиться в университете Джона Хопкинса. Она усердно училась в академии, чтобы получить отличные оценки. В этом же университете была одна из лучших программ обучения на подготовительных медицинских курсах в стране. Программа была эксклюзивной и престижной, коэффициент зачисления составлял всего лишь семнадцать процентов. И она попала. Одно только обучение стоило пятьдесят тысяч долларов в год. Но, несмотря на позёрство Рэндала и Мэрилин и их заявления в беззаветной любви, они ни разу не раскошелились на оплату её обучения, что уж говорить про её проживание и питание.

Не то, чтобы Вэл не была прилежной, она была. Однако, было ли это по-честному — сначала предложить ей всё это, а потом отнять? А именно так бы и получилось, если бы я решила воспользоваться своим правом уйти. До тех пор, пока я играла в игру Стюарта, я могла обеспечивать свою сестру и реализовывать любые свои желания.

В наушниках звучит его голос.

– Как мы и договаривались, я могу связать твои руки, и если я так сделаю, то тем самым лишаю тебя свободы выбора. Кивни, если поняла.

Я не могла позволить ему узнать, насколько сильно отвратительно мне происходящее. Поэтому я собрала все свои силы, выпрямила шею и кивнула.

– Хорошая девочка! Оставайся сконцентрированной на мне. Я буду здесь, с тобой. Ты хорошо меня слышишь?

Я кивнула. Конечно, чёрт побери, я его слышала! Мы играли в эту игру вдвоём, только он и я, уже несколько месяцев.

– Помни, ты не должна говорить. Ты можешь издавать звуки – мне нравится слушать их, но не говорить. Кивни, если поняла.

Я киваю.

– Сегодня ты встретишься с нашим первым другом.

Мои ноги вздрогнули, их заломило от моего желания свести их вместе и прикрыться. Стюарт расположил их так, что они были разведены в стороны и чуть сгибались в коленях. Я была полностью открыта.

– Нет, Тори. Я хочу, чтобы наш друг увидел тебя, оценил твою восхитительную, сексуальную киску. Я хочу, чтобы он увидел твою соблазнительную грудь. Уверен, ему понравится кончать на неё, также как и мне.

Я закрыла глаза, и безуспешно попыталась заглушить его голос.

Он продолжал:

– Я обещал, что наши друзья будут пользоваться презервативами, и этому правилу будут следовать. Я здесь для твоей защиты, моя дорогая. Но не удивляйся, если кто-то будет их снимать, чтобы погрузиться между твоих роскошных грудей или в твою отменную задницу; другие захотят, чтобы ты у них отсосала. Помни, нужно быть хорошей девочкой и сглатывать.

Его слова были словно язвительная насмешка, они унижали, но в то же время тон его голоса был чувственным и ободряющим. Это была жестокая игра.

Мои руки заломило ещё до того, как наш друг успел заявить о себе. И, несмотря на прохладу в помещении, вспотевшие ладони с трудом могли крепко держаться.

– Не отпускай перекладыни. Тебе нельзя касаться нашего друга до тех пор, пока я не скажу, что делать. Тебе нет смысла пытаться узнать, кто они. От этого игра становится только веселее, ты не согласна?

Я не кивнула. Я была не согласна. В происходящем не было ничего весёлого.

Я не знала, говорил что-то наш друг или нет. В любом случае, я не смогла бы его услышать. Но он дал знать о своём присутствии прикосновением. Я ахнула, почувствовав его, в ту же секунду осознав, что это не Стюарт. Не было и проблеска на понимающее отношение в том, как грубая рука схватила меня за грудь, ущипнула за сосок и с силой потянула.

Вопреки всем наставлениям Стюарта, я попыталась уклониться.

– Всё хорошо, детка, – попытался успокоить меня голос Стюарта.

Мои ноги сдвинулись ближе, кожу закололо от отвращения. Какое-то время я ничего не слышала, кроме музыки. Единственное, что приходило мне в голову – они оба обсуждали, что этот друг собирался делать дальше.

Наконец в наушниках снова раздался голос Стюарта:

– Давай, Тори, я знаю, ты можешь сделать это, для меня. Не заставляй нашего друга злиться. Ты же не хочешь, чтобы тебя наказали.

Волоски на моём затылке встали дыбом. Низачтонасвете... и вдруг я поняла. Не знаю, каким образом, но я поняла. Стоило мне ощутить его тёплое дыхание на своей шее, как меня тут же захлестнуло то же самое тошнотворное чувство, как при

нашей первой встрече с Трэвисом. Пусть глаза у меня были завязаны, я действовала инстинктивно. Моё колено взмыло вверх. В тот же самый момент я отцепилась от изголовья кровати, наклонилась вперёд и впилась в зубы во что-то, что было передо мной. Колено попало в цель, потому что я почувствовала, что кровать задвигалась. Я сорвала с себя повязку и наушники, и тут же меня ослепила освещённая комната, и оглушили наполняющие её звуки, всё закружилось. Но не от того, что были поражены мои органы чувств. А от того, что Трэвис ударил меня по правой щеке.

– Тупая сука! – Закричал он, осматривая своё истекающее кровью плечо и ушибленные яйца. – Чёрт, ты пнула и укусила меня!

Я была словно чёртова кошка, выпустившая когти. Машинально, я спрыгнула с кровати. И мне было плевать на полный ярости взгляд Трэвиса. Не обращая внимания на пульсирующую от боли щеку, я вцепилась ногтями в его обнажённую кожу.

– Отвали от меня на хер! Ни черта...

Стюарт взялся за моё плечо, отрывая меня от Трэвиса, и заорал:

– Перестань!

Я никогда ещё не слышала, чтобы его голос звучал настолько сурово и требовательно. Можно сказать, до этого момента я не видела своего мужа разозлённым. И это точно. Ничто не могло сравниться с тем, что я видела и слышала. Его руки тряслись, лицо покраснело от ярости. Понимая, что нахожусь в меньшинстве, я мысленно подготовилась к обещанному им наказанию, закрыла глаза и начала ждать. Но его так и не последовало. Мой муж резко развернулся в сторону Трэвиса. Его голос звучал жёстко, он не собирался уговаривать этого монстра. Каждое слово было словно плевок.

– Что за хрень ты тут вытворяешь?

– Сучка меня укусила! Пнула меня, блять, по яйцам. – Из его ран капала кровь, тело дрожало от злости. – Так что за хрень я тут вытворяю?

Стюарт шагнул в его сторону. Как только расстояние между ними уменьшилось, тело Трэвиса словно сжалось.

– Ты больше никогда не поднимешь свою грёбаную руку на мою жену. Как ты вообще смеешь думать, что можешь её ударить? Ты полоумный придурок. Ты знаешь, что за этим последует. Если собираешься и дальше оставаться рядом со мной, то признай, что у тебя был шанс, но ты его упустил. – Палец Стюарта уткнулся в голую грудь Трэвиса. – Ты, на хрен, его упустил!

Когда Трэвис ничего не ответил, я выглянула из-за спины Стюарта, где была в безопасности, и сказала:

– Мистер Харрингтон только что сказал тебе, что ты упустил свой шанс. Кивни, если ты, на хрен, всё понял.

Рука Стюарта удержала Трэвиса, когда он бросился вперёд.

– Убирайся отсюда к чертям. Мы поедем на нашей машине. Уходи. Мы обсудим это позже, вдвоём.

– Так ты никогда не подготовишь её для сена...

– Заткнись, блять, или следующим, кто кого-то ударит, буду я, а этим кем-то станешь ты. – Голос Стюарта стал ниже на октаву. – Теперь уходи. Не заставляй меня повторять.

Напоследок метнув взгляд в моём направлении, Трэвис развернулся и ушёл. Стюарт стоял неподвижно и ждал, пока Трэвис не скрылся в ванной, и только тогда выдохнул и развернулся ко мне. Выражение его лица смягчилось, когда он провёл пальцем по моей уже распухшей щеке.

– Давай-ка раздобудем тебе немного льда. Детка, прости меня. Этого больше не повторится.

Напряжение в моих мышцах ушло, и я упала ему на грудь.

– Тори, мне не следовало позволять Трэвису... я думал, это будет безопасная проверка, но я же не идиот. Я видел, как он смотрел на тебя с того самого первого дня, как привёз в мой пентхаус. Я обещаю, что больше никому не позволю так обращаться с тобой.

Я подняла взгляд на его лицо, пытаясь прочесть его мысли.

– Но после этого ты по-прежнему позволишь другим меня трахать?

Он погладил мои волосы.

– Разве ты не видишь? Я получаю столько же, сколько и они. Я получу огромное наслаждение, наблюдая за ними и тобой. Я хочу, чтобы ты кончила. – Он снова коснулся моей щеки. – Но я никогда не захочу вот этого. – Он посмотрел в мои глаза. – Всё это ради удовольствия: наших друзей, твоего, моего.

– Я не хочу никакого другого удовольствия, кроме как с тобой.

– Но я буду здесь. Я всегда буду здесь. Знай, что когда кто-то другой трахает тебя и ты вот-вот испытаешь оргазм, то же самое будет и со мной. Когда они закончат с тобой, ты сможешь обратиться ко мне, потому что именно так и поступают хорошие жёны. Это, моя дорогая, то, на что ты согласилась. Но я никогда не хотел, чтобы кто-нибудь причинил тебе боль.

Я выпрямилась насколько смогла, пусть и была босой и голой.

– А тебе не приходило в голову, что всё это само по себе причиняет мне боль?

– Нет, – ответил он. – Я хочу видеть твоё наслаждение. Единственную боль, которую ты испытаешь, будет возбуждение для ещё большего удовольствия. – Он наклонился и поцеловал меня. – Миссис Харрингтон, даю вам своё слово.

– Уволь его, – сказала я, когда наши губы разъединились.

Лицо Стюарта перестало что-либо выражать.

– Я сказала, уволь его. Уволь Трэвиса сегодня же вечером, чтобы мне больше не пришлось снова его видеть.

Стюарт притянул меня к своей груди.

– Дорогая, Трэвис со мной уже много лет. Он нужен мне настолько, насколько и я нужен ему. И он знает слишком много о слишком многом. – Он указал в сторону кровати. – Например, об этом. Вряд ли ты захочешь, чтобы он рассказал об этом всему миру.

– Я бы не хотела, чтобы вообще кто-нибудь...

Палец Стюарта лёг на мои губы.

– Хватит. Я не собираюсь увольнять Трэвиса, но даю тебе слово, что он никогда не будет угрожать тебе, а что касается других мужчин, знай, будут и другие. Это... – Он снова указал в сторону кровати, – случится. Поэтому, если, конечно, ты не собираешься воспользоваться своей возможностью покончить с нашим браком, этот разговор закончен.

Когда я ничего не ответила, Стюарт спросил:

– Что случилось? Я думал, ты готова.

Мне хотелось сказать, что я никогда не буду готова, вместо этого я пожала плечами.

– Я поняла, что это он. Каждый раз, когда он смотрит на меня, моя кожа покрывается мурашками. Я просто поняла, что это он, и не смогла смириться с мыслью, что он меня коснётся. И он вёл себя грубо. Ты никогда...

Губы Стюарта овладели моими – целуя, лаская, успокаивая.

– Я никогда и не хотел. Мне это не нравится. Поэтому мне нужно знать, что ты делаешь это по своему желанию, чтобы сделать меня счастливым.

Какая отстойная ложь! Я не могла сдерживать свои эмоции. Я питала отвращение к его существованию, хотя он и был моим спасителем. Что бы случилось, если бы он не вмешался? Что бы сделал Трэвис? Рассматривая кровь под своими ногтями, я знала, что бы не произошло, я не сдалась бы без боя".

Звонок телефона вернул меня в настоящее. Я по-прежнему находилась в своей машине, на крытой автостоянке, выбитая из реальности отвратительными воспоминаниями. Глубоко вдохнув, я прочитала, кто звонил: "ПРИЁМНЫЙ ФОНД КЛИНИКИ ХАРРИНГТОНА".

Я завела двигатель и вдохнула прохладный воздух кондиционера. После третьего звонка я ответила:

– Алло.

– Миссис Харрингтон?

– Да, – ответила я резче, чем было нужно.

– Мэм, прошу прощения за беспокойство, но доктор Конвей предоставила на рассмотрение заявление, но без вашей подписи или без подписи миссис Кин мы не можем выделить медикаменты.

– Не случайно моя фамилия идёт второй в списке. У меня есть другие...

– Мэм, простите. Я знаю, что вы заняты с мистером Харрингтоном. Но миссис Кин уехала из города вместе с сенатором. Боюсь, что если мы будем ждать её возвращения...

– Я буду у вас через двадцать-пять минут.

– Спасибо, мэм.

Я разъединилась, не дослушав ее слов признательности, и влилась в поток автомобилей. Сконцентрировавшись на окружающих меня машинах, я вздохнула над неожиданно свалившейся на меня обязанностью. По правде говоря, мне было радостно, что появилось отвлечение от моей жизни и воспоминаний. Я не понимала, почему именно это воспоминание оживилось с такой силой, и, глядя на меня, можно было подумать, что я только что испытала всё это заново. Подкрасив губы и надвинув на глаза солнцезащитные очки, я выпрямила плечи. Я же миссис Харрингтон, миссис Стюарт Харрингтон, чёртпобери, я могуэтосделать.

Пока я мысленно успокаивала себя, мой телефон снова зазвонил. На маленьком экране приборной панели высветилось имя: "БРОДИ ФИЛЛИПС". Сделав глубокий вдох, я нажала на кнопку приёма вызова.

– Алло.

Я слушала, как из динамиков машины раздавался его голос.

– Что случилось? Ты в порядке?

Я опустила взгляд на свои руки, слишком крепко вцепившиеся в руль.

– Со мной всё нормально. Я была с Вэл. Ты выяснил ещё что-нибудь?

– Выяснил, но не о соглашении.

Я ждала. Потом всё-таки решила его подстегнуть:

– Броди, у меня куча дел. Мне не нужны зацепки. Что, чёрт возьми, ты выяснил?

– Вик, я хочу сесть и обсудить это с тобой.

Мой телефон завибрировал, пришло новое текстовое сообщение. В этот раз на экране высветилось имя СТЮАРТ.

– Я не могу. Не сегодня. Мне нужно заскочить в приёмный фонд клиники Харрингтона и подписать кое-что, чтобы Вэл смогла получить всё, что ей нужно для поездки в Уганду, потом мне нужно вернуться домой.

Голос Броди стал ниже.

– Это серьёзно. И я боюсь, что это может тебя расстроить. И поэтому хочу быть с тобой, когда ты услышишь детали.

Я направила машину к зданию распределительного фонда.

– Броди, если есть что-то, о чём я должна узнать, скажи мне.

– Мы сможем рассчитывать на завтра?

Я покачала головой. Ладно, мне придётся это уладить.

– Конечно. Увидимся во время ленча? Ты работаешь на моего мужа – он болен. Так давай встретимся за ленчем?

– Нет, Вик. Не на людях. И не с тем, что я должен тебе сказать. Я сниму комнату в «Вайсрое». Скажешь Стюарту, что встречаешься с кем-нибудь за ленчем в «15 энд Вайн». Я напишу тебе номер комнаты. Ключ тебе не понадобится. Я буду ждать.

– Боже, Броди. Ты заставляешь меня нервничать. Если речь не о соглашении, то о чём?

– О завещании Стюарта, Вик. Он составил черновик нового завещания. Добавил пункт о предложении наследования.

– Какого хрена? Разве само завещание не о наследовании?

– Дело не в деньгах и даже не в собственности. Ты получишь всё это. Но тут речь о каких-то новых особенных завещательных дарах и передачи имущества по наследству.

Я изо всех сил старалась сосредоточиться на послеобеденном дорожном движении, переваривая слова Броди.

– Я не понимаю, – призналась я. – Если он не завещает деньги или собственность, то тогда что он завещает?

– Право собственности на твой договор.

Я пыталась ловить ртом воздух, который словно исчез из машины.

Глава 10

Десять лет назад.

Пока я возвращалась обратно в спальню, в моих мыслях то и дело вспыхивали воспоминания о том, что только что произошло у нас со Стюартом в патио. О, Боже мой! Я действительно позволила ему трахнуть меня пальцами? Я на самом деле попросила его об этом? Да что, чёрт возьми, со мной случилось? Ещё двадцать четыре часа назад я даже не знала этого мужчину, но предложила ему засунуть свои пальцы внутрь меня! И я серьёзно рассматривала вариант нашего замужества? Я подумала о том, что было после обеда. Стюарт сказал, что его член не войдёт в меня до тех пор, пока я сама не попрошу, пока не начну умолять его об этом. Я подумала, что это просто слова, слова самовлюблённого придурка. Но после того, что только что случилось, у меня уже не осталось былой уверенности.

Эти и другие мысли так и кружились в моей голове, пока я старалась уснуть. Посмотрев на телефон, я захотела позвонить Вэл и спросить её совета. Возможно, именно её спокойствия и поддержки мне сейчас и не хватало. Сможет ли она найти в этой ситуации положительные стороны или скажет мне, что я сошла с ума, и мне нужно бежать отсюда что есть сил?

Стук в дверь вернул меня к реальности. Открыв глаза, я поняла, что хотя я и ворочалась с боку на бок, мне всё же удалось уснуть, и уже наступило утро. На меня нахлынула паника, я вскочила и нащупала свой телефон. Боже мой, сколько времени? Неужели я проспала, потому что вчера поздно легла? Я не успела посмотреть на часы,

как снова раздался стук.

– Мисс Конвей, – позвала из-за двери Лиза.

Перед глазами появились цифры - 5:30 утра. Облегчённо вздохнув, я ответила:

– Входите.

– Простите, что беспокою вас так рано. Я знаю, мистер Харрингтон говорил вам, что у вас есть время до половины седьмого, но он надеялся, что вы позавтракаете вместе с ним в его кабинете и обсудите все вопросы и опасения, какие у вас могли возникнуть. Окончательный ответ должен быть дан к семи тридцати, чтобы вас могли отвезти в школу, если он будет отрицательным.

Я выдохнула, обернув одеяло вокруг талии.

– Спасибо. Я приду, как только оденусь.

Показав жестом в сторону гардеробной, Лиза сказала:

– Там вы найдёте несколько пар джинсов, рубашки и нижнее бельё. Думаю, всё должно вам подойти. Ещё там есть кое-какая удобная обувь. Думаю, вам вряд ли захочется возвращаться в школу в чёрном платье и туфлях на каблуках.

– Лиза?

Её глаза вопросительно расширились.

– Не могу поверить, что обдумываю это.

Уголки её сжатых губ поднялись вверх, а глаза снова заблестели, когда она шагнула к моей кровати.

– Обдумываете? После того, как я поговорила с вами вчера вечером, у меня сложилось впечатление...

Я склонила голову набок.

– Вы рассказали мистеру Харрингтону о нашем разговоре? Рассказали о моих вопросах?

– Не прошлой ночью. Было уже поздно. Я сразу пошла спать. Однако сегодня утром я рассказала ему, что у нас с вами состоялся разговор.

Когда я не ответила, она продолжила:

– Он спросил меня, когда именно мы с вами беседовали. Потом попросил, чтобы я разбудила вас и предложила присоединиться к нему в его кабинете.

Она села на краешек постели и похлопала меня по накрытой одеялом ноге.

– Я предана этой семье. Пусть сейчас она состоит лишь из мистера Харрингтона, но если в будущем появится и миссис Харрингтон, можете не сомневаться, я буду точно также предана и ей.

Подмигнув, женщина добавила:

– Возможно, так уже и есть. А теперь собирайтесь, а я пойду, если вам больше не нужна моя помощь.

Улыбнувшись, я ответила:

– Нет, не нужна, спасибо. Я приду к нему в кабинет так скоро, как смогу.

Откинув голову назад, я услышала, как захлопнулась дверь, и постаралась сконцентрироваться на своих вопросах по предложенному им соглашению. Хотя на первом плане должны были появиться пункты и дополнения, мои мысли заполнились воспоминаниями о его руках, словах, тёплом дыхании. Прежде чем я осознала свои действия, моя рука скользнула под одеяло и начала поглаживать мой и без того уже сверхчувствительный клитор.

Я никогда особо не увлекалась мастурбацией. Это непросто, когда ты делишь с кем-то комнату; как бы то ни было, когда я делала это, то в большей степени для того, чтобы снять стресс, а не чтобы получить удовольствие. Я была честна со Стюартом, когда сказала ему, что не знала, был ли у меня оргазм. Чувство удовлетворения, которое я ощутила, потирая свой клитор, ничем не напоминало ту всепоглощающую

волну, которая накрыла меня прошлой ночью. Я невольно задалась вопросом: если мне было так хорошо от его пальцев, будет ли ещё лучше, когда на их месте будет его член? Насколько он большой? Моя рука двигалась всё быстрее, пока я представляла возможности. Напряжение нарастало, и я вспомнила, почему я нахожусь в этом роскошном пентхаусе, в этой огромной шикарной спальне. Я вспомнила, что моя жизнь была почти продана, и кто был ответственен за это. Моя рука остановилась. Я никогда не кончала, как бы не удовлетворяла себя, пока думала о своих родителях. Главным образом, это была вина Рэндала. Финансовые проблемы были лишь у него одного. И лишь он один рассказал обо мне Стюарту. Если бы он не сделал этого, Стюарт Харрингтон никогда бы не узнал моего имени, и сейчас я бы спала в своей кровати в общежитии или готовилась к экзамену по продвинутому курсу биологии. Не важно, насколько хорошо мне было вчера, на балконе, когда я распадалась на мелкие кусочки от наслаждения, ничто не могло исправить того, что сделал Рэндал. Ничто.

Я снова и снова напоминала себе об этом, принимая душ, высушивая свои длинные каштановые волосы, а потом закрепляя их в небрежный пучок на затылке. Хотя шкафчики в ванной ломились от всевозможной косметики, я предпочла обойтись лишь небольшим количеством туши и блеском для губ. Я редко сильно красилась. Да, вчера на мне было больше косметики, но это другое дело. Сегодня я уже походила на обычную себя - восемнадцатилетнюю выпускницу старшей школы.

Одежда, про которую рассказала мне Лиза, подошла идеально. Джинсы плотно облевали мои бёдра, сверху я надела облегающую красную футболку, которая открывала ложбинку между грудей настолько, насколько нужно - не слишком много, чтобы не показаться распутной, но и не слишком мало, чтобы не показаться чересчур целомудренной.

По выражению лица Стюарта, который оторвался от своего «Уолл-стрит Джорнэл»[1], когда я зашла в кабинет, я поняла, что преуспела. И он тоже сегодня выглядел по-другому. На нём была не повседневная одежда, как вчера, а серый английский костюм с бирюзовым галстуком. Этот цвет подчёркивал океанскую синеву его глаз, его взгляд встретился с моим, а затем медленно, беззастенчиво просканировал мою фигуру сверху вниз. Встав, он поприветствовал меня:

– Доброе утро, мисс Конвей.

Он отодвинул стул.

Мисс Конвей? Что случилось с Тори? Выдавлив из себя самую искреннюю улыбку, я положила рядом со столовыми приборами блокнот с вопросами, села на предложенный им стул и ответила:

– Доброе утро, мистер Харрингтон.

И тут же в кабинет вошла Лиза с закрытым блюдом, которое она поставила передо мной. Поднимая крышку, женщина улыбнулась и сказала:

– Надеюсь, вы любите яйца с беконом.

Но прежде, чем я смогла ответить, она спросила:

– Что будете пить?

– Эээ, я обойдусь водой.

– Ну же, дорогая, у нас есть и другие варианты: кофе, чай, сок.

Я улыбнулась её нежности.

– Спасибо, тогда замечательно будет выпить апельсинового сока.

После того, как она ушла, Стюарт спросил:

– Значит, ты не любительница кофе или чая?

– Да, точно. Я иногда пью кофе, когда занимаюсь допоздна. Я посмотрела на чашку рядом с его тарелкой.

– Ну, а вы любите кофе, как я посмотрю.

– Да.

Он ухмыльнулся.

– Что?

– Похоже, что мы начинаем всё лучше узнавать друг друга.

Я опустила глаза на тарелку.

– Ещё я не ем мясо. Я не против, если его едят другие. Просто я не ем.

Он потянулся к моей тарелке, забрал оттуда бекон и переложил в свою.

– Мы не знали. А что насчёт яиц?

Поднимая вилку, я улыбнулась.

– Я ем яйца, а яичница-болтуня – моё любимое блюдо из них.

Стюарт откинулся на стуле и наблюдал за тем, как я ем. Честно говоря, те несколько виноградин, которые я съела прошлой ночью, едва утолили мой голод. Мои щёки покрылись румянцем, когда я вспомнила, что именно отвлекло меня от еды.

Посмотрев на мой блокнот, Стюарт сказал:

– Думаю, мне стоит истолковать твои записи, как хороший знак. По крайней мере, ты спустилась сюда не для того, чтобы просто сказать мне «нет».

Сглотнув, я покачала головой.

– Я решила, что мне лучше было бы рассмотреть все варианты.

Подняв бровь, он ответил:

– Хммм, мне тоже нравится рассматривать.

Поёрзав на стуле, я спросила:

– Что, если я скажу «да» прямо сейчас? Что тогда будет?

– В четверг мы поженимся.

– Нет, я не об этом. Что будет с Рэндалом, Мэрилин, Маркусом, Лайлом и Вэл?

Стюарт кашлянул.

– Если ты скажешь «да», мы с тобой немедленно отправимся в мою адвокатскую контору, чтобы подписать договор. Нам нужны будут свидетели, и Паркер захочет перепроверить кое-какие мелочи в нашем присутствии.

– Паркер? – спросила я, немного встревожившись.

Какой юрист в здравом уме мог составить такое навороченное соглашение, что уж говорить о его обсуждении?

– Паркер Крейвен, из «Крейвен и Ноулз». Он уже много лет является моим ведущим юристом.

– Я-я не знала. Некоторые вещи в договоре, они очень личные. В том смысле, что там оговариваются такие подробности, как...

– Секс. – подсказал Стюарт. – Да, мисс Конвей. – Мы снова вернулись к мисс Конвей? – Если мы поженимся и ты разделишь со мной моё имя и деньги, я ожидаю, что у нас будет секс. Как и предохранение от беременности. У меня вообще очень много ожиданий, которые сосредоточены на моих желаниях. Из нашего небольшого опыта я могу предположить, что ни одно из них не станет проблемой. Если ты откажешь мне в моих желаниях, это будет основанием для разрыва нашего договора. Единственный способ сделать это законно – изложить в соглашении.

– Но я не знаю его. И не хочу обсуждать с ним свою сексуальную жизнь.

Стюарт усмехнулся.

– Ты узнаешь его. Хотя твои родители считают, что они живут среди элиты Майами, на самом деле, они далеки от нее. Это целый новый мир. Будет случаться кое-что, отчего ты будешь чувствовать себя некомфортно. Но когда такое будет происходить, ты расскажешь мне. И я сделаю всё, что смогу, чтобы тебе помочь. В таких случаях я всегда буду рядом. Однако, чтобы всё это было по закону, нам не избежать разговора с Паркером.

– А если говорить о моих родителях, после того, как мы подпишем договор, если мы подпишем, что случится с Рэндалом?

– Я дам добро на то, чтобы необходимую сумму сняли со счёта. Трэвис отвезёт деньги туда, куда нужно, и жизнь Рэндала будет спасена.

– Ты позвонишь ему, дашь ему знать о моём решении?

Стюарт внимательно посмотрел на моё лицо и лишь потом ответил:

– Возможно, ты предпочтёшь позвонить ему сама?

Мои щёки покраснели.

– Я ещё не решила. Тем не менее, когда я решу, думаю, мне бы хотелось подождать, пока он сам мне позвонит. В конце концов, я оказалась в этой ситуации из-за него и моей матери, если не принимать во внимание оставленные ими пакет с одеждой и записку, с тех пор они больше со мной не связывались.

Он одобрительно кивнул.

– Чёрт, сексуальная и стервозная. Вы, мисс Конвей, становитесь лучше с каждой минутой. Это отличная комбинация, чтобы оставаться успешной в моём мире.

– И даже если я скажу «нет», думаю, он всё равно мне позвонит.

– Да, ты, моя дорогая, сможешь справиться с этим. Значит, если..., – он сделал ударение на этом слове, – ты скажешь "да", я предполагаю, что ты не собираешься обременять нас присутствием моих тёщи и тестя?

Я покачала головой.

– Возможно, это будет впервые в жизни, когда им захочется быть рядом со мной. Поэтому нет, ни хрена подобного. Они хотят продать меня, чтобы спасти свои задницы – это их личное дело. Но если они думают, что я приму их с распростёртыми объятиями и приглашу в эту новую, потрясающую жизнь, они тупее, чем я думала.

Протянувшись через стол, Стюарт сжал мою руку, его лицо было мрачным. Передо мной больше не было бизнес-магната в деловом костюме. Его выражение лица смягчилось, глаза расширились, и он наклонился ближе ко мне.

– Тори, я решил внести изменения в соглашение об отказе.

Моё сердце забилося быстрее, тело напряглось, я ждала его объяснений.

– Я передумал. Если сегодня ты решишь уйти, я удвою сумму на чеке. Ты права: из-за твоих родителей ты оказалась в невероятно несправедливом положении. Сто тысяч долларов должны будут помочь тебе и твоей сестре. К тому же, если ты сдержишь слово и будешь хранить молчание в отношении того, что произошло здесь вчера и сегодня, и если тебе ещё когда-либо понадобятся деньги, тебе нужно будет лишь сразу же связаться со мной. Я дам тебе номер своего личного телефона.

Сиюминутный восторг из-за увеличения суммы быстро прошёл.

– Эт-то то, чего ты от меня хочешь? Хочешь, чтобы я ушла? Поэтому ты продолжаешь называть меня мисс Конвей?

Он выдохнул, откинулся на стуле, и его деловой тон вернулся.

– Я называю тебя по имени. А до тех пор, пока ты не выберешь выйти за меня замуж, твоё имя мисс Конвей. Это деловая сделка. А в бизнесе лучше придерживаться формальностей. Эмоции затуманивают существенные вопросы.

Я выдернула руку.

– А что тогда произошло прошлой ночью? Это тоже затуманило существенные вопросы? Потому что, если честно, я точно была как в тумане, когда возвращалась в свою комнату.

– Нет, мисс Конвей, вы не были «как в тумане». Первый раз в своей жизни вы были удовлетворены. И, если вы примете правильное решение, это будет не в последний раз.

– Ты только что сказал, чтобы я уходила.

– Я обозначил это как вариант, денежная сумма при котором будет удвоена.

Я выпрямилась, расправив плечи.

– Мы по-прежнему рассматриваем оба предложения, или второе ты снимаешь с обсуждения?

Его челюсть напряглась, а глаза смотрели на меня с подозрением.

– Ты стремишься заставить меня умолять? Рассчитываешь услышать, как я скажу, что хочу, чтобы ты приняла предложение о нашем браке, но только лишь затем, чтобы ты отвергла его? – Он скрестил руки на груди. – Мисс Конвей, позвольте, я уточню: я никогда не умоляю.

Моя притворная улыбка оставалась на месте, хотя мысленно мне хотелось кричать. Какого чёрта? У этого парня какие-то проблемы? Если бы существовала премия для тех, кто подаёт противоречивые сигналы, то он мог бы её получить. Дьявол, да я бы сама его номинировала. В конце концов, я разомкнула сжатые губы и произнесла:

– Что ж, мистер Харрингтон, я тоже.

Стюарт посмотрел на часы.

– Твоё время истекает. До того, как тебе предстоит вынести своё решение, остаётся почти двадцать минут. У тебя ещё остались вопросы? – Он кивнул головой в сторону моих бумаг.

Остались ли? Была ли я готова сказать ему, чтобы он отвалил? Я посмотрела на записи, пробежалась по вопросам – тем, которые вчера вечером казались чрезвычайно важными, и ответила:

– Нет.

– Нет?

– Нет, – я повторила уверенно.

Стюарт убрал руки с груди и наклонился вперёд.

– Интересно. Только это и потребовалось?

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе хватило добавочных пятидесяти тысяч, чтобы уйти и дать отпор своему отчиму?

У меня закружилась голова.

– Я не говорила, что собираюсь уходить, хотя ты, кажется, настаиваешь на этом.

– Ты только что сказала «нет».

– Я имела в виду, нет, у меня больше нет никаких вопросов. Вместо этого я хочу разъяснений.

Стюарт выдохнул.

Пусть это не было мольбой, но это было самым точным знаком его страсти, которую я наблюдала во время нашей утренней беседы.

– Разъяснений по поводу чего? – спросил он.

Я поборолла желание встать и начать расхаживать по комнате и заняла себя разглаживанием несуществующих складок на джинсах. Непонятно откуда взявшаяся смелость позволила мне продолжить.

– Мне восемнадцать лет. Я не хочу быть узницей в твоём доме. В этом договоре полно всякой херни по поводу моих обязанностей в плане секса. Но что касательно моих других обязательств? Если я выйду за тебя замуж, будет ли у меня своя жизнь? Смогу ли я видиться со своей сестрой и братьями? А школа? Работа? Мне хочется знать, на что я подпишусь сегодня. Скажи мне, что у меня будет своя собственная жизнь, помимо секса.

Он ухмыльнулся.

– О... если только моё время позволило бы мне сказать «нет», но увы, у меня есть

работа и свои обязанности. Поэтому у тебя будет куча времени для себя. Пока ты будешь вести себя в рамках этикета, как тебя и учили, можешь заниматься, чем захочешь, без ограничений. У меня нет намерений контролировать твои взаимоотношения с людьми. Школу ты почти окончила, выпускной в эту субботу. Работать тебе не обязательно, а Лиза поможет тебе войти в мир элиты. Ещё она поможет тебе найти занятия, соответствующие твоему статусу. Кто знает, возможно, ты подружишься с одной из чопорных стерв, которые украшают своим присутствием моих партнёров и их кровати.

– Теперь мы обсуждаем детский утренник?

Он ударил руками по столу.

– Мисс Конвей. Подобная стервозность не приветствуется, если она направлена на меня.

Проигнорировав его внезапную потерю самообладания, я уделила внимание его ответам, прозвучавшим до нее:

– Если я выйду за тебя, то не буду присутствовать на выпускном?

– Нет. Мы будем проводить наш медовый месяц. Что не значит, что твое окончание учебного заведения не будет считаться менее значимым.

– Медовый месяц? Ты уже всё спланировал?

– И да и нет, – сказал он. – У нас будет тайная свадьба в экзотическом месте.

– Чувствую, дело не только в этом.

– Конечно, это просочится в прессу. Как будто мы тайно планировали это уже какое-то время. Но у тебя будет всё, о чём только может мечтать невеста в день своей свадьбы.

– Если не считать того, что я мечтала о продолжительной помолвке и, возможно, любви.

Стюарт сузил глаза, его беспокойство стало очевидным. Не нужно было быть гением, чтобы понять, что он не в восторге от моей остроумной реплики. Ну и плевать. Ведь это не я делала ему предложение руки и сердца.

– Мисс Конвей..., – он протянул моё имя, его тенор зазвучал ниже.

Услышав в его голосе предостережение, я села, выпрямившись, и сказала:

– Послушайте, мистер Харрингтон, я чертовски здорово обходилась без родительской поддержки восемнадцать лет. И сейчас я также в ней не нуждаюсь.

– Очевидно, что отношение твоих родителей к тебе было выдающимся.

Он наклонился, его голубые глаза вспыхнули от раздражения и желания.

– Уверяю тебя, в моих планах касательно тебя, как и в нашем договоре, не будет ничего и близко напоминающего родительский долг.

То, как он смотрел на меня, заставило мой рассудок перестать рассуждать, и внутри меня всё сжалось. Он был прав: всё в этом соглашении было ни чем иным, как прямым обсуждением интимных отношений, законных и обязательных посредством брачного акта. При этом, чувственное сияние в его льдисто-голубых глазах вернуло мне ощущение власти.

Я посмотрела на телефон, было семь двадцать шесть утра.

– Дай мне минуту почистить зубы, и я думаю, мы сможем отправиться на нашу встречу с твоим другом Паркером.

– И в течение этой встречи... какое соглашение будет подписано?

– То, по которому мой отчим доживёт до следующего дня.

Стюарт улыбнулся жемчужно-белой улыбкой.

– Я позвоню Паркеру, чтобы предупредить о нашем приезде.

– Но не Рэндалу.

– Нет, не Рэндалу.

Хотя я чувствовала себя неуютно на встрече с юристом, Стюарт сдержал своё слово. Он всё время оставался со мной. Когда мы приехали, я приложила максимум своих усилий, чтобы выглядеть как женщина, которая собралась выйти замуж за самого богатого мужчину в Майами, чёрт, да может, и во всей стране. Правда, на протяжении всей этой встречи я боялась, что бешено колотящееся сердце и вспотевшие ладони выдадут мой секрет. Я не заслуживала такого предложения. Мне говорили об этом всю мою жизнь. Моё присутствие губило и отравляло находившихся рядом со мной людей. Пройдёт некоторое время, и однажды Стюарт осознает, что ему не стоило заключать эту сделку.

Как только мы вошли через помпезные двери из витражного стекла в просторный вестибюль «Крейвен и Ноулз», Стюарта тут же тепло приветствовала высокая стройная женщина в чёрной юбке-карандаш:

– Мистер Харрингтон, мы рады, что сегодня вы смогли нас навестить. Мистер Крейвен скоро к вам присоединится.

Всё время, пока длилась эта речь, она намеренно избегала смотреть в мою сторону, в то время, как её блузка в крестьянском стиле дразнила видом едва скрытых грудей.

– Триш, – начал Стюарт, обращая её внимание на меня. – Позволь мне представить тебе мою спутницу, мисс Конвей. В будущем, я ожидаю, что вы будете также рады видеть её, как и меня.

Её щеки заалели, и она, стыдливо опустив подбородок, впервые посмотрела на меня.

– Здравствуйте, мисс Конвей, прошу прощения, если я вела себя грубо. Очень приятно с вами познакомиться. Позвольте, я проведу вас в конференц-зал. Мистер Крейвен придёт туда через минуту.

Стюарт положил руку на мою поясницу, и мы последовали за Триш. Комната, окружённая многочисленными столами и дверями, состояла из четырёх стеклянных стен. Когда Триш щёлкнула выключателем, стеклянные стены тот час же стали светонепроницаемыми, а до этого незаметные жалюзи создали изолированное, уединённое пространство для нашей встречи.

– Прошу, присаживайтесь. – Она указала в сторону стола и шикарных кресел. – Пока вы ожидаете мистера Крейвена, могу я принести вам что-нибудь выпить? Чтобы вы оба почувствовали себя более уютно.

Стюарт посмотрел на меня, подняв бровь. Честно говоря, её раболепство меня забавляло. Я изо всех сил старалась не засмеяться.

– Не хочешь чашечку кофе, дорогая?

Триш не удалось скрыть дрожь из-за нежного обращения, которое озвучил Стюарт. Кивнув, я подавила приступ веселья.

– Да, – я повернулась к Триш. – Спасибо, Триш, кофе будет чудесно.

– И мне тоже кофе, – высказался Стюарт. – Я буду чёрный. Мисс Конвей предпочитает со сливками и двумя кубиками сахара.

Триш немедленно повторила наши пожелания и вышла из комнаты.

Когда Стюарт коснулся моей руки, я ухмыльнулась и спросила:

– Какого чёрта?

– Когда ты станешь миссис Харрингтон, ты часто будешь сталкиваться с подобным. И мне показалось, ты получишь удовольствие от небольшого веселья. Кроме того, когда ты заказываешь что-то, что не собираешься пить, это лишь сыграет

на руку твоей репутации. Готов поручиться, она сейчас в комнате отдыха сплетничает со всеми, кто готов слушать. А когда обнаружит твою чашку нетронутой, она отправит об этом письмо по корпоративной почте.

– Ха-ха, а я-то подумала, ты забыл, что я не пью кофе.

– Нет, не забыл. Мир, в который ты войдёшь, кишит пираньями. Однажды ты сможешь плавать в нём без меня, но пока, я буду рад помочь тебе отрастить свои собственные зубки.

Я никогда не думала о себе как о ком-то, кто нуждается в помощи. Сама идея казалась мне чуждой. Но я не успела как следует это обдумать, потому что дверь открылась и вошёл Паркер Крейвен. В отличие от Триш, которая избегала смотреть в мою сторону, Паркер, казалось, был неспособен отвести от меня взгляд; его большие карие глаза чуть не вылезли из орбит, пока он меня разглядывал. В них я увидела нечто зловещее, нечто хищное и пугающее. Мне так и хотелось повернуться к Стюарту за помощью, которую он предложил, но что-то подсказывало мне, что это будет повторяться снова и снова, со всеми «старыми добрыми товарищами» из окружения Стюарта. И чем быстрее я научусь разбираться с этим сама, тем лучше. Я оставалась хладнокровной и натянула улыбку. Это выражение я всю жизнь наблюдала на лице своей матери. Типа «я-стерва-но-притворяюсь-паинькой». В продолжающемся молчании, это казалось подходящим. Боковым зрением я уловила, как Стюарт медленно встал. Паркер Крейвен был высоким красивым мужчиной, с тёмными волосами и оливковой кожей. Однако поза Стюарта, негласное превосходство альфа-самца, затмила присутствие Паркера. В конце концов, Паркер повернулся к Стюарту и воскликнул:

– Боже правый! Ты издеваешься надо мной?

Стюарт расстегнул свой пиджак и снова занял своё место. Его рука непринуждённо легла на спинку моего кресла, и он произнёс:

– Паркер, это Виктория Конвей, про которую я тебе говорил.

Паркер протянул мне руку.

– Виктория, приятно познакомиться.

Когда его липкая и холодная на ощупь ладонь обернулась вокруг моей, я тут же пожалела, что не кивнула, а пошла на контакт. Я, как можно быстрее, освободила свою руку, и подавила желание вытереть её о джинсы. Невозможно было поверить, что мне придётся сидеть и обсуждать содержание договора с этим человеком. Я больше не спрашивала себя, у какого юриста хватило мужества составить такое бредовое соглашение. И я нутром чувствовала, что он был таким же грязным, как некоторые пункты.

– Даже не знаю, каким образом Стюарт уговорил вас зайти так далеко, – начал Паркер с развратной улыбкой, – но, должен сказать, я рад, что ему это удалось.

Стюарт прочистил горло, чтобы обратить на себя внимание.

– Парк, сегодня мы обсуждаем договор. Нам необходимо покончить с ним, как можно быстрее, чтобы избежать очевидных негативных последствий в отношении отчима Виктории.

– Да-да, конечно. – Он открыл лежащую перед ним папку. – Кстати говоря, мне требуется подтверждения того, что вы оба желаете заключить брачный договор. – Он переводил взгляд с меня на Стюарта. – Мне необходимо устное подтверждение от вас обоих.

– Да, всё верно, – ответил Стюарт.

Взгляды обоих мужчин устремились на меня. Твою мать! Я действительно стояла на грани. С одной стороны, у меня была жизнь, которую я знала, только без моего отчима, но с последствиями его преждевременной смерти, тогда как, с другой стороны

у меня было... Обещание? Соглашение? Пожизненное заключение?

– Виктория? – спросил Стюарт, возвращая меня к необходимому решению.

Я распрямила плечи и поборол дрожь.

– Да, мистер Крейвен, всё верно. – И этими словами я передала права на свою жизнь.

[1] «Уолл-стрит Джорнэл» (англ. Wall Street Journal) – ведущая ежедневная деловая газета, издаваемая в США.

Глава 11

Десять лет назад.

К тому времени, когда мы собрались покинуть офис Паркера, у меня разболелась голова. Обсуждение договора не успокоило моё тревожное ощущение в отношении поверенного Стюарта. Мы встали, чтобы уйти, Стюарт пожал ему руку, а я, вспомнив неприятные чувства от составленного договора, лишь кивнула адвокату головой:

– До свидания, мистер Крейвен.

– Мисс Конвей, надеюсь, что скоро смогу узнать вас получше.

Я нацепила на лицо маску лицемерной стервы. Честно говоря, я почти всё время сохраняла это выражение с тех пор, как мы вошли в офис. Не обращая внимания на их разговор, я мысленно вернулась к своему телефону. Но когда рука Стюарта снова легла на мою поясницу, пока он разговаривал с Паркером, моя сумка снова завибрировала. Это периодически случалось на протяжении всей встречи, пока мы беспрестанно обсуждали бесконечные положения и дополнения. Я охотно позволила Стюарту проводить меня к машине. Когда мы подошли к ней, Трэвис открыл перед нами дверь и вызвал во мне ощущения, сходные с теми, что я испытала к Паркеру. Когда дверь за нами закрылась, Стюарт сжал мою руку.

– Это были сообщения от Рэндала?

– Я-я ещё не проверяла, – обеспокоенно ответила я.

Вытащив телефон из сумки, я пробежалась по всем девяти сообщениям. Шесть из них были от Вэлери. Я не говорила с ней с прошлого вечера, и пропустила свои последние занятия по курсу продвинутой биологии. Не удивительно, что она волновалась. Завтра у меня были заключительные экзамены, и не в моём характере было забивать на свои обязательства. Ещё два сообщения были от моих друзей, с которыми мы учились в классе по продвинутой биологии, которые, по-видимому,

тоже были обеспокоены нетипичным для меня пропуском занятий. Последнее сообщение было от моей матери.

– Нет, от него ничего, но есть одно от матери.

Я открыла сообщение:

«ВИКТОРИЯ, КАК УЖЕ МОЖНО БЫЛО ПОНЯТЬ, МЫ ОЧЕНЬ ЖДЁМ ОТ ТЕБЯ ВЕСТЕЙ. ЭТО ТВОЙ ШАНС ОТПЛАТИТЬ РЭНДАЛУ ЗА ЕГО ХОРОШЕЕ К ТЕБЕ ОТНОШЕНИЕ. У МЕНЯ НЕТ НИКАКИХ СОМНЕНИЙ В ТОМ, ЧТО ТЫ НЕ ЗАХОЧЕШЬ НАС РАЗОЧАРОВАТЬ».

Я выпрямилась на сидении, когда значимость моего решения тяжёлым грузом легла мне на грудь.

– Хочешь поделиться? – спросил Стюарт.

Я не смогла посмотреть в его сторону. Из-за всего происходящего мои нервы были на пределе. Мне не часто приходилось плакать, но, однако, от подступивших слез жгло глаза, когда я протянула ему свой телефон. Что толку было притворяться, что у меня отличная семья. Через три дня Стюарту предстояло стать моим мужем. Чего бы не случилось, если бы не Рэндал. Стюарт уже явно понял, какими сволочными были Рэндал и Мэрилин Саунд.

Пока он читал, от его тела исходили волны напряжения. Наконец, он отдал мне обратно мой телефон и честно заявил:

– Она, и правда, сука.

Я не смогла не рассмеяться. Это было лучше, чем расплакаться.

– Знаю, мы уже подписали наше соглашение, но ты действительно хочешь стать частью моей долбанутой семейки?

Он коснулся моего бедра и ободряюще похлопал по нему.

– Нет, у меня нет желания войти в долбанутую семью доктора Саунда и его жены.

Я удивлённо вытаращила глаза. Чтозачёрт?

Стюарт продолжил:

– Но мне кажется, что ты хочешь того же... я прав?

Я кивнула.

– Три дня, моя дорогая. Через три дня ты будешь миссис Стюарт Харрингтон. И сможешь сказать им, чтобы они больше никогда не пытались связаться с тобой. – Он наклонился ближе и поцеловал меня в щёку. – В действительности, ты можешь сказать

это им прямо сейчас. Пусть мы ещё не женаты официально, но мы уже подписали договор. Назад пути нет.

– Через три дня я стану миссис *Викторией* Харрингтон, – поправила его я.

– В этом городе, дорогая, ты будешь миссис Стюарт Харрингтон. Привыкай.

Я сделала вдох, чувствуя, как натянулись жилы на моей шее, и, глядя в тонированное окно на проезжающие мимо автомобили, попыталась сменить тему.

– Трэвис уже доставил деньги?

– Пока нет. Он отвезёт меня в офис, а тебя обратно в пентхаус. А потом займётся деньгами.

– Я хочу сдать завтра свой выпускной экзамен по продвинутой биологии. Я понимаю, как по-детски это звучит после всего, что случилось, но я очень старалась. Если я получу высшую оценку, меня автоматически примут в Университет Майами.

Стюарт что-то читал в телефоне, который недавно вынул из кармана. Не поднимая головы, он пробормотал:

– Миссис Стюарт Харрингтон не нужны ни оценка на выпускном экзамене по продвинутой биологии, ни грант для поступления в вуз. Тем более, что следующие твои два дня будут под завязку занятыми. Прямо сейчас тебя уже ждут портные и швеи, чтобы снять с тебя мерки. – Он на мгновение повернулся в мою сторону. – Через три дня тебя больше не должны видеть в такого рода одежде, а подготовка твоего свадебного платья должна начаться немедленно. Ещё после обеда приедет личный ассистент по покупкам, чтобы определить твои предпочтения. Она позаботится о том, чтобы твой шкаф был набит битком. Помимо свадебного платья, тебе понадобится какая-нибудь подходящая готовая одежда, пока будут шить ту, что на заказ.

Моипредпочтения?

– А что, если я предпочитаю такую одежду, которая сейчас на мне?

Стюарт ничего не ответил. По-прежнему глядя в свой телефон, он продолжил:

– На вторник и среду у тебя запланированы множественные посещения парикмахеров, мастеров по маникюру и косметологов. Твой график полностью забит уходом за лицом, покраской волос, депиляцией и томуподобнымивещами. В четверг мы уезжаем в Белиз.

– В Белиз? Но у меня нет паспорта.

Он посмотрел на меня и покачал головой.

– Будет. Я позвоню Паркеру и договорюсь о более быстрых сроках. Возможно, тебе придётся куда-то воткнуть посещение Паспортного бюро, но документ будет готов.

Мне хотелось сказать, что, по-моему, не так-то просто получить паспорт за три дня, однако, я уже поняла, стоило бы мне произнести это, то я бы услышала то, что слышала целый день. Это произойдёт. Прежде чем я смогла ответить, зазвонил мой телефон. Посмотрев на экран, я увидела имя "МЭРИЛИН".

– Моя мать, – прошептала я.

– Я бы позволил тебе уединиться, но мне некуда отойти, – сказал Стюарт, пытаюсь поднять мне настроение.

Телефон снова зазвонил.

– Ты собираешься отвечать? – спросил он.

Собиралась ли? Была ли готова к этому разговору?

– Здравствуй, мама, – сказала я, нажимая кнопку громкой связи. Мне не хотелось повторять потом весь разговор, и к тому же, я хотела, чтобы Стюарт лично убедился, с чем я имела дело.

– Виктория, – её голос прозвучал непривычно взволнованно. – Почему ты не ответила на моё сообщение? Что с тобой? Ты должна была понимать, что мы сильно беспокоимся.

Я встретила взглядом со Стюартом. Мне стало понятно, что он возмущён по тому, как сжались его челюсти и сузились глаза.

– И мне тоже очень приятно тебя слышать.

– Не умничайте, юная леди.

Нелепость её тона заставила меня рассмеяться. Мне пришлось закрыть рот рукой, чтобы заглушить своё веселье.

– Не припомню, чтобы ты когда-либо обвиняла меня в остроумии. И о чём именно вы там так волновались, мама? О моей жизни? О моём будущем? О чём-то действительно связанном со мной?

– Виктория, не будь эгоисткой. Рэндал рядом со мной. Мы хотим узнать, что ты не разочаровала свою семью.

– Поскольку я всю свою жизнь только и делала, что разочаровывала вас, то не понимаю, с чего ты взяла, что сейчас будет как-то по-другому.

Голос поменялся, теперь со мной говорил Рэндал.

– Виктория, я несколько раз пытался связаться с мистером Харрингтоном. Но, кажется, мне не справиться с его секретарём.

Я улыбнулась Стюарту, который кивнул.

- Спасибо тебе, - беззвучно произнесла я.

– И зачем, Рэндал, зачем ты мне это рассказываешь?

Было слышно, как на заднем фоне ахнула моя мать. Из динамика моего телефона вновь раздался ее пронзительный голос.

– Только не говори нам, что ты не пошла на ту встречу, которую мы организовали для тебя вчера.

Это было лишь вчера?

– И не говори, что ты не стала обсуждать соглашение с мистером Харрингтоном.

– О, я пошла на встречу.

– Викки, я понимаю, что тебе кажется, мы просим о большом одолжении...

Я прервала бесчувственные слова Рэндала.

– Большом одолжении? Нет уж, извините. "Пожалуйста, захвати что-нибудь в магазине" – вот это одолжение. А продайся, чтобы спасти мою задницу – нет, это не одолжение.

– Не разговаривай со своим отцом...

И вот заговорил Стюарт, перебивая мою мать.

– Миссис Саунд, начиная с настоящего момента, вы больше никогда не будете разговаривать со своей дочерью в подобном тоне. Это понятно?

За то небольшое количество времени, что мы провели вместе, я ещё ни разу не слышала в голосе Стюарта столько власти.

Следующим заговорил Рэндал.

– Э, мистер Харрингтон, можем ли мы предположить, что наш уговор исполнен?

– Доктор Саунд, я жду, когда ваша жена ответит на мой вопрос.

О, Боже мой! Моё тело сжалось от восторга, когда я слушала, как задрожал голос Рэндала, и как он окрикнул мою мать, обозвав сукой, которой она и была на самом деле.

– Мистер Харрингтон, – начала моя мать. – Я всё поняла. Спасибо вам.

Извиниться передомной. Неужели это так сложно?

Стюарт наблюдал за выражением моего лица, пока я слушала разговор. И, словно прочитав мои мысли, он сказал:

– Миссис Саунд, Виктория ждёт ваших извинений, и не только за вашу вспышку гнева, но и за ситуацию, в которую вы с доктором Саундом её вовлекли.

– Эээ, да, конечно. Викки, дорогая, мы оба очень виноваты.

Я помотала головой и распрямила плечи, а машина тем временем остановилась.

– Мы у моего офиса, – прошептал Стюарт.

– Мам, Рэндал, мне пора. Вам уже понятно, что я была на встрече со Стюартом. Мы с ним заключили соглашение. Мы ещё определим, какие последствия это будет иметь для вас обоих. Не мешайте мне – я не буду мешать вам. А пока, Рэндал, смотри по сторонам, когда будешь переходить дорогу. Всего доброго.

Когда я нажала красную кнопку завершения вызова, последним, что мы услышали, было аханье моей матери.

Хотя Трэвис уже открыл дверь, и салон машины заполнился горячим и влажным воздухом Майями, Стюарт оставался в салоне.

– Не уверен, что могу тебя сейчас оставить.

– Со мной всё нормально. Тем более, как ты сказал, у меня куча встреч.

– Что насчёт Рэндала и денег? Я пообещал, что ты выплатишь их. Ты по-прежнему этого хочешь?

Я коснулась его щеки.

– Да, пожалуйста. Отправь Трэвиса, чтобы он доставил деньги, а что касается Рэндала и Мэрилин, то пусть они пока попотеют.

Вокруг его голубых глаз собрались маленькие морщинки, когда он улыбнулся.

– Сегодня вечером. Тори, сегодня вечером я заставляю тебя забыть обо всём этом. Я обещаю.

Тори. Я улыбнулась.

– Посмотрим, мистер Харрингтон.

– Да, посмотрим.

Когда Сьюзен - мой новый личный ассистент по покупкам, наконец, покинула наши апартаменты, я упала на софу и стала смотреть на океан. Хотя солнце стояло ещё высоко, на пляж, расположенный внизу, падали тени от высоких зданий. Он был там, совсем рядом, но невидимый. У линии горизонта вечерний солнечный свет мерцал на волнах, отражаясь вдали разными цветами. Этот ошеломительный вид гипнотизировал.

Сама того не сознавая, я потерялась в этом искрящемся цветастом чуде. Кактакполучилось, чтовсеголишьзадвадцатьчетыречасамояжизньтаккрутоизменилась?

Я вспомнила свой разговор с Вэл, состоявшийся чуть ранее. Не удивительно, что она была шокирована.

– Что за чёрт, Вик? – раздавался её чёткий и громкий голос из динамика телефона.

– В четверг я собираюсь выйти замуж. Знаю, это очень неожиданно. Из-за соглашения о неразглашении я была ограничена в том, что могла ей рассказать.

– Неожиданно? О, Господи! Ты начала с того, что «Яполучилапредложение о работе и остаюсь в первоклассномотеле», а теперь это - «Япомолвлена и выхожужамужзастарогобогатея».

– Он не старый, – высказалась я в защиту Стюарта.

– Я не понимаю.

– Послушай, я не могу сказать тебе ничего, что прозвучало бы разумным. Но это происходит на самом деле, и я хочу, чтобы ты стала частью этого. Согласна?

В голосе Вэл поубавилось резкости.

– Что ты имеешь в виду?

Мы проговорили почти час. Меня ждали люди. Я понимала это, но Вэл была моей сестрой, мы с ней были духовно связаны на протяжении всей моей жизни. Мне нужно было, чтобы она меня поняла. Я сказала ей, что наша свадьба будет маленькой и уединённой; вот почему ни мама, ни Рэндал не будут приглашены. Забавно, но во всём этом безумии, казалось, её волновала только одна единственная вещь – то, что я не сдам свой экзамен по продвинутой биологии. Она, как никто другой, знала, сколько сил я вложила в учёбу, сколько времени и энергии я посвятила этому.

И меня это тоже очень беспокоило. Убеждать её в том, что это больше не имеет значения, было самой большой ложью, которую мне когда-либо приходилось говорить. Большею частью из-за того, что это имело значение, это было важным для меня. Закрыв глаза, я вздохнула. Я точно стану миссис СтюартХаррингтон, а не

миссис Виктория Харрингтон. Виктория бы сдала свой экзамен. От осознания этого, я напряглась ещё больше, мышцы скрутило, и мне пришлось подвигать плечами, чтобы расслабиться.

Я была в безвыходном положении, и, хотя на мне не было вины за произошедшее, именно я подписала договор. И теперь, сидя на белом кожаном диване, я понимала, что винить нужно не только себя. Поэтому я не сожалела о том, что не сообщила Рэндалу или матери о своём решении. Всё равно жизнь отчима была уже вне опасности. Номоглали я сказать о себетожесамое? Что в действительностимнебылоизвестно о СтюартеХаррингтоне?

Я всё ещё размышляла, пока Лиза не вырвала меня из ступора.

– Простите, что беспокою вас, мисс Конвей. Я хотела спросить, что вы желаете на ужин?

– А Стюарт будет дома? – чёрт, я была похожа на томящуюся одиночеством домохозяйку.

– Да, мисс. Я просто подумала, может быть, у вас есть какие-то предпочтения...

Предпочтения? Это слово использовала Сьюзен...и Стюарт тоже. Былили у менядействительнокакие-либопредпочтения?

– Лиза, честно говоря, я даже думать не могу про еду. Я так устала, хотя это смешно, потому что, по-моему, я ничего не делала.

– Это не так.

Я склонила голову, улыбаясь.

– Сегодня вы сделали для меня куда больше, чем кто-то когда-либо делал, а ещё Сьюзен и Фритц, и все остальные. Я даже представить себе не могу, что будет завтра.

– Мисс, думаю, у вас просто стресс. Ведь за такое короткое время так много всего поменялось.

– Я как раз размышляла об этом, – задумчиво ответила я, – о том, что пришла сюда двадцать четыре часа назад и даже не знала имени Стюарта. А теперь, мы скоро поженимся. Мне всё время кажется, что это происходит не на самом деле.

– Это происходит на самом деле, но вам нужно разрядиться. Я советую вам вернуться в свою комнату и принять расслабляющую ванну. Мистер Харрингтон вернётся, как минимум, через час. Когда он приедет, я обговорю ужин с ним.

Я вспомнила об огромной ванне в моей комнате.

– Думаю, это то, что нужно.

Она похлопала меня по коленке.

– Тогда решено. Ни о чём не волнуйтесь. Я скажу мистеру Харрингтону, где вас найти.

Я устало поднялась.

– А знаете что? – задала я риторический вопрос. – Этим утром, когда Стюарт сказал мне, что я целый день буду загружена, я не поверила ему.

– О, мисс, если бы я могла дать вам совет..., – Лиза опустила глаза.

– Что? Прошу вас, посоветуйте мне.

– Я не должна была предлагать вам это. Если вы попросите, я отвечу, но я не в той ситуации, чтобы предлагать самой.

Я коснулась руки Лизы.

– Вы так чудесно ко мне относитесь. Я прошу вас. Пожалуйста, давайте мне советы в любое время, когда захотите.

Улыбнувшись, она сказала:

– Не сомневайтесь в мистере Харрингтоне. У него слишком много других дел, чтобы ещё лгать. Если он скажет вам, что вы будете загружены, значит, вы будете загружены.

– Спасибо вам, Лиза. Думаю, теперь я пойду приму ванну.

– Хотите, чтобы я отрегулировала воду?

– Нет, спасибо, – ответила я с глупой улыбкой. Когда я слышала эту фразу, то всегда представляла, будто кто-то регулирует движение воды на перекрестке. – Я справлюсь.

Я утомлённо побрела в свою комнату. Свою комнату? С каких пор я начала думать? Ведь, на самом деле, это не моя комната. А после свадьбы мы со Стюартом будем делить его комнату. Он сказал об этом ещё в первый день, и, если я собиралась довериться Лизе, мне не стоило сомневаться в этом. Чёрт, я ведь даже не видела его комнату, но опять же, вчера утром я даже не знала его самого.

Когда запах жасмина от соли для ванны пропитал жаркий и влажный воздух, полностью раздевшись, я встала перед огромным зеркалом. Закалывая наверх свои длинные волосы, я задавалась вопросом, как ещё мне предстоит измениться. Ведь на завтра у меня были запланированы визиты к всевозможным косметологам и мастерам маникюра. А мой гардероб уже начал меняться. Честно говоря, Сьюзен учла все мои пожелания, и создала с их помощью фантастические образы. Ожидать ли этого и от остальных специалистов? Будут ли и они учитывать мои желания? Моя рука скользнула вниз, к стриженному лобку. Я никогда не задумывалась о восковой депиляции. Мне доводилось слышать о ней, но сама идея была мне совершенно

чуждой, я никогда не хотела настолько выставять себя перед кем бы то ни было. Но теперь, после того, как Стюарт упомянул об этом, в масштабах моего положения, это казалось незначительным. Сейчас же мысль об этом лишь добавляла напряжения моим, и без того уже взвинченным, нервам.

Опустившись в горячую воду, я закрыла глаза и благодарно вздохнула. Тёплая вода успокоила мои ноющие мышцы, а растворенная в ней соль обволакивала кожу. Я бессознательно погладила свои руки, наслаждаясь их нежной гладкостью. Мои бёдра и лодыжки болели от многочисленных часов, которые я провела стоя на каблуках непривычной высоты. Между снятием мерок для свадебного платья и будущего гардероба, меня постоянно дёргали туда-сюда. Я начала массировать лодыжки, и мои руки непроизвольно двинулись выше.

Мои мысли вернулись к Стюарту, к прошлой ночи на патио, когда морской бриз обдувал мою кожу, а его пальцы были внутри меня. Я вспомнила его голос, когда он говорил с Мэрилин и Рэндалом. Почему меня ничуть не смутило, когда он вступил в мой разговор? Возможно, потому, что включив громкую связь, я, по сути, пригласила его к участию в нём? Однако, дело было не в том, что он вмешался, а в том, как. В его голосе было так много силы и властности, что это в буквальном смысле остановило Мэрилин Саунд. Всего лишь сказав несколько слов, он оказал мне такую поддержку, которой я никогда ещё не получала.

Нежная жасминовая соль обволакивала мои ноги, в то время, как пальцы рук продолжали подниматься по внутренним сторонам бедёр, пока не нашли мои припухшие половые губы. Ощущение от этого ничем не напоминало то, что я чувствовала от пальцев Стюарта, но всё же было приятным. Приятным настолько, чтобы успокоить напряжение, вызванное сегодняшним днём, вызванное последними тридцатью часами. Я издала стон, когда мои пальцы погрузились внутрь лона.

Чуть прикрыв глаза, я представила красивое лицо Стюарта. Для мужчины настолько старше меня, он был невероятно красив. Взгляд его голубых глаз мог быть таким жёстким, но и таким понимающим. Тогда, на патио, они были полны вожделения, сегодня в машине – участием и желанием защитить. Возможно ли, что мне удалось увидеть так много? Или это были плоды моего юношеского воображения?

Я сжала губы, когда напряжение сегодняшнего дня нашло свой путь к средоточию моей женственности. Рука задвигалась быстрее, пальцы сосредоточились на разбухшем клиторе. Единственным моим желанием было найти освобождение, которое было уже близко.

– Чёрт...

Я подпрыгнула от низкого хриплого голоса Стюарта, который разрушил моё уединение. Мои глаза резко открылись, а брызги воды выплеснулись за бортики огромной ванны.

– ...ты охрененно красивая.

Я бессознательно остановилась – перестала двигаться, дышать, думать. Стоя в дверном проёме, с точно таким же взглядом потемневших голубых глаз, как тогда на патио, на меня смотрел тот самый мужчина, за которого я согласилась выйти замуж, тот самый, что только что был в моих фантазиях. Я робко опустила глаза, но тут же увидела, как оттопырились его сшитые на заказ брюки. Несмотря на то, что пиджак и галстук исчезли, весь его вид кричал о его важности. Однако продолжающая увеличиваться выпуклость кричала о совершенно другом.

– Не останавливайся из-за меня, Тори. Наблюдать за тем, как ты кончаешь, становится моей новой одержимостью.

– Стю-юарт, ты напугал меня, – сказала я, протягивая руку за полотенцем.

Качанием головы он заставил меня остановиться.

Закусив губу, я наблюдала, как он снимает рубашку, и восхищалась его крепкой широкой грудью, к которой я льнула прошлой ночью. Его голос был одновременно бархатисто-нежным и грубым.

– Когда мисс Мэдисон сказала мне, что я найду тебя здесь, я даже понятия не имел, что именно найду. – Его губы изогнулись в одобрителной ухмылке, пока он рассматривал моё тело, полностью открытое для взора в прозрачной воде. – Мне жаль, что я не нашёл тебя раньше.

Стюарт опустился на колени рядом с ванной. От его тёплой обнажённой кожи шел такой жар, что я ощущала его даже через горячую воду. Смущённая, я снова потянулась за полотенцем, но в этот раз он коснулся моей руки.

– Нет, Тори, я хочу увидеть это сексуальное представление до конца. – Он нежно поцеловал мои пальцы и направил их обратно к моему клитору. – Сделай себе приятно. Я хочу наблюдать за этим.

К моим щекам прилила кровь.

– Я-я не уверена, что у меня получится.

Я еле произносила слова сквозь смущение.

– У тебя получится.

Его сильная властная рука завладела моей, окружая и подминая её. И вот мы начали двигаться вместе, наш ритм был таким же, как в прошлый раз. Так как было совершенно исключено, что мне можно было бы убрать руку, я закрыла глаза, запрокинула голову и двигалась по его команде. Мой разум был сосредоточен на мужчине рядом со мной, на богатом древесном запахе его одеколona, на его

контролирующем прикосновении. Когда он отпустил мою руку, мои глаза распахнулись.

– Продолжай, Тори. Не останавливайся. Я хочу видеть, как ты кончаешь.

В его голосе не было злости. Не был он и тем, что я слышала в машине, но, тем не менее, его тон не оставлял места для споров. Я чувствовала себя вынужденной подчиниться, мои пальцы двигались по тесному кругу. Моё дыхание участилось, когда мои возбуждающие ласки стали ещё более интенсивными. Вода, глаза Стюарта – всё это больше не имело значения, потому что я взлетала к небесам. Когда напряжение в лоне усилилось, я поняла, что этот оргазм будет круче всех тех, которые я дарила себе сама. Конечно, он не сравнится с тем, что сделал со мной ночью Стюарт, но на несколько секунд я упаду в неизведанные глубины.

Когда большие руки Стюарта нашли мои груди и ущипнули за соски, я издала звуки, которые были нехарактерны для меня. Мои губы сложились в форме буквы "О", и напряжённость между моих ног уступила место освобождению.

Я медленно вернулась к реальности и открыла глаза. Я не успела отвести взгляд, как Стюарт коснулся моего лица и погладил мою щёку.

– Моя прекрасная Тори, это было невероятно. – Взяв меня за руку, он помог мне сесть. – Посмотри на воду. Ты видишь это?

К своему ужасу, я посмотрела. В шелковистой воде свободно плавало тусклое облачко.

– Видишь? – снова спросил он.

– Да.

– Ты знаешь, что это?

Я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам.

– Да.

– Скажи мне, – настаивал он. – Скажи мне, что ты видишь.

– Это я. Это последствия моего оргазма. – Мне было неприятно говорить эти пошлости, но я интуитивно понимала, что на меньшее он не согласится.

– Да, но в следующий раз ты будешь кончать не в ванной. Хотя, должен сказать тебе, это было дьявольски круто. Знаю, у тебя был длинный день, но, если мы хотим, чтобы мир заговорил о нас, нам нужно появляться на людях вместе. Я хочу, чтобы ты оделась. Платье, которое только что привезли, уже на твоей кровати. Ты позволишь мне отвезти тебя поужинать?

Хотя я и подумала о планах Лизы, но у меня не было сил спрашивать. Вместо этого я просто кивнула. Амоглали я отказать? У меня свело живот. Совместное появление на публике делало всю ситуацию ещё более реальной, нежели тот идиотский договор. Лаская рукой моё лицо, он наклонился ближе.

– Позволь, я расскажу тебе о сегодняшнем вечере. – Он не стал ждать, когда я выражу согласие. – Я хочу, чтобы ты надела то, что лежит на твоей кровати. *Только* то, что лежит на твоей кровати. Это платье и пара подходящих туфель. – Он опустил руку в воду и по-собственнически провёл по моему лону снизу вверх, тут же вернув мне до этого поблекшее состояние возбуждения. – Я хочу знать, что эта тёпленькая киска ждёт меня, свободная от всяких препятствий. Я хочу, чтобы ты знала, что когда будешь смотреть в мои глаза, я буду думать о том, как наблюдал за тобой, я буду думать о том, как облачко твоего оргазма плавало в воде. И знаешь, почему я буду думать об этом?

Я вряд ли смогла бы произнести хоть что-нибудь, Слава Богу, он позволил мне лишь покачать головой.

– Потому что после того, как я покажу свою прекрасную невесту миру, я приведу её обратно домой и прижмусь лицом к этой идеальной киске. В следующий раз ты будешь кончать не в ванну. Нет, дорогая, это будет мой язык, мои губы, мой подбородок. Твой сладкий сок будет каплями сочиться по моей коже.

О, Боже!

– И ты не будешь удовлетворённо вздыхать, как это было только что. Нет, ты будешь кричать, выкрикивать моё имя. Потому что с сегодняшнего дня твоей работой будет получать оргазмы и показывать мне, как ты изумительно сексуальна. А этот маленький оргазм – ничто по сравнению с тем, что ждёт тебя по возвращении домой.

Я была шокирована и потрясена его откровенностью, но, в то же время, я была чертовски возбуждена.

– Тори, – его голос вновь окатил меня бархатистой волной. – Ты сделаешь это для меня? Наденешь лишь платье и туфли? Позволишь мне облизать тебя с ног до головы и заставить выкрикивать моё имя? Омоешь моё лицо своим соком?

И что я должна на это ответить? Никто и никогда не спрашивал меня такие интимные вещи настолько будничным тоном.

Его тёплое дыхание щекотало мою шею.

– Тори, доставишь ли ты мне удовольствие сегодня вечером, исполнишь мои желания, зная, что потом получишь своё?

– Да.

Это было единственное, что я смогла произнести.

Глава 12

Десять лет назад.

Я в последний раз посмотрелась в зеркало и одобрительно улыбнулась. Мои длинные волосы завивались на концах, свободно спадая на спину, и я изо всех сил постаралась повторить макияж, который был на мне позавчера, добавив немного синих теней, чтобы подчеркнуть свои серые глаза и цвет платья. Это было то самое платье, о котором говорил Стюарт; оно было кобальтового цвета, со струящейся юбкой и лифом с американской проймой, который акцентировал внимание на моей груди. Открытая спина наряда не оставляла мне возможности надеть бюстгальтер, даже если бы я захотела, и Слава Богу, юбка же была с подкладкой, которая позволяла скрыть отсутствие трусиков.

Когда я вышла в фойе, оценивающий взгляд Стюарта дал мне сил продолжить наш вечер.

– Моя дорогая, ты сногшибательно выглядишь. – Он наклонился к моему уху и прошептал. – И я надеюсь, ты последовала моим указаниям.

Поддерживая внешнее подобие контроля, я посмотрела ему прямо в глаза и ответила:

– Да, мистер Харрингтон, с точностью до буквы.

Он уткнулся носом в мою шею.

– Тогда, для послушных девочек у меня есть сюрприз.

Мой взгляд непроизвольно переместился на ширинку его брюк. Прихожая наполнилась его низким смехом.

– Да, у меня есть и такой сюрприз, но, по-моему, я жду, когда кто-то о нём попросит.

Я изо всех сил старалась не покраснеть. У меня и в мыслях не было смотреть туда, но, когда я это сделала, то поняла, что на самом деле была очень близка к тому, чтобы попросить.

– Сегодня вечером, – продолжал он, – до того, как мы отправимся ужинать, у меня есть ещё один сюрприз.

Стюарт повёл меня к машине, где уже ждал Трэвис. Когда мы подошли, тот осмотрел меня с головы до ног, словно знал, что под платьем на мне ничего нет. Мой разум твердил, что это абсурд и не что иное, как сочетание паранойи и буйного воображения. Через небольшой промежуток времени машина остановилась перед известным элитным ювелирным магазином в центре Майями. Табличка у входа гласила, что он уже закрыт. Ничуть не смущённый этим Трэвис открыл дверцу авто, а Стюарт помог мне выйти. Прежде чем я успела задать ему хоть какие-то вопросы, дверь в магазин открылась, и нам навстречу вышел тщедушный джентльмен в очень дорогом костюме.

– Мистер Харрингтон, добро пожаловать! Мисс Конвей. – Он поклонился. – Я был крайне рад вашему звонку. Прошу вас, следуйте за мной.

Я оглядела внутреннее помещение магазина. Хоть он и был уже закрыт, витрины по-прежнему подсвечивались лампами, а персонал стоял наготове в ожидании указаний.

– Вы бы хотели осмотреть то, что на витринах, или предпочитаете увидеть нашу частную коллекцию?

Без раздумий Стюарт ответил:

– Частную коллекцию, Альфред. Мне бы не хотелось, чтобы моя жена носила кольцо, которое может купить почти каждый.

Кольцо? Я постаралась не позволить шоку отразиться на лице. Ну конечно же, у меня должно быть кольцо. Я ведь собиралась замуж.

Проследовав за Альфредом в роскошный кабинет с огромным столом, мы со Стюартом сели с одной стороны, ювелир – с другой. Прежде чем он завел разговор, вошла женщина и принесла поднос с хрустальными бокалами и бутылкой охлаждённого шампанского.

– Прошу меня извинить. Могу я налить каждому по бокалу, чтобы отпраздновать столь восхитительное событие?

Я посмотрела на Стюарта. По закону мой возраст ещё не позволял мне пить спиртное.

– Будем признательны, – ответил Стюарт, и кивнул.

Я ждала, молча задаваясь вопросом, когда же меня спросят об удостоверении личности. Как бы то ни было, никто так и не спросил. Вместо этого, Альфред начал говорить:

– Мистер Харрингтон, после нашего разговора, я отобрал самые лучшие камни, которые может предложить наша компания. Должен предупредить вас, что одно из этих колец уже обещано другому клиенту, но ради вас я отложил с ним встречу.

Губы Стюарта сжались в прямую линию.

– Уверяю тебя, Альфред, тебе нет нужды использовать на нас ваши приёмы давления на покупателей, я охотно обращусь в другой магазин. Если моей невесте что-нибудь понравится, мы купим это. Всё просто.

– Конечно, – пробормотал Альфред, вытаскивая из ящика чёрный бархатный футляр. Остановив свой взгляд на мне, он сказал:

– К завтрашнему дню вы сможете получить любое из этих колец в вашем размере. Поэтому прошу вас сосредоточиться лишь на уникальном декоре, качестве и совершенстве камней.

Когда он открыл футляр, у меня сердце замерло. Внутри было всего лишь четыре кольца, в центре каждого – умопомрачительный бриллиант. Моё внимание сразу же привлёк жёлтый камень с огранкой под изумруд.

Стюарт посмотрел на меня.

– Что думаешь?

– Д-думаю, они все изумительные. – Я перевела взгляд с футляра на жениха. – Пока я не выбрала, ты действительно больше ничего не хочешь узнать?

Цену, например?

– Альфред, какие-то из этих колец имеют дубликат? Подчёркиваю, нам нужно единственное в своём роде украшение.

Глаза ювелира широко раскрылись.

– Нет, сэр. Каждое изделие в этой коллекции создано одним из наших знаменитых дизайнеров. Каждое из них уникально, как и любовь между вами.

Так что, они все фальшивые?

Я не могла не подумать об этом, однако, ещё до того как я смогла повернуться к Стюарту, он сжал мою руку. Едва уловимое напоминание того, что это ещё один шаг к тому, чтобы убедить мир в правдивости наших отношений.

– Альфред, – сказала я, – по-моему, жёлтый бриллиант превосходен.

Улыбка ювелира стала ещё шире.

– Мисс Конвей, у вас замечательный вкус. Камень, что в центре, – бриллиант в четыре и семь каратов, окружённый белыми бриллиантами в пятнадцать каратов. Это

то самое кольцо, про которое я говорил. Я рассказываю вам это, – разъяснил он, – потому что оно уже подогнано под размер, но, тем не менее, мы сможем вторично подогнать его под ваш.

Он вытащил кольцо и передал его Стюарту. Быстро осмотрев украшение, Стюарт спросил:

– Хочешь примерить?

Это было самое похожее на предложение руки и сердца из всего, что я слышала.

– Да, благодарю, – произнесла я, протягивая ему левую руку. Легко проскользнув на палец, кольцо село, словно было создано специально для меня. – Оно подходит. Мне нравится.

Стюарт повернулся к владельцу магазина.

– У вас есть подходящее обручальное кольцо?

– О, конечно, мистер Харрингтон.

Передавая бриллиантовое обручальное кольцо Стюарту, он приложил и записку, в которой, как я предположила, была указана цена. Стюарт едва взглянул на бумажку, положил её на столешницу и протянул мне кольцо.

– А это тебе нравится?

– Мисс Конвей, в этом кольце белые бриллианты по шестнадцать каратов, – проинформировал меня Альфред.

Я ничего не ответила, приставляя мужское кольцо к тому, что уже сидело на моем безымянном пальце. Сверкающий ободок подошел идеально, акцентируя внимание на большом жёлтом бриллианте. Встретившись глазами с настороженным взглядом Стюарта, я улыбнулась.

– Нравится.

Стюарт протянул руку ювелиру.

– Спасибо, Альфред. По-видимому, мы приняли решение.

Я передала оба кольца обратно Альфреду, который положил их в бархатную коробочку и отдал эту коробочку Стюарту.

– Благодарю вас, мистер Харрингтон... – Он кивнул и взял мою руку, склонился и поцеловал её, – и мисс Конвей, мы признательны, что вы выбрали наше скромное заведение.

Уже в машине Стюарт достал из кармана пиджака бархатную коробочку и вытащил обручальное кольцо с большим жёлтым бриллиантом.

– Мисс Конвей. – Взгляд его голубых глаз смягчился. – Тори, почти через два дня наше соглашение окончательно и безоговорочно вступит в силу. Пока что я не разочарован. Позволь мне надеть это кольцо тебе на палец в знак нашего взаимного расположения.

Ожидала ли я признания в любви и преданности? Нас связывало соглашение – договор, и чем быстрее я признала бы это, тем лучше. Взгляд мой стал стальным, когда я, распрямив плечи, протянула ему левую руку.

– Я подписала договор, и я принимаю твоё кольцо.

Он поднял брови.

– Тебе нужно поработать над своим энтузиазмом, дорогая. Через несколько минут мы окажемся на крыше «Бич-Клаб», который, как ты, полагаю, знаешь, является одним из самых элитных клубов в Майами. Я ожидаю увидеть там многих своих партнёров, ровно, как и уважаемых коллег твоего отчима. Пока что все это нужно для шоу... – Он наклонился ближе, – потому что я очень хочу похвастаться тобой – что, уверен, ты прекрасно осознаешь – но это больше, чем просто способ привлечь внимание. Когда я буду представлять тебя сегодняшним вечером, то хочу, чтобы ты помнила о том, что я запланировал для тебя на ночь. – Его губы чуть приоткрылись и

потёрлись о мою внезапно раскрасневшуюся щёку. – Когда я буду пить вино, то хочу, чтобы ты знала, я буду представлять, как пью из тебя. – Он уткнулся в мою шею. – Когда я буду вдыхать аромат приготовленной для нас еды, я буду жаждать вдохнуть твой запах. Когда же еда попадёт на мой язык, я буду думать о том, как он проникает в тебя, а твои сексуальные ноги оборачиваются вокруг моей головы.

О, мой Бог! Я понимала, что возбуждаюсь от одних лишь его слов.

– А ночью, – продолжал он, – когда я привезу тебя обратно в пентхаус, я буду делать то, что захочет с тобой сделать любой мужчина, которого ты встретишь сегодня; то, что они будут рисовать в своём воображении; то, что они будут делать со своими жёнами, но представляя на их месте мою невесту. Ты, моя Тори, сногшибательна. – Его рука нашла подол моего платья и двинулась под мягкой тканью вверх. – Сегодня ночью, как и каждую другую ночь, мне будут завидовать все мужчины. Ты будешь предметом их желаний, но будешь исполнять мои фантазии.

Его пальцы медленно двигались вдоль моего бедра. Через каких-то несколько сантиметров он понял, что я послушалась его указаний.

– Раздвинь для меня ноги, Тори.

Мы ехали не в лимузине. Между нами и Трэвисом не было перегородки, не было звукового барьера. Мой взгляд метнулся к зеркалу заднего вида. При заходящем солнце на водителе Стюарта были солнцезащитные очки. Тёмные линзы скрывали его глаза и выражение его лица, не позволяя узнать, на чём сосредоточено его внимание.

– Тори, – голос Стюарта звучал более настойчиво. – Не заставляй меня просить тебя дважды. Раздвинь свои прекрасные бёдра. Позволь мне насладиться аперитивом, обещанием того, что ожидает меня после.

Его слова не должны были меня возбудить, но именно это они и сделали. Раздвигая ноги, я знала, что он найдет то влажное место, которое искал. Ведь я завелась лишь от одних его слов.

– О, Стюарт...

– Ш-ш-ш, Тори, я хочу почувствовать твои стоны во мне.

Я раздвинула ноги шире, когда его губы накрыли мои. Это был наш первый поцелуй, впервые его язык закружился в танце с моим. Но моё внимание было сосредоточено не на этом, всё моё тело вспыхнуло, как только его пальцы проникли между моими разбухшими складочками. Мои бёдра раздвинулись ещё больше, чтобы ему было удобнее. Через несколько секунд мир исчез, остались лишь ощущения от его прикосновения и поцелуя. Когда он нащупал пальцем клитор, я сделала то, о чём он просил: я застонала. Исходящие от нас обоих звуки смешались, когда он передвинул свою руку, одобрительно присвистнув, и проворковал мне на ухо:

– Да, такая мокренькая, всегда такая мокренькая.

О, Боже! Я хотела большего. Хотела вновь оказаться на седьмом небе. Когда он поднёс свои пальцы ко рту, мои щёки заалели.

Он размазал мою влагу с пальцев по своим губам и облизался.

– Сладкая.

Его глаза мерцали.

– Я угощусь тобой попозже.

Что со мной происходило? Он заставлял меня желать такие вещи, о которых я раньше даже и не думала.

На нетвердых ногах я следовала за Стюартом в «Бич-Клуб». Там, как ни в чём не бывало, он поприветствовал метрдотеля и повёл меня к отдельному лифту. Уже в лифте он снова уткнулся носом в мою шею и прошептал:

– Ничто здесь не сравнится по вкусу с тобой. Дорогая, я надеюсь, ты не будешь против, если мы пропустим десерт.

Мне еще никогда не приходилось быть настолько занятой, но при этом так мало делать. Если Лиза не могла что-то сделать для меня сама, то находила для этого кого-нибудь другого. Следующие два дня пролетели в суматохе и ожидании. Всё время было занято примерками и косметическими процедурами. Мои длинные тёмные локоны не мелировали, как я представляла, а подкрасили оттенком каштанового с ноткой коричнево-красного. Как только на прическу падал солнечный свет, на волосах оживала по-настоящему поразительная гамма цветов. Я прошла через процедуру эпиляции, массажа и увлажнения кожи. Косметологи проводили часы, накладывая макияж и обучая меня тому, как правильно накладывать его самой. Под руководством Чжэнь - косметолога, я стала экспертом в создании драматического взгляда.

Свадебное платье, которое выбрала Лиза, – да, она сказала, что спорила со Стюартом, но выиграла в том, что ему нельзя будет увидеть платье до свадьбы – было великолепным. Даже до первой примерки оно уже почти подходило мне по размеру. К вечеру среды оно сидело как влитое. Струящийся шифон и облегающий лиф в тандеме создавали идеальный образ для свадьбы на пляже. Ещё я узнала чуть больше о своём женихе. Хотя его родиной был Майами, принадлежащие ему отели располагались по всему миру, и поэтому он много времени проводил в путешествиях. Он сказал, что иногда ему придётся путешествовать одному, но он бы хотел, чтобы я сопровождала его в остальных поездках. И пусть он в сущности не настаивал на этом, но то, как он просил, как спрашивал, почти не оставляло мне выбора.

Начиная с вечера понедельника в «Бич-Клуб», меня представляли его друзьям и партнёрам. Он ни разу не намекал, что наш брак был чем-то иным, кроме любовного союза. Мы являлись предметом обсуждений не только в Майами, но и по всей стране. Даже в телевизионных передачах, где любили посплетничать, детально рассказывали о столь необычной паре. Конечно же, фотографии моего обручального кольца распространялись с невероятной скоростью. Новости о свадьбе ещё не проникли в прессу, но Стюарт не сомневался, что это событие будет на первой полосе уже утром в пятницу. Именно поэтому он и принял решение пожениться в четверг вечером. Весть о нашем бракосочетании попадёт в новости до выходных и наделает шуму прежде, чем потеряется в бессмыслице того, что произошло за неделю.

Пока я держала слово и не умоляла о его члене, но это с каждым разом становилось всё труднее. С ночи воскресенья, при помощи Стюарта, я достигала таких высот, о существовании которых даже и понятия не имела. Он множество раз удовлетворял меня орально и своими пальцами. Я не сопротивлялась этому подъёму, потому что падение было моей наградой за столь трудный поход. Когда его пальцы и язык работали вместе, неважно, что мои бёдра сопротивлялись и сжимались – я была бессильна перед разверзающейся пропастью и падением в неё, но не единым целым, а миллионами осколков. Хотя ему нравилось наблюдать, как я начинаю путешествие самостоятельно, я не раз замечала то, что скрывалось под его брюками. Каждый раз, когда я касалась его эрекции, моё любопытство росло, и я понимала, что это лишь вопрос времени, когда я поступлю так, как он предсказывал - буду умолять его. Мне хотелось сделать это в день нашей свадьбы.

За ночь до нашего отъезда в Белиз, Стюарт приехал домой раньше обычного. Лизы не было дома, а я сидела у бассейна с Сьюзен, заканчивая последние приготовления к ещё одному заказу одежды. Он состоял из особого ассортимента дизайнерских повседневных платьев, которые Лиза объявила необходимыми для моих ежедневных занятий.

Рокочущий голос Стюарта эхом прокатился по крыше, где располагался

бассейн, и мы обе подняли глаза на его приближающуюся фигуру. Он был одет в один из своих пошитых на заказ костюмов, его светлые волосы были идеально уложены, но такого выражения лица мне ещё ни разу не доводилось видеть.

– Где, мать твою, твой телефон?

Глаза Сьюзен расширились, а я тем временем осматривала стол, передвигая журналы и наброски, и ответила:

– Я-я не знаю. В моей комнате?

Глядя на Сьюзен, Стюарт чуть изменил тон.

– Мисс Дженнингс, думаю, сегодня нам больше не понадобятся ваши услуги. Пожалуйста, свяжитесь с моей женой после того, как мы вернёмся домой после медового месяца.

– Да, мистер Харрингтон, – ответила она, поднимаясь и собирая свои материалы со стола.

– Виктория, я жду тебя в своём кабинете, сейчас.

Сказав это, он покинул крышу в облаке царственного совершенства и ярости.

– Мисс? – спросила Сьюзен, когда мы остались одни, её глаза смотрели на меня с сомнением.

Мне хотелось убедить её, что всё в порядке, но я пока сама не знала, так ли это. Тем не менее, я улыбнулась и ободряюще кивнула, скорее даже в попытке успокоить саму себя.

– Благодарю тебя, Сьюзен. Увидимся через неделю. Тебя проводить?

Она выдавила из себя улыбку.

– Нет. Если у вас будут какие-то неожиданные сомнения по поводу этого заказа, у вас есть номер моего телефона.

– Я на сто процентов уверена, что заказ отличный, – ответила я.

Мне приходилось сталкиваться с гневом родителей больше раз, чем я могла сосчитать; я могла смело встретить и гнев Стюарта. Он во многом был ко мне добрее, чем они. Что бы ни расстроило его, я была убеждена, что смогу справиться. Но это, однако, не уменьшило моей тревоги, которая лишь росла с каждым моим шагом по дороге в его кабинет. Когда я вошла, то сразу спросила:

– Стюарт, что...

Он вздрогнул от звука моего голоса.

– Ты нашла свой гребаный телефон?

– Нет. – Я выпрямилась. Хотя его сжатые челюсти и мрачное выражение лица вселяли в меня ужас, но я должна была скоро стать его женой, и мне был неприятен его тон. – Я пришла в твой гребаный офис. Ты сам так сказал.

Он стал расхаживать перед столом.

– Я пытался до тебя дозвониться. К чему тебе, на хрен, этот чёртов телефон, если ты не носишь его с собой?

– Стюарт, – я поубавила резкости. – Что произошло? Почему ты пытался связаться со мной?

– Я даже звонил на домашний номер. Не смог, чёрт побери, ни до кого дозвониться. Наконец мне удалось добраться до мисс Мэдисон, но, как ты знаешь, она была не дома и тоже не смогла с тобой связаться.

– Но теперь ты здесь. Что такое?

Злость на его лице трансформировалась в нерешительность.

– Я заплатил грёбаные деньги. Я сделал это. Трэвис доставил их в понедельник.

Что за деньги? У меня закружилась голова, за такое короткое время произошло столько всего.

– Виктория, твой отчим в больнице.

У меня подкосились колени, накатил прилив тошноты. Те самые деньги. Я не позвонила ни Рэндалу, ни матери. Я была слишком занята, и, если говорить честно, мне нравилась мысль о том, чтобы заставить их понервничать.

– В больнице? Что случилось?

– Я не знаю. Бери сумочку. Мы едем в Мемориальный госпиталь.

Я кивнула с ничего не выражающим лицом, изо всех сил стараясь скрыть подкрадывающийся страх. О, Боже. Если он умрёт, на моей совести будет ещё одна смерть.

По дороге в госпиталь я проверила свои сообщения. Среди них было множество текстовых и голосовых сообщений от Стюарта, несколько от Вэл и одно голосовое сообщение от моей матери. Я прослушала его, не переключаясь на внешний динамик.

– За что? Виктория, за что? Ты так сильно нас ненавидишь? Рэндал в Мемориальном госпитале.

Я посмотрела на Стюарта.

– В сообщении от моей матери не больше информации, чем тебе уже известно. Она лишь сказала, что он в госпитале.

Он потянулся к моей руке и держал её, пока мы шли по коридорам в реанимационное отделение. Первой я заметила Вэл. Мы не виделись с воскресенья. Я даже не представляла, насколько соскучилась, пока наши взгляды не встретились: три дня внезапно показались мне вечностью. Её опухшие глаза посмотрели в мои. И тут же за её взглядом последовал взгляд моей матери, и Мэрилин поднялась с места. Годы существования в образе любящей всё критиковать стервы не прошли даром. Ей хватило секунды, чтобы осмотреть меня: мою новую одежду, причёску и обручальное кольцо. Почти тут же она угрожающе выпрямилась. Я крепче сжала руку Стюарта, не сомневаясь, что только он сможет удержать её от того, чтобы высказать мне вслух всё, что она думала. Обнаружив большую воспитанность, чем, как я думала, она обладала, моя мать шагнула в нашу сторону.

– Мистер Харрингтон, прошу вас, позвольте мне поговорить с дочерью наедине.

Он посмотрел на меня взглядом собственника. Мне не хотелось отпускать его руку, но я знала, что должна это сделать.

Прежде чем я успела заговорить, Стюарт сказал:

– Миссис Саунд, как ваш муж?

– Он в критическом состоянии. Они больше ничего не могут сделать, остаётся только ждать.

– Мама? – спросила я. – Что произошло?

– Сердечный приступ. По мнению врачей, он случился из-за стресса. В её последних словах звучало обвинение. Однако, я сделала долгожданный вдох, чувствуя, как пропадает напряжение в руке Стюарта. Это был не несчастный случай. Кивнув Стюарту, я отпустила его руку и направилась к матери. Она резко повернулась и повела меня в маленькую комнату для отдыха членов семьи. Как только мы остались одни, она развернулась ко мне, словно змея, готовая к броску.

– Счастлива? Ты этого хотела? Посмотри на себя – разодета, как кукла, да ещё и этот булыжник на твоём пальце. Ты считаешь, что Рэндал рассказал о тебе мистеру Харрингтону, чтобы ты смогла снять все сливки, а нас оставить на произвол судьбы? Где твоя признательность Рэндалу за всё, что он для тебя сделал? Это всё из-за тебя и твоего эгоизма! Ты не в силах видеть меня счастливой, да? Тебе всегда нужно разрушить любые мои отношения.

Несмотря на то, что её ледяной тон сочился ненавистью и обвинениями, я попыталась выяснить больше о состоянии Рэндала.

– Какие у него прогнозы?

– А тебе не всё равно?

Огонь в моих венах растопил лёд, который она обрушила на меня.

– Не всё ли мне равно?

– Возможно, мне стоило бы предупредить мистера Харрингтона, – сказала мать угрожающе-тихим голосом. – Я должна сказать ему, что за смертельно опасную гадюку он пригрел на груди. Все, кого ты касаешься, умирают, все, кто по своему простодушию сближаются с тобой. Даже его деньгам не защитить его самого от тебя.

– Ты сама себя слышишь? Вы, мать вашу, продали меня, без предупреждений, без сожалений.

– Я должна была догадаться, что помощь нам обойдётся куда дороже.

Я сжала челюсти и силой воли удержалась от рыданий. За стеклянной панелью двери я заметила Стюарта. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел прямо на меня. Его присутствие придало мне сил. Я понизила голос.

– Долг Рэндала выплачен. Ещё с понедельника. То, что с ним сейчас произошло, это результат ваших с ним грёбанных пристрастий. Вы сделали свой выбор. Больше не пытайтесь связаться со мной – никогда.

Мой взгляд оставил её и нашёл Стюарта. Он выпрямился и направился в мою сторону.

Потрясённая моим всплеском эмоций, Мэрилин Саунд глазела на свою дочь. Пока она собиралась с мыслями, Стюарт открыл дверь, заставив её развернуться на месте, казалось, она потеряла дар речи. Собравшись с силами, я сказала:

– Мэрилин, это Стюарт Харрингтон. По-моему, тебе есть, что ему сказать.

Она распахнула глаза.

Повернувшись к Стюарту, я продолжила:

– Стюарт, моя мать хотела бы поблагодарить тебя за то, что ты спас их задницы.

У меня был выбор на чём остановить своё внимание – на её ледяном взгляде или его усмешке. Я выбрала усмешку.

Мэрилин протянула свою руку.

– Благодарю вас, мистер Харрингтон. Судя по бриллианту на пальце моей дочери, я полагаю, что вас можно поздравить.

– Миссис Саунд, я надеюсь, что вы приняли во внимание моё последнее предостережение, а что касается поздравлений – да. Мы огорчены, что вы и доктор Саунд не сможете посетить торжество, однако, мне кажется, ваше внимание будет востребовано и желанно в другом месте. – Он протянул мне руку. – Виктория, я думаю, нам нужно идти.

Коснувшись руки Стюарта, я посмотрела на мать.

– Передай Рэндалу мои наилучшие пожелания. О, и дай ему знать, что я его поблагодарила.

Я держала эмоции в узде всю дорогу до машины. Но едва я оказалась внутри, как всё вырвалось наружу: годы унижений, то, что я всю жизнь была разочарованием и нежеланным ребёнком. Упав в объятия Стюарта, я прошептала:

– Пожалуйста, я умоляю.

Чуть отодвинув меня, Стюарт посмотрел прямо в мои полные слёз глаза.

– Виктория?

– Прошу тебя, отвези меня домой. Мне нужно, чтобы ты помог мне забыть. Мне нужно, чтобы ты был внутри меня.

Повысив голос, он скомандовал:

– Трэвис, отвези нас с мисс Конвей домой.

Я крепко держала его за руку, пока он вёл меня в главную спальню, располагавшуюся на первом этаже пентхауса. Там были точно такие же, как и в

гостиной, окна от пола до потолка, откуда солнечный свет заливал всё огромное пространство. Прижав меня к себе, Стюарт потребовал:

– Скажи это. Мне нужно услышать.

– Пожалуйста, прошу тебя... – Я без капли смущения упала на колени. – Я умоляю тебя, заставь меня забыть. Я умоляю тебя о твоём члене. Мне нужно почувствовать тебя внутри себя.

– Виктория?

Я подняла глаза на широкоплечего властного мужчину, нависшего надо мной. Предложив мне руку, он сказал:

– Встань.

Я встала, хотя у меня дрожали колени.

– Это, моя дорогая, будет первый и последний раз, когда тебе вообще придётся умолять. Ты поняла?

Я не поняла, но кивнула.

– В четверг ты станешь миссис Стюарт Харрингтон. Никто – ни твоя мать, ни твой отец, ни твой отчим – никто, кроме меня, не будет больше обладать властью над тобой. – Он поднял мой подбородок. – Ты точно поняла?

– Да.

– Ты уверена в том, чего хочешь?

Потянувшись к ремню Стюарта, я ответила:

– Да.

Он перехватил мою руку.

– Хотя я и ценю твой энтузиазм, дорогая, но это моя область знаний. Позволь мне.

Кивнув, я убрала руки от его ремня, но потёрла его скрытую под брюками эрекцию.

Развернув меня спиной к себе, Стюарт расстегнул молнию на моём платье и снял лямки с плеч. Мягкая ткань упала на пол, а его хриплый вздох наполнил меня столь необходимым ощущением власти над ним. Я по-прежнему стояла к нему спиной, когда он ухватился за пояс моих трусиков и благоговейно стянул их с меня.

– Ты охренительно красива.

Он развернул моё обнажённое тело и осторожно поцеловал мои губы, прижимая меня ещё ближе к себе. Биение его сердца эхом отдавалось в его массивной груди, его руки согревали и защищали меня от прохладного воздуха кондиционера. Взяв меня за руку, он сказал:

– Забирайся на нашу кровать и покажи мне свою мокрую киску. Раздвинь ноги. Я хочу увидеть то, как умоляет меня твоё тело, больше, чем услышать это от тебя.

Пока я делала, как он сказал, Стюарт снял пиджак, рубашку и ремень. Что бы он ни делал, его взгляд всё время оставался на мне. Сбросив туфли, он расстегнул пуговицу на брюках и позволил им упасть на пол. Его боксеры были не в состоянии скрыть то, что мне ещё предстояло увидеть. Приподнявшись на локтях, я сжала колени и ахнула. Никогда ещё в моей жизни я не видела член таких огромных размеров. Его пенис торчал вверх, почти касаясь пупка.

– О... я-я не знаю... если...

Сняв боксеры, Стюарт забрался на кровать. Его голубые глаза мерцали от вожделения, его слова звучали ободряюще.

– Я хотел этого с тех самых пор, как ты вошла в мой кабинет. Тори, я заставлю тебя забыть обо всём. Всё, о чём ты сможешь думать, это мой член, растягивающий твою тесную киску. – Его предвкушение было очевидным, он спросил, – Ты доверишь мне?

Я наивно ответила:

– Да.

Раздвигая мои ноги, он начал целовать внутреннюю сторону моих бёдер, каждый поцелуй вёл всё ближе и ближе к моему лону.

– Мне никогда не надоест твой запах, такой сладкий. – Его язык прижался к моей киске. – Так приятно. – Ещё раз лизнул.

Мне хотелось большего.

– Пожалуйста, – произнесла я, сжимая простыни в ожидании.

Поцелуи и движения языка стали более осторожными, он не проникал внутрь и не касался клитора.

– Чего ты хочешь? – поддразнил он.

– Я хочу твой член, – уверенно заявила я.

Открыв глаза, я увидела, что Стюарт стоит на коленях между моих ног, а его член прямо напротив меня.

– Коснись его, Тори. Почувствуй то, что скоро окажется внутри тебя.

Я неуверенно протянула руку и провела по гладкой коже. Он застонал, его член с выступающими венами дёрнулся, яички тяжело свисали позади. Капелька предэкулята блестела на головке.

– Вот так. Погладь его.

Рукой я обхватила его член, он был настолько большим, что мои пальцы не могли соединиться. Я встретила с его ободряющим взглядом.

– Ты уверен, что он поместится? – спросила я.

– Уверен.

Взяв презерватив, который я даже не заметила, он натянул тот на свой член и опустил на меня.

– Расслабься, Тори. Откройся для меня.

Я подняла колени. Он медленно придвинулся. Когда головка его члена прижалась к моему лону, я ахнула.

– Всё хорошо. Впусти меня.

Я закрыла глаза и сконцентрировалась на его словах, пока его член то погружался, то отступал, с каждым разом проникая всё глубже. Единственное, о чём я могла думать, так это о том, как я растягивалась изнутри, боль уступала место наслаждению. С моих губ срывались какие-то звуки, когда я снова впивалась пальцами в простыни и боролась с желанием отстраниться, но с каждым новым толчком его твёрдого члена я понимала, что мне некуда бежать. Боль и удовольствие перемешались, он полностью вошел в меня.

– Блять! В тебе так приятно, ты такая тесная.

Больше ничего не имело значения. Его яйца коснулись моих ягодиц, замер и он. Я открыла глаза, не видя ничего, кроме его лица. Его голос заполнил спальню.

– Боже, ты восхитительна. Все в порядке?

Да, я была в полном порядке. Мне было больно, внизу появилось ощущение максимальной растянутости, наполненности. Кивнув, я улыбнулась, но из уголка глаза потекла слеза. Стюарт убрал слезинку своим языком и обрушил лавину поцелуев на мою шею и грудь. Дразня мои соски, он одарил вниманием каждый, отчего те превратились в твёрдые горошины. Всё это время его член продолжал двигаться во мне. И в мгновение ока, боль в лоне сменилась нарастающим внутри меня напряжением. Я бессознательно начала двигаться в одном ритме с ним. Мои бёдра подскакивали с каждым толчком, его ритм начал нарастать. Мне ещё никогда не приходилось ощущать ничего подобного. И это ни шло ни в какое сравнение с тем, что делали со мной его пальцы или рот. Схватив меня за ягодицы, он притянул меня

ближе, чтобы мои и без того широко разведённые ноги раздвинулись ещё шире, Стюарт с силой загонял свой член внутрь меня.

Мы были почти там, почти на самом пике, ещё один толчок и я оказалась на вершине. Оргазм накрыл меня всю целиком. Больше ничего не существовало: ни ноющих мышц, ни моей родни. Были только мы двое. Чувствуя, как меня обжигает его разгорячённая кожа, я устремилась вниз. Нет, это он бросил меня в те глубины. Выкрикивая его имя, я резко падала, пока от меня ничего не осталось. Единственными моими движениями были спазмы, прокатывающиеся по всему моему телу.

– Дьявол! Мне нравится, как твоя киска сжимает мой член, – сказал он, продолжая двигаться. – Но я ещё не закончил с тобой. Ещё нет.

Откуда ему знать, что у меня остались ещё силы? Я лежала, расколовшаяся на осколки, не в состоянии шевельнуться. Он протянул руку между нашими телами и сжал между большим и указательным пальцами мой уже распухший клитор. Я откликнулась на эту сладостную боль. Я понятия не имела, сколько ещё смогу вытерпеть. Неустанные толчки его члена, прикосновения пальцев. Дыхание остановилось, когда впереди снова начала показываться моя вершина. Его губы и зубы вновь оказались на моих грудях. Поцелуи сменились покусываниями. Эта вершина оказалась ещё выше предыдущей, и путь к ней был долгим. Но Стюарт уверенно поднимал меня к ней, толчок за толчком, пока всё моё тело не зависло в опасной близости от края.

– Сейчас! – скомандовал он, уцепился за мой клитор и вошел очень глубоко в мою киску. Второй оргазм был ещё жёстче, чем первый. Мои недавно покрашенные ногти впились в его широкие плечи. Это был единственный способ удержаться на плаву, чтобы меня не унесла очередная волна из тех, что вновь и вновь прокатывались по моему телу.

– О, чёрт! – застонал Стюарт и в последний раз с силой погрузился в меня.

Его набухший член всё ещё пульсировал внутри моего теперь уже чувствительного естества, когда он вжал меня в матрас своим массивным телом. Парализованная и потерявшая дар речи, я лежала под своим женихом, окружённая его теплом. Когда он, наконец, вышел из меня, я тут же ощутила пустоту, но потом он прижал меня к себе и поцеловал мои волосы.

– Засыпай, моя Тори. Завтра у нас свадьба.

Глава 13

Девять лет назад.

В сказке про Золушку - прекрасный принц спас бедную девушку от её злой мачехи. В сказке про Белоснежку - прекрасный принц спас молодую, но неугодную принцессу. Детские сказки, заканчивающиеся словами «и жили они долго и счастливо», закладывают в сознание девочек, что принцы существуют на самом деле. Но ведь многие сказки были созданы на основе жестоких и кровавых историй, придуманных братьями Гримм. Поэтому, возможно, стоит уделять большее значение не торжеству добра, а присутствию зла. Ибо существовало бы добро без зла?

Сказка, в которую продали меня, которая позволила мне выносить это, через год после того, как я стала миссис Стюарт Харрингтон, уступила место своей истинной природе. С моего принца тут же спала маска, стоило ему впервые привезти меня в его другую квартиру. Произошло столько всего, что я даже позабыла о ней, пока мне не

напомнили.

– Ты не забыла о договоре, дорогая? – сказал Стюарт, выводя меня из лифта, находившегося в напоминавшем склад здании на окраине города.

Хотя это был первый раз, когда он упомянул о договоре после нашей свадьбы, я сомневалась, что он действительно думал, будто я забыла о нём. До того самого вечера, когда мне впервые довелось увидеть склад, все дни я проводила, вливаясь в высшие слои общества. Меня приветствовали с распростёртыми объятиями, но настороженно. Никто не осмеливался открыто запрещать мне - жене Стюарта, входить в клубы и организации, посещаемые лишь ограниченным числом представителей элиты. К тому же, я была не настолько наивной, чтобы не понимать: за закрытыми дверями меня вряд ли считали достойной радушных приёмов. В конце концов, я была младше детей, а иной раз и внуков, некоторых моих новых друзей. На поверхности было одно. И я надеялась в скором времени выяснить что под ней. Когда меня представляли, я видела эти взгляды. Женщины, которые приглашали меня поиграть в теннис или организовать мероприятия, были мне подругами не больше, чем девчонки в академии. Но по счастью, как большинство представительниц женского пола, я рано повзрослела и могла за себя постоять. Быть женщиной означало иметь отточенную способность вежливо улыбаться, скрывая ненависть. В меня всё глубже просачивалось влияние моей матери. Я никогда не стремилась быть похожей на неё, но планы меняются. Ради исполнения моих новых обязательств я с гордостью нацепила на себя маску первоклассной стервы.

Не потребовалось много времени, чтобы забыть, как начались наши со Стюартом отношения. Я не ждала любви, но получила нечто очень близкое к этому. Моё сердце трепетало, когда Стюарт хвалил меня. Мне нравилось, как начинали светиться его глаза, стоило мне пройти мимо или взять его за руку во время каких-нибудь светских мероприятий. Уже не было чувства того, что мы играем на публику. Я искренне наслаждалась его обществом, а он, казалось, наслаждался моим. В пентхаусе или в нашем просторном особняке за городом, он всегда был внимательным и заинтересованным. Я часто сопровождала его в деловых поездках, гордясь быть миссис Стюарт Харрингтон. Он был прав, когда сказал мне не волноваться о нашей разнице в возрасте. Я восхищалась его мастерством в постели, и нечто новое – новая позиция или игрушка: всё это воспринималось мной, как приключение. Я никогда не мечтала о такой жизни, и, уж тем более, я не сожалела о том, что подписала наше соглашение. До той ночи.

Открыв дверь в помещение на складе, Стюарт завёл меня внутрь. Вскоре я поняла, что мы зашли на второй этаж. Когда муж щёлкнул выключателем, перед глазами предстала просторная комната на первом этаже. Остановившись у перил, я сразу заметила разительный контраст с нашими апартаментами у пляжа. Не было никаких окон, тем более от пола до потолка, вместо этого были лишь одни голые высокие кирпичные стены. Двумя этажами выше был единственный источник естественного освещения: огромное окно на крыше. Но, учитывая позднее время, оно казалось тёмным и плотным, как кирпичная кладка. В углу нижней комнаты располагалась кухня с барной стойкой, столешница которой была выполнена из гранита, и тремя стульями. В другом углу стояли диваны, кресла и телевизор. Простая обстановка больше соответствовала комнате бедного холостяка или студента колледжа. Пусть Стюарт и был женат на мне около года, но слово «бедный» уж точно не вязалось с ним, ни при каких обстоятельствах.

Оглядываясь по сторонам, я не могла не задаваться вопросом: что за необходимость была в этом жилье, если у нас и так была квартира в центре Майями и огромное поместье за его пределами? Стюарт молча повёл меня вниз по ступенькам.

Когда лестница сделала поворот, мой взгляд остановился на той части комнаты, которую не было видно при входе. Но моё любопытство сменилось ужасом, сердце забилось быстрее, а ноги отказались идти дальше. Пока я разглядывала огромную кровать со столбиками, стоящую на приподнятой платформе, в горле начала подниматься желчь. Рядом с платформой одиноко стояло большое мягкое кресло. Несмотря на то, что в договоре упоминались специфические особенности, касающиеся секса, но до настоящего момента Стюарт никогда не предлагал ничего, что я посчитала бы выходящим за рамки обычного. Я охотно соглашалась на все его предложения. У меня не было сомнений, что я получу незабываемые ощущения.

Так или иначе, в открывшейся передо мной сцене было что-то мерзкое, я нутром это чувствовала.

Потянув за мою руку, Стюарт вынуждал меня идти дальше.

– Не останавливайтесь, миссис Харрингтон.

– Стюарт, что это?

– Это место, где оживают мои фантазии.

Я с трудом сглотнула, пока я пыталась осмыслить его слова.

– Я... я не понимаю. Мы занимаемся сексом. Мы очень много занимаемся сексом. Но зачем тебе для этого отдельное помещение? Что не так с нашим домом?

Хотя мысли у меня путались, ноги продолжили идти. Когда мы оказались рядом с кроватью, он сказал:

– Я доволен нашей сексуальной жизнью, Виктория. И мне нравится то, чем мы занимаемся дома. Но это другое. Из-за этого я и женился на тебе. Об этом было наше соглашение.

И тут же мне вспомнился договор, положения и дополнения. Вспомнилось одно конкретное предложение - за рамками обычного опыта. Что за чёрт?

– Стюарт, что здесь происходит? Что ты хочешь от меня?

– С момента действия нашего соглашения здесь ничего не происходит. Я не сплю с другими женщинами, если ты об этом спрашиваешь. Так было лишь до нашей встречи. У меня есть свои потребности. – Он заставил меня сесть на кровать и коснулся моей щеки. Его тон поменялся, когда он продолжил, – А в последнее время, миссис Харрингтон, большинство этих потребностей очень хорошо удовлетворялись.

– Большинство? – Внутри меня всё скручивалось. – Просто скажи. Для чего я здесь, по-твоему?

Его ухмылка стала зловещей.

– Я знаю для чего ты здесь. Ты будешь делать так, как я скажу. Мы заключили договор, юридически обязывающее соглашение.

– Я... я по-прежнему не...

Он прикоснулся к моим губам.

– Я выполнил свою часть нашей сделки. У тебя моё имя, доступ к моим деньгам. Твоя сестра зачислена в университет Джона Хопкинса. – Стюарт склонил голову. – Я в чём-то отказывал тебе?

– Н-нет, – ответила я с явной дрожью в голосе.

– И ты не откажешь мне. Как я уже говорил, если тебе станет некомфортно, я буду рядом. Ты никогда не будешь здесь одна. Я всегда буду здесь, с тобой.

Я замотала головой.

– Я ничего не понимаю! Почему вообще тебя не должно здесь быть? Если мне придётся делать что-то, и это что-то связано с сексом... – мои слова оборвались, когда ощущение тошноты стало невыносимым. Быстро оглядевшись, я увидела дверь. Молясь, что за ней именно то, что мне нужно, я вскочила с кровати, рывком распахнула дверь, и меня вырвало в унитаз. В голове пульсировало, тело била дрожь,

но я подошла к раковине, зачерпнула воды и прополоскала рот. Положив голову на раковину, я повернулась к мужу и потребовала:

– Просто скажи! – Громкость моего голоса стала ещё выше. – Не заставляй меня думать о том, о чём мне совсем не хочется.

Взяв меня за руку, Стюарт помог мне выпрямиться.

– И о чём же думает столь прекрасная головка?

Я уже поняла, что Стюарту нравилось наблюдать, как я ласкаю себя. Он часто просил меня мастурбировать и даже предлагал пользоваться игрушками, чтобы смотреть, как я получаю оргазмы.

– Это связано с тем, чтобы смотреть, да? Поэтому тут стоит кресло. Прошу тебя, скажи, что здесь больше не будет никого, кроме нас двоих.

– Не могу.

Я подняла брови, повторяя за ним:

– Не можешь?

– Ты красивая женщина. Я говорил тебе, что тебя хотят многие мужчины. И я не лгал. Они хотят. А мне нравится смотреть, как с этих прекрасных губ срываются крики. Я хочу быть тем, кто управляет, хочу наблюдать, как другие мужчины будут иметь тебя. Хочу быть единственным, кто подарит тебе такое удовольствие.

– Нет!

– Нет? – усмехнулся он. – Миссис Харрингтон, это слово было изъято из вашего лексикона в тот же день, когда вы подписали мой договор.

– Я-я не могу. Я не хочу быть с другими мужчинами. Я хочу быть с тобой.

В тот момент даже это не было правдой.

– И ты будешь. Ты будешь со мной. Я тоже хочу быть с тобой. Но мысль о том, чтобы смотреть на тебя, возбуждает меня даже сейчас. Готов поспорить, что если я подниму подол твоего прелестного маленького платья, то под ним ты будешь вся мокрая, думая об этом.

– Нет! – честно ответила я. – С кем? С кем ты хочешь меня делить?

– Видишь ли, эта часть ставила меня в тупик. Когда дело касалось проституток, не имело значения. Но ты моя жена, ты сопровождаешь меня. – Он положил мою маленькую ладошку на сгиб своего локтя и повёл меня к кровати. – И мне нравится, что ты рядом. И я решил, что для тебя будет лучше не знать.

Какого чёрта?

– Это бессмысленно. Как я буду делать то... чем ты хочешь управлять... – я выделила последнее слово, – ...и не знать, с кем я?

Стюарт снова остановился у кровати.

– Думаю, я разрешу эту проблему.

Он протянул руку под кровать и вытащил коробку. Я стояла молча, пока он снимал крышку. Внутри оказались разнообразные секс-игрушки, но не их он искал. Стюарт вытащил наушники и повязку на глаза.

– Эти наушники заглушат голоса других, повязка на глаза выполнит своё прямое предназначение. Ты не сможешь ни слышать, ни видеть того, с кем будешь. – Он вытащил устройство-bluetooth и надел наушники мне на уши. В динамиках раздался его голос. – Таким образом, ты будешь слышать только меня. Когда я не говорю, играет музыка, всё, чтобы ты не смогла узнать, кто твой партнёр.

Меня испугало, как спокойно он говорит о моих партнёрах. Я сняла наушники. Его голос звучал рядом. Мне не хотелось слушать его через технику.

– Но, но тот другой человек будет знать, что я это я. Даже если я не буду его знать, он будет знать меня.

– Они, дорогая - не он. Множественное число. – Стюарт завязал повязку вокруг

моей головы и снова надел на меня наушники. В темноте я слушала его голос. – Ты такая сексуальная, и ты права - они будут знать. Но ты – нет. Каждый раз, когда мы будем присутствовать на каком-либо торжестве или примем приглашение на обед, тебя не будут тяготить мысли о том, что мужчина, сидящий напротив, тебя трахал. Тебе не придётся сравнивать мужей тех женщин, которые ходят с тобой в один теннисный клуб. Ты будешь знать лишь то, что я решу тебе рассказать.

Когда мои руки потянулись к повязке, голос Стюарта остановил их.

– Не снимайте, миссис Харрингтон. Сегодня я хочу наблюдать, как вы будете следовать моим указаниям.

Из глаз потекли предательские слёзы, но шелковистая ткань впитала их. Я проговорила в темноту:

– Стюарт, я не хочу этого делать. Я не хочу быть частью этого.

Он провёл по моим рукам, и я почувствовала, как стал двигаться вниз бегунок на молнии моего платья.

– Я всё время буду здесь, с тобой. Будет легко, а может, жёстко – выбор за мной. – Я ощущала его тёплое дыхание на своей шее. – Думаю, ты предпочла бы, чтобы было легко, я искренне желаю того же.

Устроив меня у изголовья кровати, он снял мои трусики и раздвинул мне ноги.

– Сегодня будем только мы, вдвоём. Кивни, если слышишь меня.

Я кивнула, впервые испугавшись мужчину, которого называла своим мужем. Что он имел в виду, когда говорил, что будет легко, а может жёстко и что выбор за ним? Что он сделает, если я ему откажу?

Матрас шевельнулся; я интуитивно ощутила, что он ушёл, хотя его голос звучал в наушниках, словно он был по-прежнему рядом со мной.

– Ты чертовски возбуждаешь. То, что ты совсем ничего не видишь, а слышишь лишь то, что тебе позволено, может быть невероятно эротичным. Отдайся этим ощущениям. Расслабься под звук моего голоса.

Я покачала головой.

– Стюарт, прошу тебя.

– Замолчи, – грубо оборвал он. – Когда мы дома, можешь делать и говорить, что тебе захочется. Но здесь, это место, это моя территория – моя фантазия. Ты будешь делать то, что тебе скажут, когда тебе скажут. Если ты не станешь выполнять данные тебе указания, то будешь наказана. У меня есть кляпы, на случай если ты и дальше хочешь продолжать говорить. Ты этого добиваешься?

Я покачала головой.

– Вот и умница. И ещё, как ты помнишь, наш договор содержал пункт о неразглашении. То, что происходит в этом месте, здесь и остаётся. Никому нельзя доверять, даже мисс Мэдисон. Кивни, если поняла меня.

Я кивнула.

– Теперь я хочу, чтобы ты не мешала мне.

Какого чёрта? Я мешала ему?

Стюарт же продолжал:

– Итак, сначала мы будем практиковаться вдвоём. Когда ты научишься подчиняться, мы пригласим друзей.

У меня был охрененный выбор: либо послушаться и быть наказанной, либо подчиниться, и тогда меня будут трахать другие мужчины. Нет, похоже, всё-таки, у меня не было выбора.

– Сегодня всё будет очень просто. Вы знаете порядок, миссис Харрингтон. Поработайте со своей киской и покажите мне, какой влажной вы можете быть.

Мои пальцы послушно скользнули вниз. В том, что я делала, не было совершенно

ничего эротичного. Дома, в нашей спальне, когда я видела, как его голубые глаза жадно следят за каждым моим движением, я готова была сделать всё, что он пожелает. И сейчас, пока мои пальцы подчинялись указаниям, мысли мои были заняты этой новой реальностью. Как я смогу смотреть в глаза его друзьям и деловым партнёрам, зная, что кто-то из них был во мне? В сознании сразу стали всплывать лица и имена. То, как смотрел на меня Паркер Крейвен, когда мы только познакомились. Знал ли он? Будет ли он одним из них? А иначе почему он был так тесно связан с составлением договора? Представители деловых кругов, политики, кто ещё будет участвовать в этом?

Я охнула, когда матрас шевельнулся, и в моё лоно глубоко вонзились пальцы Стюарта.

– Что за чёрт? В тебе сухо, как в грёбаной пустыне. Давай же, дорогая, обычно ты такая мокренькая.

Его большой палец сменил мои.

– Слушай мой голос. Заглуши мысли в своей маленькой прелестной головке. Слушай меня. Мы будем работать над тем, чтобы ты могла здесь расслабиться. Вот так. Думай о моём члене. Я собираюсь сделать тебя мокренькой и позволить тебе кончить, но ты должна будешь сделать то же самое для меня. Протяни свои ручки. Мой член прямо перед тобой.

Я сделала так, как он сказал, коснувшись его тела. Он стоял передо мной на коленях. Его пальцы перестали двигаться во мне, и я почувствовала, как он протянул руки над моей головой. Он держался за изголовье?

– Открой рот, детка. У меня для тебя сюрприз, за то, что ты была хорошей девочкой.

Я много раз делала ему минет, но он никогда не кончал мне в рот, всегда вытаскивая член, изливаясь на мою грудь или живот. Я чувствовала кисловатый вкус его предсемени, когда его член скользнул глубже в мой рот.

– Когда мы здесь, ты - моя шлюха. Помни об этом. – Он двигался между моих губ. – А послушные маленькие шлюшки глотают.

У меня начало покалывать кожу головы, когда он сжал в кулак мои волосы, не давая мне возможности двинуться или отпрянуть.

– Тебе лучше не разочаровывать меня.

В груди заныло. Но не от тяжести его тела, а от его слов. Неужели все это происходит на самом деле?

Глава 14

Настоящее.

Когда в ушах заиграла «Смертельная колыбельная», я обхватила руками кованое изголовье кровати. Знакомая мелодия привносила закономерность в мой потемневший мир, успокаивала меня, пока мой разум искал ответы. Возможно, мне бы стоило поставить под вопрос мою нынешнюю ситуацию, но я этого не делала. Слишком часто я бывала здесь прежде. Все мои мысли были сконцентрированы лишь на той бомбе, которую сбросил на меня Броди. Я не смогла встретиться с ним вчера, после того, как он огорошил меня новостью о завещании Стюарта. Мне удалось съездить в распределительный отдел Общества Харрингтона, как я и планировала, но потом очнулся Стюарт, и меня потребовали домой. Я точно не знала, чем это было вызвано –

высокими дозами лекарств или болью, но, как и говорила мне Вэл, он, казалось, цеплялся за любую возможность держать всё под контролем. Из-за этого я даже попыталась спать в его кровати прошлой ночью, но после того, как медсёстры заявились к нему во второй раз около полуночи, я отказалась от этой затеи. Что-то произошло с его жизненными показателями, мониторы не переставали пищать. Все стояли на ушах. Честно говоря, после того, как они увеличили ему дозу обезболивающих, я сомневалась, понимал ли он вообще, что меня больше нет в его постели.

Этим утром, когда я вошла к нему в комнату, Стюарт выглядел ещё слабее, чем вчера. Вообще-то, он даже ещё не пересел в кресло-каталку, когда я ушла из пентхауса. Тем не менее, он по-прежнему оставался всё таким же требовательным. Когда я сказала ему, что у меня есть дела, он сообщил мне, что у нас уже есть планы. Я должна была отправиться на склад и подготовиться к одиннадцатичасовому визиту. Хотя у меня внутри всё скрутило, я продолжала улыбаться, уступая ему. Его друг назначил встречу рано утром, и мы не хотим разочаровать его. Конечно!

Пока я ждала, когда раздастся голос моего мужа и прибудет его друг, меня не покидала надежда, что я всё-таки смогу встретиться с Броди в «Вайсрое». Всё зависело лишь от этого друга и от того, что мы будем делать в течение этой «встречи». Не позволяя своим мыслям идти в этом направлении, я сконцентрировалась на Броди. Что он скажет мне о завещании?

Несомненно, был уже двенадцатый час, а от Стюарта не было ни слова, в моих наушниках звучала лишь призрачная музыка. Я поборолла желание снять повязку с глаз. Её всегда завязывал Стюарт. Сейчас же, когда я была сама по себе, то тут же начала развлекать себя идеей о том, чтобы ослабить её. Тогда, возможно, мне удалось бы увидеть друга. Но потом мне вспомнился Паркер. Хотела ли я этого? Эти мужчины не возбуждали меня. Так хотелось ли мне знать, кто они были на самом деле?

Кровать задвигалась, возвращая меня в настоящее. Но я по-прежнему слышала одну лишь музыку. Холодная рука легонько провела дорожку от моей руки к ключице. Потом ещё одно прикосновение ко второй руке. И снова кровать задвигалась. Я поняла, что этот человек сейчас расположился верхом в районе моей талии. Мои гипернастороженное сознание ощущало его колени по бокам от меня, тепло его тела сверху. Мой рассудок подсказывал мне открыть рот, но ещё с самого начала этой жестокой игры каждое моё действие было управляемым. От меня никогда не требовалось действовать по наитию в этом месте, на этом складе, никогда. Где же Стюарт?

Тёплое дыхание с ароматом перечной мяты коснулось моей шеи, и тут же мои натянутые нервы расслабились от неожиданного ощущения облегчения. Я узнала этого человека. Хотя мне было неизвестно, кем он был на самом деле, но я узнала исходящий от него аромат перечной мяты. Он был хорошим, хорошим настолько, насколько может быть мужчина, занимающийся сексом с женой другого мужчины. У некоторых были свои предпочтения и фетиши, которыми они наслаждались. И, видимо, Стюарт получал удовольствие больше всех. Но Мятный человек был другим – поклонник ванильного секса. Благоговейные руки ласкали мои груди, потягивая и поддразнивая соски. Мне было интересно кто он. Знала ли я его за пределами этой комнаты? Знала ли я его жену? Поскольку я находилась во тьме, во всех смыслах, но иной раз думала и об их жёнах. Догадывались ли они, что их мужьям нравится заниматься сексом с обездвиженной партнёршей? Не то чтобы мои руки или ноги были связаны, да и Стюарт никогда не прибегал к помощи кляпа, о котором он упомянул в мой первый приезд сюда. Нет, мои путы были невидимыми и ограничивали меня ещё больше. Ими были будущее моей сестры, да, возможно,

клиники Общества Харрингтона. Теперь, когда Мятный человек тёрся своим членом между моих грудей, эти пути ослабевали. Иначе я бы услышала голос Стюарта.

«Смертельная колыбельная» и «Танец смерти» уже давно закончились, но мрачные мелодии продолжали звучать в своём обычном порядке. Мятный человек придвинул свой член к моему рту, играя с моими губами и подбородком, покрывая моё лицо своим солоноватым предсеменем. Когда я не отреагировала, моего рта коснулись пальцы, заставляя меня открыть его.

– Я здесь, детка, – раздался в наушниках голос Стюарта. Я едва узнала его голос, его было плохо слышно сквозь шумы, как если бы мы общались по старинному телефону, а не по технически продвинутой аудиосистеме. – Кивни, если слышишь меня.

Я кивнула, удивлённая тем, насколько легче мне стало, когда я услышала знакомую команду. Насколько я ненавидела всё это, настолько мне было необходимо его присутствие. Теперь каждое звучащее издали предложение напоминало мне о его слабеющем здоровье.

– Откройся для него. Позволь ему трахнуть тебя в рот.

Возобновилась музыка с начала трека, и я повиновалась. Член медленно начал оживать внутри моего рта: он становился всё больше, двигаясь во мне. Волосы Мятного человека царапали мой подбородок и щёки, когда он погрузился в меня до самого основания. Когда его темп стал быстрее, я приготовилась к его оргазму, однако, вместо того, чтобы кончить мне в рот, он вытащил член.

– Перевернись на живот, – раздался приказ сквозь треск. – Позволь ему увидеть твою сексуальную попку.

Я сделала так, как скомандовал Стюарт, отпустив раму и перекатившись на живот.

– Встань на четвереньки. – Через помехи было трудно разобрать его слова. – Мы хотим видеть, как будут покачиваться твои соски, когда он будет трахать тебя. Кивни, если поняла.

Кивая, я встала как было сказано. Мне была ненавистна эта поза. Было сложно удержаться и не упасть вперёд. Пока я боролась с темнотой, чтобы сохранить равновесие, Мятный человек осторожно раздвинул мои колени, засунул палец в мои складочки и размазал мою искусственную влагу вокруг влагалища. И потом, неожиданно, его член, который только что был у меня во рту – теперь уже в презервативе – вонзился в меня. Пальцы Мятного человека впились в мои бёдра, направляя меня в соответствии с его движениями: он входил и выходил, погружаясь всё глубже и глубже, пока его яйца не стали шлёпаться о мою попу. С каждым новым толчком мои тяжёлые груди покачивались из стороны в сторону. Как раз именно так, как запланировал Стюарт. Даже с такого дальнего расстояния, как наш пентхаус, или, надеюсь, с порога ада, он был способен управлять всем этим.

Прошло немного времени, и ритм друга снова увеличился, от его рук и тела исходил жар. Я была сконцентрирована лишь на том, чтобы удержать равновесие, но тут музыку прервала звучащая с помехами просьба Стюарта.

– Давай же, дорогая, кончи для нас.

Я не смогла бы кончить, даже если бы захотела, но я и не хотела. Тем не менее, я научилась делать шоу. Если друг думал, что я кончила, это, зачастую, лишь ускоряло его оргазм. С моих губ сорвались стоны, и я подалась назад, навстречу его толчкам. Притворяясь, что нашла своё освобождение, я падаю лицом в подушки и издаю приглушённый вскрик. Через несколько секунд член Мятного человека запульсировал, и он всем своим телом навалился на меня сверху.

Его лицо было рядом с моим, и я почувствовала, как его щека скользнула по

моей. Затем кровать задвигалась. Я оставалась лежать неподвижно, ожидая указаний. За последние девять лет я научилась не только имитировать оргазмы. Я научилась быть послушной шлюхой Стюарта. Лёжа в ожидании его голоса, я представила себе его ослабевшее тело. Скоро... скоро он умрёт. Скоро я освобожусь от этого. Но тут же мне вспоминается завещание.

Музыка прерывается треском. Но почему нет помех, когда играет музыка? Почему это происходит лишь тогда, когда он говорит?

– Перевернись, моя Тори. Найди изголовье, возмись за него руками и раздвинь ноги. Покажи мне свою удовлетворённую киску.

«Да, сейчас», – подумала я, слыша знакомую команду. Моё тело бездумно повиновалось, я раздвинула ноги и открыла себя для его камеры. Теперь, когда его друг был удовлетворён, мои мысли вернулись к звонку от Броди. Стюарт написал новый черновик завещания. Зачем ему этот черновик? В голове крутилось множество вопросов, из наушников по-прежнему лилась музыка. На четвёртой композиции я позволила мелодии унести прочь мои опасения. Впервые за все эти годы я слушала, действительно слушала. Треки, которые звучали дальше, были не такими знакомыми, как первые два. Наконец, я услышала голос мужа:

– Наш друг уехал, Тори. Возвращайся домой. Не мойся, только оденься. Кивни, если поняла.

Это были те же самые слова, которые он говорил мне в прошлый раз. Тогда я ослушалась его, и мне захотелось сделать это снова.

До его болезни, наблюдая за мной со своими друзьями, он возбуждался. Когда его друзья уходили, он трахал меня или заставлял делать минет. Он говорил, что это его способ заверить меня, что, несмотря на то, что ему нравилось делиться, я была его женой, его шлюхой. Его друзья имели возможность трахать меня время от времени, но он мог поиметь меня, когда ему захочется. По горлу начал подниматься разъедающий коктейль из желчи и отвращения. Я подавила его, крепко зажмурившись под повязкой, и попыталась остановить те воспоминания.

– Ты слышала меня?

Из всех сил стараясь остаться в настоящем, я кивнула.

Усевшись в свою тёплую машину, я продолжала ощущать запах перечной мяты и дыхание похоти, исходившие от моих длинных волос и вызывающих чувство тошноты. Я ненавидела раздражающие запахи, и, тем не менее, не могла вымыть волосы. Иначе Стюарт тут же бы узнал, что я приняла душ. Одно дело, когда Стюарт овладевал мною сразу после друга, прямо там, на складе, но ехать домой с приставшим к моей коже запахом Мятного человека – было выше моих сил. После быстрого похода в душ, я снова нанесла смазку, уверенная, что муж не почувствует разницы.

Я полезла в глубины сумки, чтобы достать телефон. Мои пальцы задели ампулы, обёрнутые в туалетную бумагу. Меня заинтриговали ужасающие сценарии, рассказанные Вэл. У медикаментов был реальный потенциал. Я уже начала уставать от бесконечной лейкемии Стюарта, которая всё никак не могла его убить. Мне казалось, это из-за того, что болезнь захватила такого здорового и достаточно молодого мужчину, как Стюарт. Его тело боролось. Плюсом было лишь его продолжительные страдания. Хотела ли я положить этому конец? Хотела! Но не чтобы спасти его от боли, а чтобы избавиться от него навсегда.

Ещё я понимала, что моя сумка – не самое хорошее место, чтобы прятать те

медикаменты, которые я забрала вчера из центра распределения. Риск, что стеклянные ампулы могли бы разбиться, был очень велик. И мне не хотелось использовать их случайно. Меня не волновало, что кто-либо обнаружит их пропажу. Они были зарегистрированы по прибытии в центр и на выходе оттуда. При тщательной проверке каждой коробки на таможне не обнаружат пропажи ни одной ампулки любого медикамента. Ну, пока коробки не будут открыты, ну, а потом будет уже слишком поздно – они прошли через слишком многих, чтобы определить преступника.

Я провела пальцем по экрану телефона и не удивилась, обнаружив сообщение от Броди:

«ГДЕ ТЫ? Я ЖДУ».

Вместо того, чтобы напечатать ответ, я нажала кнопку вызова.

Он сразу же ответил.

– Где ты? С тобой всё в порядке?

Часто моргая от резкого полуденного солнца, я выехала из гаража навстречу жаре и постаралась говорить спокойно.

– Со мной всё хорошо. Я не приеду. Думала, что смогу, но Стюарт стал очень требовательным. Мне нужно ехать домой.

– Домой? Ты не дома? – спросил Броди. – Где ты?

– В городе.

Молчание.

– Мне нужно было съездить по делам, – добавила я.

– Вик, мне необходимо увидеться с тобой. Если ты уже в городе, закончишь дела отсюда. Я должен разъяснить тебе.

– Броди? Что ты имел в виду под новым черновиком?

– Он ещё не закончен, пока. Мэгги сказала, что Паркер ещё изучает что-то, чтобы закончить его, а потом приедет к вам, за подписью Стюарта. – Его объяснение было быстрым. – Но это не всё. Только я не хочу обсуждать это по телефону.

Я разрывалась между долгом и тем, чего хотело моё сердце. Поворачивая машину в сторону пентхауса, я вздохнула.

– Завтра, я постараюсь завтра.

– Чёрт, Вик. Сегодня! Если не сейчас, то, может быть, у тебя получится вечером? Ублюдох, что, совсем не спит?

Мои губы растянулись в слабой улыбке.

– Посмотрим, удастся ли мне увеличить дозу его обезболивающих.

– Эта комната будет за мной до завтра. Я собираюсь вернуться на работу и разузнать ещё что-нибудь. Меня ни хрена не волнует, когда ты освободишься. Позвони мне, и я встречу тебя там.

– Я сделаю всё, что в моих силах. – Но, прежде чем разъединиться, я спросила, – Кому?

На том конце Броди хранил молчание. Я повторила свой вопрос.

– Кому? Кому Стюарт планирует завещать право на мой договор?

– Вик...

– Броди, чёрт, скажи мне. Я даже не понимаю, как ему пришло в голову, что он может сделать это. В том смысле, если я получу всё – деньги, собственность, а Вэл уже получила образование, не знаю, почему он думает, что я соглашусь выполнять всё, о чём там говорится, для кого-то другого.

– При личной встрече, Вик, я расскажу тебе при личной встрече. Постарайся, чтобы у тебя получилось.

Глава 15

Настоящее.

Как только я вышла из лифта в нашу квартиру, то сразу поняла - что-то было не так. Лиза заламывала руки, и её необычно расширенные покрасневшие глаза метнулись в мою сторону. Остановившись, как вкопанная, я напряглась и спросила:

– Что? Что случилось?

– Мэм, я хотела позвонить вам, но Трэвис сказал, что вы уже на пути домой.

– Скажите мне, это Стюарт? – Моё сердце заколотилось в предвкушении. Я коснулась плеча Лизы. – Скажите мне!

– Доктора здесь. Миссис Харрингтон, думаю, вам лучше пойти в свою спальню и поговорить с ними. – Конечно же, она имела в виду спальню, которую я делила со Стюартом, а не ту, в которой я наслаждалась своим одиночеством.

Кивнув, я крепко сжала свою сумочку и быстро зашагала в сторону главной спальни. Когда я открыла дверь, на меня обратилось несколько пар глаз. Я тут же обратила взгляд на доктора Дуггара - онколога Стюарта. Повернув голову, я узнала и его кардиолога. Наверняка, при обычных обстоятельствах, большинство специалистов не стали бы выезжать на дом. Сейчас Стюарт Харрингтон был не в обычных обстоятельствах.

Я продолжала осматривать комнату, и, проследовав за новыми звуками, увидела своего мужа, изо рта которого тянулась большая трубка, а из какой-то машины раздавалось его дыхание.

Моя рука взметнулась ко рту.

– О, Боже! Что случилось? Сегодня утром с ним всё было в порядке. Я совсем недавно разговаривала с ним.

Одна из медсестёр вышла вперёд и потянулась к моей руке.

– Миссис Харрингтон...

– Нет! – я отдернула руку. – Кто-нибудь, скажите, что произошло.

Ко мне повернулся доктор Дуггар.

– Миссис Харрингтон, в подобных случаях, как сейчас, у нас не всегда есть ответы. Если бы это был лишь рак, то ваш муж мог бы бороться несколько недель, а, может, и дольше. Но сегодня утром что-то произошло. Когда вы разговаривали с ним в последний раз?

Я попыталась вспомнить. Мне нужно было быть на складе в одиннадцать.

– Не уверена, но, кажется, около половины двенадцатого, в одиннадцать сорок?

Я не заметила этого раньше, но в дальнем углу комнаты стоял Трэвис, скрестив руки на своей массивной груди, а его прищуренные глаза наблюдали за мной.

– Мэм, это невозможно, – сказал доктор.

Я напряглась.

– Простите? Что вы имеете в виду?

– Когда вы уехали сегодня утром?

– После завтрака. Стюарт уже проснулся. – Я показала на светловолосую медсестру. – С ним была Мисси. – Я пожала плечами. – Может быть, в девять, плюс-минус.

Мой взгляд потемнел.

– Скажите, почему вы говорите, что в это время я не могла разговаривать с ним?

– Мэм, сердце мистера Харрингтона отказало около девяти сорока семи. Мисси делала искусственное дыхание, а Анжела использовала дефибриллятор.

У меня подогнулись колени, и я двинулась к кровати Стюарта. Доктор Дуггар взял меня за руку.

– Ваш муж не отказывался от реанимирования. Мисси и Анжеле удалось вернуть его к жизни. Однако, он не может самостоятельно дышать. Поэтому ему ввели трубку.

– Но? Что произошло?

– Мы не можем быть уверены без хирургического вмешательства. Химиотерапевтические препараты, которые принимал мистер Харрингтон, негативно влияют на сердечную мышцу. Я лишь рискну предположить, что это произошло из-за сердца.

– И... – Я посмотрела на кровать. Глаза Стюарта теперь были открыты и смотрели на меня. –... он в сознании?

Я шагнула в его сторону.

– Да, – ответил доктор Дуггар. – Мы уверены, что он все понимает. Но он не может говорить. Вот откуда я знаю, что вы не могли разговаривать с ним час назад.

Моя кожа заблестела, вдруг став влажной и холодной. Я... я же слышала голос Стюарта. Он звучал странно, но кто ещё мог тогда говорить? Мои серый взгляд метнулся к Трэвису. Его губы изогнулись в злобной усмешке, а в его по-прежнему прищуренных глазах, я увидела предупреждение. Моё внимание вернулось к доктору Дуггару.

– Какой прогноз? Вы вытащите эту трубку?

Доктор Дуггар покачал головой.

– Его сознание нестабильно. Я не знаю, что ещё мы можем сделать. Ранее мистер Харрингтон покачал головой, сообщая, что не желает больше принимать обезболивающие. Но я думаю, что от них ему будет лучше, до тех пор, пока...

– Я представляю его интересы, – вмешалась я. – Конечно, доктор, мы можем утверждать, что лекарства и недавние события сделали для Стюарта затруднительным, если не невозможным, принятие рациональных решений... – Пока я говорила, Трэвис опустил руки и подался вперёд.

– Доктор, – прервал он, – мистер Харрингтон оставил прямые указания...

Я встала в более уверенную позу и добавила в голос твёрдости, обращаясь ко всем в комнате.

– Доктора, все необходимые документы находятся в карточке моего мужа. Если у вас есть вопросы, можете позвонить Паркеру Крейвену из «Крейвен и Ноулз». Теперь же я не собираюсь тратить последние часы жизни своего мужа на ссоры по поводу того, что скоро уже не будет иметь значения. А сейчас я бы хотела провести немного времени наедине с супругом.

– Конечно, миссис Харрингтон. Мы можем следить за состоянием мистера Харрингтона из соседней комнаты. Так что, если он будет нуждаться в нас, с медицинской точки зрения, мы прийдём.

– Да, доктор... – сказала я, глядя на капельницу Стюарта. На устройстве висели многочисленные мешочки с трубочками, которые переходили в одну трубку, что была присоединена к внутренней стороне его руки. –... а обезболивающие?

– Мы проверим документы, пока вы будете разговаривать с вашим мужем.

Я кивнула, и комната опустела. Когда со Стюартом остались лишь я и Трэвис, я повернулась к открытым голубым глазам мужа и заговорила с Трэвисом:

– Когда мы с мистером Харрингтоном закончим, я жду тебя в моём кабинете. Нам нужно будет кое-что обсудить.

– Я останусь здесь...

Я резко развернулась к нему.

– Нет, ты не останешься. Я буду говорить со Стюартом одна. Когда я закончу, ты

будешь ждать меня в моём кабинете. – Я сделала паузу. Когда Трэвис не ответил, я продолжила, – Надлежащий ответ – это «да, миссис Харрингтон».

Сжав челюсти, Трэвис ответил:

– Да, миссис Харрингтон.

Когда дверь закрылась, я вновь повернулась к Стюарту, подошла к нему и села на краешек его кровати. Наклонившись поближе, я заговорила низким шёпотом:

– Теперь ты осознаёшь это, да? Ты, мать твою, скоро умрёшь. – Его голубые глаза расширились. – Это, Стюарт, не ответ. Я знаю, ты можешь меня слышать. Кивни, если понял.

И снова его глаза стали шире. Я поцокала языком и коснулась его щеки.

– Прежде чем ты умрёшь, я хотела бы сказать тебе кое-что. Ты же знаешь, как сильно тебе нравится наблюдать? Кивни, ублюдок.

Голова Стюарта опустилась вниз настолько, насколько ему позволяла дыхательная трубка.

– Что ж, у меня есть секрет. Мне тоже нравилось наблюдать.

Взгляд его голубых глаз стал вопросительным.

– Видишь ли, доктора были в явном недоумении относительно твоей быстро прогрессирующей лейкемии. Ведь посмотри на себя. О, не теперешнего. Сейчас ты похож на кусок дерьма. И пахнешь тоже как кусок дерьма, но было время, время когда ты был подтянутым и красивым, да и весьма самоуверенным. – Я рассмеялась. – Но даже это слово не описало бы то, что у тебя было. А пока, – я похлопала его по руке, – не позволяй мне отвлекаться. Мне бы не хотелось, чтобы ты сошёл в ад без полного осознания того, кто посадил тебя на этот долбаный экспресс.

Я наклонилась ещё ближе.

– Это я! Теперь, когда ты уже приблизился к воротам в огонь и серу, знай, что ад, через который ты провёл меня в течение всех этих грёбанных девяти лет, не сравнится с вечностью, в течение которой ты будешь страдать за то, что сделал со мной. Наблюдать за тем, как ты гниешь здесь, на земле, доставило мне неслыханное удовольствие.

Я села прямо.

– Да, ты прав. Наблюдение может быть невероятным наслаждением. Я, мать твою, даже возбуждаюсь, думая об этом. В течение полутора лет и даже больше, я могла откинуться и смотреть, как ты отрицаешь это, злишься, тратишь охрененные бабки, чтобы оно ушло, потом сникаешь, а сейчас... когда осталось несколько часов... может, принимаешь свою судьбу.

Я остановилась и поправила подол платья. Снова взглянув ему в глаза, продолжила:

– Понимаю, это слишком много информации для твоих пропитанных химией мозгов, поэтому кивни, если понимаешь меня.

Голова Стюарта повернулась из стороны в сторону.

Я склонила голову набок.

– Что? Я слишком молода? Слишком глупа? Ведь ты не хотел, чтобы я училась в университете. Но я не грёбаная дурочка. Я нашла идеальный источник. Ты знал, что рак вызывает радиация?

Стюарт моргнул.

– Да, есть разные документально подтверждённые случаи возникновения рака из-за радиации. Ведь для того, чтобы получить облучение совсем не обязательна авария на атомной станции. Нет. – Я не смогла сдержать ухмылки, мои щёки порозовели. – Гранулы цезия могут вызвать достаточно радиации, чтобы убить раковые опухоли. Но...

Я понизила голос, когда моё возбуждение от долгожданного признания стало вырываться наружу.

– ...но это лишь в том случае, когда гранулы помещают непосредственно в сами опухоли. А знаешь, что происходит, когда здоровые клетки оказываются под воздействием повышенной радиации? Знаешь?

Стюарт снова моргнул.

– Эти здоровые клетки мутируют. То есть, меняются. Это был риск. Я понятия не имела, как они могут измениться. Но по твоим первым симптомам: головным болям и выпадению волос – я поняла, что достигла определённых результатов.

Глаза Стюарта закрылись.

– О, нет, ублюдок. Тебе ещё рановато умирать. Я хочу, чтобы ты узнал, что хоть это и я подбросила тебе грёбаные гранулы, но добила тебя твоя извращённая тяга к удовольствию. Угадай, где ты подвергался этим высоким дозам радиации.

Он повертел головой из стороны в сторону, по-прежнему с закрытыми глазами.

– Открой свои долбанные глаза. Я хочу видеть, о чём ты думаешь. Ты, мать твою, должен понять, что я собираюсь сказать, а потом подтвердишь, что понял, кивком. Ведь так мы работаем, да, мистер Харрингтон?

Он медленно открыл глаза и кивнул.

– Хороший мальчик. Ответ на мой вопрос – твоё долбанное кресло на складе. Каждый раз, когда ты опускал на него свою задницу и наблюдал, как я губила свою жизнь ради твоих развлечений, на тебя действовало облучение. – Меня передёрнуло. – Почти сразу обнаружили симптомы, но я не могла допустить, чтобы твоё тело боролось. Поэтому продолжала оставлять дозы.

Вернулась моя ухмылка.

– Знаешь, что я представляла под повязкой каждый раз, когда ты приказывал мне раздвинуть ноги? О, ты не можешь ответить из-за этой трубки в горле. Давай я отвечу за тебя. Я представляла это! Представляла выражение твоего лица, когда ты, наконец, узнаешь, что я сделала. А хочешь знать, какова моя награда? Я замечательная жена. Я поддерживала тебя всё это время. Да я, мать твою, святая! Столкнуть твою машину в чёртов океан было бы слишком просто для тебя, к тому же... я не смогла бы наблюдать. Теперь, мистер Харрингтон, кивните, если поняли, что тот день, когда ты, чтоб тебя, купил меня, чтобы сделать своей шлюхой, стал первым днём конца твоей жизни.

Стюарт кивнул.

– У меня есть документы, и, кстати, доза твоих обезболивающих будет расти. Ты никогда не сможешь больше говорить, ни об этом, ни о чём другом. Будем считать это нашим пунктом о неразглашении; однако, вместо того, чтобы расплатиться с тобой, я получу все выгоды. И ещё одно, мистер Харрингтон. Этот твой новый проект завещания. С данного момента я объявляю тебя недееспособным. Ты больше не сможешь ничего подписать. Моё долбанное соглашение подошло к концу, ну а твоё с дьяволом только вступает в силу.

Его монитор запикал быстрее, а я откинулась и смотрела, как замешательство в его глазах сменилось осознанием. Когда я услышала, как позади меня открылась дверь, то наклонилась к нему и прикоснулась губами к его щеке.

– Единственное, что было бы лучше этого – услышать, как ты умоляешь меня, – прошептала я в его ухо. – Потому что я уверена, что великий мистер Харрингтон стал бы молить за свою грёбаную жизнь.

Мои плечи вздрогнули, я положила свою голову на его плечо и заплакала. Меня коснулась тёплая рука.

– Миссис Харрингтон, мы нашли вашу доверенность на право представлять

интересы пациента. Вы хотите, чтобы мы увеличили дозы его медикаментов?

– Д-да, сделайте всё что угодно, чтобы помочь ему, – выдавила я сквозь рыдания.

– Учитывая возможную нагрузку на сердце, это может вызвать...

Я посмотрела на кардиолога Стюарта, который стоял рядом с доктором Дуггаром.

– Если мы не сделаем этого, мы сможем спасти его?

Кардиолог покачал головой.

– Нет, мэм.

– Тогда увеличьте дозу. Обеспечьте его как можно большим спокойствием.

Заговорила Мисси, одна из постоянных медсестёр.

– Миссис Харрингтон, может быть, мне стоит позвать психолога?

– Нет, я не оставлю своего мужа.

Какая чертовски великолепная жена. Но мы со Стюартом оба знали правду - я не была великолепной. Я несла смерть. И я не собиралась позволять Трэвису, Паркеру или кому-либо ещё оказаться рядом со Стюартом без моего присутствия.

Когда в его капельницу добавляли ещё лекарства, я терпеливо сидела и вытирала слёзы. Ледяной взгляд Стюарта был прикован ко мне, пытаюсь сообщить мне миллионы вещей, которые ему уже никогда не суждено было сказать и даже осознать. Я смотрела, но даже не пыталась слушать; вместо этого, внутри я наслаждалась его молчаливым взглядом. Мне довелось услышать от него слишком много слов. С каждой минутой тьма внутри меня росла и покрывала моё холодное мёртвое сердце. Хотя всю мою жизнь меня называли смертью, это было не так. По-настоящему я стала ею тогда, когда глаза Стюарта закрылись в последний раз. И я никогда ещё не чувствовала себя столь охрененно живой. Орган в моей груди стал биться с новой силой. Слёзы на щеках были настоящими. Это были слёзы радости и очищения. Время шло, и каждая солёная капелька, медленно стекающая по моим щекам, смывала за собой по воспоминанию. Потребовался бы грёбанный океан, чтобы стереть их все, но это было началом. Мои дни в качестве чьей-то шлюхи закончились.

Новости распространялись, и комната Стюарта наполнялась людьми. Стюарту не хотелось бы, чтобы они видели его в таком состоянии, поэтому я приветствовала их с распростёртыми объятиями. Первым вошёл Трэвис, за ним Паркер. Тут были доктора и медсёстры, а также Лиза и остальной домашний персонал. Вэл приехала, чтобы поддержать меня. Приехал даже Броди. Он был членом юридической группы Стюарта, и его присутствие не вызывало вопросов.

На самом деле все они пришли, чтобы увидеть мою плодотворную работу. Конечно, никто из них не знал этого. Никто из них не знал и того, что, когда часы пробили полночь, я стала «чёрной вдовой».

Глава 16

Настоящее.

Я почти не спала. Когда коронер, наконец, забрал тело Стюарта, было два часа ночи. Во вскрытии не было необходимости: его болезнь была подтверждена документально. До его отправления в похоронное бюро, где он будет кремирован, необходимо было лишь покончить с некоторыми формальностями. Великий Стюарт Харрингтон не хотел, чтобы его видели в предсмертном состоянии. И уж точно он не хотел бы, чтобы его видели после смерти.

Вэл и Лиза оставались поблизости, помогая мне, когда снова и снова появлялись

вопросы. Я выглядела убитой горем и измученной. Макияж исчез, элегантная одежда измялась. Мешки под глазами лишь способствовали образу переутомлённой вдовы. Паркеру хотелось обсудить юридические вопросы касательно Стюарта, но Лиза сказала ему подождать до утра. Она целеустремлённо выпроводила из квартиры всех, кто там не проживал сразу же, как унесли тело Стюарта. Медицинскому персоналу она объявила, что за своим оборудованием они могут вернуться на следующий день; как бы то ни было, миссис Харрингтон нужен покой. У меня ломило виски от вынужденных слёз, и я была бесконечно благодарна ей за то, что она взяла контроль над ситуацией в свои руки.

Вэл была единственной, кто остался. Меня затопили её поддержка и сострадание. Её доброе и отзывчивое сердце никогда не должно узнать про тьму в моём. Иногда я задавала себе вопрос: как долго мне удастся скрывать это, особенно от неё. Я понимала, что у меня нет выбора. Она могла никогда не узнать, что за страдания пришлось мне вытерпеть из-за её будущего. И я не хотела, чтобы она узнала. Ей было известно то же самое, что и остальным: я вышла замуж за Стюарта Харрингтона, всемирно известного гостиничного магната. Вэл видела то же самое, что и остальные: изысканная и утончённая молодая женщина, дефилирующая рядом с ним. «Разодетая конфетка», как выразительно описала меня моя мать, ставшая якорем спасения для мужчины, которого в таком молодом возрасте поразила жестокая болезнь, проводившая часы, работая на Общество Харрингтона, чтобы получить медицинскую помощь, когда её невозможно было найти. Когда мы были наедине, Вэл видела свою сестру: женщину, которая тосковала по прежним дням в академии и простой жизни. Но ей никогда не узнать ту женщину, что подписала договор на свою жизнь, ту, что была продана за долги, которые даже не были её долгами. Когда Вэл собралась уходить из пентхауса, мы обнялись, и я поклялась себе, что никто никогда не увидит ту женщину. Когда тело Стюарта поместят в печь, и его плоть сойдёт с костей, зловонный дым станет гарантией свободы, я стану свободной.

Только поднявшись наверх, в свою комнату, я начала расслабляться. Всё. С ним покончено. Девять лет ада закончились!

В качестве финального акта очищения я встала под тёплые струи души и смыла с себя смрад его гнивающего тела. И тут же ко мне вернулись воспоминания о Мятном человеке, с которым я была чуть меньше пятнадцати часов назад.

И, вместо того, чтобы заплакать, я рассмеялась. Впервые за многие годы я рассмеялась. Это были не просто смешки, у меня свело мышцы живота от такого эмоционального перепада. Мне больше никогда не придётся снова выдерживать испытание тем, что происходило на складе.

На меня лилась горячая вода, и я наслаждалась очищающим потоком. Я стала миссис Виктория Чёртова Харрингтон. И несколько дней мне придётся изображать из себя скорбящую вдову. Это новая роль, но я справлюсь. Буду пожимать руки, грустно улыбаться, если нужно, выдавлю пару слезинок. Ведь сама игра не нова для меня. Я делала это всю свою жизнь. Только теперь правда, которую я старалась похоронить, которая разъедала меня днём и ночью, сколько я себя помню, стала реальностью. Но она слишком мучительна, чтобы открыть её, слишком горька для моих близких. Я должна была представлять перед ними в том образе, который им бы хотелось видеть, который им нужно было видеть. Им не захочется узнать, кем я на самом деле стала... чем я на самом деле стала. Им не захочется знать, что я убийца. Но теперь, когда я сделала это, у меня не было сомнений – я смогу сделать это снова.

На следующее утро я проснулась с ощущением спокойствия. Когда я зашла в кухню, там меня уже ждали Лиза и Кристина - мой личный помощник.

– Миссис Харрингтон, – начала Лиза. – Как вы знаете, мистер Харрингтон

заранее подготовил всё необходимое для своих похорон и кремации. С вашего позволения, мы бы проконтролировали их организацию и убедились, что всё исполняется в точности с его указаниями.

Я сжала руку Лизы. Мои глаза наполнились слезами, и я ответила:

– Спасибо вам.

Кристина сказала:

– Звонила секретарь мистера Крейвена. Он хотел бы встретиться с вами сегодня утром. И предложил местом встречи свой офис. Я сказала ему, что сейчас не самое лучшее время. Однако, он был весьма настойчив. Что вы бы хотели ответить ему?

Я знала, чего бы хотела. Я бы хотела, чтоб он, мать его, был в моей власти, но пока я – новоиспечённая вдова, мне не следует быть столь решительно настроенной. Поэтому я серьёзно посмотрела на Лизу, женщину, которая всё это время была так добра ко мне, и сказала:

– Не думаю, что мне стоит выходить из дома.

– Конечно же, не стоит. Я надеялась, что именно это вы и скажете. – Она напряглась. – Не могу понять, почему ему необходимо решить всё сейчас. Неужели до него не доходит, что сейчас вы слишком расстроены?

Я кивнула Кристине.

– Думаю, если ему так хочется поговорить со мной, он может приехать сюда. Но я бы предпочла, чтобы он немного подождал. – Повернувшись к Лизе, я спросила, – Где Трэвис? Сначала мне нужно поговорить с ним.

– Он здесь. Я дам ему знать, чтобы он ждал вас в вашем кабинете после того, как вы поедите.

Я склонила голову набок, стараясь не выдать улыбки.

– В кабинете мистера Харрингтона. Мне кажется, что все важные дела в этом доме всегда решались именно в главном кабинете. Передайте Трэвису, чтобы он ждал меня там через тридцать минут.

– Да, мэм, – сказала Лиза, и они с Кристиной обменялись взглядами.

– А после обеда сообщите мне, как идут дела со всеми подготовками.

Мой приказ был встречен дружным "да, мэм", и напоминанием Лизы о том, что меня ждал завтрак.

Меня всегда восхищал вид, открывающийся из окна кабинета Стюарта. Океан и небо заполняли собой огромные окна, озаряя всю комнату. Я вспомнила первый раз, когда увидела этот вид. Тогда я была молодой и наивной, хотя думала, что сильная и опытная. К счастью, несправедливость, с которой я сталкивалась с ранних лет, подготовила меня к будущей жизни и дала мне сил, чтобы выжить. Ох, как же сильно ошибался Стюарт, когда видел во мне только лишь шлюху.

Усмехнувшись, я вспомнила ужас в его глазах, когда он осознал, что я не только достойно противостояла ему, а ещё и победила! Всё, чем он бахвалился передо мной, было теперь моим, всё это было моим, но, самое главное и в первую очередь, я обрела свободу!

Стук в дверь заставил меня развернуться от вида передо мной к открывающейся двери. Трэвис вошёл, не дожидаясь моего приглашения. Наши взгляды встретились в безмолвном поединке. Мы продолжали молчать, пока он закрывал дверь и шёл к моему столу. Я заняла место, которое принадлежало моему мужу и указала ему на другое кресло.

– Садись.

Он медленно сел, расположив в кресле свои длинные ноги и мощное тело. На его лице по-прежнему сохранялось выражение превосходства. Я подалась вперёд, мои длинные распущенные волосы спадали на плечи.

– Расскажи мне, как ты провернул это.

Он небрежно положил руки на краю кресла.

– Что? О чём конкретно вы меня спрашиваете, миссис Харрингтон?

– Ты, мать твою, прекрасно знаешь, о чём я спрашиваю. Как ты заставил меня поверить в то, что вчера в наушниках я слышала голос Стюарта? Я знаю, это был его чёртов голос. Что за херню ты устроил?

– Я расскажу тебе, что я сделал, если ты выслушаешь меня.

– Не смей ставить мне грёбанные ультиматумы! Насколько я знаю, ты больше не работаешь ни на меня, и уж тем более ни на Стюарта. Я хотела видеть тебя только для того, чтобы сказать тебе, чтобы ты убирался нахрен из моего дома!

Трэвис сжал губы и покачал головой.

– Мистер Харрингтон боялся, что именно так ты себя и поведёшь. Поэтому он хотел сделать так, чтобы это было невозможно. И он был так близок к этому. – Трэвис встал. – Я не уйду. Ты не уволишь меня, а если будешь использовать свои грёбанные мозги хотя бы на половину так же, как ты использовала свою киску, то ты захочешь знать больше. – Он сверлил меня взглядом.

– О, да пошло всё на хер!

Он повернулся к двери.

– Мне это до лампочки. Что касается меня, я буду с удовольствием наблюдать, как ты будешь падать со своих грёбанных высот на землю.

– Ты, мать твою, не уйдёшь из этого кабинета, – объявила я, повышая голос. – Я задала тебе вопрос. Как ты заставил меня поверить в то, что там был Стюарт?

Я отказалась от мысли упомянуть о том, наблюдал ли он, как я занималась сексом с Мятным человеком. Я и так сомневалась, что это было в первый раз. Камеры наверняка были там ещё дольше, чем я знала про них. У меня свело желудок.

– Ты использовал запись его голоса. Так?

– Вы только что уволили меня, миссис Харрингтон. Я ничего не обязан вам говорить.

– Где они? Как много этих записей? Это только аудиозаписи или есть ещё и видео?

Его губы искривились в омерзительной ухмылке.

– Только представь, ты сможешь увидеть лица всех этих друзей.

Я ненавидела это долбаное слово. Друзья такого не делают!

– Чего ты хочешь? Это шантаж? Тебе нужны деньги?

Угрожающе возвышаясь надо мной, он насмешливо улыбнулся:

– Нет, мне не нужны деньги. У меня есть деньги. Мистер Харрингтон позаботился об этом.

Грёбаное дежавю обрушилось на меня, словно кувалда. Сразу же вспомнились слова Стюарта, произнесённые им десять лет назад: "У меня есть деньги, которые я могу одолжить. Но дело в том, что мне это не нужно. Тогда я решил, что в обмен на деньги я хочу получить что-то другое, что-то нестандартное".

Я вскочила на ноги.

– Ни за что на свете я не пойду на это снова. Как со Стюартом. Я не буду снова это делать.

Трэвис нахмурил брови.

– Я не хочу жениться на тебе. Хрена с два! Не обольщайся. Но тебе следует быть благоразумной и усвоить, что ты можешь многого не знать и не понимать о своём

покойном муже. Он заключал сделки, многие из них включали тебя. Так что, если ты действительно думаешь, что сможешь отказаться от этих сделок без негативных последствий, то тогда ты точно просто тупая овца.

– Я заключила сделку со своим мужем и больше ни с кем. Я выполнила свои обязательства.

Трэвис пожал плечами.

– Думаю, ты узнаешь больше, когда побеседуешь с мистером Крейвеном. Я думал, что ты хотела бы начать свой с ним разговор проинформированной. – Он склонил голову. – Я ошибся.

Я закрыла глаза, собираясь с силами. Снова усевшись в кресло, я спокойно произнесла:

– Я задала тебе вопрос. Уверена, вчера это был ты. Как твой работодатель, мать твою, спрашиваю тебя, как ты это сделал?

– Ты только что...

– Расскажи и мы поговорим о возможном будущем.

Трэвис вернулся к своему креслу и сел. Вытащив свой телефон, он сделал то, чего я опасалась больше всего: он открыл приложение и показал мне мобильник.

– Я здесь, дорогая. – Голос Стюарта вернулся из могилы, словно насмехаясь надо мной. Трэвис снова нажал на кнопку. – Кивни, если поняла.

Проглотив отвращение, я спросила:

– Только аудиозаписи? Или видео тоже?

– Эта – только аудио. Я записал ключевые фразы. Но какое-то время ушло на поиск фразы, чтобы заставить тебя взять его в рот. Поэтому казалось, что старый добрый муженёк отвлёкся.

И снова у меня свело желудок, и знакомо напряглись мышцы шеи.

– Эта? – спросила я.

Трэвис склонил голову набок и поднял бровь.

– Ты сказал, что эта – только аудио. Предполагаю, есть ещё записи.

Он кивнул.

– Так тебе не нужны деньги? Все хотят денег. Во сколько мне обойдётся избавиться от них? – Я посмотрела на часы; Паркер Крейвен должен был появиться здесь уже минут через пятнадцать. – Сколько мне будет стоить заставить тебя рассказать мне всё, что ты знаешь?

– Я уже сказал тебе, мне не нужны деньги.

Я откинулась в кресле.

– А как вообще я узнаю, что у тебя есть информация, видео, а может, и ещё что-нибудь? Ты мог бы просто показать мне, чем ты располагаешь.

– Мог бы. На этот шанс ты уповаешь? А знала ли ты, какие изменения хотел внести в завещание мистер Харрингтон? Бьюсь об заклад, что нет. А если бы знала, то поняла, что причиной, почему этого не случилось, стала не его смерть. Это произошло из-за того, что Паркер Крейвен всячески препятствовал этому. Он самолично желал получить то, что мистер Харрингтон хотел отдать мне.

– Меня? – Мой голос прозвучал слишком кротко для моих ушей. Я распрямила плечи и заговорила более уверенно. – Я знала об этом. А ещё я знаю, что нельзя, чёрт побери, завещать другого человека. Я не чёртова машина или домашнее животное. Я человек.

Глаза Трэвиса расширились.

– А сучка, оказывается, знает больше, чем мы все думали. – Он поёрзал в своём кресле. – Он не завещал тебя, только твой договор. Если бы ты открыла свои грёбанные глаза, то поняла бы, что он делал это для твоего же блага, чёрт возьми!

Я моргнула, пытаюсь осмыслить его слова.

– Для моего же блага? Чушь! В том договоре нет ничего ради моего блага. Всё было только для него.

– Ты просто, мать твою, сексуальная бабёнка. И я наблюдал за тем, как все, от банкиров до политиков, трахали тебя до потери сознания. – Он понизил голос. – Это правда, я хотел, чтобы подошёл и мой черёд. Я ждал слишком долго. Но сначала слушай, и слушай хорошенько. Мистер Харрингтон был уверен, что будет надёжнее, если твой договор окажется у меня, чем у Патрика Крейвена. Так что имей это в виду, когда он войдёт сюда и будет стараться убедить тебя в обратном. Я знаю всё о сделках Стюарта Харрингтона, причём не только о тех, которые стали законными благодаря «Крейвен энд Ноулз». «Харрингтон Спас энд Сьютс» – это больше, чем кажется на первый взгляд, куда больше. Это целый мир, который слишком хорошо знал твой дражайший отчим. Те люди, о которых говорил тебе мистер Харрингтон, они больше, чем какая-то тёмная сила: они – самое настоящее подполье «Харрингтон Спас энд Сьютс».

Я попыталась осмыслить то, что имел в виду Трэвис.

– Гангстеры? Те, что убили Рэндала.

Он кивнул.

– И да и нет.

Телефон на моём столе зазвонил, разряжая напряжение нашей беседы. Пристально посмотрев на него, я вдохнула и взяла трубку. Это была Кристина.

– Миссис Харрингтон, прибыл мистер Паркер Крейвен.

– Скажи ему, что у меня встреча. Я подойду к нему, как только смогу. – Я повесила трубку.

– Что ты хочешь сказать...? – я спросила Трэвиса. – И да и нет.

– Гангстеры и элитные сутенёры, кроме всего прочего. Рэндал был готов заключить с ним торговую сделку. На тебя. Ты была товаром, пока не вмешался мистер Харрингтон. Он выкупил сделку Рэндала. Спас тебя от них. И им это не очень понравилось. Чтобы успокоить их и не позволить аннулировать соглашение, он согласился делиться тобой.

– Это чушь собачья! Он наслаждался тем, что делился. Это всё было ради него.

– Да, ему это нравилось, – признал Трэвис, – но это было не только ради него. Это было ради тебя.

– Ради меня? С чего это? И почему Рэндал пошёл бы на сделку?

– Они потребовали тебя. Твой отчим не предлагал тебя по собственной инициативе.

Я покачала головой.

– Откуда эти люди вообще узнали обо мне тогда, десять лет назад?

Трэвиса напрягся, он расправил плечи.

– Этого я не могу тебе рассказать.

Я сузила глаза.

– Не можешь или не скажешь?

– Думаю, не скажу.

– Кто они?

– Они могущественные люди и подонки. Люди, которые управляют этим городом, этим штатом, а некоторые из них даже всей грёбаной страной. Этих людей можно встретить в загородных клубах и в закоулках. Некоторых из них ты знаешь, некоторых не видела никогда. Среди них есть те, кто хочет жестоко покарать тебя, и есть те, кому плевать, жива ты или умерла. Кто-то из них трахал тебя, а кто-то и пальцем тебя не тронул, но они превратили твою жизнь в дерьмо. – Он подался

вперёд. – Они – твой самый страшный кошмар. И, хочешь верь, хочешь не верь, сейчас, когда мистера Харрингтона больше нет в живых, ты смотришь на единственного человека, который может спасти тебя от них.

– Паркер? – спросила я с дрожью в голосе.

– Один из них. Точно так же, как вчерашний друг. Мистер Харрингтон не хотел огорчать их. Поэтому я сделал то, что сделал. Если бы ты не слышала голос своего мужа, наверняка, запаниковала бы. Ты не готова узнать, с кем имеешь дело. Патрик Крейвен один из тех, кто погряз в долгах и доведён до отчаяния. Ты – ключ к его спасению. Поэтому он не завершил оформление завещания. Мистер Харрингтон хотел, чтобы твоё соглашение перешло ко мне. Мистер Крейвен же хочет его для себя.

– Что я для тебя?

Трэвис внимательно оглядел меня от груди до глаз.

– Ты сучка. Все эти десять лет ты была словно заноза в заднице. Но ты оказалась намного сильнее, чем я думал. Я хочу сделать то, что мистер Харрингтон не мог или не хотел сделать. Я хочу увидеть, как те мудаки расплачиваются, и думаю, что вместе у нас хватит закалки, чтобы довести это до конца. По-моему, для этих козлов настало время заплатить за всё, что они сделали со мной и с тобой. Ты не согласна?

Мой телефон снова зазвонил.

– Что? – От заявления Трэвиса у меня кружилась голова.

– Мэм, мистер Крейвен...

– Кристина, скажи ему, что я слишком расстроена, чтобы встретиться с ним сегодня. Передай ему, что нам лучше встретиться после похорон Стюарта.

Я посмотрела на самодовольное выражение лица Трэвиса. Повесив трубку, я сказала:

– Я не верю тебе. Нет ни одной причины тебе доверять. – Хотя я знала, что Стюарт безоговорочно доверял ему. – Но я хочу обдумать то, что ты сказал, прежде чем приму какое-либо...

Громкий голос Кристины и открывающаяся дверь заставили меня оборвать фразу на полуслове. У меня расширились глаза, когда я увидела, что мимо моей помощницы в комнату проталкивается Паркер Крейвен, который тут же останавливается на месте, столкнувшись лицом к лицу с Трэвисом.

Хотя «лицом к лицу» – это не совсем точное выражение, ибо Трэвис возвышался над ним на добрые сантиметров пятнадцать.

– Виктория, это не может ждать... – начал Паркер, изо всех сил стараясь не обращать внимания на гору мышц перед ним.

– Миссис Харрингтон, может быть, вы хотите выпроводить мистера Крейвена? – Самоуверенный Трэвис тут же превращается в Трэвиса-телохранителя, того самого, что всегда каким-то образом смущал и пугал меня.

Придя в себя, я встала.

– Паркер, я ценю, что ты нашёл время приехать сюда прошлой ночью и сегодня утром. Но, как ты можешь себе представить, сейчас всё в таком беспорядке.

– Конечно, – его голос источал сочувствие. – Поэтому я здесь. Но кое-какие юридические вопросы нельзя оставлять без внимания. Мне необходимо получить лишь несколько подписей. Нам даже не придётся ничего обсуждать, оставим это на потом. Просто подпиши всё, а я позабочусь об остальном.

Он думал, что я долбаная идиотка? В предостерегающем взгляде Трэвиса появилось какое-то новое выражение. Могла ли я довериться ощущению того, что теперь он меня защищал? Мне всегда казалось, что я была жертвой.

– Я могу увидеть бумаги? – спросила я, игнорируя внезапно сжавшиеся челюсти Трэвиса.

Паркер обогнул Трэвиса, открыл свой портфель и вытащил папку.

– Виктория, ты не делаешь ошибку. Так лучше для твоего будущего и памяти Стюарта. – Он открыл папку и пометил страницу. – Тебе нужно всего лишь поставить свою подпись, – он показал мне на нужное место, – вот здесь.

– Нет, Паркер.

Он озадаченно посмотрел на меня.

– Нет?

– Я же спросила, могу ли я увидеть их. Оставь их у меня. Позволь мне просмотреть их. – Я склонила голову набок, сдерживая улыбку. – Ведь даже Стюарт позволил мне прочитать мой договор, прежде чем я подписала его. Уверена, ты тоже предоставишь мне такую возможность?

– Я бы хотел, – начал он, – однако у нас жёсткие сроки.

– О, десять лет назад тоже были жёсткие сроки. Когда тебе нужен мой ответ?

Он нахмурил брови и провёл рукой по своим мягким тёмным волосам. Свет, лившийся из окон, позволил мне увидеть предательские седые прядки.

– Сейчас, Виктория, он нужен мне сейчас. Это не может ждать.

Я взяла папку и протянула её Трэвису.

– Прости, Паркер. Уверена, что, как скорбящей вдове, мне полагается снисхождение в сроках. Я снова поговорю с тобой после похорон.

Он разинул рот от моей дерзости и оценивающе посмотрел на Трэвиса, несомненно, раздумывая, удастся ли ему вернуть свою папку.

– Послушай, я не понимаю...

– Спасибо, мистер Крейвен. – Кабинет наполнил голос Трэвиса. – Миссис Харрингтон только что дала вам свой ответ. Она поговорит с вами после похорон мистера Харрингтона.

Я сжала губы, уголки которых были чуть приподняты вверх. Мне пришлось собрать все свои силы, чтобы не сказать ему: кивни, если понял, мудака!

Паркер отступил на шаг назад.

– Виктория, я не просто так был главным юристом Стюарта. – Он слегка склонил голову в сторону Трэвиса. – Мой тебе совет: будь осторожна с тем, кому верить. Ты в долгу перед Стюартом и миром, который он создал для тебя, ты должна знать всё. Не позволяй эмоциями взять верх над разумом.

Не хотел ли он тоже сказать, что я тупая овца? Я не доверяла ни одному из этих мужчин.

– До свидания, Паркер. В данный момент я не собираюсь принимать решения ни под влиянием эмоций, ни под влиянием здравого смысла. В данный момент все мои мысли заняты лишь погребением моего умершего мужа. – Я снова села в кресло Стюарта. – Ты хочешь, чтобы Трэвис тебя проводил?

Оба мужчины пристально смотрели друг на друга. Хвала Богу за мраморные полы и роскошные ковры. Их можно будет легко очистить после того, как закончится перепалка этих двух.

С едва заметным кивком, Паркер наконец-то развернулся и сказал:

– Нет, благодарю, я знаю дорогу.

Глава 17

Настоящее.

– Я не могу рисковать, в отеле меня могут заметить, – сказала я в телефонную трубку, за закрытой дверью спальни.

– Вик, ты нужна мне. – В голосе Броди сквозили сострадание и желание. – И я тебе тоже нужен. И не для того, чтобы разобраться во всём этом юридическом дерьме, а для того, чтобы тебя обнять. Чёрт, Вик, ты через такое прошла! Неужели тебе не хочется почувствовать поддержку?

Хотелось ли мне? Меня вообще кто-нибудь когда-нибудь поддерживал?

– Броди, я не знаю, чего я хочу. Но мне точно хочется услышать, что кремация завершена, и мне хочется, чтобы эти похороны уже, мать их, прошли. Мне нужно узнать точно, что содержится в тех бумагах, которые Паркер оставил на подпись.

– Он действительно надеялся, что ты подпишешь их, а вы потом поговорите?

Я кивнула в уединении своей комнаты.

– Должно быть, он считает, что я совершеннейшая дура.

Наверняка, они все так считали.

– Вик, я приеду. Мы сможем вместе просмотреть те документы.

Его уверенность успокаивала, а именно это мне и нужно было; однако, меня бросало из крайности в крайность, словно на аттракционе, и я не была уверена, что это было мудрым решением.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Почему? Я же был у вас прошлой ночью. И с чего кому-то сомневаться в необходимости моего присутствия?

– О, даже не знаю, – ухмыльнулась я, позволяя своему разуму наконец отдохнуть от стрессовой реальности. – Может быть, с того, что стоны и крики, раздающиеся из кабинета Стюарта, вызовут подозрения?

– Стоны и крики? Чёрт! Мне нравится как это звучит. И где мы этим займёмся? В кресле этого ублюдка или на его столе?

Внутри меня всё сжалось, когда я начала обдумывать эти возможности.

– Мне кажется на столе, с грёбаными открытыми жалюзи, на обозрении всего чёртового Майями. И мы, даже, можем застелить стол папками и бумагами Паркера.

Мне нравится мысль о том, чтобы намочить эти страницы так, чтобы нельзя было ничего прочитать. Ведь тогда они не будут иметь юридической силы, да?

– Боже, охренеть! Ты убиваешь меня! Я хочу помочь тебе и обнимать, но из-за тебя я сейчас, блин, кончу. И мне придётся поменять брюки, если ты сейчас же не остановишься.

Кончики моих губ поднялись в долгожданной улыбке.

– Хочешь знать, что ты делаешь со мной? – спросила я.

– Что? Скажи мне.

– Ты заставляешь меня улыбаться. Несмотря на всё это дерьмо и на чёртовы неприятности, которые валятся одна за другой, ты заставляешь меня улыбаться.

– Только это?

– Нет, – неохотно призналась я. – Нет, не только это. Я хочу сделать всё то, о чём мы только что говорили. Я хочу, чтобы ты поимел меня в каждом уголке этой чёртовой квартиры, но сейчас мне нужно понять, что пытаются провернуть Трэвис и Паркер, что пытался сделать Стюарт.

– Что Стюарт ПЫТАЛСЯ сделать? – выразительно повторил Броди.

Я закрыла глаза и стала слушать.

– Что ж, позволь я напомню тебе. Начнём с того, что он был любящим контроль извращённым сукиным сыном, который составил для тебя чёртов договор в пятнадцать страниц, где оговаривались специфические сексуальные акты, которые ты должна была согласиться исполнять. Потом, уже на пороге смерти, он попытался передать этот договор Трэвису Дэниелсу – подонку, мелкому рэкетиру, который работает на него последние пятнадцать лет.

– Но почему? И почему Паркер тоже хочет его получить?

– Почему Стюарт хотел передать его Трэвису? – повторил Броди. – Понятия не имею. Зачем он Паркеру? Что ж, мне не нравится говорить так о своём начальнике, но, чёрт, Вик, это же очевидно. Он знает, что ты ни за что не станешь выполнять то, что прописано в договоре, если этим договором никто не обладает.

– Как я уже говорила, я мирилась со всем этим извращенским дерьмом Стюарта только из-за Вэл. Пусть Маркус и Лайл ещё не учатся в колледже, но деньги принадлежат мне. Я могу оплатить их обучение и продолжать спонсировать Общество Харрингтона. С чего это Паркер решил, что это завещание заставит меня согласиться исполнять условия договора?

– Рискну предположить, что единственный способ узнать это – выслушать его.

У меня скрутило живот.

– Сегодня мне не хочется его слушать. Сегодня я вообще ничего не хочу.

– Вик? – спросил Броди с лёгким оттенком тревоги.

– Да.

– Что сказал Трэвис? Почему он хочет, чтобы ты приняла его сторону?

Я положила голову на подушку и рукой закрыла глаза. Мне и правда стоило закрыть шторы и спрятаться в темноте, подальше от Паркера, Трэвиса, похорон Стюарта, скорбящих друзей, всего...

– Вик? У тебя всё нормально?

– У меня всё отлично, – не без сарказма ответила я. – Трэвис говорил что-то о деловых сделках, которые вот-вот вступят в силу. Он намекал, что если я думаю, что смогу без последствий увильнуть от соглашений, которые заключил Стюарт, то я... – *тупая овца* – ...глупее, чем выгляжу.

– Что ж, детка, по-моему, ты прекрасна. Я считаю, что ты умная и изобретательная. Чёрт, да я знаю, что ты именно такая. Я знаю, что Стюарт тебя недооценивал.

Да, мать вашу, такой я и была. И Стюарт очень меня недооценивал. Это было весьма очевидно, когда он поедал меня взглядом перед тем самым моментом, когда я захлопнула крышку его урны.

Броди же продолжал говорить.

– ...он сделал с тобой. Никогда не думай так о себе. Ты потрясающе в постели, но я не устану говорить, что не мысль о том, чтобы оттрахать тебя так заводит меня. А мысль о том, чтобы просто держать тебя в своих объятиях. Как той ночью... уснуть вместе. Чёрт! Я знаю, что ты не просто красивое тело и тесная киска. Ты – полный набор. А Стюарт был идиотом, который так и не сумел этого понять.

Я покачала головой. Что сказал Трэвис? Что Стюарт сделал это, чтобы спасти меня. Но спасти от кого? О чём Трэвис умолчал?

– Вик? Ты опять не со мной. Алло?

– Да, я здесь. Думаю, за это мне и приходится расплачиваться. Если я отсканирую те бумаги, что оставил мне Паркер, ты сможешь на них взглянуть?

– Конечно, я заеду и заберу их.

Моя рука по-прежнему лежала поверх глаз, я вздохнула и покачала головой.

– Нет, мне нужно встретиться с сотрудниками похоронного бюро. Всеми приготовлениями занимались Кристина и Лиза, но мне необходимо довести дело до конца и согласиться со всем. Давай, я перешлю их тебе по электронной почте.

– Это слишком рискованно, Вик. Давай я заеду.

– Встретимся в похоронном бюро.

– Хорошо. Во сколько?

Я посмотрела на часы.

– В половину четвёртого.

Я знала, что Трэвис поедет за мной, будет следить за каждым моим движением. И я должна была придумать, как передать бумаги Броди так, чтобы Трэвис не увидел. Но сначала мне нужно было их отсканировать. Хвала Господу за новые технологии!

Через два дня, с душевной болью, которая скручивала сильнее, чем резиновые ремни в дешёвых маленьких самолётах с пропеллерами, я стояла перед похоронным бюро и продолжала играть роль идеальной жены. Когда бы там не собирались вручать премию «Оскар», я могла рассчитывать как минимум на номинацию. Каким-то образом, мне было легче встречаться с похотливыми взглядами присутствующих на похоронах мужчин, когда в ухе не раздавался шёпот Стюарта, который наверняка бы спрашивал меня: *«А ты не задумывалась, бывал ли его член в твоей киске? Хотела бы ты этого? Возможно, он никогда не был там, а возможно, он из тех друзей, которые предпочитают использовать свой член в других местах?»* Ипотом, скользнув губами по моей щеке, он бы добавил: *«Улыбайтесь, миссис Харрингтон. Я просто хотел, чтобы вам было о чём подумать»*.

Я отбросила эти мысли и сосредоточилась на настоящем. Невозможно было думать о его жестоких словах и одновременно притворяться опечаленной. К тому же, даже эти воспоминания теперь были окутаны откровениями Трэвиса. Разве он когда-либо меня спасал? Если не брать во внимание случай с Трэвисом. А сейчас Трэвис хотел заставить меня поверить, что те мужчины со склада и другие, которых я не знала, а может, и знала, но никогда лично, пытались выкупить сделки Стюарта. Подозреваемым был каждый, кто пожимал мне руку или сочувственно обнимал. При каждом соприкосновении я делала то, чему научилась – закрывала глаза и делала вдох.

Дело было не в том, что я хотела знать. Я не хотела. Но настолько же сильно, насколько я надеялась, что это всё закончится, я понимала, пока не столкнусь лицом к лицу с правдой, этого не произойдёт. Никогда. Я распрямила плечи, взяв себя в руки, и посмотрела на следующего подошедшего. Было такое ощущение, что очередь не закончится никогда. Люди всё подходили и подходили, вздыхали и приносили свои искренние соболезнования, а я вглядывалась в их глаза, оценивая, насколько они

чистосердечны. Я знала, что жизнь станет лучше без Стюарта Харрингтона, но знали ли они? Или их слова были таким же притворными, как мои? Знали ли они его таким же жестоким манипулирующим подонком, каким имела честь знать его я, будучи его женой в течении десяти лет? Если так, то их скорбные лица были не более чем масками, за которыми пряталась радость. Как у меня. Но, помимо радости, я испытывала и замешательство. Что за бардак он оставил мне?

– Виктория, – произнесла Шейла Кин, возвращая меня в настоящее, вынуждая осознать её присутствие. Её добрые глаза были полны слёз, и она медленно качала головой. – Мы так опечалены твоей потерей. Бедняжка, дорогой Стюарт так долго мучился. Рак ужасен. А ты... ты всегда была рядом с ним.

Шейла была первой из тех, кто искренне принял меня в мир, где вращался Стюарт. Она понимала, какое давление я буду испытывать из-за нашей внезапной свадьбы. Хотя она находилась немного в другой ситуации, но, будучи женой сенатора, ей тоже приходилось быть в центре внимания. Возможно, именно поэтому мы и сошлись во мнениях по поводу Общества Харрингтона. Она была президентом моего исполнительного совета, и, по счастью, мы были полностью согласны в основных вопросах.

Тем не менее, её муж вызывал во мне чувство неприязни. Обычно он был слишком занят, чтобы посещать мероприятия вместе с супругой, если только они не помогали найти спонсоров для его кампании. И вот что я высоко ценила в Шейле: она не придерживалась той точки зрения, что должна поддерживать мужа. У неё была собственная голова на плечах, и она считала, что её время и энергия могут быть потрачены на более важные дела, заслуживающие её внимания.

Распрямившись, я повторила слова, которые говорила сегодня целый день.

– Спасибо, Шейла. – Посмотрев в холодные, оценивающие глаза её мужа, я продолжила, – И вам, сенатор Кин. Я не могла оставить его, не в таком тяжелом состоянии. Мне хотелось быть только рядом с ним.

– Мне жаль, что им пришлось вызвать тебя в распределительный центр, – вставила Шейла. – Я говорила этой идиотке секретарше, что буду дома уже через несколько дней. Разумеется, мы тут же прервали наш отпуск и вернулись домой сразу, как только услышали о Стюарте.

– Очень любезно с вашей стороны. Правда, вы не должны были.

Шейла похлопала по руке мужа.

– Роберт настоял. Он сказал, что Стюарт сделал бы для него то же самое.

Я снова посмотрела на сенатора Кина, на его красные щёки и не особо скорбное выражение лица. Трэвис говорил что-то о политиках; он видел, что меня трахали и

политики. Напрягшись, я наклонилась к Шейле, обняв и поблагодарив её за поддержку. Меня окатило облаком её тяжёлого парфюма.

– Дорогая, – продолжала она, – тебе действительно нужно развеяться, особенно теперь, когда...

Она умолкла.

И как же много было вариантов, чтобы закончить это предложение: *теперь, когда ублюдох сдох... теперь, когда ты будешь свободна... теперь, когда ты до неприличия богата и можешь сказать всему миру, чтобы они засунули свое мнение себе в...*

Её рот двигался, но я потерялась в своём собственном мире. Я пропустила несколько фраз, но их было нетрудно восстановить.

– ...очень занята со всеми этими приготовлениями и юридическими вопросами, но скоро, скоро... – Она сжала мои руки. – ... нам нужно вместе пообедать. Тебе не помешает немного времени в женском кругу.

– Спасибо, Шейла. Я благодарна тебе за предложение. Мы обязательно так и сделаем.

Я перевела взгляд на следующую пару, надеясь, что сенатор Роберт Кин не станет пытаться завязать со мной беседу. Но эта надежда тут же испарилась, когда его руки обняли меня за плечи, и его зловонное тёплое дыхание коснулось моего уха, когда он с притворным соболезнающим видом прошептал:

– Миссис Харрингтон, уход из жизни вашего мужа – невосместимая потеря в нашем мире. Я уверен, что вы примете правильное решение и продолжите жить, как раньше.

Не нужны были ни слова, ни намёки - его ацетоновый запах изо рта вызвал прилив воспоминаний. Неужелияникогданестоялакнему такблизко? Непыталасьузнать, илипростонехотела? Ответ не имел значения. В отдалении зазвучала «Смертельная колыбельная», а я мысленно проигрывала сцены из прошлого.

На секунду закрыв глаза, я слегка отступила из его объятий и выпрямилась во все свои метр семьдесят семь сантиметров. Блестящие красные губы растянулись в натянутой улыбке, в моих стальных серых глазах проскользнуло узнавание, хотя, очевидно, он думал, что я слишком глупа, чтобы прийти к каким-то выводам.

– Спасибо, сенатор. Я ценю вашу озабоченность делами моего мужа и моим будущим. Но я ручаюсь, что моё будущее будет в значительной мере отличаться от моего прошлого.

От моего столь решительного заявления сенатор Роберт Кин даже отступил назад. Уверена, не этого он ожидал. В конце концов, раньше мне не позволялось

говорить. Глаза Шейлы метнулись к мужу, потом переместились на меня. Она уже собралась заговорить, когда я заметила Трэвиса и его знакомый прищуренный взгляд.

– Роберт, – начала Шайла, – здесь не место обговаривать дела. У Виктории и без того забот полон рот. Я уверена, что бы ты там не собирался обсуждать, оно может подождать.

Прежде, чем Роберт смог ответить, я взяла Шейлу за руку.

– Ещё раз спасибо, Шейла. Думаю, Роберт хотел как лучше. Обещаю, со мной всё будет хорошо. – Моргнув, я сконцентрировалась на вновь обретённом отвращении и, отдавшись эмоциям, выдавила слезинку. – Увидимся на следующей неделе на собрании Общества Харрингтона. Может быть, после попьем кофе?

– О, не думала, что ты... так скоро.

– Стюарт бы хотел этого. Он очень гордился моей работой в фонде.

Грустно улыбнувшись, Шейла согласилась:

– Ты права. Оставим тебя для следующих посетителей. Мы очень сожалеем о твоей утрате.

Если бы она только знала. Я не сожалела, но не могла не подумать о том, что, если её муж последует за своими мыслями, ему тоже будет жаль.

– Миссис Харрингтон... – Слова соболезнования не прекращались.

Я механически кивала и кивала, пока передо мной не появились знакомые аквамариновые глаза. Было сложно сдержаться и не протянуть ладонь, чтобы коснуться щеки Броди, когда он уважительно протянул мне руку и начал свою речь о том, как сильно будет не хватать моего мужа. В его словах было даже что-то комическое. Хотя я не улавливала почти ни одного слова, но слушала его, вникая их гармонии, они были словно мелодия для моей тёмной души. В них была энергия, столь необходимая мне, чтобы продолжать играть свою роль.

– Благодарю вас, мистер Филлипс. – Моя рука задержалась в его тёплой ладони чуть дольше обычного. В конце концов, я убрала её, опасаясь бдительных взоров. С похожего приветствия пару дней назад началась наша идеальная тайная встреча, где я передала ему документы Паркера. Я отсканировала бумаги, но не стала распечатывать их; вместо этого, я скопировала их на флэшку. Быстро сунула руку в карман, потом затянувшееся рукопожатие и – магия! – документы у Броди.

– Спасибо вам за вашу поддержку. В этот вечер у нас много посетителей из «Крейвен и Ноулз».

Его глаза удивлённо распахнулись.

– Что ж, миссис Харрингтон, ваш муж много значил для каждого сотрудника нашей фирмы.

Я слегка кивнула, отвечая на его невысказанный вопрос. Ко мне приближались Паркер и Мойра Крейвен. По крайней мере, в присутствии Мойры, Паркер воздержится от упоминаний важных юридических документов.

Броди склонил голову.

– Если вам понадобится помощь кого-то из нас, без колебаний обращайтесь.

– Спасибо, обязательно.

Внутри у меня всё скрутилось от обещания в его широкой улыбке.

Когда ушёл последний посетитель, я уселась на мягкий двухместный диванчик и вытаскила свой телефон. Прежде, чем я успела проверить его, рядом со мной оказались Трэвис и Вэл. Сестра села, прижавшись ко мне, поддерживая, Трэвис нависал рядом.

– Миссис Харрингтон, мне подогнать машину?

Я взглянула на экран.

«ЭТО ВЫШЕ МЕНЯ – ВИДЕТЬ ТЕБЯ, НО НЕ ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИКОСНУТЬСЯ. ПОЗВОНИ МНЕ».

Закрыв сообщение, я встретила глазами с прищуренным взглядом Трэвиса. Видел ли он? Да пошло оно! Я посмотрела на Вэл. Её голова лежала на моём плече, глаза были закрыты.

– Нет, Трэвис. Вечером я останусь у Вэл. Я сыта по горло сегодняшним днём. Так что, езжай один, можешь забрать меня завтра утром.

Я заметила, как изогнулись губы Вэл.

– Миссис Харрингтон, похороны...

Я понизила голос.

– Я прекрасно осведомлена насчет того, что похороны моего мужа состоятся завтра, спасибо. Сегодняшний вечер я хочу провести вместе со своей сестрой. Мне нужно напомнить тебе...? – Я не стала заканчивать предложение.

– Благодарю вас, миссис Харрингтон. Завтра утром я буду ждать вашего звонка.

Мы с Вэл захихикали над сжатыми челюстями Трэвиса.

– Знаешь, – начала Вэл, – если он и дальше будет так продолжать, то у него могут возникнуть серьёзные проблемы с височно-нижнечелюстным суставом. Этому мужчине нужно научиться расслабляться.

– Ты даже представить себе не можешь, насколько.

– Вообще, я даже удивлена, что он всё ещё здесь. У меня всегда было такое чувство, будто ты его не очень жалуешь.

Я пожала плечами.

– Я решила, что хочу сначала разобраться со всем этим. – Я показала в сторону стульев и пустого похоронного бюро.

– Так что, ты едешь со мной? Я рада.

– Тогда поехали.

Подождав, когда мы окажемся в машине, я огорошила её.

– Спасибо, что позволила мне переночевать у тебя. Можно я одолжу твою машину?

Вэл пришлось взглянуть на меня дважды.

– Мою машину? Куда ты хочешь поехать? Я могу тебя отвезти.

Я склонила голову набок, распахнула глаза и протяжно произнесла:

– Пооо-жааа-луйста.

– Ох, чёрт! Это тот горизонтально-спящий друг, да? Сестрёнка, пусть хотя бы пару деньков тело Стюарта остынет.

– Ему не нужны пара деньков. Он стал холодным, как лёд, ещё до того, как умер.

Глава 18

Настоящее.

Пока мы с Вэл ехали к её квартире, я невольно поглаживала то в боковые зеркала, то в зеркало заднего вида. Я нутром чувствовала, что Трэвис будет следить. И вскоре мои подозрения подтвердились. У медицинского центра я заметила его чёрный внедорожник. Мать его! Разве это не мой внедорожник? Нужно было уволить его ещё два дня назад. Почему я не сделала этого? Что ему известно? Мне вспомнилось, как давным-давно я хотела, чтобы Стюарт уволил его, и даже просила об этом, но мой муж отказал. Он сказал, что Трэвис знает слишком много. И что это, на хрен, значило – «слишком много»?

Я отбросила эти мысли и сосредоточилась на том, что говорила мне Вэл. Как обычно, она была в середине своего очередного монолога:

– ...зайдешь, если, конечно, ты не слишком торопишься к своему другу и согласишься провести чуть больше времени со своей сестрой.

Я вздохнула.

– Я бы с радостью зашла, но только если у тебя найдётся бокал вина. То, что весь

вечер мне пришлось выслушивать от всех и каждого, каким замечательным мужчиной был Стюарт, взбудоражило мне нервы.

Голос Вэл прозвучал тихо:

– Честно говоря, здесь нет его вины.

Я тут же резко повернулась к ней.

– Прости, что?

– Я не на стороне Стюарта, не против тебя. Прошу, не воспринимай это так. Я понятия не имею о подробностях твоей жизни. Ты сама решила не делиться ими.

Не без помощи соглашения о неразглашении.

Она добавила:

– Я пытаюсь сказать тебе, что те медикаменты, которые он принимал – они меняют людей. Знаю, тебя сводило с ума то, что он хотел, чтобы ты постоянно была рядом, хотел знать где ты, но Вик, он умирал. Он знал, что умирал. Это не так-то легко принять, особенно в возрасте Стюарта.

Я сдержала смех.

– Помнится мне, ты назвала его старым, когда я сообщила, что мы собираемся пожениться.

– Ну, чёрт, тогда мне было семнадцать. Тебе – восемнадцать. Он был старым! Но для человека с быстроразвивающейся лейкемией он был молод. Обычно это случается с людьми, которым лет семьдесят-восемьдесят.

Я сделала глубокий вдох, снова заметив в боковом зеркале Трэвиса.

– Знаю. И я знаю, что ты думаешь, будто мне нужна психологическая помощь. Возможно, это так; возможно, я воспользуюсь ею. Но сейчас мне просто нужно пережить следующие несколько дерьмовых недель. Я уже сыта по горло.

Я наблюдала за тем, как Вэл вставила карту в замок, и ворота в гараж её многоквартирного дома распахнулись. Я вздохнула, когда джип Трэвиса исчез из вида, стоило нам только проехать дальше, к парковочному месту Вэл.

– Ладно, – ответила она. – Я лишь не хочу, чтобы ты забыла те хорошие восемь с половиной лет из-за того, что с ним было так трудно в конце.

Я покачала головой.

– Спасибо. Обещаю, воспоминания о том, каким он стал в последнее время, не омрачат предыдущие годы нашей жизни.

Как раз наоборот.

Через час, после бокала вина и череды текстовых сообщений, я выехала из квартиры Вэл и направилась к Броди. Спрятав волосы под одной из бейсболок Вэл, я покружила вокруг медицинского центра. Это был продуманный мною ложный манёвр. Если Трэвис увидел, что машина выехала из гаража, то, я надеялась, он подумал, что это моя сестра. Несколько раз взглянув в зеркала и посмотрев на боковых улочках, я с облегчением выдохнула, когда нигде его не увидела.

Двигаясь в сторону маленького уединённого мотеля окружными путями, я осознала, насколько это чертовски нелепо. Стюарт мёртв. Так какого дьявола мне нужно прятаться от того, кто, чёрт его побери, работает на меня?

Чуть раньше, когда я загружала адрес мотеля в телефон, то сразу поняла – это место совсем не похоже на те, где мы обычно встречались. Судя по его фотографиям, он был похож на те мотели, что можно увидеть в криминальных шоу, те, где встречаются с проститутками и где последних часто находят мёртвыми. Я рассмеялась. Возможно, это место будет как раз идеальным. Потому что сегодня

ночью мне хотелось быть шлюхой, но не шлюхой Стюарта. Я хотела делать это по своему собственному желанию. Впервые за всё время, что я себе помнила, мне хотелось секса – чистого траха, очень сильно хотелось. Так сильно, что всё, о чём я могла думать, сидя за рулём автомобиля тёмной ночью, перед похоронами своего мужа, был Броди Филлипс. Я думала о его высокой, подтянутой атлетической фигуре. Я вспоминала, как он стоял у похоронного бюро, весь такой деловой, идеальный. Я представляла себе свежий запах его лосьона после бритья.

Километры оставались позади, в то время, как я погрузилась в мечты, перемешанные с воспоминаниями:

Мы уже больше не беседовали перед остальными скорбящими. Нет. Теперь я представляла ту сцену в совершенно иных деталях. В моей фантазии, вместо того, чтобы кивнуть в ответ на его слова соболезнования, которые он говорил мне, стоя напротив, я начала расстёгивать его накрахмаленную белую рубашку. Чем больше пуговиц было расстёгнуто, тем больше его широкой груди открывалось взору. Не в силах сдержаться, я провела ладонями по его крепким мышцам. Его аквамариновые глаза расширились, твёрдые мускулы перекачивались под моими пальцами. Его взгляд стал страстным, и я вонзилась ногтями в его загорелую кожу. Быстрым движением я перекатила в пальцах его сосок и облизала губы. Он сощурил глаза, когда мои руки устремились вниз и начали играть с пряжкой его кожаного ремня. Люди изумлённо притихли от такого откровенного выражения неуважения, а Броди наклонился ближе. Обняв меня за плечи, он прорычал мне в ухо:

– Какого хрена ты творишь?

Вместо ответа, я уткнулась носом в его шею, услышала, как он сглотнул, и почувствовала его эрекцию. Я двинула бёдрами.

– О, так ты хочешь устроить представление? – спросил он, теперь в его глубоком голосе слышалась хрипотца.

– Да, – промурлыкала я и игриво прикусила его ухо.

Схватив меня за подбородок, он грубо завладел моими губами и целовал до тех пор, пока моё тело не обмякло, и я не застонала одновременно от боли и от удовольствия. Отстранившись, Броди взял меня за плечо, одним быстрым движением развернул на сто восемьдесят градусов и перегнул через стол – тот самый, на котором стояла урна с прахом Стюарта. Мои бёдра ударились о полированное дерево, когда его твёрдый член прижался к моей заднице. Щетина на щеке Броди, словно наждачная бумага, оцарапала мне шею, когда он произнес рядом с моим ухом:

– Если хочешь шоу, я устрою тебе это чёртово шоу. Покажу всем этим козлам, что ты моя. Ничья больше. Только моя.

Прежде чем я смогла ответить, он взялся за подол моего чёрного платья и сдвинул его к моей талии, открывая взглядам чёрные кружевные трусики, уже мокрые от предвкушения.

– Этого ты хочешь? – Он продолжал дразнить меня своим членом.

Говорить было невозможно, особенно после того, как шёпот голосов в похоронном бюро растворился в звуках его учащённого сердцебиения и тёплом дыхании у моего уха. Я смогла лишь кивнуть.

Броди схватил мои волосы и накрутил их на кулак, я не могла пошевелить головой.

– Нет, Вик. Больше никаких кивков. Говори, чёрт тебя дери. Скажи мне, чего ты хочешь.

Моё тело задрожало, и я честно ответила:

– Я хочу тебя. Я хочу, чтобы ты взял меня прямо здесь.

Я ахнула, когда он коснулся внутренней стороны моего бедра, и его колено раздвинуло мои ноги. Потянувшись к моим трусикам, он отодвинул ткань и скользнул пальцами внутрь меня.

Я осознала, что все глаза устремлены на нас, но мне было плевать. Многие из присутствующих видели меня в подобной позе и раньше; кто-то был шокирован, но большинство эта сцена чертовски завела. По комнате прокатился ропот, но Броди сфокусировал на себе всё моё внимание. Свободную руку он переместил вперёд и потёр мой клитор.

– Скажи им, – прорычал он.

Я была словно в тумане. Что им сказать?

– Скажи им, что ты принадлежишь мне.

– Я принадлежу ему, – задыхаясь, проговорила я, но так тихо, что вряд ли меня кто-то смог услышать.

Натянув мои волосы, по-прежнему зажатые в его кулаке, он повторил:

– Скажи громче.

– Я принадлежу ему. Никто не сможет овладеть мною, никогда.

Слова покидали меня с каждым новым ударом моих бёдер о полированный стол, с каждым новым проникновением в меня его массивного твёрдого члена. Я закусил губу, чтобы не закричать, потому что каждый новый толчок был сильнее предыдущего: заявляющий о власти и о правах. Броди навалился на меня, отчего моё тело распласталось на столешнице, и всё оказалось на полу: вазы, цветы и прах Стюарта.

Перед глазами снова появилась дорога, я поёрзала на сидении, несколько раз моргнув, и покачала головой. Чёрт! Интересно, что подумал бы консультант в больнице Вэл об этой маленькой фантазии. Он или она смаковали бы это целый день. Мне не хотелось особо заморачиваться на эту тему, за исключением очевидного. Я хотела секса, и прямо сейчас.

Когда я подъехала к мотелю, мои подозрения оправдались. Обычно мы не встречались в таких местах. Мотель был небольшим, уединённым, двери номеров выходили прямо на улицу. Я посмотрела по сторонам, но ничего не увидела, даже машины Броди. На слабоосвещённой парковке стояло несколько чужих машин. Честно говоря, мне плевать хотелось, что это место никак нельзя было назвать роскошным.

Открыв дверцу автомобиля, я вдохнула прохладный вечерний воздух, прислушалась к гулу машин, двигавшихся по эстакаде федеральной трассы наверху, и сконцентрировалась на своей фантазии. Губы расплылись в улыбке, когда я поняла, что мне хотелось кричать, как те проститутки, что постоянно ошивались в этом мотеле. Никогда больше мне не придётся быть шлюхой Стюарта. Теперь у меня было право выбора, и сегодня вечером я выбрала секс сама.

Я выключила телефон. Никто не помешает моим планам.

Фары автомобиля ещё даже не успели потухнуть, как дверь в восьмой номер приоткрылась, и я, выскользнув из машины, поспешно вошла внутрь. Моё внимание сразу привлек мерцающий свет – то были сотни свечей, горящих в тёмной комнате. Я даже не успела как следует оглядеться, как дверь закрылась, и грудь, о которой я недавно мечтала, прижала меня к стене, вышибая из лёгких воздух. Броди был без рубашки, но, хотя, на мне всё ещё было чёрное платье, мои груди загорелись от тепла, исходившего от его обнажённой кожи.

Я не смогла удержаться от прикосновений и провела своими маленькими ладошками вверх по его крепким рукам. Жар его тела воспламенил кончики моих пальцев. Я коснулась его плеч и наши взгляды встретились. От переливающегося

света в его аквамариновых глазах, моё уже готовое взорваться лоно, сжалось в спазме. Я ахнула, когда Броди схватил мои запястья, и мои руки вдруг оказались пригвождены к стене над головой. Он молча рассматривал моё тело.

Сгорая от желания почувствовать его прикосновения, я попыталась придвинуться к нему.

– Не сейчас, Вик. Я хочу посмотреть на тебя, по-настоящему посмотреть. Ты охренительно красивая, и мне хочется смотреть на ту женщину, которой ты стала сейчас.

Что он имел в виду? Знал ли он, что я стала убийцей?

Освободив мои запястья, Броди сказал:

– Дай мне левую руку.

Я неохотно сделала, как он попросил, и стала свидетельницей того, как он снял мои кольца с безымянного пальца, и бросил их на грязный потёртый ковёр.

– Ну вот. Я хотел сделать это с тех самых пор, как мудака умер. Чёрт, да, даже раньше. А теперь я буду трахать тебя, трахать ту свободную женщину, которой ты стала.

Уголки моих губ приподнялись, когда он расстегнул ремень, затем брюки и позволил им упасть на ковёр, где-то рядом валялись мои кольца. Головка его члена высывалась из-под пояса боксеров. Я начала было снимать свои блестящие чёрные туфли на шпильках, но Броди снова схватил меня за запястья, останавливая.

– Нет, сейчас ты потрясающе выглядишь, да, и сегодня днем тоже. – Он наклонился и глубоко вдохнул. – В похоронном бюро я чувствовал твой запах. Чёрт, ты хочешь меня? Здесь, сейчас, у этой долбанной стены. Я прав?

О Боже!

– Да, – удалось выговорить мне. – Я хочу тебя. Чертовски сильно хочу.

– Что ж, Вик, я не буду грубым. Все будет хорошо. Оставь свои сексуальные туфли. – Его полный страсти взгляд ещё больше разжёл то пламя, что разгорелось из-за моей фантазии. – И у тебя есть две секунды, чтобы снять эти чёртовы трусики, иначе они мои.

Но я не подчинилась, а откинулась на стену, упираясь в неё ладонями рядом с бёдрами.

Он поднял бровь.

– Возможно, мне следует пересмотреть своё решение. Думаю, ты всё-таки хочешь, чтобы я играл жестко.

Я закусил нижнюю губу и вдохнула.

– Развернись, детка, и держись.

Когда я сделала так, как сказал Броди, он взялся за подол моего платья и поднял его вверх. Его руки разорвали мои трусики. Их лоскутки упали к моим лодыжкам. Я вскрикнула от неожиданности, когда его крепкая ладонь ударила по моей голой ягодице. Он сразу потёр место удара, но тут же последовал второй – по другой половинке.

– Вот так, – проворковал Броди. – Сегодня всё будет грубо.

Его прикосновение ко внутренней поверхности моего бедра подтолкнуло меня раздвинуть ноги и приподнять попу, открыв себя для него. Я закрыла глаза, когда один, а затем два пальца скользнули внутрь и задвигались.

– Чёрт, такая мокрая.

Его нос уткнулся в мою шею, когда второй рукой он ущипнул за один сосок, потом за второй, создавая ритм, который подхватили его пальцы. Его тёплое дыхание опалило мою шею, когда, дразня членом мои разбухшие половые губы, он спросил:

– Готова?

Дьявол, более чем!

– Да.

Его пальцы исчезли, и я услышала, как он потянулся за презервативом.

– Я на таблетках, – это было приглашение, потому что я жаждала ощутить его внутри себя, без преград. – Клянусь, я чистая. Я хожу к доктору каждые полгода.

– О, я думал... охренеть! – прорычал он, когда его член скользнул в меня.

Это тесное соприкосновение оказалось безумно приятным, жар его члена наполнил меня, затронув каждое нервное окончание в моём теле. Я бессознательно вскрикнула, прижимаясь к стене, мои локти сгибались с каждым новым толчком. Броди трахал меня так, словно никогда не делал этого прежде – неистово и беспощадно, вонзаясь в меня, заполняя собой мое естество, а звук ударяющихся о мою попку яичек и его тяжелое дыхание эхом раздавались в моих ушах.

Вот он, уступ горы. Я чувствовала, как её пик приближался со скоростью молнии, Броди ускорял свои движения. Когда он снова протянул руку к моему клитору и перекатил его между большим и указательным пальцами, я уже больше не слышала ничего; маленькая комната мотеля наполнилась моими собственными криками.

– Проклятье! Броди, я кончаю!

– Давай, Вик. Кончи для меня, дай мне услышать.

Я закрыла глаза и позволила себе упасть, выкрикивая его имя, когда на моё тело накатывала одна волна за другой. Я всё ждала, когда меня вынесет на твёрдую землю, но её так и не было. Волны продолжали перекачиваться до тех пор, пока мои колени и локти не ослабли, и мы с Броди, два переплетённых тела, не опустились на пол. Единственным движением была пульсация его члена, всё ещё глубоко погружённого в меня.

Потеревшись щетинистой щекой о мою щёку, Броди прошептал:

– Боже, Вик. Это было потрясно.

Я застонала от чувства потери, когда он медленно вышел, высвобождая поток семени, излившийся на мои бёдра.

Да, горящие свечи создали атмосферу, но я, наконец, заметила, в какой дыре мы находимся.

– Броди, по-моему, нам срочно нужно в душ.

Он рассмеялся.

– Да, этот ковёр, должно быть, не чистили с...

Закрыв ему рот поцелуем, я сказала:

– Какая гадость. Даже думать об этом не хочу.

Пожав плечами, он поднялся сам и помог мне.

– Раз мы идём в душ, могу я помочь тебе снять платье?

– Что ж, раз сегодня мне придётся возвращаться домой без белья, то, думаю, всё же лучше не мочить платье.

– Сегодня ты не поедешь домой.

– Не поеду? – спросила я по дороге в ванную.

– Нет, не поедешь. Эта улыбка на твоём лице – самое красивое из всего, что мне приходилось видеть. Так что мы займёмся тем, чтобы она никуда не исчезла.

– Вэл нужно... – начала я.

– Ты же сказала, что Вэл официально в отгуле из-за похорон. Так что мы отвезём тебя к Вэл завтра рано утром.

Раздумывая, я поджала губы.

Включив воду, Броди развернулся ко мне и спросил:

– Что такое? И куда делась улыбка?

– Я просто вспомнила, что сказала Трэвису забрать меня завтра из дома Вэл. Мне нужно заехать к себе перед похоронами. Я не могу появиться снова в этом же платье...

– И без трусиков, – ухмыляясь, добавил Броди.

Мои щёки залились румянцем.

– Да уж, это будет не совсем удобно.

– Почему ты не уволила Трэвиса? Ты же ненавидишь его.

Броди взял меня за руку и помог встать за дешёвую занавеску, под тёплую воду. Я пожала плечами в ответ и спросила:

– Ты знал, что Стюарт хотел передать Трэвису мой договор? До того, как я сказала тебе?

Броди кивнул.

Я продолжила:

– Трэвис сказал, что Стюарт хотел именно этого. И что Паркер – один из тех, кто был против.

Броди взял шампунь.

– Смотри-ка. Тут дают шампунь даже при цене шестьдесят баксов за ночь. О... – Он прочитал этикетку на флаконе, – ...и кондиционер, два в одном.

Я отвернулась, когда он вылил жидкость на мои волосы и начал массировать.

– Броди?

– Да, детка?

– Я хочу, чтобы никто из них не смог его получить.

– Они и так не смогут. Всё кончено. Стюарт спас тебя от этого, умерев.

Спас меня? Почему все говорят об этом?

– Но, судя по тому, что говорил Трэвис, если мой договор не будет принадлежать кому-то, то на него будут претендовать и другие.

Броди развернул меня лицом к себе.

– Вик, никто не может ни на что претендовать. Ты богатая женщина. Никто не сможет заставить тебя делать что-то против твоей воли. Найми самых лучших: лучших телохранителей, лучших бухгалтеров, лучших юристов, кстати, я один из них... – он озорно улыбнулся, – ...и работаю на собственный интерес.

Я улыбнулась в ответ, наклонившись ближе, наши мыльные тела скользили друг по другу.

– А что, если... – начала я.

Палец Броди нежно коснулся моих губ.

– Ш-ш-ш. Сегодня ночью мы будем праздновать твою свободу. Обо всех "что, если" мы побеспокоимся завтра. – Оставив палец на моих губах, он добавил, – Кивни, если согласна.

"Кивни, если поняла". В моём сознании тут же раздались эти слова.

Отвернувшись, я кивнула. Воспользовавшись тем, что мы стояли под душем, я дала волю слезам, которые слишком долго сдерживала. Броди не понял этого до того, как мои плечи не стали дрожать. Тогда, молча, он обнял меня своими сильными руками и нежно поцеловал в волосы.

Глава 19

Настоящее

Я проснулась от звука будильника Броди, волнуясь и нервничая из-за похорон, но одновременно чувствуя себя отдохнувшей, впервые за многие годы.

– Который час? – спросила я сонно.

Нащупав телефон, Броди ответил:

– Половина пятого. Я хотел отвезти тебя обратно к Вэл до того, как все проснутся.

Моё тело болело, но эта боль была самой приятной на свете. Я потянулась и начала садиться, но тут мой взгляд упал на красивого, тёплого мужчину, уткнувшегося в меня носом.

– Куда собралась, Вик?

– Быстро принять душ, – я захихикала, когда он склонился надо мной, его светлые волосы торчали в разные стороны, что было невероятно сексуально.

– А как насчёт того, чтобы сначала я помог тебе подготовиться к сегодняшнему великому дню?

Я выгнула бровь.

– Помог мне подготовиться? Что это ты задумал?

Целуя меня в шею, грудь и живот, Броди медленно двигался вниз по моему телу, его ладони уверенно раздвинули мои ноги.

– Кое-что незначительное, чтобы твой день начался хорошо.

Прежде чем успеть как-то прокомментировать это *кое-что незначительное*, я упала на подушки и застонала – его язык прошёлся вдоль моего лона.

– Чёрт, какая ты приятная на вкус! – простонал он между своими поддразниваниями, раздвигая мои ноги ещё шире, мучая мои и без того разбухшие половые губы и нежную кожу бёдер.

Проклятье! Я же не смогу ходить на долбанных похоронах! Как только мой разум стал покидать меня, Броди провёл большим пальцем по моему клитору, возвращая меня в настоящее. Мои ноги непроизвольно сомкнулись, а внутри всё до боли сжалось.

– Вот так, Вик, – его слова подбадривали меня и подталкивали к оргазму, в то время как мои пальцы пробегали по его волосам, я жаждала его прикосновений.

Его язык завладел моим клитором, поддразнивая резкими движениями, и с моих губ начали срываться бессознательные стоны. Моё лоно охватило пожаром, а тело словно зажило своей жизнью. Бёдра дёрнулись, ноги онемели. Весь мир исчез в тот момент, когда Броди всосал мой клитор, и по моему телу, от макушки до кончиков пальцев, пронеслись электрические разряды. Выкрикивая его имя, я вцепилась пальцами в простыни, чтобы держаться хоть за что-то, за что-нибудь, чтобы этот невероятный взлёт никогда не закончился.

Когда я была уже почти готова упасть, Броди остановился и накрыл моё тело своим.

– Я не могу сдержаться, Вик, я хочу вновь оказаться внутри тебя, без защиты. Я хочу почувствовать, как твоя тесная киска сожмётся вокруг моего члена, когда ты будешь кончать.

И в следующую секунду он уже скользил внутри меня, входя и выходя из моего тела, каждый раз попадая в то идеальное сладостное местечко. И с каждым его толчком моё тело как будто вбирало его ещё глубже. Словно он точно знал, как сделать, чтобы моё тело откликнулось. Свобода в том, что я могла отпустить себя, проводить пальцами по его тёплой коже – всё это поднимало меня выше и выше. Между нами не было ничего – ни повязки на глазах, ни контрацептивов. Только кожа к коже, и я никак не могла насладиться этим.

Когда вершина показалась вновь, я уже жаждала взобраться на этот пик. Но пока он погружался в меня, я получала удовольствие и от самого восхождения. Когда пик был уже совсем близко, Броди просунул руку между нашими телами и ущипнул меня за клитор, в то же самое время склонившись и втянув в рот отвердевший сосок. От этого сочетания я взмыла ввысь. Я была не в силах дышать, с губ срывались какие-то неясные звуки. Я словно взорвалась изнутри, и наши тела излучали волны жара, которые рассеяли возникшее ранее напряжение, насытили меня.

– Охрененно! – прорычал Броди, когда тоже спустился с нашей вершины. Его плечи расслабились, и он потёрся своей, ещё мягкой из-за отросшей за день щетины, щекой о мою щёку, а потом перекатился на бок, рядом со мной. Повернувшись к нему лицом, я тут же утонула в его аквамариновых глазах.

– Вик, – сказал он тихим, нежным голосом, – сегодня, на похоронах, мне бы очень хотелось, чтобы я смог быть рядом, держать тебя за руку, приободрять.

Мы оба понимали, что это невозможно.

– Броди, ты не должен мне...

– Дело не в обязанностях. Я хотел бы быть там. – Его глаза заблестели. – И я буду.

Я широко распахнула ресницы в немом вопросе.

– Я буду там, среди толпы. Можешь рассчитывать на это. Но что ещё более важно, знай, что я внутри тебя. Пока ты будешь слушать о поразительных качествах великого Стюарта Харрингтона, помни, что в тебе моя сперма. Надеюсь, не только сегодня. – Он взял мою руку и поцеловал пальцы. – Я не давя на тебя. Я лишь хочу, чтобы ты знала, что я уже давно хотел быть единственным мужчиной в твоей жизни. А сейчас я хочу этого ещё больше.

Я не знала, что сказать. Поэтому просто поцеловала его мягкую, покрытую лёгкой щетиной, щеку.

– Я буду помнить.

Через двадцать минут после быстрого душа я вышла в холодное тихое утро и скользнула в машину Вэл. Снова мне стало любопытно, где же машина Броди. Может, мне стоило предложить подвезти его. Но я даже не успела как следует подумать об этом, как позади меня затормозил внедорожник с Трэвисом за рулём, заблокировав мне выезд. Втянув воздух, я напряглась от ярости. *Какого хрена!*

Но возмущена была не я одна. Наблюдая, как он вышел из джипа и двинулся в моём направлении, я прямо-таки видела исходящий от него гнев. Я немного развлеклась идеей о том, чтобы сдать назад и врезаться во внедорожник, но, во-первых, тот принадлежал мне, а во-вторых, это бы привело лишь к тому, что машина Вэл сложилась в гармошку. Поэтому я постаралась принять нарочитый вид хамоватой сучки и, не сдерживая негодования, опустила оконное стекло.

– Какого хрена ты тут делаешь? – спросила я.

Зубы Трэвиса были сжаты, на лбу пульсировала вена, и он кивнул мне:

– Миссис Харрингтон, я мог бы спросить вас о том же, однако от вас разит сексом, и в этом нет необходимости.

Не может от меня ничем разить, мать твою. Я приняла душ!

Не обращая внимания на выражение моего лица, он продолжил:

– Полагаю, вы как раз собираетесь вернуть машину вашей сестре? Тогда прежде лучше протрите сидение.

Презрительно глядя на него, я ответила:

– Нужно ли мне напомнить тебе, что ты работаешь на меня?

– Нет, – Трэвис наклонился и вдохнул. Покачав головой, он, понизив голос, сказал, – в этом нет необходимости. Мне следовало бы согласиться с вашим долбаным решением уволить меня, но я не сделал этого. Моя чёртова работа состоит в том, чтобы охранять вас, точно также как я охранял мистера Харрингтона. Так почему бы вам не доставить свою распутную маленькую задницу обратно к доктору Конвей, чтобы потом мы смогли вернуться домой? И там я расскажу вам, как вы чуть было не провалили всю мою работу. Ох... – прибавил он, чуть склонив голову в сторону мотеля, – ... вам повезло, что я нашёл вас.

– Я устала от того, что ты говоришь загадками. Если тебе есть, что сказать мне, говори, мать твою.

Трэвис выпрямился. В свете раннего утра его мускулистое тело, обтянутое чёрной футболкой и чёрными брюками, выглядело жутко. Характерный взгляд его прищуренных глаз, выражающий осуждение, лишь только усиливал этот пугающий вид.

– Не волнуйтесь, миссис Харрингтон, мне не терпится всё вам *сказать*. Кстати, если бы вы не были так заняты тем, что трахались, то проверили бы свой телефон. Позвоните сестре, до того как отдадите ей машину. – Он полез в карман, вытащил оттуда бумажный платок и кинул его мне через открытое окно. – Возьмите. Добрый доктор не захочет сидеть в лужице вашего оргазма.

После этого он развернулся и направился обратно к джипу.

Я смотрела, как он сдаёт назад и ждёт, чтобы я последовала за ним. Он точно был прав в одном: я ни разу не взглянула на телефон. Ведь, вообще-то, я выключила его перед тем, как зайти в мотель. Я так устала от всех и вся. И у меня была одна единственная цель – но от меня не разило!

У знака «Стоп» я посмотрела на только что загоровшийся экран мобильного: четыре текстовых сообщения и два сообщения на голосовой почте. Нажав педаль газа, я включила голосовую почту.

Первое сообщение было от Лизы:

«Миссис Харрингтон, я волнуюсь. Вы должны были быть дома. Всё в порядке? Когда нам ждать вашего возвращения?»

Вот это дерьмово. Я должна была позвонить ей.

Второе сообщение было от Вэл:

«Вик, перезвони мне. Я знаю, где ты, но всё равно, позвони. У меня только что был какой-то странный гость, который спрашивал о тебе. Здесь! В моей квартире! Что происходит?»

Я нажала кнопку звонка и посмотрела на часы. Ещё даже не было половины шестого, но она же доктор. Им не нужно спать. Правда?

– Вик, – в её заспанном голосе звучала тревога. – С тобой всё в порядке?

– Чёрт, Вэл. Со мной? Я отлично. А ты как? Я выключила телефон на всю ночь. Только что включила и услышала твоё сообщение.

На том конце слышались звуки движения, и потом она сказала:

– Это правда было странно. Всё случилось через час-два после твоего ухода. Этот мужчина был у моей двери. – Она остановилась. – Буду честной, я вроде как в панике, потому что он знает, где я живу.

– Боже, Вэл, прости. – Мой взгляд метнулся к зеркалу заднего вида, в котором была видна лишь решётка радиатора большого чёрного внедорожника Трэвиса.

Вэл продолжала.

– Он был настойчивым, но не беспардонным. Сказал, что ему нужно поговорить с тобой. Я ответила, что ты уже спишь.

– Он не поверил тебе?

– Думаю, сначала поверил, но потом, оказалось, ему наплевать. Он был полон решимости заставить меня разбудить тебя. Настаивал, что его дела не могут ждать. Я ответила ему, что я твоя сестра и твой доктор, и тебе нужен отдых. В конце концов, мне пришлось сказать, что я дала тебе снотворное. И я начала злиться – он не собирался уходить.

– Как он выглядел? – спросила я.

– Высокий, тёмные волосы, еле заметная проседь, гладко выбрит.

Что ж, чёрт, это описание подходило пятидесяти процентам знакомых мне мужчин.

– И он всё время называл тебя миссис Харрингтон. Никогда Вик, Викки или Виктория.

– Он назвал себя?

– Нет, – ответила Вэл. – Он сказал, что ты знаешь его. Я была уже готова вызвать охрану, когда появился Трэвис.

– Что? – спросила я с явной тревогой в голосе.

– Странно, я знаю. В том смысле, что обычно он пугает меня, но теперь я понимаю, почему ты держишь его рядом. Я была рада его видеть.

Я снова посмотрела на внедорожник. Он ехал почти сразу за мной, и через его лобовое стекло мне было видно Трэвиса.

– Что сделал Трэвис?

– Что и обычно. Очень по-деловому поговорил. Ну, ты знаешь, в духе «Доктор Конвей, могу я вам чем-то помочь? Я знаю, что у миссис Харрингтон был очень тяжёлый день...» И бла-бла-бла.

– И тот парень ушёл?

– Да. Я пригласила Трэвиса войти. В смысле, я же не могла просто поблагодарить его за то, что он спас меня от пугающего вида мужика, а затем прогнать вон.

У меня застучало в висках.

– Что ты рассказала Трэвису?

– Я начала говорить ему всё то же самое, и о том, что дала тебе снотворное тоже... но он окинул меня странным взглядом...и осмотрел квартиру. Прости, Вик. Я сказала ему правду. Сказала, что ты одолжила мою машину, потому что тебе нужно было побыть наедине.

– Наедине? – повторила я.

– Ну, теперь ты, считай, вдова. Так что, что бы там у тебя не происходило с твоим другом, это законно. Я полагаю. В большинстве штатов, да?

– Продолжай, – подбодрила я сестру.

– Но я не думала, что ему следует знать, что это было не в первый раз. Я просто никак это не прокомментировала.

Я посмотрела на окрестности.

– Вэл, думаю, сегодня, когда всё кончится, мне понадобится что-то, чтобы уснуть. Я уже почти у тебя. Ты не против, если я припаркую твою машину на улице?

– Конечно, сестрёнка. А как ты доберёшься домой? Тебя подвезти?

Я начала тормозить, Трэвис последовал моему примеру.

– Нет, всё хорошо. Здесь Трэвис.

– Ладно, брось ключи в мой почтовый ящик. Эй, может, он всё-таки не так уж и плох?

Я покачала головой.

– Нет, он отвратительный. – Я подумала о том, как он помог мне с Паркером. – Просто иногда это оказывается очень кстати. Ты сможешь приехать до начала

похорон? Мне очень помогло, что ты была со мной вчера. Знаю, весёлого в этом всём мало, но, если ты не возражаешь...

– Конечно, даже не сомневайся. Я буду с тобой.

Я повесила трубку и остановила машину на парковке перед домом, где жила Вэл. Перед тем, как запереть двери, я бессознательно проверила сидение. *Пусть Трэвис отсосёт! Мне не нужен был его чёртов платок.* Звук открывающихся дверей заставил меня вновь обратить внимание на большой чёрный джип. Распрямив плечи, я сунула платок и телефон в сумочку и направилась к дому Вэл. Бросив ключи в её почтовый ящик, я вернулась к ожидающему меня внедорожнику. Глубоко вздохнув, я начала обходить его, чтобы подойти к пассажирскому месту рядом с водителем; каждый шаг отчётливо напоминал об отсутствии на мне трусиков. Вздвигаясь на сидение, я изо всех сил постаралась, чтобы подол моего платья не задрался слишком высоко.

– Твой муж умер всего лишь несколько дней назад, знаешь ли. Могла бы проявить уважение и переодеться, если уж решила отправиться на блядки, особенно если и дальше планируешь делать это в трущобах.

Мне был ненавистен этот его снисходительный тон, что уж говорить о выборе слов. Приосанившись, я объявила:

– В последнюю минуту я решила провести ночь у моей сестры.

Трэвис фальшиво рассмеялся.

– Если я буду разгребаться с твоим дерьмом, думаю, мне стоит разобраться в твоём жаргоне. *Провести ночь у моей сестры – это значит отправиться на блядки?* Я правильно понял, миссис Харрингтон?

Моё тело вжалось в спинку сидения, как только он надавил на газ. Так же быстро внедорожник рванул с места, и я полетела вперёд, когда Трэвис вжал педаль тормоза. Мои руки бессознательно вцепились в переднюю панель.

– Боже праведный, какого хрена ты...

Но прежде чем я успела закончить вопрос, Трэвис припарковал машину, отстегнул свой ремень безопасности и метнулся в мою сторону. У меня не было даже времени отодвинуться, так быстро он дотянулся до моего ремня безопасности, перетянул его через меня и зафиксировал. Качая головой, он отодвинулся назад, защёлкнул свой ремень, и мы снова поехали.

Трэвис пробурчал себе под нос:

– Мать твою, за это дерьмо я должен требовать прибавку к зарплате.

Потом он повысил голос, повернувшись в мою сторону:

– Безопасность. Это моя работа. Тебе не кажется, что ты можешь немного облегчить мне задачу?

Я чувствовала себя двухлеткой, которой сделали выволчку.

– Если бы ты, чёрт тебя побери, не бросился на всех парах в поток машин, я бы сделала это сама.

– В следующий раз я скажу *На старт, внимание, марш!* Так пойдёт?

Я просто смотрела на профиль этого мужчины. Я знала его уже больше десяти лет, но никогда по-настоящему не смотрела на него. Если быть честной, это из-за того, что он пугал меня, даже больше, чем Стюарт. Возможно, потому, что со Стюартом, с самого начала, я ощущала некое подобие власти. Оно было небольшим, то ощущение, но, несмотря на то, что он заставлял меня делать, я чувствовала, что ему не всё равно. С Трэвисом же такого чувства не было. Как только я увидела его в первый раз, когда он забрал меня из академии и привёз в квартиру, у меня сложилось впечатление, что я обуза для него, без меня ему было бы лучше. И потом возникло и то представление о нём, как о жутком хищнике: из-за него моё тело покрывалось мурашками, а желудок стягивало в тугий узел. Чёрт, да лишь день назад он признался, что наблюдал, как меня *до беспамятства трахали* другие мужики. И признался, что ждёт своей очереди. Но мы оба помним, как всё закончилось в первый раз.

Погружённая в свои мысли, я спросила:

– Трэвис? Ты всегда был на складе или смотрел только через камеры?

Он не смотрел в мою сторону, его взгляд был прикован к дороге.

– Я был там.

– Каждый раз?

– Почти. Но меня не было там в последний раз. Просто мистер Харрингтон... я не мог оставить его.

– А этого? Когда Стюарт впервые ... ты был там?

– Да.

Я глубоко вздохнула, думая об этом.

– Для чего? – с искренним любопытством спросила я.

– Это моя работа. У мистера Харрингтона был договор с теми мужчинами: у меня нет. Я был там, чтобы держать всё под контролем. Я находился наверху и наблюдал по кабельной сети. Те мужчины даже не знали, что я там.

– Кабельная сеть – это как камеры? Они делали запись?

– Нет. Мистер Харрингтон не позволил бы такого. Это было частью *соглашения о неразглашении*. Друзья тоже бы этого не одобрили. Как ты понимаешь, у многих из них есть жёны, карьеры. Им бы не хотелось, чтобы их развлечения стали достоянием шестичасовых новостей.

– Но, – снова задала я вопрос, – ты сказал, что у тебя есть видео. И я слышала аудиозапись.

– Я сделал это сам, при помощи телефона. И сохранил всё на флэшки.

Облокотившись на окно, я наблюдала за дорогой, но, несмотря на широко раскрытые глаза, не видела ничего.

– Зачем ты делал записи? Стюарт знал?

– Нет. Я не занимался этим до тех пор, пока мистер Харрингтон не заболел, а сделал я это для подстраховки.

– Шантажа.

– Подстраховки. – Он повысил голос. – Твоей и моей.

– Если нет никаких доказательств, зачем бы мне могла понадобиться подстраховка?

Его тёмные глаза посмотрели на меня, впервые с начала этого разговора.

– Скажи мне, что ты, на хер, слушаешь! И понимаешь, что происходит!

– Я слушаю. Но я ни черта не понимаю! Я не понимаю, с чего это ты внезапно почувствовал себя обязанным защищать меня. Я не знаю, кем были или есть те мужчины. Ты ведь в курсе, что Стюарт позаботился об этом. И я не понимаю, с чего ты внезапно решил, что я в опасности.

И снова эти рывки. В этот раз мы выехали на обочину 95-го шоссе, гравий и булыжники загрохотали о днище внедорожника, когда машина резко остановилась. Моё тело полетело вперёд, но тут же его притянуло назад ремнём.

– В этом нет ничего *внезапного*, – его голос звучал необычно резко. – Либо ты всего лишь тупая овца, либо я переоценил...

Я прервала его, просверлив взглядом серых глаз:

– И это я тупая овца?! Да ты, мать твою, даже не говоришь законченными предложениями! Может, начнёшь с самого начала? Скажешь мне, что это за таинственное подполье «Харрингтон Спас энд Сьютс»? И скажешь, кто узнал или уже знал обо мне до того, как я вышла замуж за Стюарта? – Я сделала глубокий вдох и раздражённо скрестила руки на груди, глядя через лобовое стекло. – У меня есть и другие вопросы, но я бы хотела начать с этих.

Трэвис коснулся моего подбородка. Его тёплое прикосновение обожгло мою кожу. Я тут же напряглась и отпрянула.

– Не смей, мать твою, трогать меня! – рявкнула я чётким и глубоким голосом. – Никогда. Плевать на то, свидетелем чего ты был, на то, что тебе известно – я по-прежнему твой работодатель. Тебе лучше не забывать об этом.

Его ладонь вернулась на место и широко раскрылась. Я приготовилась к удару, который уже получала от него; но, вместо этого, увидела лишь общепринятый жест отступления.

– Вот эта та стерва, что я знаю. – В этом новом тоне его голоса, который мне ещё ни разу не приходилось слышать, пробивалась искренность. – То, о чём ты говорила... о *внезапности* – в этом всё нет ничего внезапного. Моя работа заключалась в том, чтобы защищать тебя, ещё с того самого дня, как я забрал тебя из той пафосной академии. И я уже говорил тебе, на складе я тоже был ради твоей безопасности. Нет ничего внезапного. Всё происходило не просто так. Хотя, ты была в опасности ещё до своего замужества. – Он барабанил пальцами по рулю. – И вела ты себя как долбаная сука. Отслеживать твои передвижения, не рассчитывая на твой телефон, – было настоящей болью в моей заднице. По счастью, в машине доктора Конвей был GPS-трекер. Иначе, кто знает, что могло произойти сегодня утром. – Теперь он сверлил меня взглядом своих тёмных глаз. – Пусть это уложится в твоей красивенькой головке. Во всём этом нет ни хера внезапного!

Я покачала головой.

– Тогда почему я ничего не знала?

– Мистер Харринтон обо всём позаботился. Он постарался сделать так, чтобы при всех его сделках ты оставалась в безопасности, пока он...

– Делился мной? – встряла я.

Трэвис кивнул.

– Это было лишь частью. Много чего можно ещё рассказать, но для одного раза достаточно. – Его бровь выгнулась, губы скривились в усмешке. – Но ты наверняка можешь с этим справиться.

Я ненавидела этого мужика, чёрт его побери!

– Скажи мне, кто? Кто знал обо мне до того, как я вышла замуж за Стюарта? Кто первым упомянул обо мне Рэндалу?

Трэвис посмотрел на меня, на мой ремень безопасности, и мы снова поехали. Когда мы вновь оказались на трассе, он сказал:

– Скажи мне, кто только что трахнул тебя?

– Я спросила первая.

– Да, но мне нужно знать, что ты доверяешь мне.

Я слегка поёрзала на сидении, вспоминая слова Броди: *Я с тобой. Моя сперма внутри тебя.*

– Ты знаешь, с кем я была?

Его тёмные глаза опять смотрели на дорогу, но он подтвердил:

– Да, миссис Харрингтон. Я пойму, солгали вы мне или нет.

Я раздумывала над ответом, пока Трэвис вёл нашу машину сквозь ускоряющийся утренний поток транспорта. Мы приближались к дому, и я, наблюдая за проносившимися мимо пейзажами, поняла, что никогда не сидела на пассажирском сидении этого внедорожника. Я всегда ездила сзади.

Не получив моего ответа, Трэвис кивнул.

– Хорошо. Вы поговорили с доктором Конвей?

– Да. – Моя голова резко повернулась влево. – Кто это был? Кто приходил к ней домой?

Я подумала над его внешностью.

– Это был Паркер?

– Нет.

Тёмные с проседью волосы, высокий... кто?

– Ты собираешься отвечать мне? – спросила я.

Трэвис пожал огромными плечами.

– Я жду ответа на свой вопрос, миссис Харрингтон.

Глава 20

Настоящее

Похороны прошли, как в тумане. Хотя я и предстала в роли горюющей вдовы, но на самом деле слушала и анализировала то, что говорили присутствующие. Осматривая огромную толпу, заполнившую церковь, я спрашивала себя, были ли среди скорбящих и те люди, о которых знал Трэвис, те самые, которые, по его

мнению, угрожали мне. Пришли ли друзья Стюарта лично? Была ли на них маска сочувствия, когда, как в действительности они думали о другом: о том, как продлить мой личный ад?

Во время службы моя мать с Маркусом и Лайлом, сидела прямо позади меня и Вэл. За всё время с момента смерти Стюарта мы не обмолвились и словом, но её слегка покрасневшие глаза и покрытое пятнами лицо сделали из неё идеальную безутешную тещу. И чему мне удивляться? Я была уверена, что она не упустила бы возможности показаться на столь широкомасштабном мероприятии, даже, если бы это означало быть увиденной не в самой лучшей форме.

Мэрилин сочувственно кивнула, когда мы с Вэл заняли свои места. Моё не улыбочное стервозное выражение лица работало точно так же, как и улыбочное. Во время панихиды я размышляла о Броди. Пришёл ли он, как обещал? Когда сегодня утром я ушла из мотеля, он собирался принять душ. Видел ли он меня с Трэвисом из окна номера? Он не давал о себе знать с тех самых пор, как я уехала. Возможно, он не понял, что Трэвис, выражаясь прямо, наехал на меня? Хотя, с другой стороны, можно ли это считать наездом, если он заботился о моих интересах? Возможно ли, что на протяжении всех этих лет он защищал меня? Или Стюарта?

Я не стала тешить себя ложной надеждой. Снова оказавшись в такой же ситуации, имея такие же возможности, я сделала бы всё то же самое. Я бы снова положила те гранулы в его кресло. Переживая, как бы мой договор не перешёл к кому-нибудь другому, я жалела, что у меня нет этих гранул. Опять же, насколько мне было известно, они были просроченными. А это означало, что для терапевтического лечения их использование было неэффективным. Конечно же, я пользовалась ими не в терапевтических целях. Так что, теперь мне оставалось лишь надеяться, что кресло по-прежнему было радиоактивным. И, возможно, если кто-то другой проведёт в нём достаточно времени, то ему не миновать участи Стюарта.

Когда панихида окончилась, Вэл, поддерживая меня за локоть, вывела нас из церкви на осенний воздух, ставший, наконец, прохладным. По счастью, я была настолько погружена в собственные размышления, что не уловила ни слова из хвалебной речи. Вместо того, чтобы сконцентрироваться на великолепных качествах Стюарта Харрингтона, мой разум пытался проредить великое множество возникших вопросов.

Мы с Броди лишь поверхностно рассмотрели бумаги, которые оставил мне на подпись Паркер. Бумаги представляли собой перефразирование оригинального договора, но с тем, что безоговорочная власть над описанными там моими функциями переходила Паркеру Крейвену в качестве оплаты в обмен за отчисления Стюарта. Долги же были едва определены, что делало их выплату почти невозможной.

В общем, составленный им новый договор снова возвращал меня к роли, которую я играла слишком долго, без надежды её избежать. И ни я, ни Броди так и не смогли догадаться, какие выгоды это соглашение сулило лично мне. Глядя в серые, цвета

стали, глаза Вэл, я знала, что выиграла от предыдущего договора. Продав свои тело и душу, я защитила будущее моей сестры, и вместе мы смогли помочь тысячам людей, и это был ещё не предел.

Могла ли Вэл, её работа, клиника оказаться под угрозой?

– Виктория, дорогая, – вздохнула Мэрилин Саунд, прибавив шагу, чтобы нагнать меня. Сначала я посмотрела на Вэл, которая сохраняла невозмутимость. Потом же мой взгляд упал на Трэвиса. Он будто угадал моё настроение, подняв брови и нахмурившись. Словно задал мне немой вопрос, но я поняла его, как если бы он сказал его вслух: Миссис Харрингтон, мне проводить миссис Саунд?

Мои губы чуть изогнулись в улыбке, которую моя мать тут же неправильно истолковала и обняла меня рукой за плечи.

– Моя дорогая, я знаю, каково это – потерять мужа. Я здесь, чтобы поддержать тебя. И я хочу, чтобы ты знала об этом.

Когда мы подошли к лимузину, который должен был отвезти нас на кладбище, я поборола в себе желание сказать ей всё, что я думаю о том, как вовремя она спохватилась со своей моральной поддержкой. Несмотря на то, что мы не собирались хоронить Стюарта, на кладбище были предусмотрены мраморные склепы для урн. Встретившись глазами с Трэвисом, я еле заметно кивнула. Вместо того, чтобы высказать всё, что у меня на душе, я прошептала ей на ухо, избегая быть услышанной множеством людей, снующих поблизости.

– По-моему, тебя ждёт другая машина. Позволь Трэвису помочь тебе её найти.

– Но, дорогая, мне нужно поговорить...

Больше я ничего не услышала, потому что мы с Вэл сели в автомобиль, а Трэвис отвёл мать прочь. Когда дверь закрылась и мы остались одни, я сняла очки, они были ни к чему в прохладном полумраке салона.

– Наверное, она хотела... – начала Вэл.

Но я перебила её:

– Она могла поговорить со мной в течение последних двух недель. Ей нужны деньги, деньги для Маркуса, за второй семестр. Только вот она не знает одного, я уже заплатила за его учёбу. Уверена, она опасается того, что они позвонят ей, чем поставят в затруднительное положение.

Вэл пожала плечами.

– А, может, она всего лишь хотела предложить тебе свою поддержку.

– Может, – равнодушно согласилась я. – Всё бывает в первый раз.

И в тот же момент я увидела через стеклянную перегородку, как дверь со стороны пассажирского сидения открылась, и в лимузин сел Трэвис. Выдохнув, я откинулась на мягком кожаном сидении, закрыла глаза и вздохнула.

– Думаю, мне стоит выписать тебе что-нибудь. Не слишком сильное, но такое, что позволит тебе хорошенько поспать всю ночь.

Вспомнив о Броди, я ответила:

– Прошлой ночью я хорошо выспалась. Мне просто хочется, чтобы всё это побыстрее закончилось.

Она похлопала меня по руке.

– Всё уже почти закончилось.

Я ничего не ответила, меня одолевали сомнения. Почти закончилось, а закончилось ли? Машина тронулась. Мы двигались неспешно, и я почти сразу заскучала по тому, как быстро ездил Трэвис. Мне пришло в голову, что если бы они с водителем поменялись местами, Стюарт бы уже давно надёжно покоился за мраморной стеной.

Должна ли я была чувствовать вину за смерть Стюарта или за его страдания?

Я представила себе его таким, каким видела сотни раз за последние девять лет. Представила его сидящим в том кресле: самодовольное выражение на его лице, когда он, наконец, позволял мне снять повязку и наушники. С самого начала я знала, что когда он приказывал мне снять их, всё моё внимание должно было быть сконцентрировано только на нём.

Прошлое.

Поднявшись с кресла, он подошёл ко мне, и сел на краешек кровати. Его голубые глаза сияли.

– Тори, моя Тори... – ласково шептал он, стирая большим пальцем мою размазанную тушь. – Не нужно слёз. Ты просто чудо! Наш друг был невероятно доволен.

Я никогда не знала, что мне отвечать на такие слова. Хорошо? Ура? Или быть честной? Плевать я хотела, мать твою. Я ненавижу каждую секунду, проведённую здесь. Подходящего ответа просто не было.

Его рука опускается к моему влагалищу: его пальцы ласкают мои припухшие губы, массируют клитор.

– Ты охрененно красивая, когда кончаешь. Видела бы ты, как возбудился наш друг от твоего маленького пре-шоу. У него встал ещё до того, как он коснулся тебя.

Я закрыла глаза. Повязка на глазах была благословением. Этого я видеть не хотела. Не хотела быть частью происходящего.

– Посмотри на меня.

В душе клокотали стыд и отвращение, но я открыла глаза.

– Я уже говорил тебе, чтобы ты не стыдилась реакции своего тела.

Руки Стюарта путешествуют по моему обнажённому телу и останавливаются, чтобы поласкать мои чувствительные соски. Стоило ему только прикоснуться к ним, как я невольно вздрогнула. Его рот тут же накрыл сначала один сосок, потом второй. Его губы и язык нежно ласкали их. И, против моего желания, они затвердели.

Его дыхание учащается.

– О, чёрт! Ты такая отзывчивая. – Его голубые глаза смотрят вопросительно. – Грудь болит?

– Да, – хриплым голосом ответила я. Это было первым моим словом за последние два часа.

– Прости, милая. Наш друг оставил зажимы чуть дольше, чем мы рассчитывали. Он просто очень увлёкся остальными частями твоего тела, например, этой возделенной киской. – Его большие ладони накрыли каждую из грудей. – Позволь, я сделаю так, что им станет лучше. Откинься на кровать. Я сделаю так, что тебе станет лучше.

Мне не хотелось откидываться на кровать. Мне хотелось принять душ и уехать отсюда. Но это не входило в планы Стюарта. Он наслаждался вторым раундом не меньше, чем первым. Его нежный голос и забота не могли сбить меня с толку. Я знала своё место. Пока мы находились внутри склада, я играла навязанную мне роль. Я была его шлюхой. Мне было дозволено ответить это кроткое «да» только лишь потому, что Стюарт задал мне прямой вопрос. Не спроси он ничего, не имели бы значения ни боль, что я испытывала, ни моё душевное смятение – мне не разрешалось говорить. Дома я могла заигрывать или касаться своего мужа сама. Могла проводить пальцами по его широкой груди или плечам. Могла обвить его ногами, пока он загонял в меня свой член. Дома, или во время наших путешествий, я могла вылезти из кровати и пойти в туалет или ванную, чтобы привести себя в порядок. Но не здесь. Здесь я ждала, когда мне прикажут.

Откинувшись назад, как мне было сказано, я оставила руки лежать по бокам, молясь, чтобы они там и остались.

– Моя умница. А теперь, возьми за изголовье кровати.

Я покорно подняла руки, и боль в плечах заглушила боль в сосках.

– Держись крепче, милая. Не закрывай глаза. Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, твоего мужа. Это и отличает нас от твоих встреч с нашими друзьями. У нас, Тори, особенная связь. Твои серые глаза говорят куда больше слов. И я хочу видеть в них каждую твою эмоцию.

Он взял зажимы для сосков и поднял их над моей головой. Мои глаза округлились от испуга. Какого хера? От них точно не станет лучше.

– Не нужно, – с укором произнёс Стюарт. – Никогда не смотри на меня со страхом. Я не собираюсь снова использовать их, не сегодня.

Он пососал каждый сосок.

– Признаюсь, когда я понял, что зажимы всё ещё на тебе, мне захотелось увидеть твои глаза, когда он снял их. Мне захотелось узнать, что ты почувствовала. Мне не хватает этого, когда твои глаза закрыты. Я скучаю по тому, что могу увидеть, о чём ты думаешь.

Если бы он только знал, о чём я думала. Хотя он с нежностью ласкал мою грудь, болезненные ощущения не исчезали. Я сжала зубы, чтобы не заплакать.

– Должно быть, когда кровь приливает обратно, она вдыхает жизнь в твои соски.

Вдыхает жизнь?

Это чудовищно больно! Поэтому размазалась моя тушь. Я могла сдерживать слёзы, вызванные унижением, этому я научилась. Но слёзы, которые вызывала физическая боль, сдерживать порой было невозможно.

Кровать дрогнула, Стюарт поднялся.

– Я очень горжусь тобой, детка. Это был очень важный друг, и он хочет посетить нас снова. Ты даже представить себе не можешь, каким счастливым это меня делает. Ведь мы хотим, чтобы и наши друзья были счастливы, правда?

Хотел ли он получить ответ на свой вопрос? Если да, то я бы ответила: «Ни хрена!» Его дружки могли поискать счастье в каком-нибудь другом месте.

Раздеваясь, Стюарт сказал:

– На мне слишком много одежды по сравнению с моей красавицей-женой. Ты только посмотри! Твоя киска всё ещё не насытилась. Мне нравится наблюдать за тем, как ты кончаешь. И когда сейчас ты снова будешь кончать, то будешь выкрикивать моё грёбаное имя. Ты сделаешь это для меня, Тори? Будешь выкрикивать имя своего мужа?

Я ненавижу тебя, мать твою!

– Да, Стюарт, я буду выкрикивать твоё имя.

Он взял свой член в обе руки и провёл одной из них по всей его длине, вновь оказавшись на кровати и встав на колени рядом с моим лицом.

– О, милая, я буду трахать тебя в твою мокренькую киску до тех самых пор, пока ты не закричишь моё имя. Но я не буду кончать в тебя, не в этот раз. Я кончу на твои восхитительные сиськи. А потом буду смотреть, как ты втираешь мою сперму в свои соски. – Он наклонился ближе, утыкаясь носом в мою шею. – Видишь, детка, я же обещал, что им станет лучше. Ничто не облегчит твою боль так, как порция спермы твоего мужа. Правда?

Он размазал блестящую жидкость с головки его члена по моим губам.

– Оближи свои губы, Тори. Дай мне увидеть твой язычок.

Я сделала, как он сказал. Его солоноватый вкус, присущий только ему одному, помог мне забыть об особом друге. Это было ненавистно мне, но одновременно я хотела большего, чтобы изгнать друга из памяти. И Стюарт помогал мне в этом, помогал забыть.

Я ненавидела его, но нуждалась в нём.

– О, чёрт, – продолжал он, – теперь передо мной стоит дилемма: оттрахать тебя в рот или в твою киску. Слишком много вариантов.

И снова он начал водить членом по моим губам.

– Открой рот пошире, начну с твоих прекрасных аккуратных губ. Ты хорошо поработала с нашим другом. Каждый раз, когда ты сглатывала, я возбуждался всё больше.

Он встал на колени над моим лицом и протянул надо мной руку, чтобы взяться за изголовье кровати. Я открыла рот и выставила вперёд подбородок, чтобы подстроиться под его размеры.

– Чертовски хорошо. – Он стал двигаться, его знакомый запах помог мне расслабиться, и моё тело стало непроизвольно реагировать. Желая, чтобы всё это побыстрее закончилось, я начала сосать сильнее.

– Детка, не жадничай. Ты же не хочешь, чтобы я кончил сейчас. Твоя киска тоже ждёт своей очереди.

– Вик?

Я открыла глаза и повернулась к сестре.

– Что?

– Я говорила с тобой, но ты отключилась.

– Прости. Погрузилась в свои мысли.

Нет, мать вашу, меня ни капельки не огорчала ни смерть Стюарта, ни его страдания. И плевать мне хотелось на то, что сказал Трэвис. Стюарт заслуживал каждой минуты боли и страданий. Когда дверь грёбаного склепа закроется, глубоко внутри я буду ликовать. И если кто-то хотел, чтобы я продолжала заниматься тем, чем занималась, что ж, они не знали настоящую Викторину Харрингтон. Настоящая Виктория Харрингтон не была шлюхой. Оглядев своё чёрное платье, чёрные чулки, чёрные туфли и чёрную сумку, я распрямила плечи и тут же почувствовала вес чёрной шляпы с широкими полями. Нет, я была чёртовой вдовой – чёрной вдовой, и я не собиралась сдаваться без боя.

Уголок моего рта бессознательно поднялся. И тут же я поймала взгляд Трэвиса в зеркале заднего вида.

Знал ли он? Казалось, он знал почти всё. Но известно ли ему, что я убийца?

– Вик? Ау?

Я снова посмотрела на сестру и вздохнула.

– Вэл, я в порядке, правда.

– Нет, ты не в порядке. Ты перенервничала. Я поеду к тебе домой. Мне не нужно в больницу до завтрашнего вечера, так что я останусь. И я собираюсь дать тебе снотворное, такое, что не только поможет тебе уснуть, но и хорошенько выспаться.

Я покачала головой. Вот это лишнее. Я хотела поговорить с Паркером. Мне нужно было выяснить, с чего ему пришло в голову, что я стала бы подписывать те бумаги.

– Мне не нужна нянька, – оскорбилась я и кивнула головой в сторону передней части машины. – Одна у меня уже есть, и не забывай про Лизу и Кристину. По-моему, этого более чем достаточно.

Я взяла руку Вэл и крепко сжала её.

– Я совсем не против твоей компании, но мне хочется лишь одного – вернуться домой, оказаться подальше от всех этих людей.

Машина завернула на кладбище и уже ехала вдоль колумбария.

– Ты останешься в пентхаусе или уедешь в поместье? – спросила сестра.

– Если честно, то я об этом не думала. Но пока я останусь в квартире.

Вэл положила руку на моё колено.

– Я понимаю, тебе тяжело вспоминать о той комнате, где он умер. Пока оставь там всё, как есть, так будет лучше.

Я покачала головой.

– В комнате уже убрались; она провоняла. Мебель вынесли. И одежду. – Глаза Вэл становились шире с каждым моим словом. – Кое-что упаковали в коробки, но, честно говоря, я думаю, что отправлю их на благотворительность.

Машина остановилась.

– Это всё хорошо, но ты не должна была...

В этот раз я похлопала её по коленке.

– Сестрёнка, я люблю тебя. И я знаю, что ты знаешь, что следует делать. Но я сделала то, в чём сама нуждалась. Если потом я пожалею об этом, ты сможешь меня пожурить.

Дверца открылась, и внутрь проник солнечный свет. Взяв свои солнцезащитные очки и сумочку, я стала пробираться к выходу.

– Останься со мной, Вэл. И пожалуйста, сделай так, чтобы мама держалась подальше. Разбираться с ней сейчас – это слишком для меня.

Вэл кивнула, и мы обе встали. Мои глаза, скрытые под чёрными очками и полями шляпы, радостно блестели. Мне не терпелось увидеть, как раз и навсегда закроется склеп.

Мы мужественно встали рядом с ним: я, Вэл и Трэвис. Мама, Маркус и Лайл, как и несколько уважаемых лиц, приглашённых на эту закрытую церемонию, остановились за нашими спинами. Священник произносил напыщенную речь о столь рано оборвавшейся жизни. Я даже услышала несколько слов о том, что наградой преданной жене Стюарта послужит рай. Но он ошибался. Мне не суждено увидеть рай, моей наградой был звук закрывающейся дверцы.

Я сделала это. Стюарта не стало, как и всех доказательств.

Когда мы возвращались к машине, Мэрилин коснулась моей руки и прошептала.

– Виктория, прошу тебя. Мне необходимо с тобой поговорить. Пусть этот громила проводит Вэл к машине, где поедут мальчики. Я хотела бы поговорить с тобой наедине.

– Мама... – начала Вэл.

Я посмотрела на ладонь Мэрилин, сжимавшую мою руку, и медленно подняла взгляд на её глаза. Сквозь стиснуты зубы, я прошептала в ответ:

– Сейчас не время и не место для...

С ещё большей настойчивостью, что она приобрела с тех пор, как умер Рэндал, с тех пор, как она стала по-настоящему зависеть от Стюарта и меня, мать ответила в том же тоне:

– Речь не о деньгах. Я знаю, что обучение Маркуса оплачено.

Я вытаращила глаза. Мы всегда говорили только о деньгах. И что, чёрт побери, я хотела бы ей сказать? Неверно истолковав моё сменившееся выражение лица, она продолжила:

– И спасибо тебе, я имею в виду, за деньги.

Эти слова благодарности предназначались Стюарту, не мне. После нескольких раз, когда он потребовал от неё признательности, мать научилась знать своё место, по крайней мере, с ним. И то, что она только что поблагодарила меня, было, по меньшей мере, комично.

Она побледнела, наклонившись ближе. Когда зазвучали её слова, я заметила приближающегося Трэвиса.

– Ты должна кое-что знать. То, о чём я тебе никогда не рассказывала.

Трэвис начал что-то говорить, но она торопливо продолжила:

– Твой отец, твой биологический отец, он был на похоронах. Я видела его.

Я провалилась в темноту.

Глава 21

Настоящее.

Когда мы остались наедине с Трэвисом в прохладном салоне лимузина, он заговорил:

– Предполагаю, спасение твоей задницы от приземления на тротуар считается допустимым исключением из высказанных тобою ранее требований?

Его тёмные глаза блестели, он наблюдал за каждым моим движением.

Вместо ответа я поджала губы, расправила платье по все ещё дрожащим коленям и посмотрела на него. Пока Вэл и Мэрилин по-прежнему стояли снаружи, Трэвис наклонился ближе, его губы скривились в самодовольной ухмылке.

– Мне кажется, оптимальным ответом было бы: «Да, Трэвис, спасибо, что спас мою задницу. Ты как никогда прав. Это можно посчитать за допустимое исключение».

Я прищурилась.

– По-моему, ты не совсем понимаешь, кто тут главный. А это я, по-прежнему.

– Я прекрасно об этом помню. Если бы главным был я, то переехал бы костлявую задницу твоей матери на этой грёбаной машине. От неё хлопот ещё больше, чем от тебя.

Я не смогла сдержать смех.

– О, Трэвис, да это милейшие слова из всех, что ты мне говорил. Кто же знал, что под личиной мудака скрывается личность?

Вытащив из маленького холодильника бутылку с водой, он протянул её мне и спросил:

– Что произошло?

Неужели я услышала в его голосе лёгкий оттенок беспокойства?

Взяв прохладную воду, я пожала плечами и сделала несколько глотков.

– Скажите, миссис Харрингтон, кто поедет с вами – доктор Конвей или миссис Саунд? Или обе? Или вы поедете одна?

Я села, распрямившись, меня уже не так трясло.

– Я хочу услышать, что собирается рассказать мне мать. Она пожелала поговорить наедине. Попроси Вэл поехать с мальчиками. – Я снова разгладила платье, хотя оно в этом не нуждалось, а потом посмотрела в его тёмные глаза, в которых стоял невысказанный вопрос. – Скажи водителям, чтобы они ехали напрямик к дому моей матери. Мне не хотелось бы, чтобы она или мальчики вернулись со мной в пентхаус. А после того, как мы их высадим, со мной поедет Вэл. Она говорила что-то насчёт того, чтобы остаться на ночь.

Я вздохнула.

– Честно говоря, думаю, мне могут понадобиться те успокоительные, которые она обещала мне дать.

Трэвис вопросительно поднял бровь.

– Пожалуйста, только не говорите мне, что к списку моих обязанностей добавится слежка за тем, чтобы вы не переборщили с наркотой.

Мне все ещё было трудно поверить, что ему так важно знать, что я делала. Я покачала головой.

– Об этом можешь не волноваться. Неужели ты думаешь, что добрый доктор Конвей смогла бы выписать мне что-нибудь нелегальное?

Он пожал плечами.

– Её я бы подозревал меньше всех. – Какого чёрта? – Мне позвать миссис Саунд?

Выдохнув, я кивнула.

– Да, благодарю.

– Всегда рад помочь, миссис Харрингтон, хотя сомневаюсь, что вам от этого так же радостно. – Последнюю фразу он добавил, ухмыляясь.

Затем он открыл дверь и вышел на улицу, в мгновение ока оставив меня одну в таком огромном пространстве. Сквозь открытую дверцу задувал тёплый октябрьский ветерок, а я прислушивалась к доносящимся до меня голосам. Особенно выделялись те, что принадлежали Маркусу и Лайлу. Их дружеские отношения вызвали у меня улыбку. Мальчишки были близки между собой точно так же, как мы с Вэл. Хотя растили их совсем не так, как нас, их сплочённость проливала свет на моё спрятанное во мраке сердце. Судя по всему, когда у тебя мать такая стерва, как Мэрилин, невольно начнёшь искать себе сторонника и друга. Но, возможно, хоть что-то одно в её родительском подходе оказало на нас благотворное влияние – она подарила каждому из нас любимых брата или сестру. Я высунула голову из машины.

– Маркус и Лайл, до свидания! Спасибо, что приехали.

Они улыбнулись, напомнив мне об их отце. У них обоих были его каштановые волосы и зелёные глаза. Чем старше они становились, тем больше в них было от Рэндала и меньше от Мэрилин.

– Не за что благодарить, Викки, – сказал Маркус, подойдя ближе и наклонившись, чтобы обнять меня. – Надеюсь, тебе станет лучше.

Я обняла его в ответ.

– Конечно, станет. Просто мне нужно немного отдохнуть.

Обнимая меня, он прошептал мне на ухо:

– Я знаю, что это была ты. Спасибо.

Я отстранилась, и широко открыв глаза, посмотрела в сторону матери.

Он пожал плечами.

– Мама хочет, чтобы все думали, будто это она платит за всё, но я уже не такой маленький и тупой, как был раньше.

Я взъерошила его волосы, широко улыбаясь.

– Эй, никто и никогда не считал тебя тупым. Тупиц не принимают в Университет Майами.

Когда он выпрямился и улыбнулся, в прежнем мальчишке я увидела мужчину.

– Вэл говорила мне, что тебя тоже туда зачислили. Жаль, что ты не стала учиться. Там реально классно. Пусть ещё прошло немного времени, но, по-моему, мне там понравится.

Да, учиться в Университете Майами действительно когда-то было моим самым заветным желанием. Но была то я или другой человек? Пока Маркус говорил, появилась Мэрилин и обняла его одной рукой.

– Отец гордился бы тобой.

– Маркус, – с грустной улыбкой произнесла я, – держи меня в курсе событий. Твоя старушка-сестра тоже гордится тобой.

– Ничего ты не старушка, – усмехнулся он, кивнул на прощание и ушёл ко второй машине.

– Что ты сказала ему? – спросила Мэрилин, усаживаясь в мой лимузин.

Прежде чем я успела ответить, в салон заглянул Трэвис, покачал головой и закрыл дверь.

– Ничего, мама. Я не сказала ему, что оплатила его учёбу, если тебя это интересовало. Однако, я бы предложила тебе быть откровенной хотя бы с одним или двумя твоими детьми. Это пошло бы тебе на пользу.

Она опустила глаза.

– Куда уж лучше, – сказала она слабым голосом, который был нетипичен для неё.

– Да, куда уж лучше. Не пытайся играть со мной. Я не в настроении. Ведь ты только что огорошила меня супер-новостью на похоронах моего мужа. Мы везём тебя домой. Так что, начинай говорить.

– Домой? Нет, Виктория. Я собираюсь остаться с тобой, позаботиться о тебе, помочь.

Машина тронулась, из меня вырвался нервный смешок.

– Ни хрена подобного! Мне нужны отдых и тишина. Тебе лучше начать рассказывать. Время пошло.

Она сглотнула и уставилась в окно.

– Я понимаю, ты чувствуешь, будто между нами нет близости...

– Замолчи, чёрт возьми! Её нет и никогда не было. Ты не воспитывала меня, не заботилась обо мне. Когда я была девочкой, ты отправила меня в другую семью, пока

сама жила, присосавшись к грёбаной бутылке. Ну, а после того, как ты вылечилась от алкоголизма и вышла замуж за Рэндала, то отослала нас с Вэл в пансионаты.

– Это всё было лишь потому..., – начала она.

– Потому, что тебя огорчало смотреть на меня. Я слишком сильно напоминала тебе об отце и моём близнеце. Чёрт, да я, наверняка, и до сих пор напоминаю. Я слушала это всю свою жизнь. Не хочется ворошить прошлое, но, мать вашу, вы с Рэндалом продали меня!

– Это не совсем правда.

Я резко повернулась к ней, вскинув голову.

– Скажи тогда мне, что именно из всего сказанного мною не совсем правда?

Внезапно её вниманием завладела ниточка, которую срочно было необходимо убрать с платья.

– То была безвыходная ситуация. Ты не знаешь, о чём говоришь. Тебе не приходилось сталкиваться с...

У меня заканчивалось терпение.

– Мэрилин, у тебя есть около пятнадцати минут, пока мы не доехали до твоего дома. Я никогда не прощу тебя за то, что ты сделала со мной. Не надейся. Живи с этим дальше.

– Виктория, посмотри на себя. Ты двадцатидевятилетняя красивая женщина, у которой денег больше, чем можно себе представить. Ну да, ты вышла замуж очень молодой. Но всё могло быть куда хуже. Если бы Стюарт не предложил жениться на тебе, всё было бы куда хуже.

Предложил? Предложил жениться на мне или купить меня?

– Неужели, мама? Хуже для кого? Для меня или для тебя? И, кстати, мне двадцать восемь. Да, жди-жди своей награды в номинации «Мать года». Уверена, ты вот-вот её получишь.

– Виктория, выслушай меня. Ты сказала быть откровенной. Это я и пытаюсь делать. Ты слушаешь?

Было что-то незнакомое в её голосе. Я кивнула.

Она подняла голову и начала говорить.

– Я любила твоего отца – твоего биологического отца, как никого другого. – Она перевела взгляд на окно, её голос зазвучал странно. – Наш роман был таким, о каких пишут в книгах. За неимением лучшего слова – пылким. Он был не похож ни на кого

из всех моих знакомых. Но мы были из разных семей. Ни мои, ни его родители не одобряли наших отношений.

– Мама, ты и без того часто упоминала о Джонатане. Зачем ещё раз сейчас, на похоронах Стюарта?

Она посмотрела на меня, в её серых глазах была рассеянность.

– Нет, Виктория. Я говорю не о Джонатане. О Карлайле.

Что за хрень? Кто такой этот, мать его, Карлайл? Мои глаза расширились от удивления. Её шокирующие новости когда-нибудь закончатся? Я была не в состоянии вымолвить ни слова.

Взгляд Мэрилин вновь скользнул к окну, её словно заворожил вид улиц Майами, пока мы проезжали мимо зданий. Наконец, она продолжила:

– Правда, что я никогда не рассказывала тебе об этом. Частично потому что винила тебя за то, что ты разрушила мой брак, но... – Её холодная, как камень, рука коснулась моей, отчего мое тело покрылось мурашками. – ...Ещё я не рассказывала тебе об этом, потому что хотела защитить тебя.

– От чего? Не понимаю.

– Мы с Карлайлом были молоды и по уши влюблены друг в друга. То была страстная и взрывоопасная любовь. Не уверена, что пожелала бы кому-то тоже так влюбиться. Теперь, по прошествии времени, могу точно сказать – это было нездорово. Тогда же, это была всепоглощающая любовь. Карлайл был из другого мира. Он сокрушил меня. Помимо воли наших семей, мы тайно поженились. Мои родители перестали со мной разговаривать. Но с его родственниками дело обстояло иначе. Он не хотел прекращать с ними отношения. Он хотел доказать им, что может быть частью семьи, их бизнеса и, одновременно, следовать своему сердцу.

Она перевела дыхание.

– Боже, Виктория, это так тяжело.

Она, что, совсем охренела? Хочет, чтобы я пожалела её?

– И ты хочешь сказать, что этот мужчина, Карлайл, о котором я слышу впервые в жизни, был на похоронах моего мужа?

– Прошу, дай мне сказать то, что я должна.

Я махнула рукой, призывая её продолжать.

– В семье Карлайла правили мужчины. Женщина могла подняться в этой иерархии только, если рожала сыновей. И пожилые женщины, типа бабушки Карлайла, пользовались уважением. Я ей не понравилась. Когда мы пришли к ней и

рассказали, что поженились, она заявила, что раз мы не обвенчались в церкви, наш брак не настоящий. Она прокляла наш союз, наших детей. Карлайл был самым старшим сыном. Так что, у него обязательно должен был быть сын, тот, кто впоследствии станет руководить бизнесом. Хотя его бабушка не имела к семейному делу никакого отношения, но она по-прежнему пользовалась почётом. Её проклятием было то, что у нас никогда не будет детей. Поэтому легко представить нашу радость, когда я обнаружила, что беременна. Это было чудом. Когда доктор сказал, что у нас будут близнецы, мы были на седьмом небе от счастья. Карлайл сообщил своим родителям. Но уже тогда, его младший брат был обручён. Если первым сын родился бы у Никколо, бизнес перешёл бы к нему. Она посмотрела в окно.

– Это была безумная, страшная жизнь. Как ты понимаешь, семейный бизнес был незаконным.

Я кивнула, чтобы она продолжала рассказывать.

Лицо матери потемнело.

– Ты знаешь, что произошло дальше. – Она посмотрела на меня знакомым взглядом.

– Карлайл винил меня.

Её глаза сузились.

– Он винил и тебя, как и я. Когда мы узнали, что наш сын умер, Карлайл увидел, так скажем, возможность для себя порвать со мной, с нами. Это был его шанс начать всё заново. Как я уже говорила, в его мире сыновья имели первостепенное значение.

Уже с более заметной печалью, она продолжила:

– Женщины, которые не рожали своим мужьям сыновей, были бесполезными. Он же был ещё молод. Покинув нас, он получил бы возможность исполнить своё предназначение.

– Это абсурд, – вмешалась я. – Женщина не может выбирать пол ребёнка. И только потому, что мой близнец умер... но ты по-прежнему могла рожать сыновей. У тебя есть двое.

– Пожалуйста, позволь, я продолжу.

Я кивнула.

– Хотя я умоляла его, потому что не могла представить без него жизни, он ушёл от нас. К тому же, после проклятья его бабушки, не было никаких гарантий, что я всё-таки смогу подарить ему сына, которого он так хотел. Он ушёл от нас и аннулировал наш с ним брак. Я словно утратила рассудок. К своему стыду признаюсь, я была готова винить тебя уже в двух смертях – твоего брата и своей собственной. Я была на

границ. И только позже я поняла, что именно этого хотела бы его семья – чтобы я умерла, не успев родить тебя. Но, перед тем, как ты родилась, я встретила Джонатана Конвея. Он был достаточно наслышан о семье Карлайла, чтобы понять, что мне нужно срочно уехать. Мы с Джонатаном переехали на север и поженились. Мы оставались там до тех пор, пока не родилась Вэл. Джонатан был хорошим человеком, но, если быть честной по отношению к нему, к себе... я никогда не любила его по-настоящему. Без твоего отца моя жизнь стала пустой. И эту пустоту не мог заполнить никто. Джонатан пытался, однако, чтобы позволить ему это, я вернулась к алкоголю. Чуть меньше года прошло после рождения Вэл, и он ушёл. Он был хорошим человеком, но даже ему было тяжело с пьяной женой и двумя маленькими девочками. Я вернулась во Флориду, чтобы вновь воссоединиться со своей семьёй. Они попробовали убедить меня бросить пить. Она посмотрела на меня, а затем снова отвернулась к окну.

– Я не хотела помощи. Каждый раз, глядя на тебя, я видела Карлайла и думала о том, как всё могло бы быть. После того, как Джонатан развёлся со мной, я опустилась ещё ниже. И это правда. Моя мать и сёстры заботились о тебе, когда я была не в состоянии.

Слишком много информации. Мне стало дурно, когда я попыталась осмыслить её признание.

– Джонатан Конвей был отцом Вэл, но не моим?

Мать опустила глаза.

– Вэлери не знает. Она думает, что вы обе – его дочери.

Потому что именно это нам всё время говорили.

– Прошу, ничего ей не рассказывай, – взмолилась она. – Джонатан предложил мне сказать моей семье, что он – отец вас обеих.

Мэрилин снова опустила взгляд.

– Он правда старался. Я винила тебя и в том, что наш брак не сложился. То есть, я пила, потому что, чем старше ты становилась, тем больше походила на своего отца. И я продолжала желать, чтобы на месте умершего ребёнка была ты. Чтобы твой брат остался в живых.

Охренеть, мать твою! Прости, что разочаровала. Видимо, не осознавая, какую боль мне причинили её слова, Мэрилин продолжила:

– К тому же, мы уже всем солгали о тебе. Бессмысленно это отрицать. Мы говорили всем, что ты умерла – родилась на два месяца раньше срока и не выжила. Мы с Джонатаном зачали тебя в нашу брачную ночь.

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

– Виктория, тебе двадцать девять. Твой день рождения не в мае. Он девятого октября, на год раньше. Так что тебе уже исполнилось двадцать девять.

– Зачем? Зачем тебе понадобилось это делать?

– Это была идея Джонатана. Карлайл был уверен в том, что из-за тебя чуть не потерял своё место в семейном деле. Так что, эта ложь о том, что ты являлась дочерью Джонатана, а не Карлайла, была придумана для того, чтобы защитить тебя. Мы изменили дату в твоём свидетельстве о рождении. Согласно нашей задумке, ребёнок, которого я должна была родить в октябре, никогда не появлялся на свет. Та девочка умерла, как и её близнец.

Я не знала, что сказать на это.

– Можно много говорить о твоём отце, но, когда мы с тобой перестали стоять у него на пути, у него появилась женщина, появилась новая семья. Все эти мучения – это было слишком для меня, – говорила Мэрилин. – Я не сумела с этим справиться. А потом, как ты знаешь, меня спас Рэндал. Ты же помнишь, мы встретились на занятиях по групповой терапии? Моей зависимостью был алкоголь, его – азартные игры. Но я перестала пить, а Рэндал так и продолжил борьбу со своими внутренними демонами; однако, даже не они стали всему причиной, как ты, наверняка, думаешь. Твоё истинное происхождение могло бы стать серьёзной проблемой для их тщательно возведённого величия. Кое-кто мог бы рассказать, что ты жива, и это угрожало положению Карлайла в семье. В их бизнесе основой всегда было доверие. Если бы обнаружилось, что он солгал о своём первенце, это послужило бы началом разоблачений того, что они так хотели скрыть.

У меня заболела голова от попыток воспроизвести свое фамильное древо, которого не существовало ещё час назад.

– Виктория, семья Карлайла угрожала мне убить тебя ещё до твоего рождения. После того, как Карлайл ушёл от меня, ко мне приходил его брат, Никколо. Он сказал, что я должна сделать аборт. И даже записал меня на приём. Мы с Джонатаном уехали, как раз в день приёма. Рэндал действительно задолжал деньги. Но не семье Карлайла. Это был другой клан, и они хотели доказать всему миру, что семья Карлайла солгала, хотели доказать, что до сына у него уже была дочь. До того, как ты вышла замуж за Стюарта, они постарались, чтобы долг Рэндала стал баснословным. Пользовались его зависимостью и предлагали те варианты, из-за которых сумма долга только росла. И потом, они потребовали тебя.

– Что? Они намеренно потребовали меня?

Мать кивнула.

– Знаю, я никогда не была хорошей матерью, но я не могла пойти на это. Не могла позволить им забрать тебя. В молодости мне доводилось видеть, что случалось с теми женщинами, которые не входили в семью. Если бы они заполучили тебя - дочь

Карлайла, то смогли бы доказать, что его семья солгала о тебе, смогли бы использовать тебя. – Её глаза наполнились слезами. – Я даже думать не хочу о том, что они могли бы с тобой сделать.

Перед глазами всё поплыло. Как это может быть правдой?

– Каким образом в этом был замешан Стюарт?

Мэрилин вытерла глаза и, шмыгнув носом, продолжила:

– Рэндал познакомился со Стюартом, благодаря своей врачебной практике. Ходили слухи, что те семьи, о которых я упомянула, вели часть своего бизнеса через «Харрингтон Спас энд Сьютс». – Она снова взяла меня за руку. На этот раз холод даже не ощущался. – Я ни коим образом не намекаю на то, что твой муж был замешан в криминале. Я лишь хочу сказать, что у него была власть, власть над тем, что творилось за кулисами его компании. Стюарт Харрингтон был единственным, кого мы знали, кто, возможно, обладал необходимой суммой, чтобы спасти тебя от тех людей.

– Сколько, мама? Сколько Стюарт заплатил за меня?

– Виктория, тебя не купили. Тебя спасли.

Я распрямила плечи.

– Сколько?

– Более шести миллионов.

У меня свело челюсти, в висках начало пульсировать, во рту пересохло. Я взяла бутылку с водой, чтобы попить, но вода вдруг стада неприятной на вкус, и меня чуть не вывернуло наизнанку.

– Я не могу... я даже не знаю, что сказать.

– Это тяжело принять, дорогая. Однако, я ещё не закончила. Это не всё. Прошу тебя, позволь мне поехать с тобой. Мы уже почти у моего дома. Мне нужно, чтобы ты узнала обо всём.

Я покачала головой.

– Не сегодня. Не думаю, что смогу выдержать ещё больше.

Она оглядела улицу. Проигнорировав мою просьбу молчать, мать заговорила, уже быстрее.

– Когда твой муж выплатил долг Рэндала, те люди сильно огорчились. У них был превосходный план, который Стюарт разрушил. Рэндал говорил, что некоторые высказывали своё недовольство, но, где-то по прошествии года с твоей свадьбы, всё вроде успокоилось. Всё это время я изо всех сил старалась сохранять между нами дистанцию. Надеюсь. Что они всё ещё верят, что ты – подлинная Конвей. У меня нет

доказательств, но я подозреваю, что несчастный случай произошёл с Рэндалом не по причине невыплаченных долгов. Это было предупреждением, адресованном мне, напоминанием того, что я слишком много знаю. Он был должен, но сравнительно небольшую сумму.

– Я знаю, Рэндал просил Стюарта выплатить её.

Мэрилин опустила глаза.

– Я не осуждаю тебя за то, что ты отказала. Когда-то я обвиняла во всём тебя, но не сейчас. Не знаю, как много времени бы прошло, прежде чем они вернулись бы за большим. Рэндал не был плохим. Не был.

Но я не могла думать о Рэндале, как о хорошем человеке. Если бы он только не впутался в эти азартные игры, ничего бы не произошло. Хотя, эти люди смогли бы найти другой способ подобраться ко мне. Ко мне ли? Я не существовала. Умерла. У меня закружилась голова.

– Итак, ты хочешь сказать, что мой отец - Карлайл, а не Джонатан Конвей, присутствовал на похоронах моего мужа и является членом мафиозного клана? Это больше похоже на кино, а не на реальную жизнь.

– Да, Виктория, именно это я и говорю. А фильмы всегда имеют под собой основу. Всё по-настоящему. Пока Стюарт был жив, у него была власть. Теперь же мне страшно.

Кожа на моих руках покрылась мурашками.

– Почему?

Машина остановилась. Мы были на подъездной дорожке к дому моей матери.

– Я не слышала о семье Карлайла до твоего восемнадцатого дня рождения, настоящего, о котором ты не подозревала. Впервые за восемнадцать лет. Но это был не твой отец. А его брат, Никколо, тот самый, который хотел, чтобы я сделала аборт. Ему нужны были доказательства, что ты действительно Виктория Конвей, дочь Джонатана Конвея. Я предоставила их ему. Отдала копию твоего второго свидетельства о рождении. Больше я о них не слышала, но, когда Рэндала спросили конкретно о тебе, мы поняли, что кто-то начал что-то подозревать. – Она говорила быстро. – Стюарт был хорошим человеком. Он знал, что ему предстоит, когда женился на тебе. Если бы он не...

Трэвис открыл дверь.

– Виктория, пожалуйста, никому об этом не рассказывай. – Она кивнула в сторону Трэвиса. – Он сможет защитить тебя?

Я посмотрела на человека-скалу, того, кто запугивал меня всего лишь несколько дней назад. Хотя мне было видно лишь его тело, потому что он стоял снаружи и придерживал дверь, я представила его тёмные глаза и прищуренный, полный подозрения, взгляд. Вновь посмотрев на мать, я кивнула.

Она накрыла мою ладонь своей, и вновь быстро заговорила, но уже тише.

– Хорошо. Ты понятия не имеешь, с чем тебе предстоит столкнуться. Милая, тут столько всего. Я знаю, ты ненавидишь меня, но нам ещё есть о чём поговорить. Не буду отрицать, я несправедливо обвиняла тебя в том, что на самом деле было тебе неподвластно. Однако, что сделано, то сделано, и всё это было ради твоей безопасности. Я не подпускала тебя ради твоего же блага. Ты не должна была появиться на свет.

– Миссис Саунд, – раздался голос Трэвиса.

Я молчала, не зная, что сказать, и Мэрилин покинула лимузин. Через несколько минут рядом со мной сидела Вэл, а машина снова ехала.

– Вик? – Голос сестры наполняли любовь и поддержка. – С тобой всё хорошо? Ты какая-то бледная. Что сказала мама?

Что она сказала? Я не в состоянии была переварить эту новую информацию. Карлайл и Джонатан... Она была замужем за обоими. Я не должна была появиться на свет? Не должна была, но появилась. Какая фамилия у Карлайла? Точно не Конвей, не как у Вэл. Из-под накрашенных век полились слёзы. Прежде чем я что-то успела сказать, руки Вэл обвились вокруг меня, и я упала на её плечо.

Среди всего, что рассказала моя мать, на первом плане было лишь одно – у нас с Вэл были разные отцы. Неужели я только что потеряла свою сестру? Она не была моей единокровной сестрой, как я всегда думала. Мы были сёстрами, а теперь нет. Мои плечи задрожали.

– Всё будет хорошо, – утешала меня Вэл. – Тебе станет легче. Я знаю, это тяжело. Возможно, ты подумаешь над тем, чтобы принять психологическую помощь. Ты слишком молода, чтобы быть вдовой. Тебе не следует справляться с этим одной. – Её рука гладила мою спину. – Я отложу свою поездку в Уганду. Останусь с тобой.

Я покачала головой.

– Нет, Вэл, не нужно, – сказала я между всхлипами. – Я не хочу, чтобы ты откладывала поездку.

Взгляд её заботливых серых глаз встретился с моим, когда я спросила:

– Ты можешь дать мне те таблетки? Пожалуйста? Я хочу поспать. Не хочу больше думать.

Глава 22

Настоящее.

«Смертельную колыбельную» сменил «Танец Смерти». Я попыталась открыть глаза, но передо мной лишь темнота. Я не могла открыть глаза или дело было в повязке?

«Нет!» – хотелось закричать мне. Этого не могло быть. Я бы ни за что на свете не вернулась туда. Никогда. Почему я там оказалась? Последнее, что я помнила, это снотворное, что дала мне Вэл, и то, что я заснула. Я была в своей кровати, в своей комнате. Как это произошло?

Я почувствовала, что сжимала пальцами знакомые холодные, гладкие прутья. Внутри меня поднялась волна гнева. Я не хотела этого делать. И не собиралась. Как только я собралась отпустить прутья, со мной заговорил голос Стюарта:

– Я здесь, милая. Покажи нам свою неотразимую, влажную киску.

Нет! Я сжала ноги.

– Давай же, Тори, не зли нашего друга.

Это не наяву. Стюарт мёртв! Я видела, как он умер! Пока мой мозг отчаянно искал ответы на вопросы, кровать прогнулась. Я попыталась отпустить прутья, но не смогла. Мои руки не подчинялись моему сознанию.

Холодные грубые пальцы схватили меня за лодыжки. В противоположность обычному, я выбросила ногу и почувствовала, как она ударилась во что-то твёрдое. Кровать снова дрогнула, шершавые ладони безжалостно сжали мои лодыжки и дёрнули меня вниз. Хотя я и пыталась бороться, но одна за другой, мои лодыжки были крепко привязаны, и ноги раздвинулись так широко, что это причиняло боль.

– Нет! – наконец я обрела голос. – Нет! Перестаньте!

Я кричала изо всех сил, надеясь, что мои мольбы разлетятся по складу и даже за его пределами. Я знала, что это место было удалённым и труднодоступным не без причины. Но всё же, даже не слыша саму себя из-за наушников, я продолжала кричать. Должно быть, я что-то всё-таки произнесла, потому что, как только мои требования стали громче, рот мне закрыла огромная ладонь. Изо всех сил я старалась кусаться, но её обладатель переместил руку так, что это стало невозможным.

– Перестань, детка, – раздался в наушниках успокаивающий голос Стюарта. – Ты знаешь правила. Никаких разговоров.

Я не буду этого делать! Ты мёртв! Ты не можешь меня заставить!

Я кричала и кричала в зажимающую мой рот ладонь, голову пронзила боль, когда с меня, чуть ли не вместе с волосами, сорвали повязку и наушники. Меня тут же ослепил резкий свет, не давая, как следует рассмотреть мужчину передо мной. Он сидел верхом на мне, закрывая рукой мой рот, и его тошнотворное дыхание перекрыло все мои чувства.

Голос сенатора Роберта Кина был низким и угрожающим:

– Хочешь сопротивляться? Хорошо. Мне это нравится. – Он схватил в кулак мои волосы и дёрнул голову назад. – Продолжай. Мне всегда казалось, что ты слишком послушная.

Я сверкнула глазами. Ни за что, мутила.

– Стюарт дал слово. Если ты думаешь, что я буду продолжать поддерживать его без этого небольшого поощрения, ты настолько же тупая, насколько горячая.

Моё сердце забилося быстрее из-за прилива паники. Нет. Я не могла пойти на это. Никогда. Раньше мне никто не угрожал. Стюарт не мог помочь. Мой разум начал выискивать возможности.

Лицо Роберта приблизилось. Продолжая закрывать мне рот рукой, он склонился и лизнул мою щёку. У меня скрутило желудок, когда его мокрый язык коснулся и второй щеки, и он заговорил.

– Вот так. Ты будешь хорошей девочкой, или нам следует тебя наказать?

Сенатор крепче потянул меня за волосы, моё лицо обдало его мерзким дыханием, когда он спросил:

– Ну, так что, ты собираешься хорошо себя вести?

Скотина! Я кивнула, насколько мне позволяла это сделать его рука. Да, чтоб тебя, я буду хорошей девочкой.

Погладив меня по голове, он ослабил хватку и медленно убрал руку с моего рта. Это был мой единственный шанс, моя единственная надежда.

– Трэвис! Трэвис! Помоги мне!

Чьи-то руки схватили меня за плечи, и я приготовилась к наказанию Роберта.

– Вик, Вик! Проснись.

– Ни за что, мутила! Трэвис! Помоги мне, Трэвис! – Мой голос зазвучал ещё громче, чем до этого.

Моя кожа покрылась потом, пока тело боролось с ограничениями. Внезапно, я почувствовала, что мои руки и ноги свободны. Всё, что удерживало меня на месте, пропало. Я рванулась вперёд, вскочила с кровати и только тогда поняла, где я находилась. Склада на было. Я была в своей комнате, но не одна. Посреди беспорядочно раскинутых одеял на моей кровати сидела Вэл, и её серые глаза напоминали блюдца. Её взгляд изумлённо изучал меня, словно я была одержима.

Я никак не могла понять, что только что произошло. Моё дрожащее тело больше не было обнажённым – на мне была мокрая от пота ночная рубашка. Не было здесь и Роберта Кина. Я была в своей квартире, в своей спальне. Вэл с осторожностью двинулась в мою сторону, словно опасаясь моей возможной реакции. Меня покинули все силы, я закрыла глаза и рухнула на колени. Чёрт, я схожу с ума.

Как только Вэл приблизилась ко мне, дверь в комнату распахнулась. Я открыла глаза и увидела в дверном проеме массивную фигуру Трэвиса. В приглушённом свете я почувствовала его оценивающий взгляд.

Вэл повернулась к нему.

– С ней всё в порядке. Прости, что побеспокоила тебя. Думаю, у неё был ночной кошмар. Я смогла разобрать только твоё имя. Она звала тебя.

Я покачала головой.

– Нет, не звала. Со мной всё хорошо.

– Вик, с тобой не всё хорошо, – сказала Вэл. – Тебе снился какой-то ужасный сон. Я никак не могла тебя разбудить. Да ты чуть не уложила меня. Что, чёрт возьми, тебе снилось?

Я посмотрела на Трэвиса. За всё это время он ещё не произнёс ни слова. Желая немного прикрыться, я встала и взяла халат. Завязав его, я сказала:

– Спасибо, что пришёл, Трэвис. Я в порядке. Буду признательна, если ты покинешь мою комнату.

Он застыл. Почему меня так заботило, что он увидел меня в ночной сорочке? Ясно, что ему доводилось видеть меня, когда на мне было куда меньше одежды. Но, вместо того, чтобы послушаться, Трэвис шагнул вперёд. Его привычные чёрные брюки сменили спортивные шорты, которые открывали взгляду его крепкие мускулистые ноги. Он был босиком.

– Миссис Харрингтон, если вы вспомните, о чём был ваш кошмар, или я смогу быть как-то полезен, я ничуть не против вам помочь. – Он повернулся к Вэл. – Или вам, доктор. Я здесь.

Я выдохнула.

– Не думаю, что в этом есть необходимость. Вероятно, мне вообще не следовало принимать то снотворное. – Я фальшиво улыбнулась Вэл. – Это был просто страшный сон, про какого-то монстра.

Мой взгляд вернулся к Трэвису.

– Не уверена. Не могу вспомнить.

Он понимающе прикрыл глаза.

– Миссис Харрингтон, вы уверены, что с вами всё в порядке?

Я кивнула, стараясь выглядеть настолько выше, насколько мне позволял рост.

– Да.

– Если что, мэм, я внизу. Пока я здесь, вам не стоит бояться монстров.

Сказав это, он повернулся и пожелал нам спокойной ночи.

Мы с Вэл наблюдали, как он вышел в коридор и закрыл дверь. Как только он ушёл, Вэл сморщила нос и сказала:

– Что ж, это было немного странно. – Развернувшись ко мне, она продолжила, – Прости, что позвонила ему, Вик, я взяла твой телефон. Ты кричала и повторяла его имя. Я не знала, что делать.

– Повторяла?

Сестра взяла меня за руку и повела к кровати.

– Да, это длилось минут десять. Я не специалист в психиатрии, но это определённо что-то означало. Прошу, позволь мне устроить тебе встречу с кем-нибудь, кто сможет тебе помочь.

Нужна ли мне помощь? Мне думалось, что со смертью Стюарта всё это закончится. Я посмотрела на часы.

– Вэл, прости, я так рано разбудила тебя. – Я посмотрела на кровать. – Ты уснула здесь? Но у нас же есть свободные комнаты.

Вэл улыбнулась.

– Знаю. Я не хотела оставлять тебя одну. Ты бы меня тоже не оставила. Для этого и есть сёстры.

Я сжала губы. Сёстры. От этого слова заболело в груди. Мы были сёстрами. Были. Как Маркус и Лайл были моими братьями. И разве имело значение, что у нас разные отцы?

– Что ж, ладно. Забирайся обратно. – Я похлопала по матрасу своей огромной вместительной кровати. – Ещё нет и трёх. Так почему бы нам не лечь спать?

– Только обещай, что не станешь снова пинаться, – ответила она, её серые глаза мерцали.

– О, нет! Я пнула тебя?

– Ничего страшного. Должно быть, ты приняла меня за того монстра. Знаешь, у некоторых людей после приёма снотворных появляются кошмары. Прости, сестрёнка. Я пыталась помочь.

Я коснулась её руки. Моя дрожь уже почти прошла.

– Это был всего лишь сон.

Кого я пыталась успокоить – её или себя?

Вэл выключила прикроватный свет, и комната утонула в темноте. Но через несколько минут раздался голос сестры:

– Вик?

– Да?

– Кто этот твой «горизонтальный» друг?

Я повернулась на звук её голоса. Эта сцена в темноте напомнила о том беспечном времени годы назад, когда мы делили одну комнату на двоих.

– А что?

– Я пойму, если ты не захочешь рассказать. Я просто удивилась, почему в своём сне ты звала Трэвиса, а не его, ну или Стюарта.

Я пожала плечами.

– Я помню, что в своём сне постоянно твердила себе, что Стюарт мёртв. Даже во сне я понимала, что он не сможет мне помочь.

– Но ты звала Трэвиса, парня, который, по твоим собственным словам, нагонял на тебя страху? – Её голос зазвучал выше. – «Горизонтальный» друг – это он?

– Нет! Боже, нет, конечно.

Комнату наполнил смех Вэл.

– Ладно, мне просто было любопытно. Он женат?

Я старалась не выдать себя.

– Трэвис? Нет, он не женат.

– Нет же, – поправила меня Вэл, – «горизонтальный» друг?

Я покачала головой в темноте, думая о Броди.

– Нет, не женат.

– Хорошо.

– Почему хорошо? – спросила я.

– Потому что я не хочу, чтобы ты была одна, когда тебе вновь приснится какой-нибудь страшный сон.

– Возможно, как раз это мне и нужно будет обсудить с твоим психологом. Спокойной ночи, Вэл.

– Спокойной ночи, сестрёнка.

Понял бы Броди? Как бы я смогла объяснить ему, что за сон мне снился? Он читал договор, но я никогда не посвящала его в детали. Он знал, что у меня были другие мужчины. Он знал, что Стюарт развлекался таким образом, но больше ему ничего не было известно. Что бы Броди подумал обо мне, узнай он всю правду? Но потом я задумалась. Важно ли мне это на самом деле? Ведь только он высказывался по поводу того, чтобы стать единственным мужчиной в моей жизни. А прямо сейчас, меня мало волновал этот вопрос. Конечно, секс был потрясающим – это да. Однако, после всех неожиданных новостей, что свалились на меня за последние несколько дней, я не хотела мужчину. Я хотела жить – жить нормальной жизнью. Я тоскливо улыбнулась. Смогла бы я снова жить нормальной жизнью? Только Броди и я, подальше от Майями, подальше от склада, от сделок Стюарта. Подальше от Мэрилин и Карлайла? Я никогда раньше не задумывалась об этом. Могло ли это стать моей новой целью?

Но следующим вопросом стало, что я сделаю ради её достижения?

Уже засыпая, я поняла, каким будет ответ – всё, что угодно.

Кошмарный сон, приснившийся мне прошедшей ночью, вселил в меня решительность. Я не собиралась возвращаться на склад. Ни за что на свете я не смогла бы сделать это. Каким-то образом я знала, что если вернусь туда без Стюарта, всё станет куда хуже.

На утро я первым делом написала Броди:

«ТЫ ЗНАЕШЬ КОГО-НИБУДЬ ПО ИМЕНИ КАРЛАЙЛ?»

Затем я позвонила в «Крейвен и Ноулз». Слушая гудки, я обдумывала все свои возможности. Я бы не смогла выработать план, пока мне не было известно, против чего мне предстояло выступить. Меня отвлек ответ на мой звонок.

– «Крейвен и Ноулз», это Триш. Чем я могу вам помочь?

– Триш, это миссис Харрингтон. Мне нужно, как можно скорее поговорить с Паркером. Попросите его перезвонить.

– Да, мэм. Я сообщу Мэгги...

– Нет, Триш, мне не нужна его ассистентка. В противном случае, я спросила бы про неё. А впрочем, передай Паркеру, что если он хочет, чтобы «Крейвен и Ноулз» и в будущем сотрудничали с «Харрингтон», то пусть будет в моей квартире в десять утра. Я буду ждать.

– Миссис Харрингтон, насколько мне известно, у него назначены встречи.

– Тогда он может их отменить. Хорошего дня.

Я повесила трубку.

Устроившись поудобнее в кресле Стюарта, я открыла папку Паркера, страницы жгли пальцы. Бегло листая договор, я уже ненавидела в нём каждое слово. Но теперь я не была наивной восемнадцатилетней девушкой. Теперь мне был понятен смысл каждого слова. Намёки больше не были таинственными и пугающими. Стук в дверь оторвал меня от мучительных слов и вернул в стеклянный офис с видом на бушующий океан. Я посмотрела на часы, оставалось всего несколько минут до девяти.

Это вряд ли был Паркер. Лиза или Кристина предупредили бы меня о его приходе.

– Входите, – осторожно ответила я.

Дверь открылась, и я встретила со знакомым взглядом тёмных глаз.

– Миссис Харрингтон, вам лучше?

Я выпрямилась в кресле.

– Да, Трэвис. Мне жаль, что Вэл побеспокоила тебя посреди ночи.

Он прошёл в комнату и посмотрел на одно из кресел. Я кивнула, и он сел.

– Ничего страшного. Это моя работа: следить за тем, чтобы с вами ничего не случилось.

– Ладно, пусть так. Но ты можешь защитить меня от реальности, а не от кошмаров.

Он поднял бровь, в его тёмных карих глазах плескалось удивление.

– Но вы звали меня.

– Так утверждает Вэлери, – уточнила я.

– Значит, теперь мы будем обвинять доброго доктора во лжи?

Я встала и подошла к окну. Небо было необычно серым, густые тучи клубились над горизонтом, волны беспокойного океана венчали белые гребни. Стояла поздняя осень, приближался сезон ураганов. На бушующих водах можно было разглядеть лишь огромные коммерческие лайнеры. Меньшие по размеру суда, вероятно, прислушались к предупреждению о надвигающемся шторме. Что же было необходимо мне? Прислушаться к предостережениям... но к каким именно? Кому я могла довериться?

Не поворачиваясь, я заговорила:

– Это было очень похоже не правду. Я была там, на складе. Я даже пыталась воззвать к логике, понимала, что это не могло происходить на самом деле. Я знала, что Стюарт умер. Но я помнила, как ты сказал, что всегда находился поблизости. – Я закрыла глаза, борясь с тошнотой, вызванной воспоминаниями о зловонном дыхании Роберта. – Я пыталась сопротивляться.

За моей спиной раздался сдавленный смех.

– Если мне не изменяет память, вы отличный боец.

Обняв себя за плечи, я развернулась и внимательно всмотрелась в лицо Трэвиса. В его выражении не было ни жалости, ни осуждения, которые я ожидала, вместо этого я увидела уважение.

– Но в этот раз всё было по-другому. Я не могла бороться. У меня были связаны и руки и ноги.

– Это был сон, – констатируя факт, произнёс Трэвис.

– А ощущалось, чёрт возьми, очень даже, как наяву. Я чувствовала запахи. Я даже видела его. Он снял с меня повязку. Как будто хотел, чтобы я узнала, кто он.

Трэвис напрягся.

– И кто это был? Кого вы видели?

Кусая губу, я призналась:

– Не знаю, стоит ли мне говорить.

– Почему? Вы же знаете, что мне известны все, кто там бывал.

– Но что будет, если и я буду знать? Этого не должно произойти.

Трэвис поднялся и подошёл ближе.

– Кто так сказал?

– С-стюарт.

Его тёмные глаза вопросительно посмотрели на меня.

– Мистер Харрингтон мёртв. И сейчас никто не владеет тем договором. Сейчас выбор - знать или не знать - за вами.

Я вернулась к креслу, внезапно встревоженная своим желанием найти утешение в его близости и понимании.

– Зачем мне может понадобиться передать кому-то, тебе или Паркеру, права, вновь принимать за меня решения такого рода?

– Потому что, если вы не сделаете этого, сразу объявятся те, кто затянет вас в мир, где ваши кошмары покажутся прогулкой по пляжу.

– Те?

– Кого вы видели в своём сне?

Я закрыла глаза и, вздохнув, призналась.

– Сенатора Кина.

Глаза Трэвиса широко раскрылись, и он присвистнул.

– Проклятье! И как давно вы знаете?

Я пожала плечами.

– Не так уж и давно. Ты упомянул политиков. Он был на прощальной церемонии, и я почувствовала его запах.

– Почувствовала запах?

– Органы чувств. Я не могла видеть или слышать мужчин. Мне даже почти никогда нельзя было дотрагиваться до них, по крайней мере, не руками. Всё, что осталось – запахи и вкусы. Все эти годы я различала друзей по их специфическим запахам: одеколонам, лосьонам после бритья, дыханию. У сенатора Кина омерзительное дыхание.

Трэвис кивнул.

– Он из тех друзей, кому не очень понравилось, что их визиты на склад закончились. Он поддерживал, а скорее, просто смотрел сквозь пальцы на

деятельность, что велась за кулисами «Харрингтон Спас энд Сьютс». Он даже способствовал расширению бизнеса за пределами США. Так что, он уверен, что имеет право.

– Ну и как всё поменяется, если держать это под контролем станешь ты или Патрик?

– Никак. Это даже обезопасит вас. У мистера Харрингтона были правила. Вы правы, ему нравилось наблюдать, но, кроме этого, он следил за тем, чтобы никто не нарушал его правил. Множество раз за все эти годы мистер Харрингтон предотвращал такие вещи, о которых вы и понятия не имеете.

Я даже думать об этом не хотела.

– Давай разберёмся. – Я посмотрела в глаза Трэвису. – Не важно, ты или Патрик – вы оба планируете, чтобы я продолжала эту... эту... жизнь?

– Мне не известны планы мистера Крейвена. Но предполагаю, что в отношении него всё так и есть. И судя по тому, что мне о нём известно, под его руководством правила коренным образом поменяются.

– Судя по тому, что тебе известно? Он один из них, не так ли?

Трэвис снова кивнул.

– Но не думаю, что это стало открытием, да?

– Да, – призналась я. – Об этом я какое-то время тоже уже знаю. – Я серьёзно посмотрела на Трэвиса. – А что насчёт тебя? Какие у тебя планы?

– Поставить мудаков на место. Не всех. Некоторые больные ублюдки участвовали в этом только потому, что могли. У них нет никакого тайного умысла. Они уйдут так же тихо, как и приходили. Они не хотят, чтобы их добрые имена оказались замешаны в возможном скандале. Несколько тщательно отобранных аудиозаписей, и я заставлю их исчезнуть. Однако остальные целиком и полностью сознают, что делают. Они считают, что, трахая вас, смогут решить свои собственные проблемы. Я хочу, чтобы все они горели в аду. Блять, да пусть я сгорю там с ними, но хотя бы успею насладиться шоу.

– Почему Трэвис? Почему тебя это волнует?

– Это длинная история. – Он вздохнул. – Она началась тогда, когда я был слишком молод, чтобы всё понимать. Скажем так, я знал женщину, которая оказалась вовлечённой в нечто подобное, через что пришлось пройти и вам, только в её случае всё было куда хуже.

Я покачала головой.

– Мне с трудом в это верится.

– Да ну? Да вы, на хрен, посмотрите на себя. Посмотрите на свою чёртову жизнь. Вы – Виктория-Мать вашу-Харрингтон. Вы не бедная девушка, у которой двенадцатилетний сын, и которая пытается выжить, играя в игры извращенцев, в которые хотят играть эти мудаки. У вас есть выбор. Мистер Харрингтон решил всё за вас, тем самым успокоив сильных мира сего. Но их спокойствия хватит ненадолго. Вы хотите знать, как я поступлю с договором. Я объясню вам, какие у вас есть варианты. Например, вы владеете охрененным состоянием. Используйте его. Пустите его в ход. Оставьте загнивать чёртов «Харрингтон Спас энд Сьютс». Разве вам действительно хочется владеть компанией, которая не что иное, как прикрытие для эксплуатации женщин, у которых не такая охрененно роскошная жизнь, как у вас? Я не хочу сказать, что вам всё это досталось легко. Нет. Но в конце каждого дня вы, невредимая, засыпали в своей шикарной квартире или в особняке, у вас на пальце красуется долбаный булыжник, который кормил бы семьи таких девушек в течение пяти лет.

У меня свело желудок. Я никогда не думала об этом в таком ключе.

– Вам была уготована такая жизнь. Мистер Харрингтон сделал для вас всё, что было в его силах. Теперь у вас есть шанс сделать всё ещё лучше.

Голос Трэвиса зазвучал ниже.

– Я могу гарантировать вам, что если вы решите не подписывать соглашение ни с одним из нас, моя чёртова работа станет ещё труднее. Они хотят вас.

– Кто? Кто, на хрен, хочет меня?

Его тёмные глаза сузились.

– С кем вы тогда трахались?

У меня больше не было ощущения, что я могла скрывать что-то от Трэвиса. В каком-то смысле, это было освобождением. Не раздумывая, я честно ответила ему:

– С Броди Филлипсом.

Он покачал головой.

– Боже, вы, блять, с ума сошли? Он же работает в «Крейвен и Ноулз». Они по уши завязаны в этом дерьме. Ваше обоняние должно было подсказать вам держаться от него подальше.

– Нет, ты ошибаешься. Он работает там, но он не один из них. Он ничего не знал ни о договоре, ни о складе, по крайней мере, до тех пор, пока я не попросила его копнуть глубже. Ему известно только то, что ему рассказала я.

Трэвис откинулся в кресле и скрестил руки на груди.

– Так это благодаря ему вы узнали о завещании?

– Да. Видишь? Он помогает мне. Вот кому я не доверяю, так это Паркеру.

– Следуйте своей интуиции... с мистером Крейвеном.

– Он на пути сюда.

Трэвис тяжело вздохнул, тесная футболка натянулась на его груди.

– Я прошу вас, миссис Харрингтон, не подписывайте его договор. Скажите, что хорошенько подумали и хотите выполнить волю вашего мужа. Если вы так доверяете мистеру Филлипсу, заставьте его составить новый договор, на моё имя. Но, что самое важное, ни при каких обстоятельствах не смейте улизнуть от меня. Вы действительно понятия не имеете, с чем столкнулись.

– Трэвис, пока ты не ушёл, скажи мне кое-что ещё.

Он поднял бровь.

– Кто такой Карлайл?

Обычно выражающее уверенность лицо Трэвиса побледнело.

– Миссис Харрингтон, ваш самый страшный кошмар – это не сенатор Кин и не Паркер Крейвен. Не знаю, откуда и как вы узнали о Карлайле Альбини, только я советую вам забыть обо всём, что вам известно. Он не вашего ума дело, как и Никколо, Уесли и остальные члены их семьи.

Не моего ума дела. Стюарт говорил нечто подобное до нашей свадьбы. Альбини? Уесли Альбини, из подготовительной школы Кинсли.

– Никколо – брат Карлайла. Кто такой Уесли? – спросила я.

– Миссис Харрингтон, вы даже представить себе не можете, о чём спрашиваете.

Я повысила голос.

– Скажи мне. Кто он?

– Уесли – его сын.

– Сын Никколо?

– Нет, Карлайла.

Моя голова внезапно отяжелела от новой информации. Уесли Альбини был моим братом.

Глава 23

Настоящее.

– Миссис Харрингтон, – раздался из динамика телефона голос Кристины. – Здесь мистер Крейвен, у вас с ним встреча в десять часов.

– Спасибо, Кристина. Проводи его.

Я встала.

– Вик-то-ри-я. – Он растянул моё имя по слогам, входя в офис Стюарта, мой офис.

– Паркер, как мило с твоей стороны пойти мне навстречу. Я ещё пока не готова покидать дом.

– Не стоит благодарности. Я понимаю, что сейчас тебе ещё по-прежнему нелегко. – Он сел напротив моего стола и подался вперёд. – Полагаю, это продлится ещё какое-то время. И мне, правда, не хотелось обсуждать насущные дела именно сейчас. Но, думаю, чем быстрее мы обратимся к ним, тем быстрее сможем их решить.

– Решить? – спросила я. – Не понимаю, что именно нам нужно решить.

– Виктория, ты находишься в щекотливой ситуации. Если бы это не было так срочно, я бы с радостью подождал. Однако, у Стюарта остались сделки, по которым он не до конца расплатился.

– Наверняка, у тебя есть все контакты наших бухгалтеров и банков. Уверена, они смогут обо всём позаботиться.

Мне понравилось, как он поёрзал в своём кресле. Я ни за что на свете не собиралась поднимать эту тему договора. Мне хотелось, чтобы он сам заговорил.

Брови Паркера поднялись вверх.

– Речь идёт не о деньгах. Не прикидывайся дурочкой.

– О, разве я прикидываюсь? Это ты приходил сюда и надеялся, что я слепо подпишу документы, даже не прочитав их. – Он поджал губы, я спросила, – Так, наверное, прикидывался ты?

– Я собирался объяснить всё тебе, но позже. Ты, похоже, не понимаешь доверительных отношений между поверенным и его клиентом. Было много случаев, когда Стюарт давал мне полную свободу действий.

Я откинулась назад в кресле и широко раскрыла глаза.

– Неужели, Паркер? Расскажи подробнее. И в каких именно делах Стюарт давал тебе карт-бланш?

– Вы даже представить себе не можете, миссис Харрингтон, как много их было.

Мой взгляд не дрогнул, губы изогнулись в усмешке.

– Мне этого не говорили. В действительности, насколько я знаю, желаемые тобой сферы постоянно контролировались. – Я пожала плечами. – К тому же, в наши дни женщине нельзя никому доверять.

– Мне можно. Ты можешь доверять мне. Стюарт доверял. – Паркер взял свой дипломат и вытащил ещё одну папку. – Я ещё не показывал тебе это, и Стюарт его не подписывал, но собирался.

Он открыл документ под названием «Последняя воля и завещание» почти на последней странице и показал пальцем на абзац.

– Вот, миссис Харрингтон, пожалуйста, прочтите этот параграф, прямо под «Завещанием движимости и недвижимости».

Я посмотрела на текст, на который указывал его костлявый палец:

"Я, Стюарт Аллен Харрингтон,
передаю управление на ранее заверенный договор между мною и Викторией Энн Конвей,
теперь уже Викторией Конвей Харрингтон, своему душеприказчику, Паркеру Крейвену,
до тех пор,
пока обязательства вышеупомянутого договора не будут завершены или пока соглашение
не будет исполнено."

Я кивнула.

– А вот это уже интересно. Но, по твоим собственным словам, Стюарт не подписал это новое завещание, а, значит, оно не имеет юридической силы.

– Именно поэтому я дал тебе договор. Мы сможем выполнить волю твоего мужа, составив новый договор, который будет таким же законным, как и тот, первый.

– Ты помнишь, когда мы со Стюартом подписали тот договор? Тогда мы с тобой встретились в первый раз. И ты, наверняка, понимаешь, что тогда я была, к сожалению, не проинформирована об истинной природе того договора. Тем не менее, думаю, ты имеешь полное представление о том, что я следовала этому документу до последней буквы. Я выполнила свои обязательства. В связи с преждевременной смертью Стюарта, теперь я являюсь единоличным наследником его состояния. Скажи мне, Паркер, что именно побудило тебя сделать так, чтобы я подписала твой договор?

Я наклонилась вперёд, уперев локти в стол, и посмотрела ему прямо в глаза.

– Другими словами, скажи мне, какого хера ты решил, что я настолько тупа. Я могу купить и продать тебя. Я могу уволить твою задницу и найти новую юридическую фирму, которая будет представлять мои интересы. Скажи мне, с чего ты решил, что я соглашусь снова пройти через этот ад.

Видно было, что моя прямота застала Паркера врасплох, однако, он и бровью не повёл.

– Да, Виктория, я помню, когда мы впервые встретились. Я много чего помню.

Я держала себя в руках, хотя внутри у меня всё сжалось.

Он продолжал.

– Ещё мне известно о сделках Стюарта. В конце концов, я его поверенный. Давай поговорим в деталях вот об этом.

Паркер извлёк ещё одну папку. Когда он открыл её, я увидела документ, который мне не нужно было читать, чтобы узнать, что там. Это было и так понятно. Паркер понаблюдал за мной, а потом продолжил:

– Я так полагаю, что ты узнала этот договор, твой первоначальный договор?

– Да.

– Да. Если мне не изменяет память, это тот самый, который Стюарт попросил тебя просмотреть за несколько дней до его смерти?

– Тот самый, который я просматривала за несколько дней до смерти моего мужа, – подтвердила, немного изменив слова. И снова, он не пропустил это мимо ушей.

Его взгляд вспыхнул, он знал, что к чему.

– Я слышал о нескольких семантических изменениях к этому договору. – Он наклонился вперёд. – Если мы хотим, чтобы все сработало, будет лучше говорить правду. Миссис Харрингтон, ваш муж не просил вас пересматривать договор, нет?

– Нет.

– Вы не были с вашим мужем в тот день, как заявляли раньше. Это так?

– Да, не была.

Его самоуверенность только выросла.

– И ты знаешь, что мне это известно, правда?

– Да, Паркер. Если уж мы решили говорить начистоту, то я знаю, что тот день я провела с твоим малюсеньким членом. И меня искренне удивляет, что Мойра по-прежнему с тобой.

Патрик покраснел.

– Возможно, она не жалуется, так как не обладает таким богатым опытом, как у тебя.

Я подняла брови.

– Возможно, прицениться не займёт у неё много времени. Пока можешь не беспокоиться, твоя жена верна тебе. Но, хочу сказать, достаточно будет одного другого мужчины, и она поймёт, что для счастья ей не нужна такая дешёвка, как ты.

Паркер сжал челюсти, на лбу у него выступила вена.

– И я снова спрашиваю тебя, Паркер, что может заставить меня захотеть подписать твой договор?

– Не будь такой самоуверенной. Ты понятия не имеешь о том хаосе, что оставил после себя Стюарт. Его смерть – твой самый худший кошмар.

– Сомневаюсь в этом. Мне уже снилась парочка поистине страшных кошмаров.

– Стюарт хотел быть полностью уверен в той, на ком собирался жениться. Он узнал о тебе всё.

Я покачала головой.

– Мне было, чёрт побери, восемнадцать лет. Уверена, что те, кто проводил расследование, порадовались его лёгкости.

Паркер выпрямился.

– Нет, Виктория, тебе было девятнадцать.

Желудок наполнился желчью.

– Я понятия не имею, о чём ты говоришь. Думаю, мне лучше знать, сколько мне лет.

Он хлопнул по столу.

– Ты подпишешь мой договор, потому что, иначе я расскажу эту маленькую подробность тем, кто в этом заинтересован. В том числе и правительству Соединённых штатов.

– Прошу прощения?

– Собираясь выйти замуж за Стюарта Харрингтона, ты, Виктория Конвей, заявила, что родилась в мае. Не знаю, было ли тебе это известно, но твоё свидетельство о рождении фальшивое. Оно было изменено, подделано. Твой брак посчитают недействительным. Определением наследников Стюарта займётся суд. А я, как его душеприказчик, тем временем, буду распоряжаться его недвижимостью. В том числе «Обществом Харрингтона».

Меня начало знобить. Он пытался накормить меня ложью, и я понимала это. Но, в то же время, мне нужна была информация.

– Это смешно, – заявила я. – Я не верю тебе. Дата моего дня рождения – мой день рождения, так было всегда.

Паркер откинулся на стуле.

– Можешь считать это смешным, но я всё вижу по твоим глазам. У тебя есть, пусть небольшое, подозрение того, что я прав.

– Я, на хрен, никогда не продам снова свою жизнь из-за какого-то подозрения. Мне нужны доказательства.

Паркер окинул меня взглядом.

– Очень хорошо, я добуду тебе доказательства.

– Кто ещё знает об этом?

– Стюарт знал.

– Кто ещё?

– Кроме твоих родителей, больше никто, пока, – уверенно заявил он. – Поверенного, который сделал это поддельное свидетельство, больше нет в живых. Оригинальное свидетельство и копия поддельного нашлись в недрах архива. Но не недооценивай меня. Я поделюсь своими знаниями, и когда я сделаю это, органы власти будут последним, чего тебе стоит опасаться.

Я проглотила своё отвращение.

– Паркер, я не верю тебе. Но дам тебе возможность предоставить мне доказательства. Если ты говоришь правду, то это, несомненно, будет иметь существенные последствия. Что я могу сделать, чтобы ты принял мою сторону?

Его глаза загорелись, и он уставился на мою грудь.

– Я могу придумать много вариантов. Когда ты подпишешь договор, то убедишься, что у меня более богатое воображение, чем у твоего покойного супруга.

– Когда я смогу получить доказательства?

– Я принесу их завтра.

Я кивнула.

– Хорошо, завтра здесь...

– Нет, Виктория. То, что сейчас происходит, называется сменой власти. Теперь условия диктуешь не ты. Я лично предпочитаю, чтобы у тебя были завязаны глаза и ты молчала, но для того, что у меня на уме, будет лучше, если ты сможешь всё видеть. Думаю, это только увеличит чувство предвкушения.

Я ничего не ответила.

– Смотри, какой послушной ты можешь быть. – Он встал на ноги, подошёл ко мне и погладил мою щёку. Мне потребовалось собрать все свои силы, чтобы не отпрянуть. – Я даже не ожидал, что мне представится такая возможность. С тех пор, как в то судьбоносное утро я увидел тебя в своём офисе, я хотел быть тем единственным, кто отдаёт тебе приказы, кто контролирует то, как ты трахаешься, как ты кончаешь, как уходишь. Я по себе знаю, какой опытной ты стала за прошедшие девять лет. Уверен, что этот ничтожный член научит тебя проявлять больше уважения к твоим друзьям. – Он сжал мои волосы в кулаке и оттянул голову назад. – Тебе нравилось это определение – друзья? Посмотри на меня.

Я посмотрела.

– Стюарту нравилось. Надеюсь, ты научишься уважению, и чем скорее, тем лучше. Если же нет, не все наши посетители останутся такими же дружелюбными.

Я жаждала вкуса крови, когда прикусила язык и слушала его речи. Но его прервал звонок телефона на моём столе. Он так и не отпускал мои волосы, пока мы смотрели, как аппарат зазвонил во второй раз, а потом и в третий.

– Могу я ответить? – наконец спросила я.

Его лицо растянулось в гнусной улыбке, обнажившей слишком белые зубы.

– Вот видишь, ты быстро учишься, – отпуская мои волосы, сказал он. – Завтра, на складе, в два часа дня.

Я кивнула и подняла трубку, мысленно благодаря того, кто бы там ни оказался на другом конце провода.

– Да, Кристина?

– Миссис Харрингтон, на линии офицер Шепард. Он сказал, что это срочно.

О боже. Неужели они что-то выяснили о причине смерти Стюарта?

– Соедини его, – осторожно проговорила я и повернулась к Паркеру. Прикрыв трубку рукой, я сказала, – это полиция. Говорят, что-то срочное.

– Включи громкую связь.

Я вопросительно посмотрела на него.

– Здравствуйте, миссис Харрингтон..., – донеслось из трубки.

– Включай громкую связь, сучка. Я твой адвокат. Мне нужно всё слышать, – прошептал Паркер мне в ухо.

Я нажала кнопку.

– Алло, говорит миссис Харрингтон, – громко ответила я.

– Мэм, мне очень жаль, что я беспокою вас в такое время.

– Да, очень трудно...

– Миссис Харрингтон, вашу мать везут в Мемориальный госпиталь. Сожалею, но должен сообщить вам, что она попала в серьёзную автомобильную аварию.

Я не могла чётко мыслить. Я думала о ней с нашего вчерашнего разговора. Я даже намеревалась позвонить ей, впервые хотела сделать это сама. Этого не могло произойти.

– Простите, что вы сказали?

Но тут заговорил Паркер.

– Офицер, с вами говорит Паркер Крейвен, поверенный миссис Харрингтон. Вы можете подробнее рассказать нам о миссис Саунд?

– Сэр, миссис Саунд на пути в травматологическое отделение в Мемориальном госпитале. Я рекомендовал бы миссис Харрингтон немедленно туда отправиться.

– Благодарю вас, офицер. Мы сейчас же выезжаем, – ответил Паркер.

– Миссис Харрингтон, вы должны знать, что на месте аварии мы сделали тест на состояние алкогольного опьянения. В крови вашей матери обнаружили 0.38 процентов алкоголя.

Я ахнула и прикрыла рот рукой.

– Нет, офицер, это невозможно. Моя мать вылечилась от алкогольной зависимости. Она уже почти двадцать лет не брала в рот ни капли.

– Мэм, сожалею. Но сегодня она пила. Прошу вас, приезжайте в больницу.

Ещё нет и одиннадцати утра. Что-то было не так. С чего бы Мэрилин решила уйти в запой так рано утром? Она не могла. Я знала это.

Я молчала, и за меня ответил Паркер.

– Она будет там, сэр. Спасибо. – Он перегнулся через меня и положил трубку. – Я отвезу тебя. Поехали.

– Нет, – я покачала головой. – Я приеду завтра на склад, если смогу.

– Ты сможешь. Ты сможешь, если только сама не окажешься в больнице.

Я закрыла глаза.

– Да, Паркер, я приеду. Не забудь доказательства. – Когда его глаза сузились, я исправила. – Не забудь доказательства, пожалуйста. А теперь мне нужно ехать к маме.

– Ты не в том состоянии, чтобы садиться за руль.

Неужели теперь он озаботился моим состоянием? Мудак!

– Я и не сяду. Меня отвезёт Трэвис.

Патрик сжал челюсти.

– После завтрашней встречи мы обсудим дальнейшее трудоустройство мистера Дэниела.

Я кивнула. Он совсем охренел, если решил, что всё так и произойдет. Но, так и быть, пока я могла играть свою роль. Меня этому хорошо научили.

Хотя внутри во мне горело желание бегом броситься к дверям, я неподвижно сидела, любезно ожидая, пока Патрик медленно собирал свои вещи, в том числе копию своего договора, и складывал их в дипломат. Мудила наверняка не подозревал, что я сделала копию. Повернувшись к выходу, он, насмехаясь, проговорил:

– До завтра, Виктория. Мои наилучшие пожелания твоей матери.

Скотина!

Зазвонил мой мобильный, и на экране высветилось имя: «ВЭЛ».

Глава 24

Настоящее.

Я выскочила из внедорожника Трэвиса и понеслась в реанимационное отделение, где меня встретила Вэл. Я ничего не замечала вокруг, только выражение лица сестры. Она же врач, они не должны показывать свои эмоции.

– Боже мой, – через всхлипы пробормотала я. – Она умерла?

Вэл обняла меня.

– Нет, она жива, но надежды мало.

Она повела меня через двери по коридорам, и мы вошли в лифт. Потом снова

были двери и коридоры. Наконец, мы вошли в небольшое помещение, где стояли несколько стульев, аквариум и слишком много искусственных растений.

– Они знают, что мы здесь. Она пока на операции, медсёстры будут сообщать нам все новости.

По дороге сюда Вэл рассказала мне, что наша мать очень сильно травмирована. О внутренних повреждениях станет известно больше, как только проведут все необходимые исследования, хотя, ранее проведённые анализы показали, что у неё был повреждён позвоночник и, возможно, головной мозг. Очевидно, она не была пристёгнута, и из-за удара её выбросило вперёд. Благодаря подушке безопасности она не вылетела через лобовое стекло, но это стало причиной других проблем. Когда мы сели, я спросила её о том, что мучило меня с той секунды, как только мне позвонили.

– Ты думаешь, она действительно была пьяна?

Вэл закрыла глаза.

– Я не хочу так думать. Ведь она не взяла в рот ни капли, даже когда умер Рэндал. Зачем ей это делать сейчас?

Я встала и начала мерить комнату шагами.

– Вчера она хотела поехать ко мне. Если бы я только согласилась...

– Перестань. Если Мэрилин Саунд решила приложиться к бутылке с водкой, то в этом только её вина, не твоя. Тебя и без того всю жизнь обвиняли в слишком многих вещах. Не будем добавлять к ним и это. Не смей так думать. Слава богу, что больше никто не пострадал. Будучи доктором, я видела достаточно невинных людей, которые были травмированы или убиты пьяными водителями.

– В том-то и дело, – заявила я. – По-моему, она бы не стала этого делать.

Вэл с сомнением посмотрела на меня.

– Я знаю. Обычно я не вступаю за Мэрилин. Но мне кажется, тут что-то не так.

– Вик, тест на алкоголь не врёт. Мне тоже не хотелось в это верить, но от неё разило спиртным. К тому же ей сделают ещё один анализ крови, чтобы всё подтвердить. Мы узнаем больше, как только к нам выйдут.

Моя сумка завибрировала. Я посмотрела на телефон. Трэвис. Его сообщение было коротким и по существу:

«ГДЕ ТЫ, МАТЬ ТВОЮ?»

Я нажала кнопку вызова.

– Вэл, не объяснишь Трэвису, где мы находимся? Я понятия не имею. Не обратила внимания, как ты меня сюда вела.

Сестра кивнула, но я ещё даже не успела передать её мобильник, как в маленькой комнате раздался его глубокий голос.

– Только, блять, не говори мне, что ты уехала из больницы!

У Вэл округлились глаза.

Я ухмыльнулась.

– У него дар красноречия. – И я заговорила в телефон. – Мы в какой-то комнате ожидания. Может, ты будешь держать своё мнение при себе и поговоришь с Вэл? Она объяснит тебе, где мы.

Его голос тут же зазвучал в привычном тоне.

– Благодарю, миссис Харрингтон, я с удовольствием побеседую с добрым доктором.

Качая головой и улыбаясь, я протянула мобильник Вэл. Пока она объясняла Трэвису, как нас найти, я задумалась о мальчиках. Маркус был в университете, а Лайл? Для такого количества алкоголя в крови Мэрилин нужно было прилично напиться. Она начала до того, как он ушёл в школу?

Вэл протянула обратно мой телефон. На экране было имя Броди Филлипса. Я

выключила мобильник и убрала его в сумку. Судя по лицу Вэл, она видела имя. Я пожала плечами.

– Он один из юристов в «Крейвен и Ноулз». Наверняка, это по завещанию Стюарта. Перезвоню ему позже. – Меняя тему разговора, я начала крутить на пальце своё кольцо с огромным жёлтым бриллиантом. – Вэл? Как много нужно выпить, чтобы в крови обнаружилось так много алкоголя? Сколько порций?

Сестра на мгновение закрыла глаза.

– Зависит от того, как быстро она пила и ела ли до этого. В среднем, напиток считается по миллилитров 50, спиртное, я имею в виду. В её машине нашли бутылку водки. Так что, ей нужно было выпить, по крайней мере, порций десять, и выпить быстро. Если бы она пила дольше, этого потребовалось бы больше. Организм перерабатывает около 10 миллилитров в час.

– Десять! Пол-литра спиртного? Банка газировки – это триста тридцать миллилитров. Ты говоришь о большем объёме. – Я покачала головой. – Для того, кто почти двадцать лет и капли в рот не брал... тебе не кажется это странным? А кто-нибудь разговаривал с Лайлом? Она пила до того, как он ушёл в школу?

– Нет!

Мы одновременно повернулись на звук голоса нашего брата – он, Маркус и Трэвис вошли в маленькую комнатку. Мы с Вэл тут же поспешили к мальчикам, в то время, как Трэвис объяснил, как они встретились.

– Я увидел, как эта парочка слонялась по первому этажу. Решил, что с вами им будет лучше.

– Спасибо, Трэвис.

Когда Вэл, наконец, освободила из объятий Лайла, мы увидели его покрытое красными пятнами лицо и услышали боль в его голосе, когда он снова заговорил.

– Вэл, ты же врач. Почему ты не с ней? Она поправится?

Моё сердце разрывалось от переживаний за самого младшего брата. Он потерял своего отца. И даже я не хотела, чтобы его мать постигла та же участь. Вэл вновь обняла его, а Маркус сжал мою руку.

– Я не могу быть вместе с ней, – объясняла Вэл. – Мне нельзя. Это слишком сложно. Врачи должны думать головой, а не сердцем. – Она посмотрела ему в глаза. – Но не волнуйся. Здесь самые лучшие доктора. Она в хороших руках.

– Лайл? – спросила я. – Что ты имел в виду под тем «нет»?

– Я имел в виду, что она не пила, – вытирая тыльной стороной ладони глаза, ответил брат. – Когда я ушёл из дома, с ней всё было в порядке.

– А когда ты ушёл? – спросил Трэвис.

– Занятия в школе начинаются в девять. В этом году расписание звонков поменяли. До этого занятия начинались чуть раньше.

Мой взгляд метнулся к Трэвису.

– Миссис Харрингтон, можно вас на пару слов?

– Конечно. – Я развернулась к остальным присутствующим и сказала?

– Я буду снаружи.

Мы с Трэвисом вышли в коридор, завернули за угол и нашли уединённое местечко.

– Что ты думаешь? – спросил Трэвис.

– Кто-то сделал с ней это. Но почему?

Он потянулся было к моей руке, но остановился.

– Это предупреждение. Как раз то, о чём я говорил. Эти люди хотят обратить на себя твоё внимание.

– Тогда, мать их, им это удалось. Но кто эти люди и зачем им это нужно?

– Нам необходимо восстановить связи мистера Харрингтона.

Я опустила глаза и прошептала:

– На складе?

Большая ладонь Трэвиса поймала мою руку.

– Ты дрожишь.

Я не стала противиться его прикосновению. Оно было тёплым и успокаивающим.

– Мне холодно.

– Нет. Ты напугана, и я не виню тебя. Это опасные люди. Но я размышлял об этом. По-моему, тут замешаны совершенно разные интересы. Я могу ошибаться, но мне не кажется, что люди со склада, друзья... не думаю, что они опустились бы до такого.

Я кивнула.

– Хорошо. Тогда кто другие?

– Почему ты спросила меня об Альбини?

– Услышала имя и мне стало любопытно?

Поначалу Трэвис ничего не говорил, но его тёмные глаза сузились.

– Тогда, предположу, это всего лишь совпадение.

– Что именно?

– К доктору Конвей приходил Никколо Альбини.

Мои серые глаза тут же встретились с его взглядом.

– Тогда скажи мне, почему ты думаешь, что Альбини хотели бы поговорить со мной или привлечь моё внимание.

Трэвис повернулся на какой-то звук в коридоре, затем дотронулся до моего плеча и подвинул меня, оказавшись между мной и звуком. Я выглянула из-за его плеча и увидела проходящих мимо женщин в зелёных хирургических халатах. Он ответил мне сразу же, как только они исчезли из виду.

– Я пытался выяснить это с той самой ночи. Думаю, это как-то связано с их бизнесом. У семьи мистера Альбини было соглашение с мистером Харрингтоном. Теперь, когда решения принимаешь ты, они хотят твоей поддержки.

– И чтобы получить её, они решили убить мою мать?

Трэвис покачал головой.

– Понимаю... в этом мало смысла. Мы упускаем какой-то кусочек этой головоломки.

– А Паркер? – спросила я.

– После того, что ты мне рассказала, если он подготовит бумаги для аннулирования твоего брака, то принятие таких решений ляжет на него.

Я на минуту задумалась об этом.

– Как это всё работает? В смысле, Стюарт платил им?

– Нет, это они платили ему за прикрытие. Очень много платили.

– Значит, если Паркер докажет недействительность моего брака, то вся прибыль будет уходить ему?

– Да, – подтвердил Трэвис. – А если он заставит тебя подписать его договор, то сможет осчастливить людей вроде Кина и заодно убедить Альбини, что он влияет на твои решения. Рискну предположить, что эти выплаты никогда не появятся на твоём банковском счёте. Для него это реально самый лучший вариант развития событий. К тому же, если запахнет жареным, ему всё сойдёт с рук. Ты останешься единственной, кто будет нести ответственность за все сделки.

Я вновь выглянула из-за Трэвиса и увидела высокого мужчину с чёрными, но уже седеющими волосами, тёмные глаза которого смотрели в нашу сторону. По изысканному чёрному костюму и начищенным ботинкам я сразу же поняла, что

именно этот человек приходил в квартиру Вэл.

– Трэвис?

Должно быть, что-то прозвучало в моём голосе, потому что Трэвис тут же проследил за моим взглядом и резко развернулся. В мгновение ока он стал стеной, отделяющей меня от красивого солидного незнакомца.

– Мистер Альбини, – кивком поприветствовал его Трэвис.

Кто это был? Мой дядя? Тот самый, который предлагал моей матери сделать аборт?

– Мистер Дэниелс, – ответил высокий джентльмен. – Я услышал о несчастном случае, произошедшем с миссис Саунд. И пришёл предложить свою поддержку миссис Харрингтон.

Поддержку?

– Нетрудно представить, что после кончины мужа и нынешнего происшествия с миссис Саунд, миссис Харрингтон не в состоянии...

Я вышла из-за Трэвиса, протянула руку и как можно крепче пожала ладонь мистера Альбини.

– Здравствуйте, я миссис Харрингтон. Прошу прощения, но не могу припомнить, что мы знакомы.

– Миссис Харрингтон. – Голос мистера Альбини тут же стал вкрадчивым. – Вы прекрасны, как и ваша мать.

Я напряглась. В отличие от Вэл, я ничем не напоминала свою мать.

Он же продолжал.

– Моя семья... мы весьма сожалеем, что у вашей матери случился срыв и она попала в аварию. Надеюсь, что она полностью поправится.

– Как и я, мистер Альбини, а также остальные её дети.

– Миссис Харрингтон, я бы хотел переговорить с вами, в будущем. Есть вещи... вещи, которые, возможно, ваш муж не успел вам объяснить.

Я выпрямилась во весь свой рост, поддерживаемая присутствием стоящего позади Трэвиса.

– Мой супруг мало что скрывал, так что кое-что мне известно. Но, возможно, вы просветите меня по поводу деталей?

Его тёмные глаза засияли.

– С огромным удовольствием.

– Благодарю вас, мистер Альбини. Свяжитесь со мной или с мистером Дэниелсом, и мы продолжим исполнять обязательства Стюарта.

Губы мистера Альбини растянулись в улыбке.

– Прямо-таки музыка для моих ушей. И прошу вас, пожалуйста, называйте меня Никколо. Вы очаровательная женщина. Уверен, ваши родители очень гордятся вами.

– Могу сказать только за свою мать.

– А ваш отец? – спросил он.

– Джонатан Конвей перестал быть членом нашей семьи с тех самых пор, с каких я себя помню. Рэндал Саунд стал мне настоящим отцом.

Никколо кивнул.

– Мои соболезнования, миссис Харрингтон. Похоже, вашей семье выпала целая череда несчастий.

– Мне пора возвращаться к моим родным.

Он вытянул руку.

– Конечно, идите. Мы ещё поговорим. Позвольте лишь сказать, что я был очень рад вашему обещанию продолжить сотрудничество.

После того, как мы снова пожали друг другу руки, я ответила.

– Мой муж был известен своим деловым чутьём. Так что я не вижу никаких причин вносить какие-либо изменения. Остаётся лишь надеяться, что никакие несчастья не выведут меня из игры.

– Миссис Харрингтон, Альбини помогают тем, кто помогает Альбини. До скорой встречи.

– Да, Никколо, до скорой встречи. А теперь, извините меня. – Я кивнула и обошла своего дядю.

Всё время, пока длилась операция, пока мама приходила в сознание и её перевозили в палату, мы с Трэвисом не обсуждали ту встречу в коридоре. Мы покинули больницу, когда уже стемнело. Усевшись во внедорожник, я тут же проверила телефон. От Броди была целая куча сообщений. Я рассказала ему о Мэрилин, и он предложил приехать ко мне в больницу. Но это было слишком для меня, и я попросила его подъехать в мой пентхаус, как только вернусь домой.

– Мне нужно написать Броди, чтобы он приехал ко мне домой.

– Вообще-то, миссис Харрингтон, уже довольно поздно. Вы согласились поехать на склад. Вам так не терпится, чтобы вас оттрахали, что не можете подождать до завтра?

Я резко повернулась в сторону Трэвиса. Его челюсти были крепко сжаты, а руки так вцепились в руль, что побелели костяшки. Ему-то какое дело, чёрт подери?

– Речь вообще о другом, – ответила я спокойным голосом. – Я собиралась попросить его составить другой договор, на твоё имя.

– Зачем? Ты здорово меня удивила там, в коридоре. Ты вполне можешь быть крутой бизнесвумен, так что тебе не нужны ни я, ни Крейвен.

– Это если дело касается Альбини. Но ты нужен мне, потому что Кин, Крейвен и бог знает кто ещё хотят меня заполучить.

– Значит, ты хочешь, чтобы там стояло моё имя?

– Да, но пока я твой работодатель, этого не случится.

– А как держатель договора... – начал Трэвис.

– Мне по хрен. Мы каким-то образом должны разгрести это дерьмо и положить ему конец. Я вижу это так: когда Паркер заставит меня подписать свой договор, он не будет иметь никакой юридической силы, потому что я уже приму на себя обязательства по другому договору. Только Крейвен ничего не будет знать об этом, пока я не получу от него обещанные доказательства.

– Это, блять, гениально! – Трэвис поднял подбородок и бросил взгляд в мою сторону. – А знаешь, ваша беседа с Альбини... можно идеально обыграть это.

– Как это?

– Я уверен, Крейвену никогда не придёт в голову, что у тебя хватит смелости работать напрямую с Никколо.

Качая головой, я попыталась всё обдумать.

– Я по-прежнему подозреваю, что в аварии Мэрилин виновен кто-то другой. Не думаю, что она по своей воле выпила пол-литра спиртного за... Сколько? Два часа? Лайл утверждает, что в доме вообще не было алкоголя. Это значит, ей нужно бы было купить его и выпить за один присест. Ничего не понимаю. Зачем бы Альбини пытались убить мою мать? Если Никколо собирался лично поговорить со мной, зачем было причинять ей вред?

Трэвис пожал плечами.

– Это нелогично. Хотя он не смог связаться с тобой в ту ночь. Ну, помнишь,

когда ты трахала Филлипса или он трахал тебя.

– Не отклоняйся от темы, чёрт тебя побери. Ты думаешь, это они? А если не Альбини, то кто? Почему?

– Рискну предположить, что это мог быть Крейвен. Хотя это не в его духе, но, опять же, я ничего не знаю. Возможно, он не ожидал, что ты так быстро возьмёшь себя в руки. Возможно, это его запасной план.

– Стюарт всегда работал с Альбини?

– Всё время, что я был рядом с ним. – Трэвис склонил голову набок. – Люди многое говорят. Альбини уже долго контролируют эту территорию, но они не единственная семья. И не им задолжал твой дорогой отчим. Всё время появляются новые имена, которые жаждут власти. Авария могла быть подстроена, чтобы заставить тебя думать, будто это были Альбини, и чтобы ты разорвала с ними все договорённости.

– Блять, это похоже на роман. Такое дерьмо ведь не происходит на самом деле, да?

– Ну, это твоя мать лежит в больнице, а отчим утонул в океане. Так что сама мне и скажи, происходит ли это на самом деле или нет.

– Кому ты заплатил деньги? Кому задолжал Рэндал?

Выражение на лице Трэвиса наполнило меня чувством гордости.

– Твои навыки слушания улучшились. Ты следишь за тем, что тебе говорят.

– Ты тоже молодец – начал говорить полными грёбаными предложениями. Может, будешь продолжать в том же духе? Если знаешь, кто эти люди, скажи мне.

– Это семья Дуранте.

Я заморгала, пытаюсь вспомнить людей и лица.

– Почему эта фамилия мне так знакома?

– Твоя подруга Шейла, это её девичья фамилия.

Я откинулась на спинку сидения, на меня, словно удар кувалды, обрушился приступ тошноты.

– Она как-то замешана?

– Нет. Это сто процентов. Она знает о своей семье, об их бизнесе, но никак в этом не замешана. Подозреваю, именно поэтому она с таким рвением занимается благотворительностью типа Общества Харрингтона. Это её способ уравновесить зло, что совершают другие. Однако, её муж – совсем другая история... – Тёмные глаза Трэвиса покинули дорогу и уставились в мои, изучая и подталкивая к тому, чтобы я пораскинула мозгами и связала все факты воедино.

– Грёбаный сенатор Кин в родственных отношениях с мафиози, которые хотят обскакать Альбини?

– Так точно, миссис Харрингтон. Мои поздравления!

Я в крайнем недоумении взглянула на Трэвиса.

– Ты, блять, шутишь?

– Нет, я чертовски серьёзен. Если ты хотя бы чуть-чуть продемонстрируешь единство с Альбини, то впервые официально самолично трахнешь сенатора Кина. Только, вот думаю, он будет не очень счастлив обнаружить, что теперь его трахнули в зад.

Я постаралась вспомнить, о чём рассказывала мама.

– Так Никколо главный? Даже не знаю, как сформулировать. Глава семьи? – Это было похоже на грёбаную серию «Клана Сопрано».

– Нет, не он. Карлайл, старший брат Никколо.

– Мне кажется, я где-то читала про первенцев мужского рода и прочем дерьме, или это всё чушь для телесериалов?

Трэвис отрицательно покачал головой.

– Я не знаю всех деталей. Если честно, думаю, дочери тоже в почёте. Но как бы то ни было, Карлайл – самый старший сын в семье. – Он покосился в мою сторону. – У него только один ребёнок, Уесли.

– Правда?

Я знала Уесли, мы учились в одном классе, но опять же, я была старше, разве нет? Если бы не подмена моего свидетельства о рождении, я была бы на два класса старше Вэл.

– А у Никколо есть дети?

– Двое, но они младше. Был слух, что жена Карлайла какое-то время была обручена с Никколо. Не знаю, правда ли это, оно не имеет никакого значения. Если Никколо предложил тебе поддержку от лица семьи, у тебя она есть. Мать твою! Ты чертовски впечатлила меня! Всё-таки ты можешь работать мозгами не хуже, чем тем, что у тебя между ног.

Мудак! Я неохотно ухмыльнулась.

– Спасибо. Кстати, у меня есть ещё другие планы. Но сначала, мне нужно позаботиться о Паркере.

– При помощи того, что у тебя между ног?

– Этого я не планировала.

Трэвис сморщил лоб.

– Интересно, миссис Харрингтон. И кстати, это «мы», не «я».

– «Мы» что?

– Ты не поедешь на склад одна.

Я вздохнула, от всего сердца благодарная его присутствию.

– Паркер намекнул, что он потребует уволить тебя, как только я подпишу его договор. Мне кажется, ты ему не очень нравишься.

Трэвис пожал плечами.

– Так ведь ты уволила меня несколько дней назад. А вообще, срать я хотел на то, что ему нравится, а что нет. Тебе я тоже не нравлюсь. И всё-таки я здесь.

Я посмотрела в окно. Утренние тучи рассеялись, и привычная синь дня сменилась чернотой ночи. Мимо проносились машины и здания, я же думала об открывавшемся виде.

– Как так получилось, что я никогда не ездила впереди?

– Думаю, лучше спросить, почему ты делаешь это сейчас?

– Не знаю. Мне нравится. – Я кивнула головой в сторону заднего сидения. – Там было одиноко.

– Тебе нравится?

– Да, нравится. И отсюда лучше видно, намного лучше, чем сзади.

Трэвис кивнул.

– И ещё, – призналась я, – похоже, ты не такой уж и мудак, каким я тебя считала раньше.

– Взаимно, миссис Харрингтон.

Я откинула голову на сидение и стала наблюдать за проблесками океана между строениями.

Сияла полная луна и её отблески, словно миллионы маленьких зеркал, серебряными лучами отражались обратно в небо. Мы были уже почти у квартиры, когда я попыталась разобраться в происходящем, но ничего, казалось, не имело смысла.

Судя по тому, что рассказала мне мать, если Дуранте смогут доказать, что я – их с Карлайлом дочь – жива, то это послужит ещё доказательством тому, что Альбини –

лжецы, а Уесли не первенец Карлайла. Стюарт знал обо всём этом. Поддерживал ли он факт того, что я Конвей, перед обеими семьями? В конце концов, даже в мире, где доминируют мужчины, вряд ли бы тот, кто обеспечивает прикрытие Альбини, самой влиятельной семье в округе, стал бы делиться, тем более в открытую, дочерью кого-то из этой семьи.

Я не могла связно мыслить. Блять, да я своего имени не смогла бы вспомнить. Вернее, я его не знала.

Глава 25

Настоящее

– Ты, мать твою, совсем сошла с ума? – спросил меня Броди, проводя пятернёй по своим светло-рыжим волосам и расхаживая туда-сюда по кабинету Стюарта. Когда он остановился рядом с окном, я увидела его отражение в ночном небе. Недоумение, звучавшее в его голосе, отражалось и на его лице. Вместо того, чтобы ответить на вопрос, я откинулась на спинку кресла, чтобы он переварил всё мною сказанное. До верхушки айсберга информации о случившемся было ещё далеко, но так как почти все дни я проводила в больнице, у меня не было ни сил, ни времени объяснять ему всё то, что произошло с момента нашей последней с ним встречи.

– погоди, дай разобраться. Ты хочешь, чтобы я составил договор, типа того, что подготовил Паркер, но вместо имени Паркера там должно стоять имя Трэвиса Дэниелса? Вик, но это безумие. – Он развернулся ко мне, его аквамариновые глаза прожигали меня насквозь. – Если ты хочешь довериться кому-то, если тебе это действительно необходимо, доверься мне.

– Я не могу, Броди. Ты понятия не имеешь, о чём там речь.

– Чёрт! А Трэвис знает?

Я встала и подошла к нему, остановившись как раз на таком расстоянии от него, где бы он не смог меня коснуться.

– Я не хочу, чтобы ты видел, что там.

– Я читал этот грёбанный договор. И знаю, что там замешаны другие мужчины. Ты рассказала мне основные детали. Меня это не волнует. – Когда я опустила глаза, Броди шагнул ближе и поднял мой подбородок. – Вик, я хочу сказать, что всё это не имеет для меня никакого значения. Понимаешь? Ты больше, чем просто человек, подписавший договор. Я знаю это. Тебе нет необходимости возвращаться к тому, что было. Меня не волнует, чем Паркер, как ты считаешь, угрожает тебе. Меня не волнует, сколько других мужчин хотят заполучить тебя обратно. – Он притянул меня ближе и обнял своими сильными руками за плечи. Слушая ровное биение его сердца и вдыхая

свежий запах его лосьона, я позволила себе секундную передышку и расслабилась у него на груди. – Разве ты не доверяешь мне?

Я кивнула. Я доверяла ему, но не могла показать ему себя с той стороны. Одно дело было то, что он, по его мнению, знал. Другое дело – то, что ему предстояло бы увидеть.

Броди отодвинул меня за плечи и заглянул в мои глаза.

– Вик, значит ли это...

И он снова отвернулся.

– Чёрт. Скажи мне, что Паркер не один из тех мужчин. – Он повысил голос. – Скажи мне, чёрт побери, что Паркер Крейвен хочет получить этот договор, чтобы помочь тебе, а не потому что он один из тех, кто трахал тебя, когда Стюарт смотрел.

У меня заныло в груди. Броди думал, что этот договор ему по зубам. А он даже с толикой правды не смог совладать. Я покачала головой и села на софу.

Снова запустив пальцы в волосы, Броди начал мерить шагами кабинет. Почти у самых окон он развернулся и сказал:

– Я хочу убить его. Позволь мне убить его. Я убью, на хрен, их всех! Ты знаешь, кто остальные?

– Броди, ты не станешь никого убивать. У меня готов план. И часть его заключается в том, чтобы заключить договор с Трэвисом. Таким образом, тот, что я подпишу с Паркером, будет недействительным.

– Но Вик... – Он подошёл к софе и сел лицом ко мне. – Разве ты не понимаешь? Если ты подпишешь договор с Трэвисом, он получит над тобой точно такой же контроль, как был у Стюарта.

– Нет. Трэвис работает на меня. Он не станет ни к чему меня принуждать.

– Тогда зачем? Зачем этот договор?

– Броди, пожалуйста. Время уходит с каждой минутой. Я устала. Это был чертовски длинный день. Я бы сделала всё сама, воспользовавшись тем, что составил Паркер, и, поменяв имена, но Паркер сможет докопаться до какой-нибудь мелочи. Поэтому мне нужен идеальный с точки зрения закона договор.

– Да всё это, само по себе, ни хрена незаконно. Нет.

– Нет?

– Вик, ты не отвечаешь на мои вопросы. Я не буду этого делать. Я не могу, не могу составить его для тебя, особенно после всего, что сделал Стюарт. Ты заслуживаешь большего. Чего ты боишься? Кого ты боишься? Скажи мне. – Он снова

встал и начал расхаживать по комнате. – Я, мать твою, юрист. Если ты так сильно веришь Трэвису, пусть он будет рядом с тобой. Мне плевать. Этот мужик здоровый, как грёбаная гора. Никто не осмелится приблизиться к тебе, если он будет рядом. Но, чёрт побери, не уезжай на склад к Паркеру в одиночестве. – Он резко развернулся, не в силах справиться с энергией, которая курсировала по его телу. – Я, на хрен, клянусь, если он прикоснётся к тебе хотя бы пальцем...

– Броди, хватит. Я обещаю тебе, прошли те дни, когда я была жертвой. Я уже объявила о том, что в игре, в мире, о существовании которого даже не подозревала. Я жёстче, чем они думали. И меня недооценили в последний раз.

Броди упал передо мной на колени.

– Тогда позволь мне составить договор на своё имя?

Я покачала головой.

– Нет. Если мы так поступим, то Паркер поймёт, что ты мне помогаешь. Он уже может подозревать, что мы какое-то время действуем заодно. Я не могу так подставить тебя. Ты можешь потерять свою долю в конторе. – Я вытянула руку, и провела пальцами по его щеке, наслаждаясь ощущениями от его мягкой щетины. – Я того не стою.

Большие ладони Броди обхватили моё лицо.

– Не смей так говорить! Ты, чёрт побери, стоишь этого! Ты умная, охрененно красивая и... – его улыбка стала шире, – тебя не следует недооценивать. Ты очень этого стоишь. Чёрт возьми, Вик, я за две секунды уйду из «Крейвен и Ноулз», чтобы пойти за тобой, чтобы увезти тебя подальше отсюда, подальше от этих ублюдков.

Я вздохнула, наслаждаясь теплом его рук.

– Куда?

Аквамариновый взгляд помрачнел.

– Куда что?

– Куда бы ты увёз меня? – На меня свалилось столько дерьма, что маленькая фантазия казалась идеальным средством, чтобы успокоить мои расшатанные нервы.

Броди отпустил моё лицо и прижался своей щекой к моей щеке. Меня вновь окутал его свежий аромат, и мои губы разошлись в улыбке. Взяв меня за руку, Броди встал и передвинул меня. Затем уселся на софу рядом со мной. Вздохнув, я положила голову ему на грудь и стала слушать то, что он говорил, слова вибрировали по мне.

– Милая, я бы увёз тебя в любое место, куда бы ты захотела. Как насчёт нашего собственного тропического острова?

– Я как-то читала про одну пару, которая сбежала на тропический остров. Это было горячо во всех смыслах. Но я устала от жары. Прожив всю жизнь во Флориде, я мечтала о прохладе. Я покачала головой.

– Хорошо, никаких островов. Тогда, может быть, горы? – ответил Броди.

Это уже обещало прохладу. Я кивнула.

– Куда бы я не отвёз тебя, это должно быть удалённым местом, чтобы там были только мы.

– Мне нравится. – Я слушала свой собственный голос. Он звучал незнакомо. Я узнала в нём надежду, надежду на то, что мне больше не придётся слышать ни о каких планах и ничего не планировать самой.

– Тогда я увезу тебя туда. Куда-нибудь в горы, далеко-далеко. У нас будет дом у озера. Мне всегда нравились озёра. Ты когда-нибудь была на озере?

– Нет, только у океана.

– Озёра, особенно такие, каким будет наше озеро, они чистые и прозрачные. Мы сможем плавать там нагишом, когда захотим.

Я захихикала.

– А там будет холодно?

Его губы нашли мою шею. Я склонила голову набок, открывая ему полный доступ.

– Не волнуйся, красавица, я согрею твоё восхитительное тело. – Его тёплое дыхание омывало мою ключицу. – Я так и представляю тебя: по тебе стекают капельки воды, когда мы выходим из озера, твою чертовски мягкую кожу обдувает прохладный ветерок. От этого твои тёмно-розовые соски заостряются. Боже, как мне это нравится. – Внушительная эрекция, упирающаяся в мою спину, подтверждала это. – Охрененно здоровое покрывало расстелено на траве, а горы... они со всех сторон обступают озеро. И даже, несмотря на то, что сейчас лето... – он снова уткнулся в мою шею и прошептал, – на их вершинах лежит снег.

– Снег? – Я видела снег лишь один раз, когда путешествовала со Стюартом. Но мне так никогда не удавалось почувствовать, что же это.

– Да, детка, снег. Даже летом на вершинах гор лежит снег. А зимой его будет так много, что мы не сможем никуда пойти. Нам останется лишь дни и ночи напролёт заниматься любовью у камина, где будет гореть огромное ревущее пламя. А летом мы сможем подниматься на те вершины и кататься на лыжах, хотя мне больше нравится быть с тобой на покрывале.

– А у нас будут соседи? Кто-то будет наблюдать?

– Нет, никто не будет наблюдать. Больше никаких наблюдений. Только ты и я. Ты лежишь на спине. Твои затвердевшие соски смотрят на меня с этих охрененно сочных грудей. Я смотрю на тебя и вижу, как растрепались по покрывалу твои шелковистые волосы, вижу твоё прелестное личико, а потом замечаю, что твоя киска мокрая, но не из-за воды. Нет, ты мокрая и готовая для меня.

Я закрыла глаза и представила только что нарисованную им картину.

– Броди, а что мы будем делать на том покрывале?

Его член дёрнулся, и я поёрзала по нему.

– О, чёрт, Вик. Мы будем трахаться, как кролики в период течки.

Я рассмеялась.

– А у кроликов бывает течка?

– Конечно, и тогда они трахаются днями и ночами. Это просто невероятное зрелище. Знаешь... – его рука прошла по моему животу и спустилась к бёдрам, – они останавливаются только чтобы поесть. Им нужна энергия... – его учащённый пульс стучал у меня за спиной, – потому что когда они трахаются, член кролика-самца идеально входит в тесную щелочку кролика-самки, и они переживают самый лучший оргазм.

Моё дыхание становится неровным, внутри всё сжимается.

– А они кончают сильнее, чем как тогда, у стены в дешевом мотеле? Потому что, позволь тебе сказать, если это так, то им охрененно повезло. Это был самый лучший оргазм в моей жизни.

– Самый? – спросил Броди.

– Самый, – повторила я. – Но это не значит, что я сомневаюсь в этих маленьких кроликах. Может, им известно что-то, чего не знаю я.

– А ты знала, что крольчиха кричит, когда кончает?

– Неужели? И как это нравится кролику-самцу?

– Ему это охрененно нравится. Он обожает, когда она кричит. Он обожает любые звуки, которые она издаёт.

– А кролик тоже издаёт звуки?

Нежно притянув меня к себе, вместо ответа Броди со стоном поцеловал меня – страстным долгим поцелуем. Поцелуем, от которого внутри меня что-то шевельнулось, когда я подняла лицо ему навстречу, а моя задница опустилась на его член. Когда его язык осторожно коснулся моих губ, я открылась ему, впуская его, чувствуя его тепло и сладость. Я уже и забыла, как мне нравилось целоваться. И это

было не то же самое, что трахаться. В поцелуях была глубина и страсть. Настоящий поцелуй, такой проходит через всё тело, требует умения брать и отдавать. На складе никогда не случилось ничего подобного, за исключением, конечно, поцелуев со Стюартом. И даже тогда я только отдавала. Поцелуй же Броди давал мне силу, а не только забирал. Я сказала себе, что буду вспоминать его завтра, на складе. Сохраню его глубоко внутри. С такими мыслями я высвободилась из объятий Броди.

– Боже, Броди, на большее я сегодня не способна. А оно будет, если мы продолжим в том же духе.

Блеск тут же исчез из его необычных глаз.

– Ты по-прежнему хочешь, чтобы я составил этот договор?

– Да.

– И ты по-прежнему хочешь, чтобы там стояло имя Трэвиса Дэниелса?

Я кивнула.

Броди коснулся моей руки.

– Я найду то озеро, Вик. И когда я сделаю это, то мы будем вместе, только ты и я. Никаких, чёрт бы их побрал, Трэвисов и Паркеров, никого. Только ты, я и огромное покрывало.

Улыбаясь, я склонила голову набок.

– Спасибо. Спасибо, что составишь договор. А предложение с озером – просто волшебное, но я бы хотела, чтобы там было кое-что ещё.

– Что же?

– Кролики, потому что, по-моему, они необычайно возбуждают.

– О, красавица, они там будут, обязательно будут.

Я вздохнула, выходя из больницы. Несмотря на то, что стояла вторая половина октября, летняя жара вновь вернулась в город. Я мечтала о чёртовом озере и грёбаном снеге. Надвинув на глаза солнечные очки, я представила себе покрытые снегом горные вершины, и по моему лицу расплылась улыбка. Я подумала о матери. К счастью, ей становилось лучше. Она по-прежнему не приходила в сознание, но Вэл объяснила, что так даже лучше. Ей был необходим отдых, и нужно было время, чтобы прошёл отёк мозга.

Сев в машину, я посмотрела на подарок для Паркера, лежащий на заднем сидении. По словам Трэвиса, Стюарт поругался с Паркером по поводу того, что последний надеялся получить от этих встреч на складе. Меня до чёртиков взбесило,

как Трэвис рассказывал об этом – словно описывал какое-то грёбаное ТВ-шоу, но информация оказалась полезной. Я была уверена, Паркер оценит мой подарок.

Пока я ехала на склад, в голове крутились сотни разных мыслей. У матери была домработница, которая пообещала присматривать за Лайлом. Я подумывала о том, чтобы перевезти его к себе, но ему было проще добираться до школы из своего дома. К тому же, мне нужно было разобраться с другими делами. Маркус, хоть и жил на территории университета, пообещал, что каждый день будет забирать Лайла после школы и отвозить в больницу. Лайл уже получил водительское удостоверение, но ему ещё нельзя было ездить одному. Я посмотрела на часы, уповая на то, что время на складе пробежит быстро. Мне хотелось вернуться в госпиталь до того, как приедут мальчики. Всё это не давало мне покоя, но как только я подъехала к зданию склада, припарковала машину в привычном месте и выключила двигатель, на меня обрушилась реальность происходящего. Обрушилась, как чёртов молот на наковальню, словно в старых мультиках, тут же обездвижив меня. В голове кружились мысли, но тело не могло пошевелиться. С каждой проходившей минутой на коже выступало всё больше влаги от нарастающей жары. Мой рассудок твердил мне открыть двери и выйти из машины, но моё тело было словно парализовано. Я даже не понимала, что время на исходе, как вдруг раздался телефонный звонок. Я посмотрела на экран: ТРЭВИС.

Глубоко вздохнув, я провела пальцем по экрану.

– Алло. – Мой голос звучал слабо, а когда я посмотрела в зеркало заднего вида, то увидела, насколько побледнело моё лицо.

– Миссис Харрингтон, где вы?

Это приветствие было куда любезнее, чем его обычное «Где ты, мать твою?», к которому я уже привыкла.

– В своей машине.

– Твой GPS говорит, что машина стоит здесь уже около десяти минут. Сейчас чуть больше половины второго. Разве ты не хочешь быть уже внутри, когда он приедет?

На глаза навернулись слёзы.

– Ты здесь? Я не вижу твою машину.

Трэвис усмехнулся.

– А раньше ты её когда-нибудь видела?

Я покачала головой.

– Нет, по-моему, ни разу.

– Но я всегда был здесь, и сейчас я тоже здесь. Ты передумала?

– Нет, я не могу передумать. Мне нужно это сделать.

– Ты же понимаешь, его угрозы – это чушь собачья. Ты ничего не знала о своей настоящей дате рождения. Он не сможет аннулировать твой брак. Мистер Харрингтон проследил, чтобы всё соответствовало закону.

– Я знаю, – выдохнула я. – Но Паркер уверен, что я повелась на его дерьмо. И мне нужно, чтобы он продолжал в это верить.

– Миссис Харрингтон, вы не одна. Мне плевать на его планы, даже на ваши. Я обещаю, если посчитаю, что ситуация выходит из-под контроля, я сразу же дам о себе знать.

– Виктория, – прошептала я.

– Прошу прощения?

– Возможно, ты скоро будешь наблюдать за тем, как меня трахают, если мне не удастся отговорить Паркера. Так что, чёрт с тобой, называй меня Викторией. Ты наблюдал за этим годами, и это твоё «миссис Харрингтон» действует мне на нервы.

Трэвис рассмеялся, по-настоящему рассмеялся.

– Конечно, Виктория. Если то, как я обращаюсь к тебе – это единственное, что сейчас действует тебе на нервы, ради бога, я буду называть тебя Викторией. Кстати, ты можешь называть меня Трэвис.

Я вяло усмехнулась.

– Благодарю, Трэвис, думаю, я воспользуюсь твоим предложением. Учитывая обстоятельства, «мистер Дэниелс» звучит слишком официально.

– Не забывай, я здесь. Я смогу спуститься за семнадцать секунд и даже быстрее, если перепрыгну через перила.

– Я запомню. – Я сделала глубокий вдох. – Я вхожу.

– Хочешь повесить трубку или остаться на телефоне, пока будешь заходить?

Покинув машину, я, прижимая трубку плечом к уху, забрала с заднего сидения подарок.

– Знаешь, я даже представить себе не могла, что мне снова придётся вернуться сюда. Я действительно считала, что раз он умер...

– Что ты планируешь сделать с этим местом?

Войдя в помещение, я оглядела высокие кирпичные стены и начала спускаться по ступенькам.

– Как ты думаешь, его можно поджечь?

– Вряд ли, – ответил Трэвис. – Слишком мало дерева.

– Раз зашла речь о малых количествах... твои камеры видят то, что происходит снаружи? Ты узнаешь, когда подъедет Паркер?

Трэвис вновь усмехнулся.

– Приятно слышать, как ты шутишь. Нет, я не смогу увидеть, что там снаружи, но я узнаю, когда он наберёт код на двери.

Я дошла до конца ступенек и щёлкнула выключателями, чтобы зажечь свет над кроватью.

– Откуда он знает код?

– У всех них есть свой собственный код. Это была задумка мистера Харрингтона. И ещё он не хотел оставлять тебя одну внизу, чтобы открывать им дверь.

Я не хотела думать о том, что Стюарт оставался в своём кресле, чтобы защитить меня, я не могла.

– Что тебе видно через твои камеры?

– Всё. Не только кровать, я могу видеть всё помещение. Частью моей работы было следить за тем, чтобы никто не помешал друзьям мистера Харрингтона.

– Но никто, кроме Стюарта, даже Паркер, не знали, что ты здесь?

– Я никогда не выдавал своего присутствия.

Я оглянулась вокруг и вздохнула.

– Думаю, это даже к лучшему.

– Да, миссис... то есть Виктория, это к лучшему. Кто-то вводит код. Помни, ты не одна.

Я сбросила звонок и кивнула в сторону потолка, точно не зная, где расположены камеры. Подарок Паркеру я положила в кресло Стюарта. Это была длинная серебристая коробка с большим белым бантом. Может, это было чересчур, но, если он клонет, то я покажу новому правообладателю моего договора, какой послушной могу быть.

– Виктория, – голос Паркера прокатился по просторной комнате, когда он спустился на последнюю ступеньку.

Я повернулась к нему, широко раскрыв глаза.

– Ну и ну, как непривычно видеть тебя здесь полностью одетой.

– А мне в принципе непривычно видеть тебя здесь, – ответила я.

Он подошёл ближе и провёл пальцами по моей щеке. Я поборолла отвращение и не дёрнулась. Его голос был полон предвкушения.

– Думаю, до того, как мы разъедемся отсюда, нам нужно будет освежить те приятные воспоминания. Ты ведь знаешь, где находится повязка на глаза?

– Доказательство, Паркер. Я хочу увидеть то свидетельство о рождении, о котором ты говорил мне.

Паркер медленно обошёл вокруг, оглядывая меня с каблуков от Кристиана Лубутена до овального глубокого выреза блузки от Версаче. Его голос эхом отдавался от кирпичных стен.

– Это будет горьким разочарованием для тебя, Виктория – потерять все деньги, всё имущество, которые мой дорогой друг хотел оставить тебе. – Холодный палец Паркера проскользил вдоль моего ворота и стянул блузку с плеча. – Нет бретелей. – Его глаза расширились. – Какая умничка! Возможно, ты получишь немного снисхождения, когда я буду воспитывать тебя.

– Паркер, пожалуйста, покажи мне доказательство.

Стянув блузку со второго плеча, он сделал шаг назад, чтобы оценить, что получилось.

– У меня есть друзья, много друзей. Если ты решишь побороться со мной за право обладать договором, и этим заставишь меня придать гласности истинную дату твоего рождения, знай, они будут очень заинтересованы в твоих навыках. – Он вновь посмотрел на мои туфли. – Вряд ли ты сможешь позволить себе такие туфли, но для того, чтобы выжить, тебе хватит. Я отправил к ним множество сучек типа тебя. Мне уже известно, что они крайне заинтересованы в тебе. – Он сморщил лоб. – Многие слышаны о твоей киске. Друзья уже звонили мне.

Я молча стояла на месте, когда он стянул блузку вниз, обнажая мою грудь.

– Ты такая послушная. А я-то надеялся хоть на небольшое сопротивление. – Он ущипнул за один из сосков. – Должен признаться, мне нравится, когда сопротивляются.

О, ублюдок, я ещё покажу тебе, что значит сопротивляться.

– Прошу тебя, Паркер, позволь мне увидеть, что у тебя есть. Я знаю, каковы ставки.

Паркер положил свой кейс на кровать и открыл его. Я ахнула, когда увидела содержимое. Кроме документов там были и секс-игрушки, среди которых особенно выделялась скрученная плеть.

– Тебе нравится то, что ты видишь? – спросил он с противной ухмылкой, обнажившей зубы.

Чтобы собраться с силами, я закрыла глаза. Открыв их, я расправила плечи, успокаивая себя тем, что я не одна и схватила за блузку. Прежде чем Паркер смог вымолвить хоть слово, я стянула её через голову, затем расстегнула молнию на юбке и позволила ей упасть на пол. Оставшись в чёрных трусиках-стрингах и туфлях на каблуках, я улыбнулась ему своей самой лучшей улыбкой.

– Да. Мне всё нравится. – Я шагнула к нему и провела кончиками пальцев по его плечу. – Я не знала, что ты запланировал на сегодня, но, должна сказать, пока твой образ плохого мальчика меня очень возбуждает. – Я подняла руки к груди и покрутила соски. – Но, думаю, это и так очевидно.

Паркер протянул руку, чтобы схватить прядь, но я шагнула назад и покачала головой.

– Паркер, Паркер. Покажи мне своё доказательство, и я вся твоя. Тебе не нужно быть грубым... конечно, если ты сам этого не хочешь.

Он пробормотал что-то про сучек, которые им играют, и, порывшись в своём кейсе, вытащил оттуда знакомую папку.

Паркер протянул её мне, но я снова покачала головой, и мои длинные тёмные волосы упали на спину.

– На складе не хватает лишь одного... – Деревя. – Прочного стола, за которым можно просматривать договоры. А ты знаешь, что твой дорогой друг Стюарт любил заниматься этим на столе? А тебе так нравится?

– Хватит, мать твою, играть со мной. У меня есть доказательства против тебя, – сказал Паркер, следуя за мной на кухню, что находилась в дальнем углу склада. Я не знала, видели ли друзья всё помещение. Но эту часть с кровати точно не было видно. Взяв халат, свисавший с одного из высоких табуретов, я накинула его на себя.

– Садись. – Усевшись на табурет, я похлопала по соседнему. – Для начала позволь мне взглянуть на бумаги.

Не отрывая от меня взгляда, Паркер сел и открыл папку. С самоуверенным выражением на лице он указал на свидетельство о рождении, выданное в штате Коннектикут.

– Виктория, ты родилась девятого октября. Это маленькое противозаконное изменение данных имеет серьёзные последствия, как ты сама выразилась. – Затем он протянул мне копию фальшивого свидетельства. – Ты лгала.

Когда я взяла свидетельство, у меня открылся рот, а пальцы онемели. Даже уже зная правду, я ощутила настоящее потрясение, увидев документ вживую. Я провела пальцами по печати. Это была я, и одновременно не я. Всё, что я знала о себе, оказалось ложью. Я даже не была Конвей. Моя личность исчезла.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы она не тряслась, а Паркер грубо схватил меня за подбородок, чтобы мои глаза смотрели на него.

– И что ты скажешь на это?

Я пустила слезу, пытаюсь покачать головой в его хватке.

– Это правда. Но как? Почему Стюарт не сказал мне? Почему мама не сказала?

– Срать я хотел на то, как это оказалось правдой! Главное, что так и есть. И мне по херу, почему они тебе ничего не сказали.

Порывшись среди бумаг, он достал договор и положил его на свидетельства, а затем вытащил из кармана пиджака ручку и протянул её мне.

– Подписывай.

Что я, всхлипывая, и сделала. Расписалась везде, где ставила подпись вчерашним вечером. Единственное, договор с Трэвисом включал пункт о том, что теперь я не могла ничего подписывать без его согласия. Каждая моя «Виктория Харрингтон», поставленная там, куда указывал Паркер, была обманом. Это был мой план «Б». И я молилась, что мне никогда не придётся им воспользоваться.

Когда последняя страница была подписана, Паркер забрал договор и положил его обратно в папку. Откинувшись на табурете, он вздохнул.

– Виктория, я получу невероятное наслаждение от того, что ты будешь исполнять все мои желания.

От одной только мысли об этом моя кожа покрылась мурашками.

Я встала и наигранно сглотнула.

– Я не знала, к чему готовиться. И я надеялась... – Я сделала глубокий вдох. – Теперь это уже не имеет значения. Я привезла тебе кое-что, чтобы показать, что я могу быть послушной. Могу быть почтительной. – Я опустила глаза. – Это... что ж, судя по тому, что я увидела в твоём кейсе, тебе должно понравиться.

Паркер поднял бровь.

– Ты меня заинтриговала. Что ты приготовила для меня?

Я взяла его холодную, влажную ладонь и повела к креслу у кровати.

– Присаживайся, пожалуйста. Думаю, теперь это твоё кресло, – подняв коробку, сказала я.

Когда Паркер сел, я сняла халат, села на колени у его ног и с притворной покорностью протянула ему серебристый подарок. Паркер молча снял бант и открыл коробку. Развернув токую бумагу, он уставился на полуперчатки из чёрной кожи, типа тех, что носят штангисты, и длинный гладкий стек. Его глаза расширились.

– Стюарту нравились такие вещи. Я подумала, может, и тебе понравятся. – Я повернулась к его кейсу и плети. – Я видела, что ты принёс, и выбор за тобой, но мне хотелось бы набраться для этого смелости. Я никогда...

Я нарочито оборвала фразу, опустил лицо и вызвав слёзы.

– Охренеть! – воскликнул Паркер, не отрывая глаз от моего презента. – Стюарту нравилось это?

Я кивнула.

– Да, ты удивлён?

– Чёрт, нет... да. Я и не подозревал, что он такой эгоистичный ублюдок.

Я потёрлась попой о каблуки.

– Он называл это «нашим особым временем».

Паркер снова посмотрел на перчатки в коробке.

– Зачем...

Не дав ему закончить, я объяснила:

– Порой Стюарт невероятно увлекался этим. Он говорил, что перчатки не позволяют руке скользить по кожаной рукояти. Тебе не обязательно их надевать. Как пожелаешь.

На его лице вновь появилась мерзкая улыбка, больше похожая на оскал.

– Нет, они мне нравятся. – Он показал в сторону кровати. – И, чёрт побери, я хочу их испробовать.

Я кивнула.

– Я могу отойти в ванную и приготовиться для тебя?

– Да. Но не задерживайся.

Мне было видно, как из брюк выпирает его маленький тонкий член.

– Хочешь, я помогу тебе раздеться?

– Нет, иди. И поторапливайся там!

Я медленно встала и направилась в ванную. Прежде чем закрыть за собой дверь, я повернулась и увидела, как Паркер расстёгивает рубашку и снимает брюки. Заперевшись внутри, я села на край душевой кабины и постаралась выровнять дыхание. Я понятия не имела, через сколько времени цитоксан, находившийся в перчатках, впитается в его кожу. Коробка специально оставалась в машине, и жара способствовала его проникновению в пористый материал. Но я знала, что процесс оказался наиболее эффективным, мне нужно было сделать так, чтобы его ладони вспотели. И, как бы я не ненавидела то, что мне придётся сделать, это было, увы, моим единственным шансом. Через несколько минут я собралась с силами, сделала глубокий вдох и вернулась к кровати.

Увидев Паркера в трусах, носках и туфлях, я пожалела о том, что мои глаза не были закрыты повязкой, я никогда не смогу изгнать из памяти эту картину. Даже в кожаных перчатках и стеклом, он выглядел не как Доминант, а жалкий мужик с маленьким членом. Посмотрев на кровать, я заметила атласные фиксаторы, и в то же мгновение ко мне повернулся Паркер.

Мне нужно было взвешивать каждое своё слово, чтобы его руки вспотели. И не забывать про самую важную часть моего плана – он не должен был прикоснуться ко мне. Хотя препарат был на внутренней стороне перчаток, не было гарантии того, что он не выделится через кожу.

Объявляя о своём возвращении, я сказала:

– Паркер, знаю, это твоё шоу. Поверь мне, я знаю, как это работает. Но если хочешь, я расскажу тебе, что обычно делал Стюарт.

Когда он ничего не ответил, я подняла крепкую атласную ленту и пропустила её через пальцы.

– Стюарт всегда говорил, что самые сильные ограничения у меня в голове. Он говорил, что мог бы связать меня, но это не научило бы меня повиноваться. Со свободными от фиксаторов руками и ногами, мне нужно было оставаться в нужном положении несмотря ни на что. Он говорил, что физические ограничения – это слишком просто. – Я подняла бровь. – Ведь ты наверняка заметил, что я никогда не была связана?

Паркер кивнул.

– Похоже, Стюарт разбирался в этом куда лучше, чем я думал.

Я же продолжала.

– Он говорил мне, что делать. – Я склонилась над кроватью, вжавшись грудью в мягкое покрывало, вытянула руки над головой, а попу подняла вверх и раздвинула ноги. – Это была одна из его самых любимых поз.

Паркер подошёл ближе и провёл кончиком стека между моих лопаток и ниже по спине. Я застонала.

– О боже, Паркер. Я не хочу рассказывать про остальные вещи, которые любил Стюарт. Пожалуйста, не заставляй меня говорить об этом.

Стек с силой обрушился на мою попу.

– Блять! – закричала я.

– Скажи мне. Скажи мне то, о чём не хочешь говорить.

Я покачала головой.

Хлыст вновь опустился с резким звуком.

– Ты сделаешь, как я говорю. – Ещё один удар. – Не заставляй меня, мать твою, повторять. – Стек снова опустился на меня. – Кивни, если поняла.

Сукин сын! Я кивнула и торопливо ответила ему.

– Стюарту нравилось дразнить меня. Он сначала возбуждал меня, а потом заставлял ждать. Он не прикасался ко мне, даже, когда я умоляла об этом. Я повернулась к Паркеру с настоящими слезами в глазах, и, молясь, чтобы он действительно оказался настолько тупым, взмолилась:

– Прошу тебя, не дразни меня. Я не думала, что вновь окажусь здесь, но это случилось, и я чертовски возбуждена. Я хочу, чтобы ты был внутри меня.

Ещё один удар. Я уже чувствовала, как на моей коже появляются рубцы, и изо всех старалась сохранить свою позу.

– Мой малюсенький член? – язвительно усмехнулся Паркер. – Ты хочешь мой малюсенький член?

Щелчок. Моя задница горела огнём.

– Да, прошу тебя, Паркер. Я жалею, что так сказала.

Удар и ещё удар. Когда стек оказался на внутренней поверхности моего бедра, наше уединение нарушил звонок моего телефона.

Я встала, не чувствуя попы, и подняла обе руки вверх.

– Прости, Паркер. Я знаю правила, но мне могут звонить насчёт мамы. Позволь, я посмотрю, не из больницы ли это.

Я взглянула на номер: ТРЭВИС.

Проведя пальцем по экрану и наблюдая за взглядом Паркера, я ответила на звонок.

– Здравствуйте, это миссис Харрингтон.

В ухо мне заговорил тихий голос.

– Если этот мудак ударит тебя ещё раз, я перепрыгну через грёбанные перила и убью его голыми руками.

Я уронила голову на грудь и отвернулась от Паркера.

– О нет! Когда это произошло?

– Я позаботился о документах. Ты хорошо поработала, чтобы отвлечь его, Виктория.

Наш план заключался в том, чтобы Паркер оставил свидетельства о рождении и договор на кухне, и, пока я отвлекала на себя всё его внимание, Трэвис должен был выкрасть все документы, а договор заменить на обычный договор между Доминантом и сабмиссивом. Если наш план сработает, нам бы не хотелось, чтобы в его бумагах нашлось хоть что-то, где стояло бы моё имя.

Я кивнула.

– Конечно, я приеду как только смогу.

– Не забудь, он не должен касаться тебя, – предупредил меня Трэвис, прежде чем я сбросила звонок.

Я вновь развернулась к мистеру Малюсенький Член.

– Ох, Паркер, мне очень жаль, но это звонили из больницы по поводу мамы. Что-то произошло, и они хотят, чтобы приехали все члены семьи. Я не могу оставить Вэл и мальчиков одних.

Я наблюдала за нерешительностью в его взгляде. Наконец, он проворчал:

– Ладно. У нас ещё много времени для моих игр.

Чёрт, надеюсь, что нет!

Потирая свой стояк рукой в перчатке, он добавил:

– Как и для игр Стюарта. В следующий раз ты расскажешь мне больше.

– Да, – ответила я, схватила свои вещи и побежала в ванную. Там я, похоже, целую вечность мыла руки. Хотя, если цитоксан попал на мою кожу, это было бесполезно. Но, как бы то ни было, от этого мне стало легче.

Полностью одевшись, я вышла в комнату и увидела, как Паркер потирает руки.

– Всё в порядке? – взяв телефон и сумку, спросила я.

– Да, мне понравились перчатки. Думаю, что воспользуюсь ими и в следующий раз.

Этого не будет, если цитоксан подействует, как задумано.

– Оставь их здесь, если хочешь. Воспользуемся ими в следующий раз. – Я подвигала бровями вверх-вниз. – Конечно, если ты не думаешь, что они понравятся Мойре.

Паркер со злостью зыркнул на меня и прогремел:

– Мы воспользуемся ими снова. И не смей упоминать...

Быстро направившись к лестнице, я крикнула через плечо:

– Прости, Паркер, но мне действительно нужно бежать. До скорой встречи. – Я широко открыла глаза. – Запрёшь двери, ладно?

Не дождавшись его ответа, я распрямила плечи, поднялась по ступенькам и вышла на улицу.

С этим местом, чёрт бы его побрал, покончено! Пусть оно сгорит или его сравниют с землёй. Мне плевать!

Глава 26

Настоящее.

– Трэвис? – Я говорила с ним по системе беспроводной связи, установленной в моей машине.

– Отличная работа, Виктория. Ты в порядке?

Мои губы растянулись в улыбке. Вот только чем она была вызвана, звучащей в его голосе заботой или тем, что он назвал меня по имени?

– Спасибо. Хотя, моя задница адски болит, но, если это окажется последним, что сделал этот ублюдок, то оно того стоит.

– Он точно не прикасался к тебе перчатками?

– Нет. И он не касался ими кровати?

– Нет, – подтвердил Трэвис. – Я не спускал с него глаз. Он надел перчатки, когда разделся. После того, как ты ушла, он подрочил. Перчаток на нём не было, так что можно лишь надеяться...

– Боже! – Я сморщила нос, стараясь не представлять эту картину. – Я думала, не может быть ничего хуже, чем увидеть его в трусах, туфлях и носках. Тебе нужно будет промыть глаза с мылом, раз ты наблюдал, как кончает Мистер малюсенький член.

Трэвис рассмеялся.

– Я видел кое-что и похуже. И думал только о том, чтобы это дерьмо не оставило брызг.

– Теперь нам остаётся только ждать. Если всё сработает так, как говорила Вэл, то это не займёт много времени.

– Куда ты едешь? – спросил Трэвис. – Мне не нравится, что ты осталась одна. Ещё ничего не кончено.

Я моргнула, чтобы сфокусироваться на потоке транспорта впереди.

– Возвращаюсь обратно в больницу. Скоро должны приехать мальчики. И я хочу проверить, как мама.

– Мне нужно убраться здесь, но, раз Крейвен ушёл, то, думаю, я оставлю всё как есть, и встречу с тобой в больнице.

Я согласилась.

– Убирайся оттуда ко всем чертям и не забудь зажечь спичку, когда будешь уходить. С этим притоном покончено.

– О, не так быстро, кажется, я помню, что в договоре...

Если бы не нотка сарказма в его голосе, я бы врезалась в другую машину.

– Нихрена! – оборвала его я. – Он увидит свет, только, если Мистер малюсенький член выживет и начнёт требовать договор, который не может найти.

– Виктория, – тон Трэвиса снова стал деловым, – увидимся в Мемориальном госпитале.

– Да, – ответила я, кивая, и нажала на руле кнопку «Завершить звонок». Через секунду мой телефон зазвонил вновь. На экране на приборной панели высветилось имя: «БРОДИ ФИЛЛИПС». Я нажала «Принять вызов».

– Здравствуй, Броди.

– Боже, Вик, я ни о чём другом думать не могу. Ты как? Что произошло?

Я закусила нижнюю губу. Нельзя допустить, чтобы он узнал... узнал, кем я была, что я вновь натворила...

Я постаралась, чтобы мой голос звучал, как можно небрежнее.

– Он не приехал.

– Что? – явно озадаченный спросил Броди.

– Паркер не приехал. Он сказал мне быть там в два. Я так и сделала. Ждала его и вот уехала несколько минут назад. Не знаю, что и думать, учитывая всё эту тягомотину с договорами. Я не в курсе, что у него случилось.

– Значит, он не прикасался к тебе?

– Броди, – я нарочито медленно выговаривала слова, – Паркера не было на складе. Я не видела его. Он не прикасался ко мне.

– Слава богу! – воскликнул он. – Но сейчас, сейчас у тебя грёбаное соглашение с Трэвисом.

– Не волнуйся об этом. Ничего не будет.

– Не волноваться? Я, чёрт побери, уже на грани. Я не спал. Ты нужна мне. Мне нужно убедиться, что с тобой всё в порядке.

Я подумала о своей заднице. Мне никак нельзя было видеться с Броди, не для того, чего хотел он. Следовало выждать пару дней.

– Со мной всё хорошо. Я еду в больницу, чтобы повидать маму. О! – У меня возникла идея. – Ты тоже можешь приехать в больницу. Ведь её обвиняют в вождении в нетрезвом виде. Ей нужен адвокат. Заезжай, чтобы договориться о представительстве.

– Вик, уровень алкоголя в её крови превышал норму почти в четыре раза...

– Я не говорила, что ты должен выиграть это дело, но, возможно, ты сможешь помочь. Броди, я понимаю, это лишено всякого смысла, но, по-моему, она этого не делала.

– Ты думаешь, что кто-то влил в неё спиртное и усадил в машину? – Он даже не пытался скрыть свой сарказм.

Я распрямила плечи.

– Да.

– Вик, я не волшебник.

– Ладно, – отрезала я. – Если не хочешь представлять её интересы, я позвоню Паркеру.

– Нихрена. Я сделаю это. Увидимся там.

Я ухмыльнулась. Как же легко им управлять!

– И тогда ты убедишься, что со мной всё в порядке.

– О, ты в полном порядке. Но от мимолётной встречи с тобой в больнице в порядке не буду я. Полночи я провёл, волнуясь о тебе, а другую половину – о грёбанных кроликах. Мне нужно побыть с тобой наедине.

Из меня вырывается усмешка. Как можно смеяться после того, что я только что сделала? Но, возможно, это потому, что я уничтожала этих подонков одного за другим, и из-за этого моя мечта о нормальной жизни в горах казалась неожиданно достижимой.

– До встречи в больнице, – сказала я и завершила звонок.

Я добралась до больницы раньше братьев, и Вэл встретила меня в коридоре у палаты нашей матери.

– Она приходит в сознание.

Я кивнула, прочитав по лицу сестры, что это ещё не вся информация.

– Она ещё не может связно изъясняться, и это нормально. Меня больше беспокоит то, что именно она говорит.

– Почему? Если она всё равно не может связно изъясняться?

Вэл наклонилась ближе.

– Она продолжает твердить «нет» и просит кого-то остановиться. Потом начинает плакать. Вик, я попросила дать ей транквилизатор. Они дали. Через пару минут она совсем не сможет говорить. Я не хотела, чтобы Маркус и Лайл увидели её в таком состоянии.

– Разве не хорошо, что она заговорила?

– Хорошо, – согласилась Вэл. – Я просто никак не могу выбросить из головы то, что ты говорила. Возможно, она этого не делала. Но тогда кто? Кто сделал это с нашей мамой?

Я напряжённо вздохнула и посмотрела в оба конца коридора, но не увидела никого, кроме медсестёр за большой круглой стойкой, которые не смогли бы нас услышать.

– Я понятия не имею, Вэл. Честное слово. И ты сама знаешь, что я никогда не была фанаткой Мэрилин. Чёрт, скорее прямо наоборот – Стюарт мог бы подтвердить, но я не думаю, что она ни с того ни с сего решила пустить под хвост почти двадцать лет трезвого образа жизни. Она слишком гордилась тем, что покончила с пьянством.

Вэл кивнула, и мы одновременно повернулись на звуки голосов наших братьев. Она сжала мою руку.

– Я пойду посмотрю, как там она. Потом выйду и заберу вас, – прошептала сестра.

Я кивнула, когда она уже исчезла за дверью, а Маркус и Лайл остановились рядом со мной. Я повернулась к ним, улыбаясь своей фирменной улыбкой, и обняла каждого из братьев. Они стали такими высокими, что мне пришлось привстать на цыпочки. Мои маленькие братишки выросли в мужчин.

– Привет, я так рада, что успела к вашему приезду. Вэл сказала...

Через некоторое время после того, как нам позволили войти в палату матери, туда же, постучав, вошёл и Трэвис.

– Миссис Харрингтон, я буду прямо за дверью.

– Спасибо, Трэвис. – Меня удивило, что от звука его голоса с меня спало напряжение. После того, как я покинула склад, не произошло ничего, что могло бы вызвать у меня подозрения. Однако, учитывая упомянутых Паркером друзей и всё, что происходило между Альбини и Дуранте, присутствие Трэвиса немного успокаивало моё волнение. Уже позже, когда мальчики уехали, у меня зазвонил телефон.

– Алло?

– Миссис Харрингтон, это Триш из «Крейвен и Ноулз».

Я взглянула на часы – было уже почти шесть вечера. В голове замелькали бесчисленные вопросы. Как так быстро прошёл день? Почему до сих пор ничего не слышно от Броди? И что они сделали с этой идиоткой, чтобы заставить её работать после шести? Единственный ответ, что пришёл мне в голову, был к последнему вопросу: наверное, она была слишком занята, проводя время под чьи-нибудь столом, чтобы заметить который час. Подавив улыбку, я ответила:

– Да, Триш.

– Мэм, простите, что беспокою вас. Но мистер Крейвен хотел бы, чтобы вы приехали к нему в офис прямо сейчас.

Я посмотрела на спящую маму.

– Триш, прямо сейчас я нахожусь в больнице, у своей матери. Не самое удачное время. Мистеру Крейвену придётся подождать.

– Мэм, он сказал, что это срочно. Это связано с завещанием вашего мужа.

Грёбанный мудака! Я снова напряглась. Какого хера ему нужно? Выдохнув, я неохотно согласилась.

– Ладно, передай мистеру Крейвену, что я еду.

– Да, миссис Харрингтон. И...

Я ждала, в конечном итоге, даже не пытаясь скрыть раздражение в своём голосе, я спросила:

– И что, Триш?

– Мне кажется, мистер Крейвен неважно себя чувствует. Если можете, поторопитесь. Прошу вас.

Я не смогла бы подавить улыбку, даже если бы захотела.

– Может, тогда лучше перенести встречу.

– Нет, я спросила его, но он сказал, что это срочно.

– Я еду.

Собрав свои вещи, я в сопровождении Трэвиса двинулась по длинному коридору в сторону лифта. Мы уже почти подошли к нему, когда я заметила в стороне двух беседующих мужчин. Тот, что помоложе, чуть развернулся, и меня накрыло ощущение deja vu. Я знала его или когда-то знала. Мой разум заработал, в то время, как я безуспешно пыталась отвести взгляд. Он повернулся, и наши глаза встретились. Я тут же осознала, что смотрю на своего брата. Внутри у меня всё сжалось. Это больше не был симпатичный парень, с которым я встречалась. Теперь всё стало куда сложнее.

– Виктория? – голос Уесли эхом прокатился по коридору и звучал куда мужественнее, чем я помнила. Осматривая его с ног до головы, я поняла, что он действительно превратился из мальчика в мужчину. Сейчас его тёмные волосы были подстрижены и уложены, плечи стали шире. Он прилично повзрослел и стал ещё красивее. У меня было то же чувство, когда я смотрела сейчас на Маркуса и Лайла, на то, как они выросли после стольких лет. В моих чувствах к этому мужчине не было ничего близкого к сексуальному влечению. Меня даже немного подташнивало от того, что когда-то я всё-таки испытывала к нему нечто подобное.

Услышав моё имя, мы с Трэвисом остановились. Я сохраняла контроль над эмоциями и невинно спросила:

– Да?

– Виктория Харрингтон?

– Да, это я. – Я позволила глазам широко распахнуться. – Уесли? Уесли Альбини?

Боковым зрением я увидела, как фигура Трэвиса стала ещё выше и шире в плечах. Даже без слов ему удалось заявить о своём присутствии.

– Когда мой дядя попросил меня... – Уесли покачал головой. – Меня не было в стране, я даже представить себе не мог.

Я склонила голову набок.

– Никколо – твой дядя?

– Да, и он попросил меня приглядывать за тобой. – Уесли кивнул Трэвису и протянул ему руку. Мужчины молча обменялись рукопожатиями, а потом Уесли вновь повернулся ко мне.

– Я вижу, что ты в хороших руках. Мы и не думали иначе. Но просто, если мой дядя о чём-то просит, для того должны быть веские причины.

– Я уже поняла, что от лишних мер предосторожности хуже не будет. Передавай своему дяде мои благодарности, и, надеюсь, это будет ненадолго.

Мужчина рядом с Уесли повернулся. Он был старше, и у него была запоминающаяся внешность. В его тонких чёрных волосах проглядывала седина. Его сходство с Никколо было очевидным. Моё сердце забилось сильнее, когда я впервые в жизни посмотрела в глаза своего отца. *Ты не должна была родиться.* Слова моей матери так и звенели в моей голове. Мой отец протянул мне руку.

– Миссис Харрингтон, приятно с вами познакомиться.

Я протянула свою руку в ответ.

– Прошу прощения, мы знакомы?

Он слегка поклонился и поцеловал тыльную сторону моей ладони.

– Миссис Харрингтон, мои извинения. Ваш муж играл важную роль в жизни нашей семьи. Моя ошибка в том, что я так и не представился прекрасной супруге мистера Харрингтона до его кончины. – Выпустив мою руку, он продолжил говорить, каждое его слово звучало искренне, – Сожалею о вашей утрате. Я впервые увидел вас на похоронах вашего мужа. Вы были со своей семьёй. – Взгляд его тёмных глаз стал мягче. – Потом вы разговаривали с вашей матерью, – он покачал головой, – я не хотел вмешиваться.

Распрямив плечи, мужчина произнёс:

– Миссис Харрингтон, я Карлайл Альбини. – Его взгляд переместился на Уесли, а тон голоса смягчился. – И, похоже, вы знакомы с моим сыном.

Я вновь посмотрела на Уесли.

– Да, сэр. Мы давно знакомы.

Карлайл весело шлёпнул Уесли по плечу.

– До того, как она вышла замуж? И ты позволил ей уйти? Ты в своём уме?

Щёки Уесли стали пунцовыми.

Карлайл снова взглянул на меня.

– Возможно, когда-нибудь вы простите моего сына. Когда мы молоды, порой мы принимаем такие решения, о которых со временем жалеем.

– Боюсь, сэр, между нами не было ничего серьёзного. Мы с Уесли были друзьями.

– Жаль, – ответил Карлайл. – Такая прекрасная женщина как вы смогла бы украсить нашу семью.

Я негодуяще подняла подбородок. Он знал. Я знала, что он знал. Но только в его словах не было ничего угрожающего, они звучали как поддержка.

Но прежде чем мне удалось ответить, заговорил Уесли.

– Виктория, пожалуйста, прости моего отца. Похоже, он думает, что имя нашей семьи умерло. Я говорил ему, что двадцать восемь лет – не такой уж большой возраст, но он-то женился на моей матери совсем молодым

Вновь обретя способность говорить, я улыбнулась.

– Будет вам, мистер Альбини! Мне тоже всего двадцать восемь, но, надеюсь, вы не сочтёте меня старой. Ведь, как вам известно, я вдова.

Он кивнул и опустил глаза. Когда наши взгляды встретились, искра, которую я видела мгновение назад, погасла.

– Никколо сказал мне, что кончина вашего мужа не повлияет на наш бизнес? Я бы хотел обсудить это с вами лично.

– Ваш брат прав. Я не планирую торопиться что-то менять. И буду рада побеседовать с вами на эту тему, однако сейчас я спешу на встречу.

Уесли и Карлайл кивнули.

– Тогда в следующий раз. Хорошего дня, миссис Харрингтон. – Карлайл легонько сжал мою руку и тихо прошептал, – смерть вашего мужа открыла двери, которым лучше оставаться закрытыми. Знайте, что мы крайне ценим вашу лояльность по отношению к нашей семье. Я сожалею о вашей матери. Думаю, это было сделано с расчётом на меня. К тому же вы двое... – он кивнул в сторону Уесли, – когда-то были друзьями. Можете не сомневаться, те двери, что я упомянул, скоро будут закрыты, и вам нечего будет опасаться.

– Благодарю вас, мистер Альбини.

– Карлайл, – поправил он.

Я кивнула и проглотила ком в горле.

– Карлайл.

Вытащив из нагрудного кармана своего шёлкового пиджака визитку, он протянул её мне.

– Миссис Харрингтон, это мой личный номер, он мало кому известен. Если вам что-то понадобится, звоните.

Взяв визитку, я изо всех сил постаралась сохранять спокойствие и задала ему ещё один вопрос.

– Вы сказали, что мне нечего будет бояться. Мне это всё в новинку, так что хочу уточнить, это распространяется на всю мою семью?

Карлайл и Уесли одновременно закивали головами.

– Спасибо, Карлайл... Уесли. – Я кивнула каждому из них. – Надеюсь, в звонке не будет необходимости.

– Впредь, миссис Харрингтон, Альбини всегда будут готовы помочь вам, как если бы вы были членом семьи. Ошибки ошибками, но, смею вас заверить, мы никогда не бросаем членов нашей семьи.

Я улынулась, потому что уже и так поблагодарила его тысячу раз. Наблюдая за тем, как удалялись Карлайл и Уесли, я подумала, что где-то вдалеке играет «Шепни «Люблю»», и, покачивая головой, решила, что она определённо чем-то напоминает «Смертельную колыбельную». Я не шевелилась, и Трэвис, положив руку на мою поясницу, направил меня в сторону лифта. Через мгновение я почувствовала, как его ладонь напряглась. Подняв глаза, я тут же утонула в столь желанном аквамарине.

Я развернулась к Трэвису.

– Дай мне минуту. Паркер уже ждёт, но я попросила приехать Броди, чтобы он представлял интересы моей матери.

Сузившиеся глаза Трэвиса неотрывно смотрели на Броди.

– Да, миссис Харрингтон, – проговорил он сквозь сжатые челюсти.

Козёл! Какого хера? Чёртов договор не настоящий. У Трэвиса нет права судить меня за то, с кем я вижусь или не вижусь. Я могу встречаться со всеми, с кем захочу. Я не сказала этих слов вслух сейчас, в коридоре больницы, но сделала себе мысленное напоминание высказать ему всё, когда мы окажемся в машине. А пока что я, прикусив язык, покачала головой над таким явным неодобрением Трэвиса и направилась к

Броди. Приближаясь, я улыбнулась ему, но вот только чем ближе я подходила, тем очевиднее становилось, что моя радость от нашей встречи не взаимна.

– Броди? В чём дело? Где ты был?

Стиснув мою руку, он потащил меня по коридору. Первая маленькая комнатка, в которую мы зашли, была занята пожилой парой. Мы молча пошли дальше, пока не нашли уборную.

– Какого хера? – пробубнила я, когда он втолкнул меня внутрь и запер замок. Осмотрев плитку, я поморщилась. – Какая гадость! Что ты делаешь?

– Вик, это я должен спросить – что, чёрт возьми, ты делаешь?

Я открыла ладонь и посмотрела на карточку, где ажурными буквами было выведено: «Карлайл Альбини». Пожав плечами, я сунула визитку в свою сумочку.

– Я как раз собиралась в твой офис.

Броди начал мерить шагами невероятное маленькое пространство уборной.

– В мой офис? «Крейвен и Ноулз»? Зачем?

– Звонил Паркер... ну, вернее, это была Триш. Она сказала, что он хочет меня видеть. Это срочно.

Броди шагнул ко мне. Его ладони легли на стену по обе стороны от моей головы, запирая меня в клетку его сильных рук. Он прижался ко мне. Когда моя израненная попа врезалась в стену, я не смогла сдержать стон.

– Что такое, детка?

Я погладила его щёку. Кончиками пальцев почувствовала знакомую мягкость щетины. Меня накрыло его теплом и запахом свежести, облегчая всякую боль. Он олицетворял для меня нормальную жизнь, обещание такой жизни.

– Ничего, Броди, – выдохнула я. – Я просто не пойму, отчего ты такой взвинченный?

– Вик, ты разговаривала с Альбини. Ты хоть знаешь, кто они такие?

Я покачала головой, позволяя пальцам спуститься на его шею.

– Понятия не имею. До недавнего дня я знать о них не знала. Они были очень милыми.

Рука Броди ударила стену рядом с моей головой.

– Милыми! Вик, эти люди ни хрена не милые! Они опасные. Тебе не следовало с ними разговаривать. Ты не понимаешь. Почему Трэвис с ним не разобрался?

Я негодуяюще распрямилась.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы Трэвис, ты, Паркер или ещё кто-то влезали в мои дела. Стюарт оставил их мне. Я могу справиться сама.

– Стюарт? Ублюдок, который использовал тебя, как какой-то грёбанный товар? Ну да, мы не хотим его разочаровать.

– Броди. – Я снова коснулась его щеки. – Броди, ты не в себе. Я никогда ещё не видела тебя таким.

– Ты, блять, сказала, что не виделась с Паркером!

– Не виделась, – солгала я. – Думаю, именно поэтому он и хочет, чтобы я приехала в офис.

Броди закрыл глаза и выдохнул. Оторвавшись от стены, он провёл руками по своим светло-рыжеватым волосам и начал ходить кругами. Наблюдая за ним, я думала о загнанном в клетку звере. Когда он вновь посмотрел на меня, его злость ушла. Я увидела любовь и обожание, которых не заслуживала, но жаждала всем сердцем. Этот был тот самый взгляд, который я представляла вместе с огромным покрывалом у озера, окружённого горами.

– Детка. – Он обхватил моё лицо и накрыл мой рот своим. Температура в маленькой комнатке поднялась на несколько градусов, как только наши языки задвигались в страстном танце. Оторвавшись от меня, Броди заглянул в мои серые глаза и произнёс. – Ты даже представить себе не можешь, как сильно я, чёрт побери, волновался! Я не спал всю ночь. Я словно сошёл с ума. Я мог думать лишь об одном – как ты с Паркером или Трэвисом, или ещё бог знает с кем.

– Я никогда не была с Трэвисом. Это мне известно наверняка.

– Откуда?

– Я просто знаю.

– И вот сейчас... сейчас ты говорила с Альбини. Охренеть, Вик! Из огня да в полымя, как говорится!

Я покачала головой.

– Ничего подобного. Я не могу рассказать тебе всего, но я доверяю им. Доверяю.

– Господи, ты их не знаешь! Ты доверяешь им, ничего о них не зная. И ты захотела, чтобы имя Трэвиса Дэниелса, а не моё, стояло в грёбаном договоре. Мне ты не доверяешь.

– Нет, я доверяю тебе. Трэвис не сможет принудить меня исполнять это соглашение. Я уже говорила тебе об этом. Он работает на меня. Ничего не будет. А

теперь я собираюсь встретиться с Паркером. – Я обняла Броди за мускулистый живот и прижалась к его груди. Его запах тут же напомнил мне о свежeweыстиранных простынях. – Броди, всё почти кончено. И когда всё закончится, мы найдём то озеро? – Я приложила ухо к его груди и слушала его учащённое сердцебиение. Даже сквозь рубашку я чувствовала его тепло, такой резкий контраст со Стюартом, особенно в его последние дни. Стюарт был холодным, всегда был холодным.

Броди поцеловал мою макушку.

– Да, Вик. Только ты и я, и чёртовы кролики.

Я ухмыльнулась.

– Думаю, это значит, что кроликов будет очень много.

Он сжал меня ещё крепче.

Я осмотрелась.

– Броди, пусть здесь будет почище, чем в том проклятом мотеле, но здесь мерзко. Может, мы встретимся завтра? – Я надеялась, что к тому времени моя попа заживёт. Синяков не было, а рубцы должны были пройти.

– Конечно, Викки, давай завтра. – И он снова обхватил моё лицо. – И больше никаких сделок с дьяволом. Ты уже проходила через это. Оставь все дела Паркеру. А сама расслабься и наслаждайся своей свободой.

Закрыв глаза, я кивнула. Все мои мысли были лишь о том, что со складом было покончено.

– Дела меня не заботят, – сказала я, – но я обещала Альбини...

Палец Броди лёг на мои губы.

– Детка, я же адвокат, чёрт побери. Ничего не говори мне о том, что обещала этим подонкам. Лучше пообещай мне, что будешь думать только о том огромном покрывале.

От этих слов внутри меня всё перевернулось, в самом хорошем смысле.

– Обещаю. А теперь я хочу выяснить, что нужно Паркеру.

Броди склонился и подарил мне ещё один поцелуй, после которого мои губы горели от надежды на будущее. Я расправила одежду и отперла замок. Уже когда я почти открыла двери, Броди добавил с улыбкой:

– Кстати, миссис Харрингтон, я буду отстаивать интересы вашей матери.

– Это была весьма необычная консультация, господин юрист.

– Погодите с выводами, пока не получите мой чек.

Мы вышли в коридор, и Броди направился в сторону палаты моей матери, в то время как Трэвис мрачно оглядывал меня с ног до головы. Когда мы вернулись к лифту, он наклонился ко мне и вдохнул, а, выпрямившись, прошептал:

– Что ж, по крайней мере, от тебя не разит сексом.

Мудак!

– Ты работаешь на меня.

– Мне горько это осознавать. – Он покачал головой. – Горько.

Глава 27

Настоящее.

Трэвис сказал, что позаботился о том, чтобы мою машину отогнали к пентхаусу. Я не стала возражать. Учитывая всё случившееся, мне вряд ли бы удалось сконцентрироваться на управлении автомобилем. Я устроилась на пассажирском сидении джипа и попыталась осмыслить всё, что произошло во второй половине дня: с Паркером на складе, с Альбини... а потом и с Броди. У меня не получалось. Паркер вёл себя как мудак – мудак с малюсеньким членом, но в этом не было ничего нового. Альбини – ещё несколько дней назад эта фамилия мне ни о чём не говорила. И я никогда ничего не слышала о Карлайле Альбини. А сегодня мы разговаривали. Пусть я по-прежнему обладала неполным объёмом информации, но, на удивление, мною овладело ощущение спокойствия. Чего нельзя было сказать о Броди. Он был расстроен из-за того, что я беседовала с Альбини. Почему?

– Виктория, – низкий голос Трэвиса вырвал меня из водоворота моих мыслей и вопросов. – То, как ты держалась с Альбини – думаю, мистер Харрингтон гордился бы тобой. Если честно, по-моему, он был бы просто в шоке. С сожалением признаю, он, похоже, недооценивал тебя.

Ты, чёрт подери, понятия не имеешь, как сильно.

– Не думаю, что только он один.

Губы Трэвиса сжались в прямую линию.

– Он заботился о тебе. Я вижу, что ты сомневаешься в этом, но так оно и было.

Мне не хотелось думать о том, что Стюарт заботился обо мне, но, тем не менее, я задала вопрос.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю. Он изо всех сил старался скрыть твою настоящую личность от обеих сторон. Он был убеждён, что если Карлайл узнает, кем ты являешься на самом деле, ты оказалась бы в опасности.

Я повернулась к Трэвису.

– Моя мать говорила о том же, но я не почувствовала этого. А ты? Сейчас, во время нашего разговора?

Он покачал головой.

– Нет. Мне кажется, мистер Альбини уважает тебя.

– О боже! – Внезапно мой желудок свело, и меня резко затошнило.

– Что? – Взгляд тёмных глаз Трэвиса метнулся в мою сторону. – Что случилось? Тебе плохо?

– Нет, не в этом дело. Просто... я подумала. О боже, прошу тебя, Трэвис, пожалуйста... пожалуйста, скажи мне, что среди друзей не было Альбини.

Он протянул руку и положил её на моё внезапно задрожавшее колено. Чувствуя его тепло, я ждала ответа и смотрела на большую ладонь. Через мгновение Трэвис убрал её.

– Прости, я только что вспомнил: никаких прикосновений, никогда. – Его губы растянулись в кривой усмешке. – Нет, среди друзей Стюарта не было Альбини. Уверен, с их бизнесом женщин им хватает. Но, чем больше я узнаю их, тем больше склоняюсь к мысли, что они, вероятно, одни из самых порядочных людей в этом грязном мире. Несомненно, именно поэтому они самые успешные. – Он снова посмотрел в мою сторону. – Ничего не имею против тебя, но сомневаюсь, что они вообще захотели бы быть среди друзей Стюарта.

– Ты был. – Не знаю, что именно заставило меня сказать это, но я уже не могла забрать свои слова назад.

Трэвис пожал плечами.

– Я далёк от порядочности.

– Я начинаю сомневаться в этом. Какое-то время назад я бы согласилась с тобой, но сейчас уже не уверена. – Я развернулась к нему и принялась изучать его профиль. Трэвис сжал челюсти, его твёрдый подбородок напрягся. – Ты делал это специально, ведь так?

– Что? – спросил он.

– Вёл себя по-хамски со мной. И в тот день на складе. Ты хотел, чтобы я поняла, что это ты.

Трэвис деланно усмехнулся.

– Да, потому что я ловлю кайф, когда меня кусают до крови и пинают по яйцам. Одно из моих самых любимых развлечений.

– Нет. – Я покачала головой, закрыла глаза и отвернулась. Я помнила тот день. Я помнила его запах, его тёплое дыхание. И то, как сильно я была напугана. После того случая Стюарт ещё долго не приглашал первого друга; вместо этого он ещё больше времени тратил на моё обучение, поощрение. А ещё в тот день я поняла — несмотря на то, что муж заставлял меня делать, он всегда был готов меня поддержать. Возможно, и поддерживал, но теперь я знала, что Трэвис тоже был на моей стороне. Трэвис всегда там был, и даже сегодня.

– Ты знал, что я не готова. И сделал то, что сделал: намеренно дал мне понять, что это ты. И тем самым дал мне ещё времени. И ещё ты хотел, чтобы я знала – какое бы дерьмо там не происходило, я находилась под защитой.

Трэвис сжал руль так сильно, что побелели костяшки.

– Ты ошибаешься. Я хотел трахнуть тебя. Я, на хрен, единственный мужик, кто постоянно приезжал на склад, но чей член ни разу не оказался внутри тебя. Я проявил излишнюю активность. И облажался.

– Я не верю тебе.

Трэвис повернулся ко мне, сверля меня своими тёмными глазами.

– Ты хочешь сказать, что я грёбанный лжец?

Я самодовольно кивнула головой.

– Да, хочу.

– Это не так. Я хотел трахнуть тебя тогда и по-прежнему хочу. Возможно, когда мы доберёмся до «Крейвен и Ноулз», нам следует лучше изучить мой договор.

– Ты лжец, и этого никогда не случится. Если бы ты действительно так хотел меня, Стюарт бы уступил. Он бы позволил тебе.

– Миссис Харрингтон, вы абсолютно не правы.

Я ухмыльнулась, глядя в окно.

– Виктория, придурок, меня зовут Виктория, и я права. Всё это время ты был хорошим парнем. Ха! Кто бы мог подумать?

Когда Трэвис припарковал машину рядом с офисом «Крейвен и Ноулз», я посмотрела на часы на приборной панели джипа. Была уже почти половина восьмого. Прошло часов пять с тех пор, как я уехала со склада от Паркера. Когда мы подошли к витражным дверям, ведущим в эффектный большой вестибюль уважаемой адвокатской конторы, Триш, выскочив из-за своего стола, с большими глазами тут же бросилась к нам. Открыв двери, она сказала:

– Миссис Харрингтон, я так рада, что вы приехали!

Без сомнения, на моём лице отразилось удивление от столь необычного приветствия Триш. До этого она ни разу не показывала такого гостеприимства.

– Триш, – кивнула я в ответ.

– Миссис Харрингтон, позвольте я провожу вас в офис мистера Крейвена. Вы сами всё увидите, как только войдёте....

И шёпотом она добавляет:

– Ему нужно домой. Боюсь, мы все заболеем, если он не уедет.

Я остановилась, как вкопанная.

– Триш, если мистер Крейвен настолько болен, возможно...

Она качает головой, ее волосы убраны в высокую причёску, открывая взгляду длинную шею.

– Нет, он сказал, что никуда не поедет, пока не поговорит с вами. – Её взгляд скользит по Трэвису. – Наедине.

Я посмотрела на Трэвиса, затем вновь на Триш.

– Хорошо. Мистер Дэниелс подождёт снаружи. Куда идти? В комнату для переговоров?

– Нет, мэм. Мистер Крейвен попросил меня проводить вас к нему в кабинет.

Я отставала от Триш лишь на шаг, пока она вела нас по длинному коридору, мимо привычного уже «аквариума» в центре. По дороге я осознала, что ни разу не была в глубине офиса, в кабинетах партнёров. Только один раз мне довелось оказаться в кабинете Броди, для нас было безопаснее встречаться вне их конторы. Постучав в блестящую деревянную дверь, Триш широко распахнула её, открывая взгляду роскошный личный кабинет старшего партнёра.

Вдоль одной стены тянулись изготовленные на заказ книжные полки, набитые томами по юриспруденции. Я мимолётно задумалась, насколько всё это нужно сейчас, когда технологии получили такое развитие. Не легче ли было искать информацию по конкретному прецеденту по компьютеру, нежели рыться в гряде покрытых пылью

книг? Две другие стены представляли собой широкие окна высотой от пола до потолка и открывали великолепный вид на океан. Но мой взгляд оказался прикован к тому, что находилось перед этим захватывающим дух пейзажем. Я не могла отвести глаза от сидящего за столом мужчины. Его обычно оливкового цвета кожа была бледной, а лицо покрывала испарина. С его висков стекали капли пота, задерживаясь на дрожащем подбородке, а потом капали на уже промокшую рубашку. И это болезненное состояние отражалось в подёрнутых дымкой глазах.

– Боже мой, Паркер! Что с тобой?

Глаза его немного прояснились, и он вперился в меня мрачным, грозным взглядом.

– Присаживайтесь, миссис Харрингтон. Триш, оставь нас.

Я повернулась к Триш, которая смотрела на меня, высоко подняв брови. Я кивнула, подтверждая её опасения. Это было очевидно – Паркер Крейвен болен. Мой взгляд вернулся к Паркеру, и он произнёс:

– Помнится мне, я уже говорил тебе сегодня, чтобы ты не заставляла меня повторять дважды. Садись.

Я задумалась, стоит ли спорить с ним. Но почти весь день я провела на ногах, в основном, благодаря ему, и сейчас, увидев, какой он бледный, я кивнула и присела на краешек стула. Паркер тут же садистски улыбнулся и спросил:

– Вам удобно, миссис Харрингтон?

– Нет. Ты вызвал меня сюда, чтобы позлорадствовать?

– Не совсем. Я вызвал тебя сюда... – Его слова прервал приступ кашля. – До меня дошли тревожные новости. Ходят слухи, что ты приняла неудачное решение поддержать... – Снова кашель. – ...некие деловые инициативы, от которых, как мне кажется, лучше бы... – Кашель. – Отказаться.

– Если ты имеешь в виду Трэвиса...

Он ударил кулаком по столу, а второй рукой потянулся к вороту рубашки, чтобы ослабить галстук и расстегнуть верхнюю пуговицу.

– Не прерывай меня и не притворяйся тупой. Ты разговаривала с Никколо Альбини.

Паркер снова принялся кашлять.

Я ждала. А потом, широко раскрыв глаза, взмолилась:

– Паркер, это может подождать. Ты совершенно точно заболел. Надеюсь, это не инфекция. Мы обсудим этот вопрос, когда тебе станет лучше, возможно тогда же,

когда будем обсуждать завещание. А сейчас, я - жена Стюарта и буду говорить со всеми, с кем захочу.

Он сделал глоток воды и вытер носовым платком лоб.

– Больше ты не будешь ничего обещать Альбини и заключать с ними сделки. По новому договору все решения принимаю я. Для этого, если ты, конечно, не хочешь, чтобы твоя настоящая дата рождения получила огласку, а, поверь мне, ты этого не захочешь, тебе лучше подписать вот эту доверенность.

Очередной приступ кашля. Грудь Паркера сотрясалась в судорогах, пока он харкал в платок. Я скривилась, увидев проступающие сквозь ткань красные пятна. Покачивая головой, я поджала губы.

– Господи, тебе с каждой минутой становится всё хуже. Кто-нибудь позвонил Мойре? Ей лучше отвезти тебя домой.

– Виктория, Альбини не знают, кто ты. Если бы они узнали...

Я встала.

– Видишь ли, Паркер, именно в этом вы со Стюартом ошиблись. Сегодня в больнице у нас с Карлайлом - моим отцом, состоялась милая беседа. По-видимому, тебя неправильно информировали. Понятия не имею, что ты или Дуранте возомнили себе, но уверяю тебя, Карлайл Альбини – порядочный мужчина. Его брат Никколо предложил свою защиту мне и моей семье. Карлайл это подтвердил. Так что пока, полагаю, дискуссия окончена.

Паркер слабо покачал головой.

– Нет, ты не можешь так поступать. Ты не можешь. У тебя нет таких полномочий.
– Он снова вытер пот, капающий прямо в глаза. – У меня твоё соглашение.

– Паркер, у тебя галлюцинации. Боюсь, из-за лихорадки ты совсем всё позабыл. Я никогда не подписывала с тобой никаких соглашений. – Пока я говорила, он протянул руку куда-то вниз, скорее всего, к своему кейсу. – Я только сейчас увиделась с тобой за весь день. Ты не будешь управлять «Харрингтон Спас энд Сьютс». К тому же, в скором времени, я начну искать себе новых представителей. О... – добавила я, пока он просматривал уже к этому времени открытую на столе папку, – склад закрыт.

– Ты не можешь... – он поперхнулся.

– Я могу, и я это сделала. – Вытащив из сумочки свой мобильник, я отыскала в списке контактов Мойру Крейвен и набрала её. – Мойра, здравствуй, дорогая. Извини за беспокойство. Но я заехала в офис твоего мужа, чтобы поговорить о завещании Стюарта, и, дорогая, он заболел. Он слишком мужественно ведёт себя и не хочет признавать этого, но я волнуюсь.

Пока Мойра отвечала, я улыбалась Паркеру.

Когда она закончила, я ответила ей:

– Да, мы обязательно вместе позавтракаем. По-моему, тебе лучше приехать и забрать его. Мы ведь не хотим, чтобы он заработался до смерти, не так ли? До свидания, дорогая.

Я завершила звонок, наклонилась ближе к Паркеру и тихо заговорила.

– Ещё кое-что: как-то раз по телевизору я услышала одну очень интересную вещь. Там сказали, что это очень неразумно - пытаться приручить диких зверей. Это может быть опасным. – Я склонила голову набок и принялась изучать его беспомощное дрожащее тело. – О, я просто хотела поделиться с тобой этим знанием. Только, к сожалению, думаю, для тебя уже слишком поздно. Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты попросил меня приехать сюда сегодня. Я бы ужасно огорчилась, пропустив такое. – Я вытащила из папки стандартный договор между Домом и сабом и положила его сверху. – Возможно, ты захочешь разорвать его в клочья перед приездом Мойры. Мы же не хотим, чтобы она узнала, за каким ничтожеством она была замужем. – Помахав пальцами, я повернулась, чтобы уйти. – Теперь я буду двигаться дальше одна. Прощай, Паркер.

Глава 28

Настоящее.

На следующее утро я проснулась от того, что звонил мой телефон. На экране высветилось имя: «МОЙРА КРЕЙВЕН».

– Мойра, – сонным голосом поприветствовала я. – Что случилось?

– Виктория, прости, что звоню так рано, но тебе необходимо срочно приехать в Мемориальный госпиталь.

Моё уставшее сознание тут же проснулось.

– Боже, Мойра, что-то с моей матерью?

Откуда Мойра Крейвен что-то знает о матери?

– Что? Нет, Виктория, это из-за Патрика. Он сильно болен. Врачи не понимают, что это, но они хотят обследовать всех, кто контактировал с ним.

– Господи, Мойра, мне так жаль. – Я села, оценивая своё тело, и через минуту поняла, что точно не больна; если честно, моей заднице даже стало легче. – Я чувствую себя отлично.

– Вчера утром Паркер тоже хорошо себя чувствовал. Теперь же... ох... Виктория, сейчас он едва дышит. У него выпадают волосы, и ему вставили эту трубку в горло. Это ужасно.

Мне было слышно, как она едва сдерживала подступавшие слёзы.

О, всё прямо, как у Стюарта.

– Мойра, а как ты?

– Я вне себя от горя, но физически со мной всё в порядке. Ну, по крайней мере, доктора пока следят за моим состоянием. Пожалуйста, приезжай. Триш сказала, что ты не пробыла с Паркером долго, но, если у тебя начнут проявляться симптомы, они смогут распознать их раньше.

– Я была в пяти шагах от него.

– Он кашлял? – спросила Мойра.

– Да, – призналась я.

– Виктория, пожалуйста, приезжай. Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Я закрыла глаза.

– Спасибо, Мойра. Я приеду, как можно быстрее.

Трэвис отвёз нас в больницу в полном молчании. Мы оба остро осознавали свои роли в этой цепи трагических случайностей. Когда джип подъехал к госпиталю, Трэвис протянул руку и коснулся моей ноги.

– Ублюдок заслужил это.

Я кивнула.

– Я знаю. И мне несколько не жаль его, может, я должна чувствовать что-то такое, но не чувствую. Встреча с Мойрой вряд ли принесёт мне удовольствие, но когда-нибудь она поймёт, что ей лучше без него.

– И его малюсенького члена, – добавил Трэвис с кривой ухмылкой.

– Да, и без его малюсенького члена.

– Я даже представить не мог, что эффект будет таким быстрым, – сказал Трэвис, отыскивая свободное место на парковке.

– Я тоже. По-моему, другое средство действует медленнее. Но точно не помню.

– Другое средство?

– Это красная жидкость. Мне кажется, если её принять внутрь, то она будет действовать медленнее. Симптомы очевидны, например, потеря волос, но, когда этот препарат оказывается в организме, его уже не остановить. Я воспользовалась порошком. Вэл говорила, что он токсичный, даже его небольшое количество пагубно сказывается на иммунной системе. Скорее всего, я перестаралась с дозировкой, когда сыпала порошок в перчатки.

Трэвис, прищурившись, посмотрел на меня.

– Хорошо, что врачи осмотрят тебя. Ты уверена, что чувствуешь себя хорошо?

Я накрыла его по-прежнему лежащую на моей ноге руку своей и вздохнула.

– Да. И даже моей попе стало лучше. Если Паркер заболел так сильно и так быстро, думаю, мне ничего не угрожает. – И тут я подумала о самом Трэвисе. – Ты ведь ничего там не трогал... ты ведь не заболел, нет?

Он покачал головой.

– Нет, как я уже сказал тебе вчера, я собирался там убраться, но решил просто уехать и забрать тебя из больницы.

– И ты чувствуешь себя...

– Миссис... Виктория, я чувствую себя хорошо. – Он припарковал внедорожник. – Могу я проводить тебя в корпус инфекционных заболеваний?

– О, мистер Дэниелс, неужели эта фраза помогает вам затащить женщину в постель, потому что звучит крайне многообещающе?

– Хочешь верь, хочешь нет, но я воспользовался ею впервые. Однако, – тут его тёмные глаза заблестели, – мне стоит её запомнить. Возможно, она мне ещё пригодится.

– Ну-ну.

Я сжала губы и заставила своё лицо принять встревоженное выражение, такое же, которое месяцами не сходило с моего лица, когда я ухаживала за своим умирающим мужем. В свете последних событий, я была уже не так уверена в том, что натворила. И теперь, когда мы входили в больницу, меня одолевали сомнения. Неужели пришло моё время, и карма схватит меня за задницу?

Моя маска беспокойства прочно застыла на лице, когда мы подошли к сестринскому посту.

– Простите, я Виктория Харрингтон, мне позвонила миссис Крейвен...

Глаза медсестры расширились.

– Да, доктора хотели, чтобы вы приехали. Мы организовали специальное помещение для прибывших. Временная изоляция. – Она посмотрела на Трэвиса. – Извините, сэр, но это касается только тех...

– Вчера вечером я был в офисе мистера Крейвена с миссис Харрингтон, – заявил он.

– О, можно узнать ваше имя? – спросила медсестра, проверяя список.

– Меня зовут Трэвис Дэниелс.

– Сэр, я не нахожу...

Я обратила взор своих серых глаз на стоящую передо мной женщину.

– Мэм, зачем ему врать? Неужели эта временная изоляция настолько приятная вещь, что вам приходится останавливать толпы жаждущих там оказаться?

Вряд ли, конечно, у меня таким образом появилась подруга, но оставаться наедине с Паркером или кем-либо ещё без Трэвиса я была не готова.

– Нет, мэм. Просто позволив войти туда мистеру Дэниелсу, мы можем подвергнуть излишней...

– Вам не о чем волноваться. Если миссис Харрингтон вошла в число контактных лиц, то и я тоже, – вмешался Трэвис.

То ли из-за его размеров, то ли из-за тона его голоса, быстро переведя взгляд с Трэвиса на меня и обратно, медсестра вздохнула и без особой охоты повела нас через двери, и дальше по длинному коридору. Несколько раз повернув и пройдя ещё через несколько дверей, мы подошли к двери, на которой висел милый плакат с тремя незамкнутыми кругами и табличка, которая предупреждала нас не входить в помещение без надлежащей защитной экипировки.

– Вы оба можете входить.

Я посмотрела на Трэвиса и подняла брови. Он молча кивнул, и мы вошли. Внутри оказался весь персонал «Крейвен и Ноулз», включая Триш.

– Триш, – позвала её я, – где миссис Крейвен?

– Она с мистером Крейвеном. – Глаза секретарши были красными.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я, имитируя беспокойность.

Она, сглотнув, кивнула.

– Со мной всё в порядке. Кажется, мы все здоровы. – Она оценивающе посмотрела на меня. – А вы?

Я кивнула.

– Я знала... вчера... я точно знала... – слова Триш утихли, когда подошла другая женщина, обняла её и отвела в сторону.

Я и Трэвис отыскивали два свободных места. Мы сидели, время тянулось медленно. Обменявшись с сестрой несколькими смс, я выяснила, что болезнь Паркера вызвала в больнице настоящий переполох. Что бы там у него ни выявили, это развивалось крайне быстро. Хорошие новости были только одни – все остальные оказались здоровы.

Когда я почти что уснула от скуки, дверь открылась, и в комнату вошёл сенатор Роберт Кин.

Его глаза-бусинки тут же отыскивали меня. Я бессознательно потянулась к Трэвису, который сидел в притворном умиротворении. Он выпрямился в своём кресле, когда я с сарказмом произнесла:

– Сенатор Кин, добро пожаловать на нашу вечеринку.

– Миссис Харрингтон, – кивком поприветствовал меня он.

– Сенатор, а ваша очаровательная жена тоже присоединится к нам?

– Нет, к счастью для неё. На вчерашней встрече с Паркером был только я. Она не присутствовала.

Я склонила голову набок.

– Я предполагаю, у такого важного человека, как вы, очень много встреч, на которых не присутствует ваша жена, и, возможно, таких, о которых она даже не догадывается.

Сенатор сел рядом со мной и, понизив голос, ответил:

– Миссис Харрингтон, вам лучше проявить благоразумие и оставить свою осведомлённость при себе. Паркер рассказал мне о новом соглашении – о новом договоре. Насколько я понимаю, когда он выздоровеет, то определённые деловые отношения будут прекращены. – Он какое-то время пристально смотрел на меня, переводя свой взгляд с моего лица на мою грудь и обратно. – Должен сказать, я был рад услышать, что и другие обязательства вашего мужа будут исполняться и дальше.

Только говорят, что правила изменились. – Он понимающе сморщил лоб. – Вам удобно сидеть? Или вы бы лучше постояли?

Мурашки поползли по моей коже из-за его слов и из-за его дыхания. Я поборолa тошноту, но не потому что мне не понравилось бы увидеть его в моей блевотине, а потому что мне не хотелось, чтобы врачи расценили это как один из симптомов. Так что я обаятельно улыбнулась и наклонилась ближе к нему. Шёпотом я произнесла:

– Похоже, Паркер ввёл вас в заблуждение. Я понятия не имею, о чём вы говорите. А что касается бизнеса, все сделки, которые заключил мой муж, останутся как есть.

– Миссис Харринтон... – с каждым словом его щёки краснели всё больше и больше, – уверен, вы не догадываетесь о моих связях...

Я положила свою ладонь на его руку.

– А вы, очевидно, не догадываетесь о моих. – Я склонила голову набок и заговорила своим самым сладким голосом. – Так что, если вы снова начнёте давить на меня, я воспользуюсь ими. Сенатор, уверена, вы знаете, что кровь не водица.

– И я...

– Вода, Сенатор. Шейла – вот кровь. Мне известно больше, чем вы думаете. Не давите на меня.

Когда он собрался было ответить мне, в помещение вошла женщина, одетая в нечто, напоминающее скафандр.

– Мне необходимо снять все ваши жизненно важные показатели. Кто-нибудь чувствует себя нездоровым?

– Нет, – ответила ей незнакомая мне женщина. – Это какой-то идиотизм! Мы все чувствуем себя отлично. Когда нас отпустят?

– Я бы сказала, что скоро, но зафиксирован ещё один случай. Боюсь, что, возможно, инфицированы все, кто работает в «Крейвен и Ноулз».

– Прошу прощения, – сказала я. – Но я не из «Крейвен и Ноулз».

– Как и я, – встрял сенатор Кин. – Кто ещё заразился.

– Простите, я не могу...

Триш начала плакать.

– Это мистер Филлипс, да?

У меня остановилось сердце. Прежде чем я успела что-то сказать, вновь заговорила Триш.

– Я не смогла связаться с ним сегодня утром. Все остальные ответили. Но не он. Вчера после обеда они были вместе с мистером Крейвеном. Я готова поклясться, это он.

– Что значит, «они были вместе»? – спросила я.

– Не знаю точно. У мистера Крейвена была встреча, у мистера Филлипса – последующая встреча. Они всегда так делали.

Я закусила внутреннюю сторону щеки, чтобы на моём лице ничего не отразилось. Воображение зашкаливало. Я говорила себе, что этого не могло быть... что это никак не было связано со складом. Я знала, что нет. Броди ничего об этом не знал.

Несколько часов спустя, не обнаружив у нас никаких симптомов, меня и Трэвиса отпустили. Мы направились к справочному столу, и я спросила:

– Извините, я пришла, чтобы увидеть Броди Филлипса.

Женщина посмотрела на экран своего компьютера.

– Мэм, прошу прощения, но мистер Филлипс не может принимать посетителей.

Он был там. Боже мой!

– Мэм, вы друг или родственница?

– Я друг. – Слова застревали в горле.

– У нас нет никаких данных о его семье. Было бы очень хорошо, если бы вы предоставили нам хоть какую-то информацию.

Я покачала головой.

– Я ничего не знаю. Извините.

Повернувшись к выходу, я встретила взглядом с такой же парой серых глаз, как у меня. Вэл.

– Я хотела перехватить тебя, пока ты не ушла, – негромко сказала она.

Это уже было слишком. Я закрыла глаза.

– Что-то с мамой?

– Да. – Она потянулась к моей руке. – Ничего плохого. Всё хорошо. Она очнулась и заговорила. Даже поговорила с полицией. Она всё помнит. Её история кажется нереальной, но они выслушали её.

Я посмотрела в тёмные глаза Трэвиса. Мы оба уже были без сил. Ещё я волновалась за Броди, но мне необходимо было увидеться с матерью. Впервые в жизни мне хотелось увидеться с ней.

– Я зайду к ней на пару минут.

Вэл кивнула. Мы направились к лифтам, Трэвис следовал за нами. Вэл зашептала:

– У неё были интересные посетители.

Я подняла бровь, безмолвно призывая её продолжать.

– Тот мужчина, помнишь, который приходил ко мне и искал тебя? Думаю, он знает маму. Медсёстры сказали, что поначалу она выглядела настороженной, но, когда в палату зашла я, они уже во всю разговаривали. Вместе с ним был и другой мужчина, они очень похожи. По-моему, они нашли общий язык. Мама улыбалась.

Когда мы подошли к палате матери, у Вэл запищал пейджер.

– Прости. Меня вызывают.

Я постаралась проигнорировать её полный сочувствия взгляд, который она бросила на меня перед тем, как быстро удалиться по коридору. Я приблизилась к двери, гадая, доведётся ли мне увидеть своих мать и отца вместе. Пару дней назад такая мысль казалась бы абсурдной. Я открыла дверь и обнаружила Мэрилин в одиночестве, она сидела и смотрела в окно. Когда мать повернулась ко мне, я увидела, что по её щекам струились слёзы.

– Мама, ты в порядке? Что случилось?

Покачивая головой, она отвела взгляд.

Я подошла к её кровати и присела на краешек.

– Я связалась с адвокатом. Его зовут Филлипс, Броди Филлипс. Он сможет помочь тебе. – Я взяла руку матери, молясь, чтобы тот действительно смог помочь ей, чтобы он не был болен, как Паркер. Этого просто не могло произойти. – Вэл рассказала мне, что ты говорила с полицией. Я знаю, что вся эта история кажется абсурдной, но я тебе верю.

Влажные серые глаза повернулись ко мне, и мама слегка покачала головой.

– Я натворила так много ошибок. Я была молода и верила в то, что слышала. Я думала... – Она умолкла, а её миниатюрное тело задрожало.

Выпрямившись, я спросила:

– Что? Что, мама? Что ты думала?

Она посмотрела вниз, туда, где моя ладонь накрывала её руку. Перевернув её, она переплела наши пальцы.

– Я думала, что он откажется от тебя или что его семья причинит тебе боль. Как много времени я потеряла! Мне так жаль. Я понимаю, что ты ненавидишь меня, и не виню тебя за это.

Я вздохнула, а потом медленно выдохнула.

– Ненависть – это сильное слово. Были времена, когда оно соответствовало бы действительности, но не сейчас.

Она сжала мою руку.

– Он знает. Твой отец знает.

Я кивнула.

– Мы разговаривали. Он не сказал этого напрямую... но у меня сложилось впечатление, что он всё знал.

Мама уронила подбородок на грудь.

– Он сказал мне, что понятия ни о чём не имел. До похорон Стюарта он даже и подумать не мог, что всё это время я лгала о тебе. Я-то думала, что он приехал туда из-за тебя. – Мать покачала головой и встретилась со мной взглядом. – Но нет. Это было просто совпадение. Он приехал туда из-за Стюарта, но потом увидел меня рядом с тобой. Ты так сильно на него похожа, и он всё понял.

– Не хочешь ли ты сказать, что Никколо....

Она кивнула.

– Он извинился и передо мной, и перед Карлайлом. Сказал, что у него были подозрения, но, когда я показала свидетельство о рождении, он не стал докапываться до сути. И никогда не упоминал о нём перед Карлайлом.

Я отвернулась, осматривая её палату. За окном всё ещё светило солнце. И тут, в кресле в углу комнаты, я заметила пиджак. Серый пиджак, который немедленно узнала.

– Мам, Броди Филлипс заходил к тебе вчера вечером?

Она посмотрела на меня сквозь пелену воспоминаний, но потом её взгляд прояснился.

– Что? Филлипс? А, тот адвокат, о котором ты говорила. Да, он заходил вчера вечером. Но я всё ещё была не в себе от наркоза. Только очнулась. Он сказал, что ещё вернётся. А что?

Я показала подбородком в сторону кресла.

– По-моему, это его.

Я поднялась и подошла к пиджаку, вдохнула аромат свежего постиранного белья, и в груди заболело.

– Не знаю, – ответила мама. – Я даже не видела этот пиджак. Прости, Виктория. Я прошу прощения за очень много вещей.

Я прижала пиджак к себе, и мои мысли были только о Броди.

– Ещё увидимся, мама. А пока тебе лучше отдохнуть. – Я посмотрела в сторону двери и в маленьком окошке увидела широкие плечи Трэвиса. – Думаю, мне нужно вернуться домой.

– Виктория? – печаль в её голосе заставила меня вновь обратить на неё всё внимание.

Мама коснулась моей руки.

– Ты должна была появиться на свет.

Я распрямилась и проглотила эмоции, kloчующие внутри. Это было прямой противоположностью тому, что я слышала в течение всей своей жизни. Одной этой фразой она говорила мне, что я была желанной, что я не была убийцей. Но мама ошибалась. Я была убийцей. Я убила своего близнеца, Стюарта, а скоро на моём счету окажется и Паркер.

Когда я вышла в коридор, рядом с Трэвисом стояла Вэл. Лица обоих были мрачными. Я обхватила себя руками из-за неведения того, что произошло. Мне было известно лишь одно – большего я уже не в силах вынести.

– Что такое? – спросила я, пиджак Броди был перекинут через мою руку.

Вэл покачала головой.

– Я просто хотела сказать тебе, что сожалею.

Ей стала известна правда о наших отцах? Она узнала, что они у нас были разными?

– О чём именно ты сожалеешь?

Трэвис отошёл назад, а Вэл обняла меня рукой за плечи и, понизив голос, заговорила.

– Один раз я прочитала имя в твоём телефоне. В ту ночь, когда ты потеряла над собой контроль...открыла твои текстовые сообщения. Я знаю, что тем «горизонтальным другом» был Броди Филлипс.

– И что значит, что «ты сожалеешь»? – мне стало трудно дышать. – И что ты имела в виду под словом «был»?

– Мы не знаем, что точно произошло. Центр контроля заболеваний подозревает случай внутреннего терроризма или, возможно, это недовольный клиент. Сейчас они проверяют все деловые отношения «Крейвен и Ноулз». Вик, когда мы пришли к маме, меня вызвали потому, что должны были сообщить всем докторам о том, что Паркер Крейвен и Броди Филлипс скончались.

– Нет, – проскулила я. По лицу покатались слёзы, подбородок опустился на грудь, когда я эмоционально сдалась. Это было слишком. Я попыталась облачить свои мысли в слова. – Нет. Должно быть, произошла какая-то ошибка.

Сестра обняла меня ещё крепче.

– Мне очень жаль, сестрёнка. Они постараются выяснить, что произошло. В больнице об этом не распространяются, но я захотела, чтобы ты знала.

Ещё сильнее впиваясь в пиджак, я кивнула, не в силах говорить.

Я утратила всякое представление о времени и пространстве, пока Трэвис вёл меня к нашему внедорожнику. Вместо того, чтобы по привычке открыть для меня заднюю дверь, он открыл переднюю пассажирскую. Поездка из больницы в пентхаус осталась для меня размытым пятном.

Когда мы вошли в квартиру, я машинально направилась в свою спальню.

– Мне хочется побыть одной.

Это всё, что я смогла произнести. Другие слова не получались. Всё утратило смысл. Случившееся не укладывалось в моей голове. Как Броди мог заразиться? Я не заразилась. Я видела его вчера, в больнице. С ним было всё в порядке... или нет? Мне вспомнилось, каким горячим он был.

Пиджак, свисавший с моей руки, был единственным, что осталось у меня от моей мечты о нормальной жизни. Единственным, что осталось у меня от единственного человека, который любил меня за меня саму. Я разложила пиджак на кровати и вдохнула. От материала исходил аромат его лосьона после бритья. Грудь сжало ощущение потери. Это чувство я должна была испытывать по отношению к своему мужу, но ничего такого не было.

Реальность поражала. Я была смертью, медленной и коварной. Я убивала всё вокруг. Мне всегда это говорили, с тех пор, как я себя помню. Моя мать была права. Я не должна была появляться на свет.

Теперь я расплачивалась за всё. Только передо мной забрезжила надежда любить, быть любимой и жить нормальной жизнью, как её тут же отняли. Броди провинился лишь в одном – он просто любил меня, любил как никто другой.

Я обняла пиджак. У меня даже не было возможности попрощаться с ним. По крайней мере, со Стюартом мне выпал этот шанс. Только вот сказала ли я ему «прощай»? Ох, какого черта это случилось именно с Броди? Я была единственной, кто заслуживал смерти, не он. Мои колени подогнулись, и я упала на пол. Опустив голову и обнимая пиджак, я прижалась к нему, слёзы капали на ткань. Под материалом я ощутила что-то твёрдое. Смахнув влагу с глаз, я раскрыла пиджак. И тут же к аромату чистого белья и свежести лосьона примешался новый запах. В моём сознании проступили мятные палочки и мятные круглые леденцы. Я залезла в нагрудный карман и вытащила оттуда штук шесть мятных конфет.

Нет! Нет, чёрт возьми! Он не мог им быть. Он не мог им быть!

Меня всю трясло, когда я вскочила на ноги и бросилась к двери.

– Трэвис! Трэвис! – кричала я, сбегая вниз по ступенькам. – Трэвис! – ноги подкашивались, глаза затуманились от слёз. Солёные капли безостановочно струились по моим щекам. – Чёртов Трэвис, где ты, мать твою?

Завернув за угол кухни, я наткнулась на него и Лизу. Трэвис обхватил мои плечи, чтобы удержать на месте. Они оба смотрели на меня широко раскрытыми глазами.

– Миссис Харрингтон, что с вами? – спросила Лиза.

Но я смотрела только на Трэвиса, протягивая вперёд руку и разжимая пальцы, чтобы показать ему мятные леденцы. Мой голос ломался от неверия в происходящее.

– Скажи мне. Пожалуйста, скажи мне, что он не был одним из... – Я не могла выговорить остальное: то, что Броди был одним из друзей.

Трэвис не ответил. Он просто закрыл глаза и кивнул.

– Нееет! – я была не в состоянии думать. Я не хотела осмысливать это. Мои колени подогнулись.

Я пришла в себя уже в своей кровати. Хотя в комнате было темно, я сразу поняла, что не одна.

– Трэвис? – прозвучал мой вопрос.

– Виктория? – раздался из темноты его глубокий голос.

– Что случилось?

Постель прогнулась, и я поняла, что он рядом. Когда мои глаза привыкли, я увидела его профиль: длинное мускулистое тело на фоне озарённого луной неба.

– Мне снова пришлось спасти твою задницу.

Я потёрлась щекой о подушку, и воспоминания вернулись. В груди заболело от чувства потери.

– Мы с Лизой перенесли тебя сюда, – продолжил он. – Заехала доктор Конвей и что-то вколола тебе. Ты проспала почти шесть часов.

Пустота внутри была невыносимой.

– Трэвис, как так? – откуда-то изнутри меня прорвались всхлипы. – Как Броди...?

Я даже не могла закончить предложение. Я не могла произнести слова «умер».

– Мне жаль, – только и произнёс он.

– Нет, тебе не жаль! – заорала я. – Он тебе не нравился. Я видела, как ты смотрел на него.

– Он не нравился мне, потому что лгал тебе.

Вновь полились слёзы, от которых зажгло и без того уже опухшие глаза.

– Я ничего не хочу об этом слышать. И что ты вообще делаешь в моей комнате? Убирайся!

Большие тёплые ладони обхватили мои плечи.

– Не прикасайся ко мне! Я уже говорила тебе, чёрт возьми, чтобы ты никогда меня не трогал!

Но он не отпустил, вместо этого, Трэвис придвинулся ближе, его тёплое дыхание защекотало моё лицо.

– Он лгал тебе. Я - никогда.

Я знала, что то, что он говорил, было правдой. Мне не хотелось в это верить, но в глубине души я знала, что это было правдой. Моё тело задрожало от этой правды, которая вот-вот готова была сорваться с языка. Трэвис продолжал удерживать мои плечи, и я прошептала:

– Он был Мятным человеком.

– Мятным человеком? Что ты имеешь в виду? – озадаченно спросил Трэвис, выпуская меня.

Я села. Осознав, что на мне только блузка и трусики, я завернула простыню вокруг талии и попыталась объяснить ему.

– Были такие друзья – я, на хрен, ненавижу это проклятое слово – которых я распознавала по запаху. Один из них был ласковым... – Моё тело затряслось, и я вытерла глаза простынёй. – Или казался ласковым, по сравнению с остальными. Я называла его Мятным человеком. Именно с ним я была в день смерти Стюарта.

– Да.

– Это был он... Броди.

Трэвис кивнул.

Я, не веря в это, покачала головой.

– Но он никогда не говорил мне, что был там. Он позволял мне верить в то... – Я не в силах была остановить ни боль в груди, ни слёзы. Я ненавидела слёзы. Слёзы были признаком слабости. Я же не была слабой. Я не хотела быть слабой, но боль была невыносимой.

– Виктория? – позвал меня Трэвис, нежно утирая мои слёзы большим пальцем. – Он был одним из них. Он работал с Дуранте, как и остальные в «Крейвен и Ноулз». Он охрененно глубоко закопался в их дерьме. Я не хочу сказать, что он не помогал тебе. Чёрт, возможно, у него действительно были к тебе чувства, но, блять, ты богатая женщина. Вокруг полно мудаков, которые будут делать и говорить всё что угодно. Тебе не нужно было даже рассказывать ему о том, что происходило на складе: он знал, что ты там делала. Он, на хрен, делал это с тобой.

– Как, Трэвис, как? Как он заразился?

Матрас снова прогнулся, когда Трэвис пошевелился.

– Я не знаю. Могу предположить лишь одно – он приехал на склад после того, как мы уехали. Я могу съездить туда утром и проверить, был ли там кто-то, кто вводил свой код. Если это был он... если это он приезжал на склад, то, наверное, нашёл перчатки и прочую дрянь.

– И прочую дрянь? Ты про хлыст и грёбанную сперму Паркера?

Если это было так, то Броди знал, что я солгала ему.

– Виктория, – сказал Трэвис. – Я ничего не убрал. Если он спустился вниз и касался тех вещей, чёрт, даже одного хлыста, я не знаю. Он мог заразиться через него.

– Ты сказал, что я не могу доверять мудакам вокруг, они сделают и скажут всё что угодно. Ты тоже мудака. Так могу я доверять тебе?

Большая ладонь коснулась моего лица и убрала от щеки волосы.

– Я когда-нибудь утверждал, что не мудака?

– Нет, – ответила я, наслаждаясь теплом его ладони и его честностью.

— Я не знаю, можешь ли ты доверять мне, но одно могу сказать точно — я всегда был честен с тобой.

— Нет, не всегда.

— Что? — спросил Трэвис. — И когда это?

— В машине, когда я заявила, что ты вёл себя мило.

Он наклонился ниже.

— О. — Его голос упал на октаву. — Я не лгал. Я совсем не милый, и мне хочется тебя трахнуть.

Охренеть!

Глава 29

Настоящее

— Но тебе нельзя прикасаться ко мне, — прошептала я и неуверенным голосом добавила, — никогда.

— Я же сказал тебе... — Огромная ладонь Трэвиса ласкала мои руки, отчего моё тело насквозь пронзали огонь и желание. — Во мне нет ни капли порядочности.

Его голос зазвучал низко - когда-то он пугал меня. — Я хочу касаться тебя, и чертовски хочу, чтобы ты касалась меня. И ещё, мне хочется быть откровенным с тобой. Я солгал только об одном.

— О чём же? — едва дыша проговорила я.

— Мне не нравится, когда меня кусают и пинают по яйцам.

Я чуть улыбнулась.

— А теперь... — Его ладони продолжали гладить меня по рукам. Найдя мои пальцы, он переплёл их со своими. — Я хочу, чтобы ты увидела меня... — Он поднёс мои ладони к своим губам и пососал кончик каждого моего пальца. — И я хочу, чтобы ты хотела меня, так же сильно, как я хочу тебя.

Я закусила нижнюю губу.

— Трэвис, я... я не знаю.

— Я понимаю.

Трэвис медленно придвинулся ко мне и оттолкнул меня на подушки. Глубоко вдыхая, он уткнулся носом в мою шею.

— Ты говорила о запахах, — прошептал он, его тёплое дыхание щекотало мою ключицу. — Сказала, что так определяла, кто есть кто.

Я кивнула.

— А ты знаешь, как охрененно пахнешь сама?

Я покачала головой.

— Это запах чёртовой свободы, напоминающий о солнечном свете и ветерке на Богом проклятом пляже.

Я посмотрела в его тёмные глаза.

— Я не понимаю.

— Годами ты пахла, словно пленница в грёбанной темнице. — Он снова вдохнул мой запах. — Твои шикарные духи и лосьоны тут были не при чём, то место висело вокруг тебя, словно облако. Теперь от всего этого ничего не осталось. Ты, чёрт побери, свободна, и я слышу это.

Я почувствовала, как мои щёки покраснели.

— Когда ты будешь готова, если ты будешь готова, потому что, Виктория, это будет твой выбор — я хочу ощутить и её на вкус.

— Её?

— Твою свободу. Я всё знаю. Знаю о том, что тебе, по твоему мнению, удавалось скрывать от Филлипса. Это свобода. Когда кто-то знает всё и хочет тебя только потому, что это ты. И за то, что у тебя такая охренительно сильная воля, за то, как ты встретила Альбини, как расправилась с Крейвеном, за всё, что ты есть, и за всё, через что тебе пришлось пройти. Я хочу ощутить на вкус эту свободу, испить её с твоих прелестных губ, с идеальных окружностей твоей груди и из твоей чертовски соблазнительной киски.

Я слушала его глубокий голос, и внутри меня всё сжималось.

— Этого хочу. А чего хочешь ты? — спросил он.

Я была не в состоянии говорить. Я не знала, что сказать. Вместо слов, я подняла свои губы навстречу его губам.

— Нет, Виктория, мне нужны слова. Нужны руки. Я хочу, чтобы ты была со мной на все сто процентов. Никаких грёбанных кивков, ты больше не будешь делать так, как тебе велят. Покажи мне ту стерву с мозгами, которая забралась мне под кожу, как никто другой.

Я, не шевелясь, посмотрела в его тёмные глаза и сказала:

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня. Что будет после этого, я не знаю.

В свете восходящего солнца я увидела его кривую усмешку.

— Я соглашусь и на это. Соглашусь, чёрт подери. Я хочу большего, но соглашусь на это.

Одна из его больших ладоней легла мне на щёку, и наши губы встретились. Огонь, в котором я сомневалась, разгорелся с новой силой. Ощущение того, что внутри меня что-то сжимается, стало мучительным, откуда-то изнутри меня вырвались стоны. Трэвис придвигался ближе, дюйм за дюймом, его огромная грудь накрыла меня, расплющивая под своей массой мои, внезапно ставшие чувствительными, груди. Мои ладони медленно поднялись к его плечам, касаясь его, я ощущала то, чего никогда даже представить себе не могла. Он был таким большим, гораздо больше, чем кто-либо, кого я знала: высоким, мускулистым, сильным. Моё тело казалось крошечным по сравнению с ним. С каждой секундой я всё больше изнывала от желания коснуться кожи под его футболкой.

— Трэвис?

— Да?

— Ты снимешь свою футболку?

— Да, чёрт побери, — ответил он и стянул футболку через голову.

Грудь, которой я любовалась издавна, теперь была прямо передо мной, крепкая и идеальная. Я провела пальцами по рельефным мышцам, а мою комнату заполнил аромат мужского одеколона, лёгкий и ни о чём не напоминающий. Когда до меня дошло, что я похотливо разглядываю его, я закусила нижнюю губу и стыдливо подняла серые глаза.

— Я никогда не видела тебя таким. Ты меня видел, а я тебя — нет.

Его кривая усмешка превратилась в широкую улыбку.

— И тебе нравится то, что ты видишь, точно так же, как мне нравится то, что вижу я?

— Да.

— Мне тоже. — Он откинулся назад и пробежал глазами по моему телу. — Такой я тебя никогда не видел.

Я подняла бровь.

Голос Трэвиса стал бархатистым.

— О, ты всегда была чертовски сексуальной, но сейчас — это другое. Сейчас это ты, настоящая ты. — Он поиграл с воротом моей блузки. — Я хочу увидеть больше, больше тебя. Ты позволишь мне? Только мне и никому другому?

Я кивнула, понимая, что как только сниму блузку, он увидит мои напрягшиеся соски. Увидит, что его слова сделали со мной.

— Нет, Виктория. Запомни, больше никаких кивков.

— Я помню, — ответила я и сняла блузку через голову.

— Я уже испробовал на вкус эти сочные губы. Теперь я хочу попробовать твою совершенную грудь.

Я подняла руки и взяла в ладони его лицо.

— Чёрт, ты убиваешь меня. Я скажу словами. Я хочу, чтобы ты испробовал меня, и хочу попробовать на вкус тебя. А теперь заткнись и делай это.

Его улыбка стала шире, она осветила его лицо — от твёрдых губ до тёмных, искрящихся глаз.

— Вот это моя властная стерва, — съязвил Трэвис, и его губы обхватили сначала один сосок, затем второй.

Я закинула голову, моя спина выгнулась дугой, а по телу побежали мурашки. С губ сорвались хныкающие стоны, внутри всё сжалось. Покусав каждый сосок, Трэвис начал ласкать мою грудь руками, его большие пальцы нежно поглаживали мою кожу, отчего глубоко внутри меня начало разрастаться томительное желание. Каждый раз, когда он всасывал мои соски или щипал их, сквозь меня словно проходил заряд тока, пронзая моё тело до самого естества. Он даже не опускался вниз, но от его слов и движений мои трусики намокли, и я бессознательно приподняла бёдра, беззвучно умоляя о большем. Когда мне показалось, что большего я уже не вынесу, он нашёл резинку трусиков — последнее препятствие. Трэвис с трепетом начал стягивать с меня трусики, двигаясь всё ниже вдоль моего тела.

— Ты охрененно вкусно пахнешь. — Он поднял на меня глаза, и наши взгляды встретились. — Это ваш последний шанс, миссис Харрингтон. Если ты сейчас же не прикажешь мне остановиться, я не остановлюсь до тех пор, пока не получу удовлетворения. — Его тёплое дыхание дразнило внутреннюю поверхность моего бедра. — Я, чёрт побери, хотел этого на протяжении десяти лет. Я не собираюсь торопиться.

Он и не торопился, он не был тем мужланом, с которым я боролась на складе. Этот громадный мужчина, расположившийся между моих бёдер, с благоговением ласкал каждый дюйм моего тела, мучительно растягивая время, чтобы одарить меня трепетным вниманием. Я провела пальцами по его тёмным волосам.

— Меня зовут Виктория, чёрт побери! И я не хочу, чтобы ты торопился. Я хочу, чтобы ты взял меня медленно, но жёстко. Заставил меня кончить, а потом проделал это снова.

Его губы изогнулись в усмешке.

— Ты слишком много командуешь!

— О боже! — простонала я, когда сначала один, а затем два пальца вонзились в меня.

— Такая мокренькая, так готова принять меня.

Его пальцы задвигались во мне. Трэвис приподнял мои бёдра, создавая ритм, от которого моё тело начало конвульсивно содрогаться.

— Ох, блять!

Моя гора была рядом. В прямом и переносном смысле. Я никогда и не представляла, что Трэвис мог бы стать моей горой, моей вершиной.

Он поцеловал моё бедро, его пальцы исчезли. Я наблюдала, как он сел, не отрывая от меня глаз, снял свои шорты и обнажил массивный член.

— Жёстко, говоришь? — спросил он, проводя рукой по длине своего члена. — Хочешь пожёстче? У меня всё готово.

Боже! Так и было! Я протянула руку, чтобы коснуться его.

— Ещё нет, Виктория, ещё нет. Я ещё не отведал твоей киски. Помни, я не буду торопиться.

О мой бог!

Я откинулась на спину и развела ноги шире.

— Я помню.

Тяжело дыша, вымолвила я, когда его язык нашёл мои разбухшие нижние губы и впился в мое влажное лоно. Я схватилась за мягкие простыни, а он всосал в себя мой клитор. Комната вокруг нас померкла, не существовало больше ничего, кроме его действий. Каждое его прикосновение к моему ставшему гиперчувствительным комочку нервов толкало меня всё выше и выше. Я была в тёмном тоннеле, в вакууме, и только Трэвису было под силу вызволить меня оттуда, навстречу свету, на вершину моей, так называемой, горы. Я была уже так близко.

— Чёрт, Трэвис... О боже!

Я утратила способность изъясняться законченными фразами, мои бёдра дёрнулись навстречу его крепкой хватке. Он продолжал сосать, а мои ноги окаменели

и сжались вокруг его головы. Я больше не могла контролировать ни своё тело, ни свои слова. Они слетали с моих губ, но я не могла воспринимать их, только слышала, как умоляла его. Я-то умоляла его остановиться, то умоляла не останавливаться, никогда. Это продолжалось до тех пор, пока силы не покинули меня, и я вернулась обратно на землю. Комната вновь приняла чёткие очертания. Тогда я увидела нависающего надо мной Трэвиса, который смотрел мнепрямо в глаза.

— Ты чертовски невероятная, когда всё по-настоящему. Просто охренительная. Я хочу увидетьэто снова.

Снова? Чёрт, не думаю, что смогу повторить это.

Но прежде чем мне удалось озвучить какие-нибудь слова, он оказался на мне, раздвигая мои ноги и лаская мой вход своим членом. С моих губ сорвался вскрик, когда он подразнил мой клитор и вошёл в меня только головкой своего массивного ствола.

— Пожалуйста... — снова стала умолять я.

— Пожалуйста, что? Мне нравится слышать твой голос, твои слова.

— Пожалуйста, трахни меня. Я хочу почувствовать твой член внутри себя.

Я ахнула, когда он сделал так, как я попросила. Мои руки сжали его плечи, когда Трэвис глубоко вошёл в меня. Я изо всех сил цеплялась за него, за мужчину, который прошёл со мной через всё. Он всё сильнее и сильнее вонзался в меня, касаясь той самой точки, которая толкала меня обратно на вершину горы. Чёрт! Он касался меня везде. Я даже не могла вспомнить, когда чувствовала себя настолько наполненной. Чудесный мужской мускусный запах наполнял комнату, а Трэвис вжимал меня в матрас кровати, всё сильнее и сильнее. Я уже начала думать, что больше не выдержу.

— Охренеть как хорошо!

Прорывал он, когда наши тела задвигались в едином ритме: туда-сюда, туда-сюда. С каждым толчком он задевал мой клитор, наполнял меня до предела. Я, поднимаясь всё выше и выше, обхватила его ногами. Он схватил меня за ягодицы и придвинул ближе. Вершина появилась из ниоткуда. Когда его пальцы впились в мою кожу, я перестала сдерживаться и закричала. Вспыхнули огни, моё тело задрожало в конвульсиях. Я была здесь, и меня здесь не было. Я потерялась во времени и пространстве, пока по моему телу прокатывались тёплые волны, одна за одной.

— О боже, чёрт! — воскликнул Трэвис и погрузился в меня последний раз, буквально разрывая меня на части.

Мы опустились в скомканные простыни, его член пульсировал внутри меня. Когда наше дыхание выровнялось, ухмыляясь, я позвала:

— Трэвис?

— Да? — Он потёрся о мой нос кончиком своего.

— Я передумала.

— Передумала? О чём ты?

Я подняла руку и провела ладонью по его щеке.

— Ты можешь прикасаться ко мне.

— Круто! — Он провёл ладонью вниз вдоль моего тела, нашёл мою руку и переплёл свои пальцы с моими. Подняв их к своим губам, он поцеловал каждый. — Я рад, что получил твоё разрешение, потому что после этого, думаю, я не смог бы остановиться.

— И не нужно. Не останавливайся, чёрт побери.

Глава 30

Восемь месяцев спустя

То и дело, когда я залезала в свою шкатулку с драгоценностями, мои пальцы касались старой бумажной салфетки, в которую были завернуты маленькие ампулы. Я понимала, что нет никакой причины их хранить — цитоксан уже почти весь выветрился. Тем не менее, тщательно завернутые в салфетку ампулы, что я взяла из Распределительного центра клиники Харрингтона вечность тому назад, остались. Мы с Трэвисом оба знали, где они лежат, как и знали, что не было никакой непосредственной угрозы или повода держать их там. Но, по какой-то причине, они всё-таки хранились в шкатулке.

Мы уже разговаривали о том, как избавиться от них. Ведь просто так выбросить их мы не могли. По моему лицу расползлась улыбка, когда я вспомнила, как Трэвис избавил меня от склада. Если бы вовремя сообразили, то оставили бы ампулы там, перед взрывом. Кресло Стюарта по-прежнему было там. Полиция быстро определила, что, взрыв произошёл из-за утечки газа. По счастью, район, где находился склад, был нежилым, и никто не пострадал. Когда склад объявили полной потерей имущества, я без труда смогла добиться того, чтобы это проклятое место сравняли с землёй.

Сидя за своим столом утром, я отбросила эти воспоминания и сконцентрировалась на настоящем. Мы все ещё жили в Майями. Трэвис захотел руководить «Спас энд Сьютс». И, по правде говоря, он отлично с этим справлялся.

— Миссис Дэниелс, ваша почта, — оповестила меня моя помощница и протянула пачку писем.

— Спасибо, Кристина. Ты видела Лизу?

— Да, мэм. Сейчас вызову её к вам.

Я просматривала письма, когда Кристина вышла, и в комнату вошёл Трэвис. Подняв глаза, я тут же забыла обо всём на свете, любуясь, как тесная футболка очерчивает мышцы на его груди и руках, скрываясь под поясом его традиционных чёрных брюк. Только на секунду стоило мне задуматься о том, что скрывалось под этими брюками — то, что совсем недавно было внутри меня, и когда я подняла глаза и встретилась с ним взглядом, его кривая ухмылка дала мне понять, что я попалась с поличным.

— Миссис Дэниелс, могу я вам чем-то помочь?

Я протянула руку, схватила его за пояс и посмотрела в его тёмные глаза.

— По-моему, ты уже сделал это недавно. Дважды, насколько мне помнится.

Трэвис покачал головой.

— Ты говорила со своей матерью?

Я закатила глаза.

— Да, она снова звонила. Я рада, что мама идёт на поправку, но я смогла бы обойтись и без ежедневных обновлений. Мне кажется, они мудро поступили, что заставили её вновь пройти курс реабилитации в качестве части условного освобождения. Я хочу сказать, хотя мы и знаем, что её силой заставили принять спиртное, но ведь это всё равно то же самое, если бы она сама начала всё с начала.

— Она по-прежнему остаётся занозой в заднице.

Я улыбнулась и, склонив голову набок, широко распахнула свои серые глаза.

— Большим, чем я?

— По большей части, — ответил Трэвис и, поцеловав меня в макушку, игриво отступил.

Я посмотрела на письма на столе и вспомнила о том, что недавно прочла.

— Что стряслось с «Харрингтон Спа энд Сьютс» в Лондоне?

— Ничего особенного, не волнуйся об этом.

Я поджала губы.

— Я совсем не против, что ты принял на себя руководство всеми делами. Ведь ты же работал бок о бок со Стюартом и разбираешься во всём этом куда больше, чем я. Но не смей держать меня в неизвестности о происходящем.

Трэвис сел напротив стола, его огромная фигура заполняла всё кресло.

— Я и не пытаюсь держать тебя в неизвестности. Ничего не случилось. Там проходил саммит каких-то больших шишек, им нужна была дополнительная охрана. Вот и всё.

Мы оба повернулись, когда в комнату вошла Лиза.

— Мистер Дэниелс. Миссис Дэниелс. Кристина сказала, что вы искали меня.

— Прекрати это, — сказал Трэвис, глядя на Лизу в упор.

Она сдержала улыбку, но её глаза заблестели.

— Знаешь, я так делаю, потому что знаю, как это сводит тебя с ума.

— Так и есть. Это, на хрен, раздражает меня! Меня, чёрт подери, зовут Трэвис. Так было на протяжении всех тех пятнадцати лет и никак не изменилось только из-за того, что я трахаю...

Лиза подняла руки.

— Достаточно. Слишком много информации.

— Тогда называй меня Трэвисом, а я не буду детально описывать тебе то, что произошло этим утром... — Он подмигнул мне. — ... или прошлой ночью, или...

— Трэвис, Трэвис, ради бога, — капитулируя, взмолилась Лиза.

Я покачала головой, счастливая от того, что мы сделали всё именно так, как нам того хотелось.

— Ну что, вы двое закончили?

Лиза повернулась ко мне.

— Да, мэм, просто ваш муж, честное слово, может быть такой...

— ...болью в заднице, Лиза. Да, мне прекрасно об этом известно.

Прежде чем Трэвис успел что-нибудь сказать, я обратила на него взгляд своих серых глаз. Их дружба с Лизой насчитывала уже многие годы. Но я не могла допустить того, чтобы он прокомментировал, насколько мне иногда нравится то, что он «боль в заднице».

Пристально глядя на него, я произнесла:

— Заткнись.

Он театрально сжал губы и поднял бровь.

Я вновь повернулась к Лизе.

— Я хотела ещё раз напомнить тебе, что сегодня на ланч к нам придут ШейлаКин и Мойра Крейвен.

— Я помню, мэ. Всё будет в лучшем виде.

— Спасибо, Лиза.

Когда она вышла из комнаты, Трэвис откинулся на спинку кресла и сказал:

— О, я и забыл. Сегодня же день ежемесячного ланча вашего клуба вдовушек.

Я кивнула.

— Хотя сейчас это звучит как-то странно, потому что я повторно вышла замуж, а Мойра с кем-то встречается.

— Правда? — Трэвис поднял бровь. — Интересно, у него крошечный член?

Я пожала плечами.

— Я рада, что не знаю этого.

— Прости, Вик, я не хотел...

Я отмахнулась.

— Нет, просто я действительно рада, что не знаю этого. И Шейла тоже приходит в себя. Думаю, она уже пережила самое тяжёлое для себя время. Жене не просто смириться с самоубийством мужа.

Трэвис понимающе кивнул головой.

— После всего этого дерьма в «Крейвен и Ноулз», которое всплыло наружу, когда Центр по контролю заболеваний начал расследование и привлёк федеральных агентов. Конечно же сияющая чистотой репутация сенатора Кина тут же неплохо замаралась. Дуранте не могли сработать лучше.

— Наверное, мне стоило бы чувствовать себя виноватой за Роберта, как я чувствовала свою вину за Паркера. Ведь чем больше Роберт мне угрожал... — я вздохнула, — что ж, по крайней мере, теперь я знаю, что имел в виду Карлайл, когда говорил, что всегда готов помочь мне.

— Передозировка инсулином — это гениально, — заметил Трэвис.

Я кивнула.

— Да, хотя официально это объявили несчастным случаем, так что Шейле удалось получить все полагающиеся страховые выплаты. Но она уверена, что он сделал это умышленно. Он, вроде как, уже давно страдал диабетом, и она никак не может поверить, что он внезапно перепутал дозировку. — Я покачала головой. — Шейла считает, что тот скандал слишком отрицательно сказался на нём. Поэтому она с такой охотой погрузилась в работу с Обществом Харрингтона. Им с Вэл удалось получить гранты для клиник по борьбе с раком в пяти регионах Соединённых Штатов. Они какое-то время были заняты получением разрешений. Надеюсь, строительство клиник скоро начнётся.

— Ты рассказывала мне об этом. Я знаю, как счастлива ты будешь от того, что доктору Конвей не придётся слишком часто уезжать за границу.

— Так и есть, — согласилась я. — Эй, она же теперь твоя свояченица. Может, начнёшь называть её Вэл или Вэлери, или ещё как-нибудь, кроме как доктор Конвей?

Трэвис скорчил гримасу.

— Мне нравится твоя сестра, честно слово. Куда больше, чем твоя мама.

Я захохотала.

— И, — продолжил он, — я уважаю её. Мне кажется, обращение «Вэл» умаляет все её заслуги.

Я пожала плечами.

— Как хочешь. Может, док?

— Мне нравится. Пусть будет док. — Трэвис поднялся. — Вообще-то, я зашёл, чтобы сказать тебе, что ухожу. У меня несколько встреч с инвесторами. Я пообещал Карлайлу и Никколо, что мы продолжим наше сотрудничество, но мне необходимо проработать ещё кое-какие связи для них. — Он наклонился и поцеловал меня.

— Законные связи. Они вообще по большей части не нарушают законов, я даже представить этого не могла. А проституция и прочее дерьмо — это всё в руках Дуранте.

— Знаешь что? Альбини — чертовски умны. Мне кажется, я научился у них немало, как и у мистера Харрингтона.

Мне хотелось сказать ему, чтобы он говорил: «Стюарт» вместо «мистер Харрингтон», но это имя было бесконечной битвой.

— Увидимся вечером.

Он поцеловал меня на прощание.

— Повеселись за ланчем.

Мои мысли по-прежнему были заняты нашей утренней разминкой, когда я посмотрела на письма от нашей новой юридической конторы. Чтобы изменить всё, что было связано с «Крейвен и Ноулз», потребовалась чёртова вечность. Расследование продолжалось, и каждый документ читали под микроскопом. Я открыла письмо, что было адресовано мне.

"Уважаемая миссис Виктория Дэниелс,

прошу Вас ознакомиться с приложенной к письму, заверенной копией завещания вашего покойного мужа, Стюарта Харрингтона. С удовольствием сообщаю вам, что оно точно такое, как Вы и предполагали. Наибольшая доля наследства мистера Харрингтона завещана Вам. Ещё одним лицом, отдельно упомянутом в завещании кроме Вас, является ТрэвисДэниелс, единственный живущий кровный родственник мистера Харрингтона. Ему причитаются отдельно десять процентов от наличного капитала. Но это не включает в себя капиталовложения и инвестиции в бизнес.

Раз Вы и мистер Дэниелс решили не заключать брачный договор, то, как я уверен, Вы понимаете, что разделение капитала не является существенным.

Если наша контора сможет ещё каким-то образом помочь Вам или мистеру Дэниелсу, прошу Вас безотлагательно связаться с нами.

С уважением,

Поставлено в копию: ТрэвисДэниелс.

Я потянулась к адресованному Трэвису конверту. Он, казалось, ничем не отличался от моего. Наверняка, к его письму прилагалась точно такая же копия. Меня не шокировал тот факт, что Стюарт оставил Трэвису деньги — эти двое были явно близки. Но что меня действительно ошарашило, удивило и совершенно сразило на повал, так это то, что они были родственниками. Как? Чёртов кузен? Трэвису было тридцать девять. Стюарту было пятьдесят, когда он умер. Трэвис не мог приходиться ему сыном. Кроме того, они отличались внешностью. Стюарт был блондином с голубыми глазами, Трэвис же был шатеном с тёмно-карими. Но тут я подумала о Вэл, о её светло-русых волосах и моих — длинных и тёмных. Теперь, зная правду, я понимала, что цвет моих волос и кожи достался мне от моего отца. Мы выглядели по-разному, потому что у нас были разные отцы. Фамилия Трэвиса была Дэниелс, Стюарта — Харрингтон.

Единственное, что Трэвис рассказывал мне о своей матери, так это то, что она была втянута в ад под руководством Дуранте с двенадцатилетним сыном на руках, и именно перед ней Трэвис заглаживал вину, когда помогал обличить их сделки. Ещё я

знала, что она скончалась. Я была уверена, что матерью Стюарта была другая женщина. Он рос в роскоши благодаря обоим родителям.

Чем больше мой разум пытался найти ответы, тем больше возникало вопросов. Почему ни один из них ничего мне не сказал? Как так получилось, что Трэвис вошёл в мою жизнь одновременно со Стюартом, но я ничего не знала об их родственной связи? Почему Трэвис не сказал мне?

В животе начала подниматься тошнота. Трэвис никогда не упоминал своего отца. Когда я спросила его, он ответил, что ничего о нём не знает. Я больше не стала давить на него. Но теперь я мучилась вопросом, могли ли Трэвис и Стюарт быть сыновьями одного отца? Мог ли отец Стюарта быть одним из друзей Дуранте? От всего этого меня чуть не вывернуло наизнанку. Я не хотела представлять себе мать Трэвиса с друзьями. Мой лоб покрылся испариной.

Трэвис говорил мне, что он далёк от порядочности, но в то же время твердил, что всегда был и будет честным со мной. Я спросила его, можно ли мне доверять ему, на что он ответил, что не знает. И что, на хрен, это должно было означать? Если у них со Стюартом был один и тот же отец, существовала ли возможность того, что я не что иное, как способ забрать себе деньги и могущество Стюарта? Что, если Трэвис всё спланировал?

Мне не хотелось так думать. Я не могла. У меня наконец-то началась нормальная жизнь, настолько нормальная, насколько это возможно. Ведь я была убийцей, и, как бы не была болезненна правда, мы с Трэвисом оба это знали. Хотя ему было неизвестно, что это я убила Стюарта, но зато он знал про остальных. Я попыталась не думать в этом направлении... Я отказывалась думать об этом...

Открыв конверт Трэвиса, я вытащила письмо, вложила обратно завещание Стюарта, а конверт положила на угол своего стола. Наблюдая за тем, как шредер уничтожает оба письма, я говорила себе, что у меня будет долгая счастливая жизнь. Я заслужила её, мать вашу. Я заработала её и совершенно не собираюсь потерять. А карма может поцеловать меня а задницу.

ЭПИЛОГ

Будущее

Прислонившись спиной к стене, под тёплыми струями воды, я наблюдала из-под полуопущенных век, как Трэвис намыливает свою грудь. Когда его большая мыльная ладонь двинулась ниже, покрывая пеной дорожку тёмных волос, ведущих к его невероятных размеров возбуждённому члену, я могла думать лишь об одном — чтобы

он оказался внутри меня. Наши глаза встретились, и я увидела тот знакомый мрачный взгляд с прищуром, от которого всё внутри меня сжималось.

— Миссис Дэниелс, вы чего-то хотите?

— Чёрт, да, — простонала я и обхватила рукой его член. Мои пальцы не соединялись вокруг его плоти, но, несмотря на это, я начала двигать ладонью вверх-вниз, создавая ритм, а другую руку протянула к его тяжёлым яйцам и начала перекачивать их между пальцами.

— Чёрт! Викки, ты убиваешь меня.

— После того, что ты сделал для меня сегодня утром, сейчас наступил мой черёд, — с ухмылкой ответила я и опустилась на колени.

Склонив голову набок, я позволила струям воды смыть пену с его твёрдого, словно камень, пениса, а затем, не убирая руки, взяла его в рот. Мой язык выписывал круги на его головке, и я почувствовала солоноватый привкус. Двигая головой вверх-вниз, я слушала его дыхание. Когда оно участилось, я выпустила член из рта и облизала его по всей длине. Когда мой язык задержался на пульсирующей вене, его яички сжались, а рука стиснула в кулаке мои волосы. С хриплым стоном Трэвис засадил свой член глубже мне в горло. Когда его стволзапульсировал, он взял меня за подбородок.

— Бросай это, Вик, я хочу кончить в твою киску. Поднимайся.

Когда я встала, он развернул меня спиной к себе.

— Я буду трахать тебя сзади, детка. Держись крепче.

Я была уже влажной от нашего предыдущего раунда, теперь же влага так и сочилась из меня. Держась за стену, я расставила ноги пошире и приподняла попу. Одним жёстким толчком Трэвис заполнил меня, растягивая до предела моё лоно.

— О боже, как хорошо! — простонала я, отчаянно стараясь держаться за скользкую поверхность пальцами. Трэвис входил в меня снова и снова, всё глубже и глубже, до тех пор, пока я не начала выкрикивать его имя. — Трэвис, о боже!

— Вот так. Мы кончим вместе.

Я кивнула, и он коснулся моего разбухшего клитора.

— О, чёрт!

Напряжение внутри меня продолжало нарастать. Каждый его толчок в меня был ещё жёстче, чем предыдущий, и я поняла, что он тоже уже на пределе.

— Разверни меня, — взмолилась я от желания прикоснуться к нему.

Трэвис вышел из меня, повернул лицом к себе и поднял выше. Мои ноги обвились вокруг него, а его член вновь пронзил моё лоно. Я держалась за его плечи, а он поддерживал меня под попу. Ещё несколько толчков, и я выкрикнула:

— Трэвис, я сейчас кончу.

— Погоди, детка. — И он, протиснув руку между нами, снова начал ласкать мой клитор, его бёдра двигались в одном ритме с моими. Наши тела звонко шлёпались друг о друга, дыхание сбилось.

— Сейчас! Давай, чёрт побери! — зарычал он мне в ухо, и моё тело разорвало на миллионы кусочков.

Моё обмякшее тело упало на него. Держа меня под струями воды, Трэвис поцеловал мою шею, его член по-прежнему был внутри меня.

Когда мир вокруг меня снова ожил, я подняла глаза под падающей на нас водой.

— Это я должна была поблагодарить тебя за то, что ты сделал до этого.

Трэвис сверкнул своей кривой ухмылкой.

— Ты и поблагодарила меня, милая.

Он опустил меня, и я посмотрела вниз, себе под ноги, где скопилась вода. Мои ноги были словно из желе, а тело приятно ныло.

— Какие у тебя планы на сегодня? — спросила я.

— Я к вашим услугам, миссис Дэниелс.

Поцеловав его в щёку, я снова взглянула вниз. Не удивительно, что вода плохо спускалась - слив был забит волосами.

КОНЕЦ

БЛАГОДАРНОСТИ

Дорогие Читатели,

спасибо вам, что прочли «Коварную». Я надеюсь, что этот триллер понравился вам, и вы будете вспоминать все сюжетные повороты, когда сегодня вечером ваша голова коснётся подушки. Если так и будет, то я достигла своей цели.

Несмотря на то, что мы простились с Викторией, Трэвисом и остальными героями «Коварной», вам предстоит встретить новых персонажей и прочитать новые книги, которые составят серию «Истории порока», куда будут включены одиночные эротические триллеры. Если вам понравилась история Виктории, следите за новостями Алеаты Ромиг, чтобы узнать о новых книгах серии. В каждой из них будут свои отдельные герои, свои захватывающие сюжеты, не связанные друг с другом.

Если вы впервые прочитали мою книгу, прошу вас обратить внимание на другую мою серию — «Последствия», в которую вошли четыре книги и в дополнение к которой в скором будущем выйдет новелла. «Последствия» тоже являются серией триллеров. И хотя там нет эротики, но есть отношения, что связывают книги в серию, книги привлекут поклонников жанра мрачных любовных романов.

Ещё раз спасибо вам за прочтение истории Виктории и за то, что стали её частью. Расскажите о ней своим друзьям и оставьте ваш отзыв — это самое лучшее, что вы можете сделать для автора, чьи работы пришлись вам по душе.

Искренне ваша,

Алеата.